

ЦРУ

ПРОТИВ

«КЛАССОВАЯ НЕНАВИСТЬ
БУРЖУАЗИИ НАХОДИТ
СВОЕ ВЫРАЖЕНИЕ
ЧЕРЕЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ЦЕНТРАЛЬНОГО
РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО
УПРАВЛЕНИЯ».

СССР

Н.Н.Яковлев

«ЦРУ ЗАЩИЩАЕТ
И ПЫТАЕТСЯ
РАСПРОСТРАНИТЬ
НА ВЕСЬ МИР
ПРИНЦИП,
ПОЛОЖЕННЫЙ
В ОСНОВУ
АМЕРИКАНСКОЙ
ГОСУДАРСТВЕН-
НОСТИ –
ЭКСПЛУАТАЦИЯ
ЧЕЛОВЕКА
ЧЕЛОВЕКОМ».

Николай Николаевич Яковлев

ЦРУ против СССР

OCR Busya

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=160562

Н.Н. Яковлев «ЦРУ против СССР»: Правда; Москва; 1983

Аннотация

Книга известного советского историка профессора Н.Н.Яковлева состоит из двух частей. В первой рассказывается о подрывной работе ЦРУ против Советского Союза.

Вторая часть посвящена деятельности органов американского сыска - военной контрразведки, ФБР, АНБ и других, а также работе ЦРУ внутри США.

Книга насыщена фактами, мало известными широкому кругу читателей, в ее создании впервые использованы документы, показывающие историю ЦРУ с момента его основания в 1947 году.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА	6
ЦРУ ПРОТИВ СССР	10
Необходимое пояснение	10
Война после войны	28
1	28
2	30
3	41
4	55
5	60
6	73
7	100
8	107
9	110
10	115
От УСС к ЦРУ	116
1	116
2	119
3	131
4	136
5	155
6	165
7	177
8	188

9	213
«Клуб господ» и наука	218
1	218
2	229
3	239
4	253
ЦРУ: на полях сражений «психологической войны»	271
1	271
2	288
3	298
4	314
5	325
6	334
7	344
8	362
9	369
10	388
11	399
12	412
13	427
14	462
Подведем итоги: старое в новом	476
ПОД ЖЕЛЕЗНОЙ ПЯТОЙ	495
Этот жестокий, жестокий мир секретных служб	505

1	505
2	513
3	526
4	533
Служители железного закона беззакония	551
1	551
2	563
3	587
4	604
5	637
6	661
7	668
В борьбе с собственным народом	671
1	671
2	680
3	696
4	705
5	710

Николай Николаевич Яковлев ЦРУ против СССР

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Книга «ЦРУ против СССР» вызвала значительный интерес среди самых широких кругов читателей. В прогрессивной американской газете «Дейли Уорлд» в начале 1983 года появилась рецензия, названная «ЦРУ преследует двойную цель – против США и против СССР». Подчеркнуто рецензентом. «Книга Яковлева показывает, – писала газета, – что деятельность описанных им антисоветских элементов презрительна во всех отношениях и пагубна для интересов американского народа... Коротко говоря, психологическая и идеологическая война направлена также против народа США. Диссидентов импортируют в США как сардины в банках для внутреннего потребления. Их пропаганда в США, разумеется, не сможет поколебать Советский Союз. Но эти акции под эгидой ЦРУ направлены на то, чтобы ввести в заблуждение американцев... Прискорбно, что даже либерально настроенные люди, относящиеся критически к психологической, идеологической и подрывной работе ЦРУ, направлен-

ной против Советского Союза, не усматривают, что все это влечет за собой крайне пагубные последствия и для американского народа»¹.

Совершенно справедливое замечание, которое побудило дополнить это издание книги «ЦРУ против СССР» разбором деятельности ЦРУ и других американских карательных и сыскных ведомств внутри Соединенных Штатов. За основу второй части книги, где трактуются эти вопросы, взята работа «Под Железной Пятой», выпущенная издательством «Молодая гвардия» (1978 г.) под псевдонимом Николаев.

И еще одно замечание. В 1979 – 1980 годах в США двумя изданиями вышла книга «Россия и Соединенные Штаты. Американо-советские отношения с советской точки зрения»². Она была написана по просьбе издательства Чикагского университета профессорами Н. В. Сивачевым и Н. Н. Яковлевым с предисловием ректора МГУ Р. В. Хохлова. Н. В. Сивачев дал обзор предмета с конца XVIII века до начала второй мировой войны, главы с 1 сентября 1939 года по время выхода книги в свет – конец семидесятых – принадлежат Н. Н. Яковлеву.

На протяжении почти двух лет эта книга бесконечно рецензировалась во многих десятках американских журналов и газет. Известный в США проф. В. Вильямс, видимо, схва-

¹ «Daily World», January 6, 1983.

² Nikolai V. Sivachev and Nikolai N. Jakovlev. Russia and the United States. U. S. – Soviet Relations from the Soviet point of view. Chicago University Press, 1979, 1980.

тил ее суть, когда он написал в целом в положительной рецензии на книгу: авторы «подходят к проблеме прав человека так, что нельзя сомкнуть глаз до поздней ночи. Речь идет не о еде, жилище, одежде, голосовании и т. д., а о том, что указал процитированный в книге Джек Грин в связи с Американской революцией: „Каждому предоставлялось равное право становиться более неравным“. Тут нам наносится смертельный удар»³. Подчеркнуто рецензентом.

Контекст слов американского профессора Дж. Грина объяснен во вступлении во второй части нынешнего издания. В этом все дело. ЦРУ защищает и пытается распространить на весь мир принцип, положенный в основу американской государственности – эксплуатации человека человеком. Классовая ненависть буржуазии и находит свое выражение через ЦРУ.

Те, кто возглавляет это ведомство, отдают всю свою жизнь до конца служению «дела», их верность интересам американской правящей олигархии беспредельна. Две новейшие биографии «отца» ЦРУ генерала Донована проливают свет на менталитет тех, кто угрожает человечеству. Примерно за неделю до смерти Донована генеральный советник ЦРУ Л. Хьюстон в январе 1959 года привез его в штаб-квартиру ЦРУ почтить своим присутствием церемонию – в вестибюле ведомства вывесили портрет во весь рост Донована. При виде портрета, написал очевидец, угасавший старец «поднял

³ «In These Times», June 20 – 26, 1979.

голову, выпятил челюсть, выпрямился я стал по стойке смирно»⁴. Готов служить!

Он уже был давно не в своем уме, генерал Donovan. Так о чем же он мог думать на пороге встречи с вечностью? «Лежа в своей квартире в Нью-Йорке, он видел из окна мост Квинсборо, – припоминал Л. Хьюстон, – и в его помутневшем сознании представилось – через мост идут русские танки, намереваясь захватить Манхэттен»⁵. Умиравший бескровными губами звал к борьбе с «коммунизмом»...

Пусть образ этого «крестоносца» против коммунизма стоит перед мысленным взором читателя. Тогда обретет плоть и достоверность многое из того, что на первый взгляд выглядит сущим безумием в подрывной работе ЦРУ и Ко

⁴ A. Brown. The Last Hero. Wild Bill Donovan, N. Y. 1982, p. 833.

⁵ R. Dunlop. Donovan. America 's Master Spy, N. Y. 1982, p. 507.

ЦРУ ПРОТИВ СССР

Необходимое пояснение

Попытка объективного анализа современных западных спецслужб наталкивается на великие трудности. Исследователь и рассказчик продирается через дебри, зачастую становится в тупик, а иной раз буквально видит волчьи ямы. Трудности эти носят как концептуальный характер, так и связаны с поиском и отбором фактов. Хотя обозреваемый предмет, безусловно, существует самостоятельно, а порой имеет собственные движущие силы, работа спецслужб в конечном итоге не больше чем продолжение политики соответствующих правительств иными средствами. Во многих случаях, однако, работа эта такого характера, от которой официально и внешне убедительно отрещиваются те самые правительства. Уже по одной этой причине, не говоря о понятной секретности, ощущается нехватка фактов, каковые, как известно, воздух исследователя. Приходится буквально задыхаться. Больше того – дышать миазмами отравленной атмосферы, ибо, пожалуй, ни в одной сфере государственной деятельности Запада не прибегают так часто к дезинформации.

А вторгнуться в эту сферу настоятельно необходимо. Совершенно невозможно понять современный мир без учета

работы спецслужб, в данном случае ЦРУ США, которая затронула все человечество. Отнюдь не преувеличение.

В последние десятилетия деяния ЦРУ слишком хорошо известны во всем мире. Немало людей ныне с достаточными основаниями судят по ЦРУ о Соединенных Штатах. Репутация для этой страны сложилась, прямо скажем, неважная. Поэтому Вашингтон в последнее время определенно спохватился, принимает решительные меры по засекречиванию своей подрывной работы против других народов. А одновременно восхваляет ЦРУ.

...23 июня 1982 года у штаб-квартиры ЦРУ в Лэнгли царил праздничная атмосфера. «Сотни работников ЦРУ и другие собрались на поросшем травой холме, чтобы послушать президента Рейгана. Пока они ожидали, военный оркестр услаждал слух мелодиями военных песен. Сотрудники ЦРУ угощали пуншем корреспондентов». Рейган тем временем держал речь перед избранной аудиторией в зале в здании ЦРУ, вмещающем тысячу человек. О чем? Руководство ЦРУ отказалось сообщить.

Вслед за этим сияющий президент появился перед толпой – публично подписать новый закон о ЦРУ, принятый конгрессом. Свою речь он начал с веселой истории:

«Как-то возникла необходимость срочно связаться с агентом ЦРУ в Ирландии. Начальство в Вашингтоне приказало другому агенту:

– Немедленно выезжай в Ирландию. Имя того агента –

Мэрфи. Твой пароль: «Какой хороший день, но вечер будет еще лучше!»

Посланный приехал в Ирландию, нашел кабачок в указанном городишке, а там бар. Он уселся за стойкой, заказал выпивку и обратился к бармену:

– Как мне найти Мэрфи?

– Если вам нужен Мэрфи-фермер, то он живет в двух милях по дороге отсюда, в доме слева. Если вам нужен Мэрфи-сапожник, то он живет на втором этаже в доме напротив. Да, моя фамилия также Мэрфи.

Агент выпил и сказал:

– Какой хороший день, но вечер будет еще лучше!

– А, – воскликнул бармен, – так вам нужен Мэрфи-шпион!»

Президент сорвал порядочные аплодисменты. Переждал, насупился и с большой серьезностью сообщил: подобное не повторится. Он присовокупил: сотрудники ЦРУ все вместе – «герои мрачной борьбы в сумерках» и наговорил в их адрес немало лестных слов. А чтобы в дальнейшем, надо думать, персонально не распределялись лавры работникам ведомства, Рейган на их глазах подписал закон – до 10 лет тюрьмы и до 50 тысяч долларов штрафа тому, кто поименно назовет «героя» из ЦРУ, даже в том случае, подчеркнула «Вашингтон пост», «если эта информация почерпнута из опубликованного источника»⁶.

⁶ «The Washington Post», June 24, 1982.

Закон от 23 июня 1982 года лишь один из многих слов густой завесы, опущенной в последнее время правительством США над ЦРУ и его работой. Систематической дезинформации и частичных умолчаний о ЦРУ ныне признано недостаточно. Значит, есть что скрывать!

Классик американской подрывной работы и шпионажа (да, да, эта отрасль настолько разрослась, что обзавелась классиками) А. Даллес энергично закончил труд своей жизни «Искусство разведки». «Военную угрозу в ракетно-ядерный век хорошо понимают, и мы справедливо тратим миллиарды долларов, чтобы противостоять ей. Таким образом, мы должны относиться ко всем аспектам тайной войны... Самое последнее, на что мы можем пойти, – заковать в цепи нашу разведку. Ее функции защиты и информации необходимы в эру исключительной и постоянной опасности»⁷. В этом суждении много примечательного – как указание на стоимость разведки (не дешевле межконтинентальных ракет и термоядерных бомб), так и семантическая нагрузка сказанного.

Человек знающий, в прошлом главный офицер связи Пентагона с ЦРУ, Ф. Праути в редчайший момент истины в середине семидесятых годов на исходе Вьетнама и в преддверии Уотергейта заявил по поводу именно этих слов А. Даллеса: «Заключительное, итоговое положение книги старого хозяина – лучший пример того, как разведывательное сообщество считает нужным жить в ядерный век. Они хотят, что-

⁷ A. Dulles. The Craft of Intelligence, N. Y., 1963, p. 264.

бы мы располагали самой дорогой и разветвленной разведкой, имеющей возможности автоматически парировать все, что представляется им угрозой. Хотя Аллен Даллес не сказал этого в своей книге, его концепция разведки предусматривает: 10 процентов обычной разведки и 90 процентов тайной подрывной работы. Другими словами, мы должны, по мысли Даллеса, быть круглосуточно заняты по всему миру, противодействуя по „всем аспектам тайной войны“. Под этим он имеет в виду вмешательство во внутренние дела других стран независимо от того, знают или разрешают они это. Именно этим и занимались Соединенные Штаты во всевозрастающей степени, начиная от вмешательства в Берлине и Иране в сороковые годы. Кульминационной точкой этого образа действия была страшная катастрофа во Вьетнаме, где дело началось с крупной операции силами разведки, затем наступила стадия тайной подрывной работы, неизбежно перешедшая в открытую войну в эру Джонсона»⁸.

Почему Ф. Праути озарили светлые мысли – понятно. Он писал в 1973 году, когда в США с негодованием подбивали пассив войны во Вьетнаме. Приводились различные подсчеты, разобравшись с ними, Р. Зигфорд (в неопубликованной диссертации «Риторика войны во Вьетнаме: президенты Никсон и Джонсон», защищенной в университете Миннесоты в год выхода книги Ф. Праути) заключил: «Как бы

⁸ F. Prouty. The Secret Team. The CIA and its Allies in control of the United States and the World, Englewood Cliffs, 1973, pp. 66 – 67.

ни рознились оценки, прямая и косвенная стоимость войны во Вьетнаме для США в долларах и центах примерно 350 миллиардов долларов»⁹. Дорого! Конечно, как подобает в сверхпрагматических Соединенных Штатах, людские жизни, в первую очередь вьетнамцы, не в счет.

В 1978 году, когда шок прошел, бывший директор ЦРУ У. Колби спокойно разъяснил: в семидесятые годы расходы на подрывную работу ЦРУ «быстро уменьшались. ЦРУ урезало свои траты на политические и квазивоенные операции до такой степени, что затраты на подрывную работу, мертвым грузом давившие на бюджет ЦРУ, отнимавшие более 50 процентов его в пятидесятые и шестидесятые годы, упали менее чем до 5 процентов». Что, уменьшение расходов на эти цели? Вовсе нет. Затраты на подрывную работу просто стали проводить и по статьям других ведомств. Не кто другой, как сам У. Колби, указал, как ЦРУ дошло до жизни такой: «Расходы практически на все политические и квазивоенные операции... взял Пентагон», а как «финансировать, например, радиостанции „Свободная Европа“, „Свобода“, „Фонд Азии“, решают государственный департамент и конгресс»¹⁰. Сообщил все это У. Колби также в труде жизни «Люди чести. Моя жизнь в ЦРУ», пространных и дурно написанных

⁹ R. Sigford. *The Phetoric of the Vietnam War; Presidents Johnson and Nixon*. University of Minnesota. Ph. D. 1973. p. 193.

¹⁰ W. Co1by and P. Forbath. *Honorable Men. My Life in the CIA*. N. Y., 1978, pp. 300 – 301.

мемуарах.

Для заголовка он повторил изречение равного – предшественника в кресле директора ЦРУ Р. Хелмса, который в начале семидесятых годов публично заверил усомнившихся в добродетелях ведомства: «Вы должны доверять нам. Мы люди чести». Случилось так, что через очень короткое время Хелмса засекали на лжесвидетельстве перед законодательным органом – конгрессом, за что перед обычным американцем маячат штраф и тюрьма. Но деятели ЦРУ неподвластны законам заокеанской «демократии». Когда Хелмса все же вызвали в суд, он с адвокатом решительно высказался против осуждения, ибо «оно оставит шрам на всю жизнь». Суд внял просьбе, оштрафовав в ноябре 1977 года Хелмса на две тысячи долларов по удивительному поводу, – вместо состава преступления «лжесвидетельство» сочинив не предусмотренный уголовным кодексом проступок: нежелание дать «полные, исчерпывающие и точные показания» конгрессу.

Как ядовито заметил журнал «Нэйшн» 19 ноября 1977 года, в лице Хелмса власть защищала себя, ибо при желании на несостоявшемся «процессе бывший директор ЦРУ мог бы предъявить для юридической стирки громадный узел грязного белья. Среди прочего для всеобщего обозрения были бы выставлены запачканные до изумления рубашки Генри Киссинджера». Отпущенный из зала суда только с символическим по размерам содеянного штрафом, Хелмс, продол-

жает журнал, «разговорился с журналистами, и тот „шрам“ чудесным образом превратился в „знак чести“ и даже в „знамя“, присовокупил лукавый адвокат»¹¹. Для ЦРУ успешно отбить покушения, откуда бы они ни проистекали, разобратся в сути системы правления в США никак не меньше, чем дело чести. Для того, помимо прочего, оно и существует. Но мы отвлеклись.

Нет более глубокого заблуждения, чем представлять ЦРУ как только орган разведки и контрразведки. Какие бы поправки ни вносил Колби, верна пропорция, указанная Ф. Праути со ссылкой на авторитет А. Даллеса – разведка в прямом смысле, вероятно, составляет 10 процентов или немного больше забот ЦРУ. Если бы было иначе, тогда незачем было вообще создавать ЦРУ. У США, как мы увидим дальше, в достатке разведывательных органов – по грубым подсчетам, около десяти. Кеннан, политический мыслитель по призванию, дипломат, справедливо заметил в книге «Облако опасности. Нынешние реалии американской внешней политики» (1977): «Разведка как таковая была нормальной функцией государств задолго до возникновения Советского Союза или Соединенных Штатов, и чистейшая утопия надеяться на ее полное исчезновение. Но всему должны быть пределы». Какие? «Я сам был свидетелем, – пишет Кеннан, – того, как американские разведывательные власти раз за разом проводили или пытались проводить операции, которые

¹¹ «The Nation», November 19, 1977, p. 514.

не только прямо подрывали советско-американские дипломатические отношения, но сами возможности достичь лучшего взаимопонимания между двумя правительствами»¹². Сказанное только слабая тень того, что следует заявить о политике, проводящейся Вашингтоном руками ЦРУ.

Это, конечно, не только и не столько разведка. На ЦРУ возложена задача ведения так называемой «психологической войны», на нее и идет условно 90 процентов ресурсов исполинского ведомства. «Психологическая война» в служебных наставлениях американских спецслужб определяется так: «Координация и использование всех средств, включая моральные и физические (исключая военные операции регулярной армии, но используя их психологические результаты), при помощи которых уничтожается воля врага к победе, подрываются его политические и экономические возможности для этого; враг лишается поддержки, помощи и симпатий его союзников и нейтралов или предотвращается получение им такой поддержки, помощи или симпатий; создается, поддерживается или увеличивается воля к победе нашего собственного народа и его союзников; приобретается, поддерживается и увеличивается поддержка, помощь и симпатии нейтралов»¹³. Надо думать, определение классическое, отнюдь не потускневшее с годами.

¹² G. Kennan. *The Cloud of Danger. Current Realities of American Foreign Policy*. Boston, 1977, pp. 212, 210.

¹³ «War Report of the Office of Strategic Services». Washington 1949, p. 99.

Перечисленные методы «психологической войны» однозначны попыткам подорвать государственный строй государства, избранного его целью, и в конечном счете свергнуть его. Шпионаж – производное и подчиненное этой цели. Острые «психологической войны», которую ведет Вашингтон руками ЦРУ, направлено против Советского Союза. В этом смысл создания и существования ЦРУ – организации, не имеющей прецедента во всей истории организованного человеческого общества.

В широком плане ЦРУ – один из важнейших и, вероятно, самый острый инструмент правящей элиты США для переделки мира по американскому образцу, насаждения в нем порядков, угодных Вашингтону.

Независимо от тона и раскраски официальной риторики ораторов республики, лежащей за Атлантикой, господствующая американская политическая традиция – нетерпимость. Она восходит к тем временам, когда отцы-пилигримы, не ужившиеся в Старом Свете, уплыли за океан строить государство в соответствии со своими взглядами. Уже тогда сформировалось узколобое мировоззрение – либо «мы», либо «они». Вдумчивый наблюдатель в наши дни без труда определит: выступая на словах за политический плюрализм, государственные деятели США не терпят его на практике, почитая единственно возможной и превосходной во всех отношениях только форму правления, существующую в Соединенных Штатах. Отсюда по причинам, коренящим-

ся в этой наиглавнейшей американской политической традиции, неизбежен перманентный конфликт Соединенных Штатов со всем миром. Функциональная роль ЦРУ – сделать все, чтобы разрешить этот конфликт в пользу США.

Нетерпимость во всем – как вне пределов земли великолепной «демократии», так и внутри ее. Поистине нравы сектантов. Что исходит от Белого дома, почитается мудростью в конечной инстанции. Незачем уходить далеко в прошлое, только недавние примеры. Президент Л. Джонсон положил критерием пригодности кандидатов на высшие государственные посты следующее: «Мне нужна не верность вообще. Мне нужна такая верность, когда целуют мой зад при полном освещении и восклицают – пахнет как роза»¹⁴. Хорошо, а как средства массовой информации, пресловутая пресса? Ведь пишут разное! Да, пишут, только высшая честь для американского журналиста – быть аккредитованным при дворе президента, а там, с отвращением заметил газетчик не из избранных, «боже мой, взгляните, как типы вроде Миарса (У. Миарс, представитель Ассошиэйтед Пресс) и Семпла (У. Семпл от „Нью-Йорк Таймс“) ползают на брюхе и целуют зад Рона Зиглера (представитель Белого дома по связи с прессой при Никсоне)»¹⁵. Иначе и быть не может, «психологическая война» обращена и внутрь страны в интересах утверждения

¹⁴ D. Halberstam. *The Best and the Brightest*. N. Y., 1973, p. 526.

¹⁵ H. Thompson. *Fear and Loathing: On the Campaign Trail 72*, N. Y., 1973, pp. 403 – 404.

крайнего конформизма.

Чемпионы конформизма, естественно, высшие должностные лица США. Они постоянно подают пример в этом отношении, буквально преклоняясь перед американскими органами политического сыска. Р. Рейган, например, познакомился со своей будущей супругой, актрисой Нэнси, при драматических обстоятельствах. В 1951 году, рассказала «Вашингтон пост» осенью 1982 года, ее имя появилось «в списке левых», опубликованном газетой «Голливуд стизен ньюс». Она бросилась за защитой к Рейгану, тогда президенту профсоюза актеров кино. Он уже считался знатоком проблемы – вместе с инквизиторами из комитета конгресса изгонял «коммунистов» с работы в Голливуде. «Годы спустя, – эпически повествует „Вашингтон пост“, – Нэнси Рейган призналась, что ее желание лично встретиться с Рейганом перевесило страх быть ложно обвиненной в том, что она коммунистка».

Рейган, проверив прошлое Нэнси, заверил ее в полной благонадежности. А в 1952 году они сочетались браком, благонамеренные актеры...¹⁶

Дж. Форд в мемуарах повествовал с нескрываемой гордостью, что перед назначением вице-президентом в 1973 году он «подвергся самой тщательной проверке» со стороны органов политического сыска. Только ФБР отрядило для этого 350 агентов! Дж. Форд усматривает в этом великую пользу

¹⁶ «The Washington Post», September 12, 1982.

для США. В общем, превозносить ЦРУ, ФБР и К^о для высших в США чуть ли не гражданская доблесть¹⁷.

Но известно, что в США писали и пишут о ЦРУ и даже «расследовали» вместе с другими органами политического сыска деятельность ведомства. Посмотрим!

Эмоциональную волну негодования, взметнувшуюся было в середине семидесятых годов в США в результате «расследований» спецслужб, к нашим дням почти целиком поглотили разветвленные каналы американской государственности. Теперь, когда даже пена той волны скрылась в бездонных клоаках «демократии», можно без труда обозреть твердые остатки, вынесенные ею на поверхность из административных трущоб ЦРУ, ФБР и КО. Сразу впечатляет феномен – «расследователи» накладывали руку не на то, что хотели или что хотя бы плохо лежит, а получили в основном только, те факты, которые считали возможным предать огласке государственное руководство и спецслужбы. Пестрые, иные устрашающего свойства, но неизменно пропущенные через сито придирчивой политической цензуры.

По поводу этой добычи и ломались копыя на беспримерном ристалище, устроенном не только американскими, но и западными средствами массовой информации. Отныне американцы в дозволенных рамках знают и достаточно возмутились ставшими общим достоянием тщательно отобранными сведениями о функционировании карательной системы

¹⁷ G. Ford. A Time to Heal, N. Y., 1980, p. 106.

в США, американской разведки, опытах над людьми с целью поставить под контроль их поведение. Были произнесены надлежащие страшные слова в осуждение недостойной практики, но все же в чем коренная цель всей этой кампании в конечном счете в predeterminedных свыше рамках? Не будет преувеличением сказать, что достаточно подробный обзор (со зловещими недомолвками), скажем, об усилиях поставить под контроль разум, и есть существенная часть работы по установлению этого контроля в самых широких масштабах. По крайней мере, инакомыслящие в США сим предупреждены, что их ждет. Не будет преувеличением сказать: задача всего этого спектакля – запугать мир, показав, кто караулит классовое господство капитала. Особенно вне границ заокеанской «демократии».

Американский журнал, избравший своим названием «Прогрессив», а посему высказывающий приличествующие заголовку суждения, заметил по поводу «расследований» на Капитолийском холме: «Отчеты о них подверглись жестокой цензуре. Сенатский комитет был довольно откровенен в отношении нарушений законов и эксцессов ФБР, но почти льстил в некоторых своих оценках ЦРУ... „Самое хорошее в этом деле, что оно позади, – возгласил сенатор от штата Теннесси Х. Бейкер по поводу пятнадцатимесячного расследования, когда наступил великий момент его завершения. – Мы закончили и мы провели расследование, не нанеся никакого ущерба, никакого урона соответствующим ведомствам“

¹⁸. Какой тут урон, скорее реклама! И очень устрашающего свойства, в первую голову для самих американцев, отлично знающих, что поджидает слушников «закона и порядка».

А простак, которые, вдохновившись было «расследованиями», попытались защитить погрязшие законы и свои права? Бесчинства ФБР на рубеже шестидесятых и семидесятых годов вынудили прокуратуру возбудить дело против тогдашнего директора ФБР П. Грея и двух высоких чинов ведомства: М. Фелта и Э. Миллера. В конце 1980 года Грей был отпущен восвояси за «отсутствием улик». Двое других все же предстали перед судом – выяснилось, что они давали указания агентам ФБР проникать со взломом в жилища американцев и санкционировали немало иных противозаконных мер. Хотя за такие деяния предусмотрены длительные сроки тюремного заключения, суд ограничился весьма умеренным штрафом – 8500 долларов на двоих.

Президент Рейган нашел это нетерпимым. В апреле 1981 года он простил осужденных, заявив: они-де «не имели преступных намерений!». Прокурор, поддержавший обвинение в суде, огорчился: «Мы именно это и доказали во время двухмесячного процесса... Теперь правительство прощает себя за нарушение гражданских прав» ¹⁹. В общем, в США, когда речь идет о преступлениях органов политического

¹⁸ The Intelligence Investigations: Congress Cops Out, «The Progressive», July 1976, pp. 16 – 17.

¹⁹ «Newsweek», April 27, 1981, p. 46.

сыска, законности нет и быть не может.

В чем убедился наивный владелец фотостудии в городе Фэрфакс. Из материалов «расследований» в 1975 году он узнал, что агенты ЦРУ вместе с полицией в 1971 году проникли со взломом в его студию. Оценив ущерб в 12 миллионов долларов, владелец подал в суд. В 1977 году суд отверг его иск. Но в распрекрасной демократии на счету каждый цент, посему городские власти Фэрфакса потребовали возместить их судебные издержки, когда они отбивались от страстного законолюбца, обвинявшего вместе с ЦРУ и полицию. В сентябре 1982 года конгресс возместил убытки городу, ассигновав 41 тысячу долларов. Ведомственная законность восторжествовала, а обиженный истец навсегда остался с носом!²⁰

На этом фоне смехотворными выглядят стенания бывшего президента США Р. Никсона, который писал в 1980 году в своей книге «Настоящая война»: «По пятам за сенсационными расследованиями конгресса мы вырвали клыки и деморализовали ЦРУ». Разогнался еще на двухстах с лишним страницах книги и добавил: «Мы кастрировали ЦРУ и другие разведывательные ведомства»²¹.

То, что просто пожелание на кончике пера экс-президента, выливается в действия президента у власти – Р. Рейгана. Уже при первых вестях из Белого дома о том, что он на-

²⁰ «The Washington Post», September 14, 1982.

²¹ R. Nixon. The Real War, N. Y., 1980, p. 40, 264.

меревается укрепить ЦРУ, газетчики смекнули: расширятся, помимо прочего, функции «бюрократии», которую кляли республиканцы, домогаясь власти на президентских выборах 1980 года. На обеде с редакторами газет 17 октября 1981 года Рейгана спросили в лоб – как это согласуется с обещаниями «снять бремя правительства с плеч народа». Он поморщился: «Не видите, я кушаю», – и поручил кушавшему рядом помощнику Э. Мизу ответить.

Миз сначала вытер, а затем открыл рот: «Давайте-ка поговорим о ЦРУ, это легче всего». Скороговоркой объяснил, что никто не собирается «расширять» функции ЦРУ. «Все это абсолютная ложь, пропаганда, которой занимаются некоторые чиновники на Капитолийском холме, в свое время обслуживавшие тот позорный комитет Фрэнка Черча в сенате по вопросам разведки. Именно он несколько лет назад нанес такой ущерб нашим разведывательным органам».

Корреспондент «Вашингтон пост», присутствовавший на этом обеде, съязвил в своей газете: «Похоже на то, что немало людей в нашем стольном граде не умеют читать». Засим он процитировал слова из романа-антиутопии Дж. Оруэлла «Год 1984», рисующего грядущее государство абсолютного подавления: «Кто контролирует прошлое, – гласил партийный лозунг, – контролирует будущее, а кто контролирует настоящее, тот всевластен над прошлым... Все просто. Единственное, что необходимо, – бесконечная цепь побед

над собственной памятью»²².

Журналист, надо думать, полагает, что это страшное время уже приходит в США раньше срока, обозначенного в заголовке футурологической сатиры Оруэлла. ЦРУ сделало немало для того, чтобы исполнились самые мрачные пророчества.

* * *

Подрывная работа ЦРУ, как видим, в возрастающей степени засекречивается. Усилия администрации Рейгана похожи, однако, на поведение страуса, прячущего голову в песок. Но дела-то не скрыть, ибо слишком памятна история ЦРУ.

В наше время, по всей вероятности, не откладывая в сторону других средств, ЦРУ в отношении СССР и других социалистических стран употребляет особые усилия в области идеологии. Выбор в пользу сосредоточения внимания на этом аспекте «психологической войны» был сделан по ряду причин, частично не зависящих от воли руководства ведомства. Почему? Небесполезно разобраться.

Попытаемся осветить именно этот аспект деятельности ЦРУ. Полностью вычленив его из общей картины подрывной работы западных спецслужб совершенно невозможно, поэтому неизбежно затрагиваются и другие вопросы.

²² «The Washington Post», November 13, 1981.

Война после войны

1

Эпохальный и сурово величественный был год 1947-й в истории нашей Отчизны. В тот год были залечены первые раны, оставленные войной на теле Родины, – по осени уровень промышленного производства достиг довоенного. За сухими и точными строчками ЦСУ крылся гигантский труд народа по восстановлению сметенного и разрушенного войной на западе традиционной территории России, где и разыгрались исполинские сражения Великой Отечественной.

На пепелищах городов и сел, заводов и фабрик возрождалась мирная жизнь, которую строили вчерашние солдаты. Рабочими спецовками стали шинели, ватники, гимнастерки, списанные как б/у рачительными старшинами. Их, пропитанные порохом и хранившие пыль Европы, донашивала армия строителей-созидателей. Жить было трудно, проблемы, стоявшие перед страной, были гигантскими. Иного не было дано, собственными и только собственными силами прочно поставить на ноги государство, чтобы уверенно смотреть в будущее. Быстрее вернуть нормальную жизнь народу-герою, вынесшему на своих плечах тяжелейшую войну в истории.

Советские люди заслужили, завоевали право на резкий

подъем жизненного уровня, наконец, отдых после сокрушительных тягот войны. Хотя делалось все возможное, работы оставался край непочатый. Дело было не только в наследии войны, напоминавшей о себе на каждом шагу. Ресурсы страны и после победы отвлекали военные, теперь именовавшиеся оборонными, нужды. Они властно напоминали о себе, когда еще не смолкли орудия Красной Армии. Вспышки ярче миллиона солнц – атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки – сурово предостерегли все человечество, на что способен вооруженный по последнему слову науки империализм. Пришлось уже на рубеже войны и мира изыскивать и бросать громадные средства на создание новых дорогостоящих систем вооружения, в первую очередь атомного. А на счету был каждый рубль! Это не могло не затронуть жизнь всех советских людей, неизбежно сказывалось во всем и на всех.

В 1947 году генерал-полковник Е. И. Смирнов, возглавлявший медицинскую службу Вооруженных Сил в войну, как и многие, сменил военный мундир на штатский костюм. Ему, великолепному организатору гигантского дела в годы вооруженной борьбы, теперь был доверен пост министра здравоохранения СССР. Он принес в министерство свой богатый опыт – ни одна армия в мире не имела столь высокого процента бойцов, возвращавшихся в строй по излечении от ран, страна не знала в самое суровое время инфекционных заболеваний. Представитель гуманной профессии,

Е. И. Смирнов со свойственной ему энергией взялся за постановку послевоенного здравоохранения. Он объезжал разоренные области и был потрясен. В Донбассе, в Макеевке, в больнице не могли предложить больным иной посуды, кроме консервных банок. Эти самые банки с загнутыми краями в руках больных были перед мысленным взором министра, когда он докладывал о первоочередных нуждах здравоохранения правительству. Нужны деньги. Их отпускали, но далеко не в нужных размерах. Министр бушевал, доказывал очевидное, но без большого успеха. И. В. Сталин, признав его заботу, безусловно, законной, указал: Смирнову, по должности знавшему о разработке атомного оружия, не подобало не понимать, куда идут средства.

Удовлетворение многих и очень многих кричащих нужд откладывалось. Но другого выхода не было. Над советским народом, спасшим цивилизацию и себя, снова нависла смертельная угроза.

2

Тогда в мире была единственная страна, располагавшая избыточными ресурсами, – Соединенные Штаты. Они не пострадали, а, напротив, расцвели в те годы, когда на полях сражений решались судьбы человечества. Мы находились в войне в одном строю, однако наш и американский вклады в нее оказались различными. На американской земле не

разорвалось ни одного снаряда, ни один дом не был разрушен. Мы потеряли 20 миллионов бесконечно дорогих жизней, американцы – 400 тысяч человек. На каждых 50 погибших советских людей приходился один американец. В своих работах, относящихся к истории второй мировой войны, я неоднократно прибегал к этому сравнению. Некоторые заокеанские историки, отнюдь не разделяющие наших взглядов, тем не менее не могут не признать справедливости этого сопоставления, хотя, разумеется, с не очень большой охотой. Американский историк профессор Дж. Гэддис в книге «Россия, Советский Союз и Соединенные Штаты. Опыт интерпретации» (1978), сославшись на одну из моих работ, заметил: «Автор хотя и подчеркнуто, но точно указал – на каждого американца, убитого в войне, приходилось пятьдесят умерших русских»²³.

Совершенно различными оказались материальные потери. Война унесла треть нашего национального богатства. Вспомним: такую же долю национального богатства потеряла наша Родина в результате первой мировой войны и последовавшей за ней гражданской войны. В цифрах утраченное нами в 1941-1945 годах выглядит следующим образом. По тогдашнему курсу война обошлась СССР в 485 миллиардов долларов (учитывая стоимость разрушенного). Военные расходы США на вторую мировую войну – 330 миллиардов дол-

²³ J. Gaddis. Russia, the Soviet Union and the United States. An Interpretive history, N. Y., 1978, pp. 154 – 155.

ларов. США оказывали противникам держав «оси» помощь по ленд-лизу, истратив на это 43,6 миллиарда долларов. Поставки по ленд-лизу Советскому Союзу составили около 10 миллиардов долларов, или примерно 3,5 процента от общих военных расходов США в годы второй мировой войны. Вот эту цифру – 3,5 процента, точно отражающую вклад Соединенных Штатов в исполинские сражения на основном фронте борьбы против Германии и ее союзников, нужно всегда помнить, когда мы мысленно возвращаемся к боевому сотрудничеству наших стран в те годы.

В первые послевоенные годы Советский Союз посетило немало влиятельных или известных в своей стране американцев. Их тепло встречали, памятуя о недавнем военном сотрудничестве. Иных из них принимал или отвечал на их вопросы И. В. Сталин. Корреспонденту агентства Юнайтед Пресс Х. Бейли, спросившему, «заинтересована ли все еще Россия в получении займа у Соединенных Штатов», И. В. Сталин 29 октября 1946 года ответил: «Заинтересована».

Х. Бейли деловито осведомился: «Сколько времени потребуется для восстановления опустошенных районов Западной России?». Ответ: «Шесть-семь лет, если не больше»²⁴.

Сын президента Франклина Д. Рузвельта Э. Рузвельт 21 декабря 1946 года в интервью с И. В. Сталиным поставил вопрос по-иному: «Если между Соединенными Штатами и Со-

²⁴ «Известия», 1946, 29 октября.

ветским Союзом будет достигнуто соглашение о системе займов или кредитов, принесут ли такие соглашения длительные выгоды экономике Соединенных Штатов?», на что получил ответ: «Система таких кредитов, бесспорно, взаимно выгодна как Соединенным Штатам, так и Советскому Союзу»²⁵.

Логика уже не очень молодого, а следовательно, способного соображать отпрыска покойного президента была поразительна: что могут еще получить разбогатевшие Соединенные Штаты от израненного войной Советского Союза! Как будто мало того, что советские люди грудью прикрыли и Америку в минувшую войну!

А в то время действительно ожидалось, что США протянут руку союзнику военных лет в защите не только нашей Родины, но и дела Объединенных Наций. Все это осталось на стадии разговоров, ибо в высшем эшелоне власти в США были приняты противоположные решения. Спустя два десятилетия после описываемых событий Дж. Кеннан (тогда советник посольства США в Москве) написал в первом томе своих мемуаров, вышедшем в 1967 году:

«Тогдашние американские администрации, как Ф. Рузвельта, так и г-на Трумэна, впоследствии часто критиковали за то, что летом 1945 г. помощь по ленд-лизу России была резко прекращена, мы не предложили Советскому Союзу большего займа, а, по мнению некоторых, советским ли-

²⁵ «Известия», 1947, 24 января.

дерам дали понять, что они могли рассчитывать на него... Должен признать, что если правительство США заслуживает критики за жесткую линию во всех этих делах, то я заслуживаю куда большей критики за то, что занял еще более жесткую позицию раньше, чем правительство, за то, что подстрекал и вдохновлял жесткость Вашингтона... Вот показательный пример моих взглядов, которые я в то время излагал послу и государственному департаменту: «Нет никаких оснований, ни экономических, ни политических, для предоставления России дальнейшей помощи по ленд-лизу или для нашего согласия на то, чтобы Россия, не являющаяся государством, делающим взносы в ЮНРРА ²⁶, получила сколько-нибудь значительную помощь от ЮНРРА или для предоставления американского правительственного займа России без получения эквивалентных политических уступок»... Я не нахожу решительно никаких причин для раскаяния в содеянном».

Откуда такая ярость в отношении союзника Соединенных Штатов? Что, Кеннан не представлял нашей страны и нашего народа, он, отдавший всю жизнь изучению нас и считавший-

²⁶ ЮНРРА – Администрация помощи и восстановления Объединенных Наций была создана в 1943 году для целей, видных из ее названия. Совет ЮНРРА постановил, что государства, ее члены, территория которых не была оккупирована, делают взнос в ее фонд в размере двух процентов от национального дохода страны в 1943 году. Другие участники организации призывались делать посильные взносы. На деле представители США в ЮНРРА использовали помощь в попытках добиться угодных Вашингтону целей. Организация распущена в 1947 году

ся в те годы в США лучшим экспертом по делам Советского Союза? В его мемуарах мы находим поучительные эпизоды, проливающие свет на образ мышления тех, кто помогал формировать американскую политику. «На мои взгляды по поводу возможной экономической помощи Советскому Союзу, – пишет он, – оказали воздействие впечатления во время поездки по Советскому Союзу вскоре после окончания войны в Европе». Советник американского посольства посетил Новосибирск, Кузнецк, и везде его радушно принимали, «приходилось выносить тот доброжелательный, но утомительный ритуал русского гостеприимства: „Вы ничего не едите? Попробуйте это!“ Любезные хозяева не могли взять в толк, что задача Кеннана, замечает он в мемуарах, „побывать в Кузнецке, куда, насколько удалось узнать, вот уже несколько лет не заглядывал ни один иностранец с Запада, а я никогда не видел крупнейших советских заводов“.

То была, по Кеннану, на редкость удачная поездка, он поглядел на все, что хотел. Проехал по тем районам, где в годы отгремевшей войны ковалась военная мощь Страны Советов. Вероятно, убедился в ней. Спустя десятилетия он идилично описывает запавшие в памяти дни, когда свободно говорившего по-русски американца никто не принимал за иностранца.

«У меня возникло ощущение, что я не чужак, а простой советский человек! Мои попутчики в самолете, по крайней мере, не принимали меня ни за кого иного. На аэродроме в

Омске, в жару, сидя на траве в тени крыла самолета, я читал вслух по их просьбе случившуюся со мной книгу Алексея Толстого „Петр Первый“.

Вечерами в маленьких гостиницах при аэродромах я был с ними, как будто я был такой же, как они, рядовой человек. Мне было с ними просто и легко».

Но долг превыше всего! Открытые русские не могли и заподозрить, о чем думал и что решал рядом с ними некто в скромном поношенном пиджачке и неброской кепочке.

«Когда под самолетом медленно поплыли обширные равнины к западу от Волги, я стал размышлять в связи с моими милыми попутчиками о проблемах американской помощи России. Русские, как еще раз подтвердила моя поездка, великий и привлекательный народ. Совсем недавно они перенесли чудовищные страдания, частично за нас. Конечно, хотелось бы помочь, но разве это было возможно? Если народ находится под контролем сильного авторитарного режима, особенно враждебно настроенного к США, то, на мой взгляд, американцы почти ничем не могут помочь ему, не помогая одновременно режиму... Народ и режим, другими словами, диалектически взаимосвязаны, поэтому нельзя помочь народу, не помогая режиму, и нельзя нанести ущерб режиму, не нанося ущерба народу. Посему лучше не пытаться ни помогать, ни наносить ущерб, а оставить все как есть. В конечном счете то их тяжкое положение, а не наше».

Возвышенные, почти философские, а в сущности, сквер-

ные суждения! Сидя бок о бок с нашими людьми, Кеннан мыслил только антисоветскими стереотипами. Какой тут реализм! Колючими холодными глазами «эксперт» по Советскому Союзу смотрел на тех, кто «пострадал» и за США в годы войны, но это «их тяжкое положение», подчеркнув «их» в тексте. Ладно, это личное восприятие, а как насчет пресловутой «враждебности» к США? Неторопливо разматывая нить повествования, Кеннан описывает, как осенью 1945 года группа американских конгрессменов напросилась на прием к И. В. Сталину. Так о чем же говорили избранники американского народа в тот день со Сталиным? «Не могу припомнить содержание беседы конгрессменов со Сталиным (в архивах в Вашингтоне, конечно, есть ее запись), – замечает Кеннан, – у меня запечатлелся только наш подход в этом случае»²⁷.

С «подходом» мы уже познакомились, что до содержания беседы, то нет необходимости ворошить архивы, языкатые конгрессмены по возвращении из СССР без промедления рассказали всем и каждому, зачем они ездили в Кремль. То были члены специального комитета конгресса по послевоенной экономической политике и планированию во главе с председателем комитета У. Колмером. Собрав и проанализировав их тогдашние высказывания по возвращении в США, Дж. Гэддис в книге «США и возникновение „холодной войны“ 1941 – 1947» (1972) изложил дело так:

²⁷ G. Kennan. *Memoirs 1925 – 1950*, Boston 1967, pp. 266 – 267.

«14 сентября 1945 г. делегации под руководством председателя комитета Уильяма М. Колмера от штата Миссисипи была оказана честь: Сталин принял ее. Колмер заявил советскому лидеру, что его комитет знает о желании России получить заем от США. Как, он хочет знать, Советы используют средства, как вернут их и что может Вашингтон ожидать взамен?... Делегация... сделала отчет государственному секретарю Дж. Бирнсу, а затем совещалась с Трумэном. Группа Колмера подчеркнула в беседах с обоими, что необходимо „ужесточить наш подход к Советской Республике“. Комитет Колмера был готов одобрить американский заем Советскому Союзу при условии, что русские примут определенные обязательства. Они должны сообщить, какая доля их производства идет на вооружение. Они должны сообщить важнейшие данные о советской экономике и дать возможность проверить точность этих данных. Советский Союз не должен оказывать помощи в политических целях Восточной Европе и доложит содержание его торговых договоров с этими странами. Как в СССР, так и в странах Восточной Европы, находящихся под контролем, Кремль должен гарантировать полную защиту американской собственности, право распространять американские книги, журналы, газеты и кинофильмы. Наконец, Соединенные Штаты должны настаивать на выполнении русских политических обязательств на тех же условиях, как и другие правительства. Это включает вывод советских оккупационных войск и соответствии с Потсдамскими согла-

шениями, и Ялтинской концепцией. Коротко говоря, Колмер и его коллеги требовали, чтобы Советский Союз в обмен ил американский заем изменил свою систему правления и отказался от своей сферы влияния в Восточной Европе»²⁸.

Были сказаны, как видим, вещи такого порядка, что не оставалось ни малейшего сомнения, кто настроен «враждебно» и к кому, а поэтому опытный дипломат Дж. Кеннан «забыл» их и любопытным порекомендовал сходить в архивы. Хотя с легкоразличимым раздражением он подвел итог беспримерному набегу американских конгрессменов на Москву. «Эпизод, сам по себе, конечно, малозначительный, оказался одним из тех (а их было немало во время моей дипломатической службы), которые постепенно привели меня к глубокому скептицизму касательно абсолютной ценности личных контактов для улучшения межгосударственных отношений. Должен также заметить, что визитеры из нашего конгресса значительно отличались друг от друга по степени личной выгоды, которую они извлекали из этих поездок»²⁹.

Последнее замечание, по необходимости темное под пером профессионального дипломата, проясняет поведение официальных лиц из США, гужом тянувшихся тогда в Москву. Летом 1946 года в нашу столицу явилась, например, делегация по вопросам репараций во главе с крупным неф-

²⁸ J. Gaddis. *The United States and the Origins of the Cold War, 1941-1947*, N. Y., 1972, pp. 259 – 260.

²⁹ G. Kennan. *Op. cit.*, p. 277.

тепромышленником Э. Поули; основная задача делегации заключалась в том, чтобы познакомить советские органы с принципом «первой заимки», а именно, разъясняет в книге «Потрясенный мир» (1977) американский историк Д. Ерджин, «репарации из текущей продукции, то есть из продукции германской экономики, снижаются до минимума. Во-вторых, экспорт из этой продукции сначала идет на оплату товаров, ввозимых с Запада, а только потом на репарационные поставки Востоку. Германия включается в многосторонний, находящийся под американским контролем мировой экономической порядок до выплаты репараций (в сущности, помощи) советскому союзнику... Некоторые члены американской делегации не скрывали своей враждебности, находя и эти директивы слишком мягкими, другие не могли сдержать порывы к наживе. Ряд членов делегации Поули продал свои костюмы в Москве по спекулятивной цене – по 250 долларов за костюм»³⁰.

Оказались мелкими спекулянтами. Они преуспели в этом и в срыве репарационных платежей Советскому Союзу, хотя к этому времени выяснилось – экономический потенциал Германии в 1945 году, несмотря на разрушения, был выше, чем и 1939 году³¹. Ни от «теоретиков» типа Кеннана, ни от практиков вроде Колмера, Поули и К^о ожидать ничего

³⁰ D. Yergin. Shattered Peace. The Origins of the Cold War and the National Security State. Boston, 1977, pp. 96 – 98.

³¹ F. R.: 1945, v. 3, p. 1228.

хорошего нам не приходилось. По той простой причине, что Советский Союз в Вашингтоне считали врагом и вели себя соответственно.

3

Вот как они нас представляли и представляют по сей день. Тон многотомному докладу сенатской комиссии Ф. Черча, расследовавшей в 1975 – 1976 годах деятельность разведывательного сообщества в США, задает вводная глава к этому официальному отчету. В ней сказано:

«Вторая мировая война ознаменовала поражение одного типа тоталитаризма. Но быстро вырос другой вызов тоталитаризма. Советский Союз, главный союзник США в войне, стал главным противником США в мире. Мощь нацизма лежала в руинах, но мощь коммунизма мобилизовывалась... Офицеры американской военной разведки одни из первых усмотрели изменение обстановки. Почти сразу после взятия Берлина Красной Армией американская разведка постаралась определить цели Советов. Офицер разведки Гарри Розицкий, впоследствии глава управления по делам СССР ЦРУ, был послан на „джипе“ в Берлин... Он так описывал в показаниях комиссии (31 октября 1975 г.) свои впечатления: „Мы въехали в пригороды Берлина и кричали: „Американцы!“, русские горячо приветствовали нас. На автостраде, а я хорошо знал Германию до войны, нам бросилась в глаза

колонна немцев моложе 16 и старше 60 лет, которых гнали на восток монголоидные солдаты ростом в 140 – 150 сантиметров в лаптях... Мы пробирались через руины Берлина, по большей части движение было односторонним, стараясь выяснить род оружия на погонах каждого встречного солдата... Насмотревшись вдоволь, а все мы трое очень нервничали, мы ринулись прямо из Берлина в английскую зону. Когда мы добрались туда, то очень развеселились, почувствовали облегчение, ибо целых 36 часов были в другом мире. Первое, что мне пришло тогда на ум, – Россия идет на запад“³².

Не было этого – не «гоняли» советские солдаты немецких мальчишек и старцев на восток и не могли взять логово фашистского зверя – Берлин недомерки, да еще «в лаптях», не обозначали на фронтовых погонах номеров частей и не «шла Россия на запад». Все врал паршивец в мундире офицера американской разведки своему начальству тогда, а спустя тридцать лет – стариком – сенаторам. Он представил полуторасуточное пребывание в Берлине как некий «подвиг». А его вместе с двумя такими же подонками наверняка сердечно приветствовали советские воины. Как союзников, не ведая в радости победы, что к ним прикатила паскудная компания глуповатых шпионов³³.

³² Final Report of the Select Committee to Study Governmental Operations with respect to Intelligence Activities. U. S. Senate. Book I, Washington; 1976, pp. 19 – 20.

³³ То, что сошло для сенаторов, вероятно, оказалось слишком для американского издательства «Ридерз дайджест пресс». В отличие от седовласых законодателей, принявших вздор Розницкого как должное, ибо он соответствует стерео-

Какой спрос с молодого, хотя и подававшего надежды, прохвоста Г. Розецкого? А генерал Д. Паттон, прославленный в США герой той войны, – ему, казалось, надлежало быть серьезнее. Куда там! Он открыл, что русские – «вырождающаяся раса монгольских дикарей», каждый из нас и все мы вместе «сукины сыны, варвары и запойные пьяницы»³⁴. Вот так, и не иначе!

Что касается высшего командования американских вооруженных сил, то оно определило Советский Союз потенциальным «врагом» задолго до окончания второй мировой войны. Исходной посылкой замечательного заключения на первых порах были отнюдь не умозрительные соображения, а факторы, поддававшиеся количественному учету, – какое государство окажется, помимо США, наиболее сильным в послевоенном мире. Таковым мог быть и оказался только

типам их мышления, редакторы дрогнули. В выпущенной в 1977 году, через два года после памятных показаний Розецкого, в комиссии сената его книге «Тайные операции ЦРУ» тот эпизод был начисто лишен колоритных деталей, приемлемых на Капитолийском холме: «Тогда никто не знал, что русские делают в Берлине, и трое из нас, один говоривший на русском румын, вызвались проникнуть в русскую зону и посмотреть. Напряженно и с опаской мы потратили пять часов, чтобы перебраться через границу зоны, и провели шесть часов в Берлине. Зрительные впечатления запечатлелись у меня по сей день. Толпы немецких мальчишек и стариков, которых гнали по берлинской кольцевой дороге на восток», и т. д. «Лапти» и прочее исчезли, надо думать, под редакторским карандашом, да и «36 часов» пребывания в советской зоне. Но дух остался: «Россия идет на запад, пронеслось у меня в уме, Европа больше не будет прежней!» (Введение к указанной книге, с. XXV – XXVI).

³⁴ «The Patton Papers», Ed. by M. Blumenson, Boston, 1974, pp. 721, 731 – 734.

и исключительно Советский Союз, следовательно, вот он, «враг»! Параметры врага определялись, следовательно, не его намерениями, а физическими возможностями великой державы – Советского Союза – вести войну. Бескрылый профессионализм (с политической точки зрения явный кренизм) не мог не укрепить решительным образом антикоммунизм как идеологию, придав ему, во всяком случае, осязаемость в глазах официального Вашингтона.

Все это шло рука об руку с разработкой в американских штабах новой военной доктрины, основные контуры которой прояснились довольно рано. Уже в 1943 году, рассуждая о послевоенных проблемах, заместитель военно-морского министра Д. Форрестол публично учил: «Понятия „безопасность“ больше не существует, и вычеркнем это слово из нашего лексикона. Запишем в школьные учебники аксиому – мощь подобна богатству: либо используют ее, либо утрачивают»³⁵. Тем временем исследовалось соотношение сил между США и СССР. Перед лицом побед Советских Вооруженных Сил комитет начальников штабов США пришел к реалистическим выводам относительно последствий вооруженного конфликта между нашими странами. Они были сформулированы в серии рекомендаций, представленных комитетом правительству, начиная со второй половины 1943 года, то есть после Сталинграда и Курска. Вероятно, самыми

³⁵ M. Sherry. Preparing for the Next War. American Plans for postwar defense, 1941 – 45, Yale University Press, 1977, p. 57.

поучительными среди них были рекомендации, направленные 3 августа 1944 года государственному секретарю К. Хэллу, недвусмысленно предупреждавшие правительство против взлетов в политическую стратосферу без учета реальных возможностей США:

«Успешное завершение войны против наших нынешних врагов приведет к глубоким изменениям соответственной военной мощи в мире, которые можно сравнить за последние 1500 лет только с падением Рима. Это имеет кардинальное значение для последующих международных урегулирований и всех обсуждений, касающихся их. Помимо устранения Германии и Японии как военных держав, изменения соответственной экономической мощи главных государств, технические и материальные факторы значительно способствовали многим изменениям. Среди них: развитие авиации, общая механизация вооруженной борьбы и заметный сдвиг в военном потенциале великих держав.

После поражения Японии первоклассными военными державами останутся только Соединенные Штаты и Советский Союз. В каждом случае это объясняется сочетанием их географического положения, размеров и громадного военного потенциала. Хотя США могут перебросить свою военную мощь во многие отдаленные районы мира, тем не менее относительная мощь и географическое положение этих двух держав исключают возможность нанесения военного поражения одной из них другой, даже если на одной из сторон

выступит Британская империя»³⁶.

Американские высшие штабы своевременно поняли и оценили происходившее тогда: исполинские победы Советского Союза привели к созданию военного равновесия в силах между СССР и США, а в широком плане между социализмом и капитализмом. Здесь коренятся истоки всего послевоенного развития международных отношений. Если Великий Октябрь был прорывом в цепи капитализма, то победа СССР в Великой Отечественной войне создала равновесие в силах между социализмом и капитализмом. Обратив вспять, опрокинуть сложившееся в результате советских побед соотношение сил – в этом усматривал свою генеральную задачу Вашингтон.

Американские военные, мыслившие привычными категориями голой силы, стали приискивать надлежащие средства для удара по «врагу», то есть Советскому Союзу. Философским камнем при решении проблемы, представлявшейся неразрешимой в рекомендациях, относящихся к 1943-1944 годам, явилось атомное оружие. Еще до его испытания и использования в высших советах Вашингтона обозначилось согласие, что угроза атомной бомбы, зашифрованной под кодовым названием S-1, заставит СССР «либерализовать» свой строй и отказаться от плодов победы в Европе. Военный министр Г. Стимсон, по крайней мере, вынес такое впечат-

³⁶ M. Malloff. Strategic Planning for Coalition Warfare 1943-1944, Washington, 1959, pp. 523 – 524.

ление от бесед с Ф. Рузвельтом. В одной из записей Стимсона после встречи с Рузвельтом значится: «Необходимость ввести Россию органически в лоно христианской цивилизации... Возможное использование S-1 для достижения этого...»³⁷. Учитывая крайнюю секретность всего связанного с атомной бомбой, Стимсон по необходимости был краток в записях – отточия и сокращения документа.

После сожжения атомными бомбами Хиросимы и Нагасаки и еще до капитуляции Японии комитет начальников штабов США приступил к разработке планов новой войны. Они были зафиксированы в директивах 1496/2 «Основа формулирования военной политики» и 1518 «Стратегическая концепция и план использования вооруженных сил США», утвержденных комитетом начальников штабов соответственно 18 сентября и 9 октября 1945 года. Тогда вся эта документация была строго засекречена, в наши дни для некоторых американских исследователей открыт к ней ограниченный доступ.

В работе М. Шерри «Подготовка к следующей войне», увидевшей свет в 1977 году, сказано:

«Мы не нанесем первого удара», – заверил конгресс Эйзенхауэра поздней осенью (1945 г.), однако секретные планы свидетельствовали об обратном. Даже в публичных заявлениях некоторые военные прозрачно намекали на мудрость превентивного удара. Законность первого удара, лишь

³⁷ J. Burns. Roosevelt: the Soldier of Freedom, N. Y., 1970, p. 459.

подразумевавшаяся в ранних планах, отныне безоговорочно подтверждалась комитетом начальников штабов...

На серии штабных совещаний был усилен акцент на действиях в плане превентивных ударов. Штабные планировщики потребовали включить в директиву 1496 подчеркнутое указание на нанесение «первого удара», настаивая: «На это следует обратить особое внимание с тем, чтобы было ясно – отныне это новая политическая концепция, отличная от американского отношения к войне в прошлом...»

В случае большой войны некоторые ее цели были ясны. США должны «следовать нашей единственной политике, которой мы придерживались в течение тридцати лет. Мы предпочитаем вести наши войны, если они необходимы, на чужой территории». Располагая системой передовых баз и мобильными вооруженными силами, США должны максимально защититься от прямого нападения... В набросках директивы 1518 выражалось сомнение в целесообразности попыток добиться полного завоевания или уничтожения главного врага типа Советского Союза. Но генерал Линкольн доказывал, что цель в войне против СССР – «не загнать его за свои границы, а уничтожить его военный потенциал, в противном случае последует длительная война...».

Комитет начальников штабов в октябре (1945 г.) рекомендовал ускорить атомные исследования и производство атомных бомб, сохранение максимальной секретности и «отказ ввести в эти тайны любую страну или ООН». Чтобы уско-

ритель движение по избранному пути, военное министерство возглавило усилия по установлению военного контроля над будущими атомными исследованиями...

Убежденные, что иного пути нет, военные отныне составляли планы использования атомных бомб как главного средства массированного сдерживания и возмездия. Это не держали в тайне. В ноябре 1945 года был опубликован доклад (главнокомандующего ВВС) генерала Арнольда военному министру, в котором указывалось, что США должны «указать потенциальному агрессору – за нападением на США немедленно последует всепоглощающий атомный удар по нему с воздуха». Куда дальше, чем Арнольд, зашел комитет начальников штабов, чей отчет в секретном докладе взвесил желательность нанесения атомных ударов по Советскому Союзу как в виде возмездия, так и первыми. Объединенный разведывательный комитет наметил двадцать советских городов, подходивших для атомной бомбардировки... Этот комитет рекомендовал атомное нападение не только в случае неминуемого выступления СССР, но и в том случае, если успехи врага в области экономики и науки указывали на создание возможностей «в конечном итоге напасть на США или создать оборону против нашего нападения». Комитет советовал «предоставить приоритет стратегической авиации» в любых усилиях пресечь продвижение России к созданию возможностей для нападения. Комитет добавил, что атомные бомбардировки относительно малоэффективны

против обычных вооруженных сил и транспортной системы, то есть признал – атомная бомба будет пригодна только для массового истребления (населения) городов»³⁸.

Эти оголтелые, плечи которых густо усыпали генеральские и офицерские звезды, сочинявшие каннибальские планы и разгонявшие маховик гонки атомных вооружений, что – они верили в советскую «угрозу»? Уже приведенное содержание секретных штабных документов, которые обзрел и в какой-то степени проанализировал М. Шерри с надлежащими отсылками к архивным досье, не оставляют сомнения – никто не верил в «агрессивность» Советского Союза. Конечный вердикт М. Шерри:

«Советский Союз не представляет собой непосредственной угрозы, признало командование вооруженных сил. Его экономика и людские ресурсы были истощены войной... Следовательно, в ближайшие несколько лет СССР сосредоточит свои усилия на восстановлении... Советские возможности, независимо от того, что думали о намерениях русских, представлялись достаточным основанием считать СССР потенциальным врагом»³⁹.

Директива комитета начальников штабов 1496/2 не оставалась достоянием военных. Она была доложена координационному комитету, объединявшему представителей государственного департамента, военного и военно-мор-

³⁸ M. Sherry. Op. cit., pp. 201, 205, 212 – 213.

³⁹ Ibid., pp. 214 – 215.

ского министерств. Уже как документ этого комитета (СВНКК-282) она была предложена на рассмотрение и суждение руководства государственного департамента. Политики, как им подобает, сделали второстепенные замечания в своей записке от 16 ноября 1945 года: «Действия во исполнение заявления комитета начальников штабов о военной политике США», но и слова не сказали по поводу устрашающего положения директивы 1496/2, воспроизведенной в документе СВНКК-282, а именно:

«Мы не можем допустить, чтобы возобладала ложная и опасная идея – дабы избежать занятия агрессивной позиции, мы позволили первому удару обрушиться на нас. В таких обстоятельствах наше правительство должно быстро добиваться политического решения, одновременно проведя все приготовления, чтобы в случае необходимости самому нанести первый удар»⁴⁰.

Чем? Прежде всего атомными бомбами! Вплоть до последнего времени в американской историографии безраздельно господствовало представление о том, что Трумэн поторопился с сожжением Хиросимы и Нагасаки, ибо США располагали-де двумя атомными бомбами. Их нельзя было израсходовать для демонстрации мощи атомного оружия где-нибудь не в населенном месте, поэтому был необходим предметный урок ценой гибели сотен тысяч мирных жителей. В изданной в 1978 году, например, примечательной во

⁴⁰ F. R.: 1946, v. 1, pp. 1160 – 1165, 1125 – 28.

многих отношениях книге У. Манчестера «Слава и мечта» сказано: «Генерал Грэвс считал, что предварительные испытания будут не нужны. Он считал, что первая бомба будет готова примерно к 1 августа 1945 года, вторая к 1 января 1946 года, а третья позднее, в точно не установленный срок». Так он считал на рубеже 1944/45 года. На начало лета 1945 года, по словам У. Манчестера, «американцы не имели бомб, чтобы растрачивать их без дела. Помимо статичного устройства, которое подлежало взрыву, у них было всего две бомбы – „Худой“ и „Толстяк“⁴¹.

Итак, для Японии США располагали двумя бомбами, к исходу 1945 года, оказывается, в американских арсеналах было по крайней мере 196 атомных бомб и... для русских! В директиве Объединенного комитета военного планирования № 432/д от 14 декабря 1945 года, принятой в связи с описанными директивами комитета начальников штабов об атомной бомбардировке 20 советских городов, было сказано: «На карте к приложению А (к документу Объединенного разведывательного комитета от 3 ноября 1945 г. – **Н. Я.**)... указаны 20 основных промышленных центров Советского Союза и трасса Транссибирской магистрали – главной советской линии коммуникаций. Карта также показывает базы, с которых сверхтяжелые бомбардировщики могут достичь семнадцати из двадцати указанных городов и Транссибирскую магистраль. Согласно нашей оценке, действуя с указанных баз

⁴¹ W. Manchester. The Glory and the Dream, N. Y., 1978, pp. 375-376.

и используя все 196 атомных бомб (куда входят 100 процентов резерва), Соединенные Штаты смогли бы нанести такой разрушительный удар по промышленным источникам военной силы СССР, что он в конечном счете может стать решающим».

Упомянутые «источники военной силы» планировщики атомной агрессии трактовали куда как расширительно. Из документа Объединенного разведывательного комитета 329 от 3 ноября 1945 года отчетливо виден ход их мысли: «Одной из главных особенностей атомного оружия является его способность уничтожить скопления людей, и эту особенность следует использовать в сочетании с иными его качествами».

Посему:

«1. В приложении А приведены 20 городских территорий, рекомендованных как наиболее подходящие стратегические цели для ударов с применением атомного оружия. Города отобраны по принципу их общего значения с учетом: 1) производственных мощностей, особенно производства самолетов и другого вооружения; 2) наличия государственных и административных учреждений и 3) наличия научно-исследовательских учреждений...»

Мы располагаем лишь неполной информацией о расположении и функциях ведущих научно-исследовательских учреждений, находящихся в ведении Академии наук СССР (ее штаб-квартира в Москве). Эти институты, возможно, работающие в контакте с ведущими университетами, представ-

ляют собой главные исследовательские центры. Следует полагать, что значительная часть этих учреждений расположена в отобранных для бомбежки районах».

Значит, сожжем и ученых! А всего в 20 городах, избранных на первый случай объектами атомной бомбардировки, в то время проживали 13 миллионов человек, среди них женщины, дети, старики. Мартиролог, открытый Хиросимой и Нагасаки, должны были пополнить 20 советских городов (в очередности, установленной американскими штабными планировщиками): Москва, Горький, Куйбышев, Свердловск, Новосибирск, Омск, Саратов, Казань, Ленинград, Баку, Ташкент, Челябинск, Нижний Тагил, Магнитогорск, Пермь, Тбилиси, Новокузнецк, Грозный, Иркутск, Ярославль ⁴².

Итак, в сентябре – ноябре 1945 года Соединенные Штаты приняли на вооружение доктрину «первого удара», внезапной атомной агрессии против Советского Союза. Повод к открытию военных действий был ясен: чем быстрее становился на ноги Советский Союз после тяжелейшей войны, тем громче звучал военный набат в Вашингтоне. Мы безмерно радовались тому, что год 1947-й стал годом великого успеха – Советский Союз после четырех лет войны и двух лет восстановления снова вышел на позиции, завоеванные в ходе социалистического строительства к 1941 году. Открылись горизонты, омраченные было войной.

Страна, скорбя о павших в недавнюю войну, чествовала

⁴² Цит. по: «Новое время», 1980, № 8, с. 28, 29.

героев мирного труда. Наши успехи были замечены и «отмечены» правящей элитой Соединенных Штатов, которая сделала из них надлежащие практические выводы. Выводы в глазах той самой элиты вдвойне прочные, ибо одновременно с советским народом, героически трудившимся на послевоенных стройках, не покладала рук рать «специалистов» по нашей стране. Эти подлинно установили, кто мы такие, и разрабатывали рекомендации, как именно с нами поступить, какие орудия и средства употребить для этого.

4

22 февраля 1946 года поверенный в делах США в СССР Дж. Кеннан отослал в Вашингтон «длинную телеграмму», которую американские политики и историки единодушно считают по сей день краеугольным камнем в оценке Советского Союза. В восьми тысячах резких слов, на комментирование которых в США с тех пор ушли многие миллионы слов, Кеннан обрисовал жуткую угрозу, будто бы нависшую над США, и предложил стратегию неукоснительной вражды к СССР. «Итак, перед нами политическая сила, фанатически утвердившаяся в убеждении, что с США не может быть постоянного модус вивенди... Вот отправная точка, от которой должен действовать отныне наш политический генеральный штаб»⁴³. Против Советского Союза надлежит дей-

⁴³ F. R., 1946, v. 6, p. 705.

ствовать только силой. Умники, собравшиеся в Вашингтоне при Трумэне, уже по той причине, что Кеннан назвал их «политическим генеральным штабом», преисполнились сознания собственной государственной значимости и пустились в состязание с ним по части сочинения прожектов расправы с советским народом. Специальный помощник президента К. Клиффорд по приказу Трумэна провел совещание с высшими государственными руководителями США и 24 сентября 1946 года представил ему обширный доклад «Американская политика в отношении Советского Союза». Определенно разделяя апокалипсическое видение Советского Союза Кеннаном, Клиффорд высказался:

«Адепты силы понимают только язык силы. Соединенные Штаты и должны говорить таким языком... Надо указать Советскому правительству, что располагаем достаточной мощью не только для отражения нападения, но и для быстрого сокрушения СССР в войне... Советский Союз не слишком уязвим, ибо его промышленность и естественные ресурсы широко рассредоточены, однако он уязвим для атомного, бактериологического оружия и дальних бомбардировщиков. Следовательно, чтобы держать нашу мощь на уровне, который эффективен для сдерживания Советского Союза, США должны быть готовы вести атомную и бактериологическую войну. Высокомеханизированную армию, перебрасываемую морем или по воздуху, способную захватывать и удерживать ключевые стратегические районы, должны поддержать мощ-

ные морские и воздушные силы. Война против СССР будет „тотальной“ в куда более страшном смысле, чем любая прежняя война, и поэтому должна вестись постоянная разработка как наступательных, так и оборонительных видов вооружения... Любые переговоры об ограничении вооружений вести медленно и осторожно, постоянно памятуя, что предложения о запрещении применения атомного оружия и наступательных видов вооружения дальнего действия значительно ограничат мощь Соединенных Штатов...

США должны понять, что советская пропаганда опасна (особенно когда подчеркивается американский «империализм»), и избегать любых действий, которые могли бы придать видимость правды советским обвинениям... США должны приложить энергичные усилия, чтобы добиться лучшего понимания США среди влиятельных слоев советского населения, и противодействовать антиамериканской пропаганде, которую Кремль распространяет среди советского народа. В самых широких масштабах, какие только потерпит Советское правительство, мы должны доставлять в страну книги, журналы, газеты и кинофильмы, вести радиопередачи на СССР... В самих Соединенных Штатах коммунистическое проникновение должно быть разоблачено и ликвидировано»⁴⁴.

Если присовокупить вялые и косноязычные рассуждения

⁴⁴ «Containment. Documents on American Policy and Strategy 1945 – 1950». Ed. by T. Etzold and J. Gaddis, N. Y., 1978, pp. 66 – 68.

в докладе (куда Клиффорду тягаться с отменным стилистом Кеннаном!) насчет того, что «трудности» США с СССР порождены советским режимом, а ссоры с русским народом у Вашингтона-де нет, тогда обрисовываются контуры стратегического мышления правящей элиты США. К генеральной цели – уничтожению или фатальному ослаблению Советского Союза – ведут два пути: война или (на подступах к ней, а при определенных условиях вместо нее) подрывная работа. Вашингтон должен быть готов проводить оба курса. Какой возобладает, покажет завтрашний день, точнее, соотношение сил между СССР и США. Мирного сосуществования, не говоря уже о сотрудничестве, между капитализмом и социализмом быть не может.

Так гласила доктрина, восторжествовавшая в самых верхах американского общества. Она отражала отчаяние увядающей цивилизации, которая мобилизовывала силы, чтобы удержаться на исторической арене.

Политика США в отношении Советского Союза была представлена миру как политика «сдерживания» коммунизма⁴⁵. А рамки этого расплывчатого и пустого лозунга оказались достаточно широкими, чтобы охватить «доктрину Трумэна», «план Маршалла», сколачивание агрессивных блоков и окружение Советского Союза плотным кольцом американских военных баз. В интересах «сдерживания» на исходе 1947 года проводится реорганизация высшего госу-

⁴⁵ F. R.: 1946, v. 6, pp. 709, 699.

дарственного руководства в США. Учреждается Совет национальной безопасности во главе с президентом, орган чрезвычайного руководства, который отныне в глубокой тайне решает вопросы войны и мира для Соединенных Штатов. В прямом подчинении Совета национальной безопасности учреждается Центральное разведывательное управление. Одновременно основывается министерство обороны для руководства и координации военных усилий. Эта структура государственного правления была создана для войны и имела в виду скорейшее развязывание войны против СССР. То, что инициативу возьмут на себя Соединенные Штаты, в Вашингтоне сомнений не вызывало. Совет планирования политики государственного департамента, который возглавил Кеннан, 7 ноября 1947 года представил «Резюме международной обстановки»:

«Опасность войны многими значительно преувеличивается. Советское правительство не желает и не ожидает войны с нами в обозримом будущем... Крайние опасения по поводу опасности войны исходят из неверной оценки советских намерений. Кремль не желает новой большой войны и не ожидает ее... В целом нет оснований полагать, что мы внезапно будем вовлечены в вооруженный конфликт с СССР»⁴⁶.

Получив и ознакомившись с выводами совета планирования политики, те в Вашингтоне, кто готовил нападение на Советский Союз, надо думать, испытали немалое удовлетво-

⁴⁶ F. R.: 1947, v. 1, pp. 772, 776 – 777.

рение – подготавливаемый удар будет внезапным.

5

Штабное планирование к этому времени зашло далеко, и министр обороны Дж. Форрестол 10 июля 1948 года потребовал представить правительству всестороннюю оценку национальной политики в отношении Советского Союза, ибо без нее «нельзя вынести логических решений относительно размеров ресурсов, уделяемых военным целям»⁴⁷. Совет планирования политики представил просимый анализ, озаглавленный «Цели США в отношении России», который был утвержден 18 августа 1948 года как совершенно секретная директива Совета национальной безопасности СНБ 20/1. Этот документ, занявший 33 страницы убористого текста, впервые опубликован в США в 1978 году в сборнике «Сдерживание. Документы об американской политике и стратегии 1945 – 1950 г».

Во вступительной части директивы СНБ 20/1 объяснялось:

«Правительство вынуждено в интересах развернувшейся ныне политической войны наметить более определенные и воинственные цели в отношении России уже теперь, в мирное время, чем было необходимо в отношении Германии и Японии еще до начала военных действий с ними... При го-

⁴⁷ F. R.: 1948, v. 1, pt. 2, p. 580.

сударственном планировании ныне, до возникновения войны, следует определить наши цели, достижимые как во время мира, так и во время войны, сократив до минимума разрыв между ними».

В элегантнейших фразах формулировалось:

«Наши основные цели в отношении России, в сущности, сводятся всего к двум:

а) Свести до минимума мощь и влияние Москвы;

б) Провести коренные изменения в теории и практике внешней политики, которых придерживается правительство, стоящее у власти в России».

По уже сложившейся практике высшего государственного руководства намечались действия в условиях мира и в условиях войны. Для мирного периода директива СНБ 20/1 предусматривала капитуляцию СССР под давлением извне. Последствия такой политики в директиве СНБ 20/1, конечно, предвиделись:

«Наши усилия, чтобы Москва приняла наши концепции, равносильны заявлению: наша цель – свержение Советской власти. Отправляясь от этой точки зрения, можно сказать, что эти цели недостижимы без войны, и, следовательно, мы тем самым признаем: наша конечная цель в отношении Советского Союза – война и свержение силой Советской власти.

Было бы ошибочно придерживаться такой линии рассуждений.

Во-первых, мы не связаны определенным сроком для достижения наших целей в мирное время. У нас нет строгого чередования периодов войны и мира, что побуждало бы нас заявить: мы должны достичь наших целей в мирное время к такой-то дате или «прибегнем к другим средствам...».

Во-вторых, мы обоснованно не должны испытывать решительно никакого чувства вины, добиваясь уничтожения концепций, несовместимых с международным миром и стабильностью, и замены их концепциями терпимости и международного сотрудничества (так именуется социализм и капитализм. – **Н. Я.**). Не наше дело раздумывать над внутренними последствиями, к каким может привести принятие такого рода концепций в другой стране, равным образом мы не должны думать, что несем хоть какую-нибудь ответственность за эти события... Если советские лидеры сочтут, что растущее значение более просвещенных концепций международных отношений несовместимо с сохранением их власти в России, то это их, а не наше дело. Наше дело работать и добиться того, чтобы там свершились внутренние события... Как правительство мы не несем ответственности за внутренние условия в России...»

В директиве СНБ 20/1 подрывная работа против Советского Союза хладнокровно признавалась государственной политикой, неотъемлемым элементом общего политического курса Вашингтона. Для этого понадобилась тотальная мобилизация немалых ресурсов, традиционного лицемерия за-

океанской республики. В самом деле, в директиве СНБ 20/1 с редкой софистикой констатировалось:

«Нашей целью во время мира не является свержение Советского правительства. Разумеется, мы стремимся к созданию таких обстоятельств и обстановки, с которыми нынешние советские лидеры не смогут смириться и которые им не придется по вкусу. Возможно, что, оказавшись в такой обстановке, они не смогут сохранить свою власть в России. Однако следует со всей силой подчеркнуть – то их, а не наше дело... Если действительно возникнет обстановка, к созданию которой мы направляем наши усилия в мирное время, и она окажется невыносимой для сохранения внутренней системы правления в СССР, что заставит Советское правительство исчезнуть со сцены, мы не должны сожалеть по поводу случившегося, однако мы не возьмем на себя ответственность за то, что добивались или осуществили это».

Так какая же это «обстановка»? В директиве СНБ 20/1 в обобщенной форме, но достаточно четко указывалось:

«Речь идет прежде всего о том, чтобы сделать и держать Советский Союз слабым в политическом, военном и психологическом отношениях по сравнению с внешними силами, находящимися вне пределов его контроля».

В сумме все эти соображения сводились к одному – различными подрывными действиями и разными методами свергнуть социалистический строй в нашей стране. Такова конечная цель директивы СНБ 20/1 для «мирного» времени.

На случай войны дело много упрощалось, предусматривался самый разудалый образ действий. Составители документа не вдавались в детали, как именно будет нанесено военное поражение Советскому Союзу, – то дело генералов, а занялись дележом шкуры неубитого медведя, то есть политикой в отношении нашей страны после ее разгрома. Вероятно, они все же бросили взгляд на карту, а посему записали:

«Мы должны прежде всего исходить из того, что для нас не будет выгодным или практически осуществимым полностью оккупировать всю территорию Советского Союза, установив на ней нашу военную администрацию. Это невозможно как ввиду обширности территории, так и численности населения... Иными словами, не следует надеяться достичь полного осуществления нашей воли на русской территории, как мы пытались сделать это в Германии и Японии. Мы должны понять, что конечное урегулирование должно быть политическим».

Вашингтонские стратеги рассматривали несколько вариантов этого «урегулирования» в зависимости от исхода боевых действий:

«Если взять худший случай, то есть сохранение Советской власти над всей или почти всей нынешней советской территорией, то мы должны потребовать:

а) выполнения чисто военных условий (сдача вооружения, эвакуация ключевых районов и т. д.), с тем чтобы надолго обеспечить военную беспомощность;

б) выполнение условий с целью обеспечить значительную экономическую зависимость от внешнего мира». Условия, имеющие в виду расчленение нашей страны, беспрепятственное проникновение «идей извне» и т. д. «Все условия должны быть жесткими и явно унижительными для этого коммунистического режима. Они могут примерно напоминать Брест-Литовский мир 1918 г., который заслуживает самого внимательного изучения в этой связи».

Прекрасно! В 1948 году Совет национальной безопасности США объявлял себя наследником германских милитаристов 1918 года! В директиве СНБ 20/1, впрочем, исправлялась «ошибка» кайзеровской Германии, а именно:

«Мы должны принять в качестве безусловной предпосылки, что не заключим мирного договора и не возобновим обычных дипломатических отношений с любым режимом в России, в котором будет доминировать кто-нибудь из нынешних советских лидеров или лица, разделяющие их образ мышления. Мы слишком натерпелись в минувшие пятнадцать лет, действуя, как будто нормальные отношения с таким режимом были возможны».

Но упомянутые 15 лет, то есть с 1933 года, – это восстановление дипломатических отношений между США и СССР, сотрудничество наших двух стран в войне против держав фашистской «оси». Не только мы, но все человечество видело, что Советский Союз защищал дело Объединенных Наций, включая США, а теперь, в 1948 году, выясни-

лось, что Америка «натерпелась»; «натерпелась» тогда, когда советский солдат спас и Соединенные Штаты! Но бесполезно говорить о морали и элементарной порядочности, вернемся к директиве СНБ 20/1. Ее составители тщательно проанализировали куда более привлекательный для них исход войны против Советского Союза – исчезновение Советской власти:

«Так какие цели мы должны искать в отношении любой некоммунистической власти, которая может возникнуть на части или всей русской территории в результате событий войны? Следует со всей силой подчеркнуть, что независимо от идеологической основы любого такого некоммунистического режима и независимо от того, в какой мере он будет готов на словах воздавать хвалу демократии и либерализму, мы должны добиться осуществления наших целей, вытекающих из уже упомянутых требований. Другими словами, мы должны создавать автоматические гарантии, обеспечивающие, чтобы даже некоммунистический и номинально дружественный к нам режим:

- а) не имел большой военной мощи,
- б) в экономическом отношении сильно зависел от внешнего мира,
- в) не имел серьезной власти над главными национальными меньшинствами,
- г) не установил ничего похожего на железный занавес.

В случае если такой режим будет выражать враждебность

к коммунистам и дружбу к нам, мы должны позаботиться, чтобы эти условия были навязаны не оскорбительным или унижительным образом. Но мы обязаны не мытьем, так катаньем навязать их для защиты наших интересов».

Следовательно, речь шла не только об уничтожении Советской власти, но и российской государственности, исчезновении нашей страны из числа великих держав, а кто, по мысли Совета национальной безопасности, будет править на территориях, некогда составлявших Советский Союз? «В настоящее время, – заявлялось в директиве СНБ 20/1, – есть ряд интересных и сильных русских эмигрантских группировок... любая из них... подходит, с нашей точки зрения, в качестве правителей России». Все они, конечно, подкармливались американскими спецслужбами, назойливо выпрашивая новые подачки. Надо думать, что в Вашингтоне немало намучились с ними, а посему включили в директиву СНБ 20/1 план, который должен был избавить американских политиков от многих хлопот:

«Мы должны ожидать, что различные группы предпримут энергичные усилия, с тем чтобы побудить нас пойти на такие меры во внутренних делах России, которые свяжут нас и явятся поводом для политических групп в России продолжать выпрашивать нашу помощь. Следовательно, нам нужно принять решительные меры, дабы избежать ответственности за решение, кто именно будет править Россией после распада советского режима. Наилучший выход для нас – раз-

решить всем эмигрантским элементам вернуться в Россию максимально быстро и позаботиться о том, в какой мере это зависит от нас, чтобы они получили примерно равные возможности в заявках на власть... Вероятно, между различными группами вспыхнет вооруженная борьба. Даже в этом случае мы не должны вмешиваться, если только эта борьба не затронет наши военные интересы».

Оставалось решить вопрос о политике в отношении Коммунистической партии Советского Союза: «Как быть с силой Коммунистической партии Советского Союза – это в высшей степени сложный вопрос, на который нет простого ответа». После разного рода рассуждений составители директивы СНБ 20/1 постановили вверить его в руки тех самых «правителей» для нашей страны, которых США доставят из-за границы. Что даст возможность физически истребить коммунистов, а США умоют руки:

«На любой территории, освобожденной от правления Советов, перед нами встанет проблема человеческих остатков (язык-то какой! – **Н. Я.**) советского аппарата власти. В случае упорядоченного отхода советских войск с нынешней советской территории местный аппарат Коммунистической партии, вероятно, уйдет в подполье, как случилось в областях, занятых немцами в недавнюю войну. Затем он вновь заявит о себе в форме партизанских банд.

В этом отношении проблема, как справиться с ним, относительно проста: нам окажется достаточным раздать оружие

и оказать военную поддержку любой некоммунистической власти, контролирующей данный район, и разрешить расправиться с коммунистическими бандами до конца традиционными методами русской гражданской войны. Куда более трудную проблему создадут рядовые члены Коммунистической партии или работники (советского аппарата), которых обнаружат или арестуют или которые отдадутся на милость наших войск или любой русской власти. И в этом случае мы не должны брать на себя ответственность за расправу с этими людьми или отдавать прямые приказы местным властям, как поступить с ними. Это дело любой русской власти, которая придет на смену коммунистическому режиму. Мы можем быть уверены, что такая власть сможет много лучше судить об опасности бывших коммунистов для безопасности нового режима и расправиться с ними так, чтобы они в будущем не наносили вреда... Мы должны неизменно помнить: репрессии руками иностранцев неизбежно создают местных мучеников... **Итак, мы не должны ставить своей целью проведение нашими войсками на территории, освобожденной от коммунизма, широкой программы декоммунизации и в целом должны оставить это на долю любых местных властей, которые придут на смену Советской власти**⁴⁸.

На этом заканчивалась директива СНБ 20/1, которая вы-

⁴⁸ «Containment. Documents on American Policy and Strategy 1945 – 1950», pp. 174, 176, 180 – 181, 190, 189, 196, 197, 201 – 203

звала неистовый восторг Белого дома и легла в основу американской политики в отношении Советского Союза. Во многом и очень многом, даже в нумерации, она сходилась с директивой № 21, отданной примерно за восемь лет до этого Гитлером о плане «Барбаросса»...

Впрочем, вопрос о приоритете геноцида в отношении тех, кто считается противником, не так прост. Директива СНБ 20/1 полностью соответствовала американской традиции ведения войны, которой восхищался не кто иной, как Гитлер. В его новейшей биографии, написанной американским историком Дж. Толандом, сказано: «Гитлер утверждал, что свои идеи создания концентрационных лагерей и целесообразности геноцида он почерпнул из изучения истории... США. Он восхищался, что... в свое время на Диком Западе были созданы лагеря для индейцев. Перед своими приближенными он часто восхвалял эффективность американской техники физического истребления – голодом и навязыванием борьбы в условиях неравенства сил»⁴⁹. Журнал «Ньюсуик» восхвалял эту книгу как «первую работу, которую должен прочитать каждый, интересующийся Гитлером... В ней сообщается много нового», а автор был удостоен в США премии Пулитцера. Вот и учтем это «новое»!

Соединенные Штаты в 1948 году брали курс на развязывание агрессивной войны против Советского Союза в самом ближайшем будущем. Непосредственные задачи воен-

⁴⁹ J. Toland. Adolf Hitler, N. Y., 1981, p. 702.

ного планирования потребовали изложения описанного документа лаконичным языком, дабы довести его в качестве руководства до сведения командования вооруженных сил. Это взяли на себя члены Совета национальной безопасности: вице-президент СНБ А. Баркли, государственный секретарь Дж. Маршалл, министр обороны Дж. Форрестол, военный министр К. Ройал, министр военно-морского флота Д. Салливан, министр авиации С. Саймингтон, директор ЦРУ контр-адмирал Р. Хилленкоттер, директор управления национальных ресурсов Д. Стилмен и исполнительный секретарь СНБ адмирал С. Соуэрс⁵⁰.

Внушительный авторский коллектив несколько месяцев трудился над собственной версией директивы СНБ-20/1, в конечном итоге сократив ее ровно в четыре раза. Конечный вариант, предложенный Трумэну и утвержденный им 23 ноября 1948 года как директива СНБ 20/4, воспроизводил все основные положения предшествовавшей директивы, немного подпорченные канцелярским стилем высокопоставленных авторов. Конечно, они и их помощники в совокупности не обладали литературным даром главы совета планирования политики, где была сочинена директива СНБ 20/1.

С чиновничьим изяществом в директиве СНБ 20/4 заявлялось: «Самую серьезную угрозу безопасности США в обозримом будущем представляют враждебные замыслы, гро-

⁵⁰ «Drop Shot. The United States Plan for War with the Soviet Union in 1957». Ed. by A. Brown, N Y., 1978, p. 36.

мадная мощь СССР и характер советской системы». Следовательно, само существование советского строя – «серьезная угроза», и все тут. Далее иногда в небольшом перифразе, а главным образом буквальным воспроизведением ключевых мест повторялась директива СНБ 20/1 и перечислялись уже известные нам действия как в «мирное время», так и во время войны. По сравнению с ней, однако, несколько больший упор делался на подрывную работу в обоих случаях, с конечным выводом в этом отношении:

«Если Соединенные Штаты используют потенциальные возможности психологической войны и подрывной деятельности, СССР встанет перед лицом увеличения недовольства и подпольной оппозиции в зоне, находящейся под советским контролем».

Были кое-какие различия и в терминологии. Так, в директиве СНБ 20/4 появился термин применительно к СССР «большевистский режим», что понятно – ее писали люди много старше, чем сочинители директивы СНБ 20/1. Все это были несущественные различия, порожденные скорее авторским честолюбием, чем различием во взглядах.

Коль скоро директива СНБ 20/4 спускалась исполнителям, их заверили, что СССР война застигнет врасплох, ибо «тщательный учет самых различных факторов указывает на вероятность того, что Советское правительство в настоящее время не планирует никаких умышленных военных дей-

ствий, рассчитанных на вовлечение США в конфликт»⁵¹.

Положения директивы СНБ 20/4 были приняты к исполнению американскими штабами, цитировались и учитывались при составлении оперативных планов нападения на Советский Союз, каковых в это время было немало.

Политики подтвердили генералам, кто враг, а тем, в свою очередь, осталось определить военные методы и средства разгрома Советского Союза. Без большой оттяжки, ибо директивы СНБ 20/1 и 20/4 исходили из того, что война против СССР не за горами.

6

К 1948 году в сейфах американских штабов скопилось немало оперативных разработок нападения на Советский Союз. Как комитет начальников штабов, так и командующие на местах приложили к этому руку. Например, командующий американскими войсками в Европе Д. Эйзенхауэр оставил в наследство своему преемнику на этом посту план «Тоталити», составленный еще в конце 1945 года. Планы, естественно, обновлялись, однако всеобъемлющая подготовка к скорому нападению на СССР последовала за принятием описанных директив СНБ.

По приказанию комитета начальников штабов к середине 1948 года был составлен план «Чариотир». Война долж-

⁵¹ F. R.: 1948, v. 1. pt. 2, pp. 666, 665.

на была начаться «с концентрированных налетов с использованием атомных бомб против правительственных, политических и административных центров, промышленных городов и избранных предприятий нефтеочистительной промышленности с баз в западном полушарии и Англии».

В первый период войны – тридцать дней – намечалось сбросить 133 атомные бомбы на 70 советских городов. Из них 8 атомных бомб на Москву с разрушением примерно 40 квадратных миль города и 7 атомных бомб на Ленинград с соответствующим разрушением 35 квадратных миль. В последующие за этим два года войны предполагалось сбросить еще 200 атомных бомб и 250 тысяч тонн обычных бомб. Командование стратегической авиации предполагало, что где-то в ходе этих бомбардировок или после них Советский Союз капитулирует ⁵².

К 1 сентября 1948 года по штабам соединений вооруженных сил США был разослан план «Флитвуд» – руководство к составлению соответствующих оперативных планов. Как в наметках «Чариотира», так и в плане «Флитвуд» признавалось, что с началом войны Советский Союз сможет занять Европу. Как было, например, отмечено в плане «Флитвуд» применительно к Средиземноморью:

«К исходу шестого месяца боевых действий Советы смогут оккупировать и укрепиться на всем северном побережье Средиземного моря, от Пиренеев до Сирии, и подвергнуть

⁵² «Drop Shot...», p. 6.

линии коммуникаций в море сосредоточенным ударам с воздуха. Кроме того, СССР через шесть месяцев после начала войны сможет оккупировать Испанию и подвергнуть артиллерийскому обстрелу коммуникации (через Гибралтарский пролив)»⁵³. Объединенный разведывательный комитет в приложении к плану «Флитвуд» заключил:

«СССР в борьбе с вероятными противниками – США, Англией и союзными с ними странами – сможет овладеть ключевыми районами Европы и Азии»⁵⁴.

Перспективы для американских агрессоров выглядели мрачноватыми, тогда зачем открывать войну, в первый период которой по планам только и думали об эвакуации из Западной Европы? Командование американской стратегической авиации предлагало временно закрыть на это глаза, ибо, пока Красная Армия будет продвигаться по Европе и Азии, атомные бомбардировки территории Советского Союза-де подорвут основной элемент советской мощи – политический, каковой, по заключению объединенного разведывательного комитета в приложении к плану «Флитвуд», состоял в следующем:

«1) прирожденное мужество, выдержка и патриотизм русского населения; 2) отлаженный и четкий механизм централизованного контроля Кремля в советской орбите... 3) идеологическая привлекательность теоретического коммунизма;

⁵³ «Containment. Documents...», p. 323.

⁵⁴ «Drop Shot...», p. 9-10.

4) доказанная способность советского режима мобилизовать прирожденный русский патриотизм в поддержку советских военных усилий; 5) способность русского народа и правительства вести войну в условиях крайней дезорганизации, как случилось в первые годы второй мировой войны»⁵⁵.

Атомные бомбы, заверяли генералы американских ВВС, сильнее. Вот по этому поводу – могут ли стратегические ВВС сломить волю русских к борьбе – и завязался спор в высшем командовании вооруженных сил, спор, проходивший на фоне завершения подготовки к атомным Ударам. 21 декабря 1948 года главнокомандующий ВВС доложил комитету начальников штабов составленный во исполнение указанных директив оперативный план САК ЕВП 1-49:

«... 2. Война начнется до 1 апреля 1949 г.

3. Атомные бомбы будут использоваться в масштабах, которые будут сочтены целесообразными...

32а. С учетом количества имеющихся атомных бомб, радиуса действия союзных бомбардировщиков, точности бомбометания, мощности бомбардировок первостепенными объектами для ударов с воздуха являются главные города Советского Союза. Уничтожение их настолько подорвет центры промышленности и управления СССР, что наступательная и оборонительная мощь Советских Вооруженных Сил резко снизится...

в. Планы объектов и навигационные карты для операций

⁵⁵ Ibid., p. 7.

против первых 70 городов будут розданы по частям к 1 февраля 1949 г. Имеющиеся навигационные карты в масштабе 1:1 000 000 достаточно точны, чтобы обеспечить полет к любому нужному пункту на территории СССР...

л. Для первых атомных бомбардировок в целях планирования принимаются возможные потери в 25% от числа участвующих бомбардировщиков, что совсем не воспрепятствует использованию всего запаса атомных бомб. По мере воздействия атомного наступления на советскую ПВО потери бомбардировщиков снизятся...

33. Из всего изложенного следует вывод:

Мощное стратегическое воздушное наступление против ключевых элементов советского военного потенциала может быть проведено по плану»⁵⁶.

Оптимизм генералов ВВС бил ключом, не зная никаких границ. Им не терпелось поднять в воздух стратегическую авиацию. Но они определенно не понимали следующего. Речь шла не о том, удастся или не удастся сжечь города (генералы на это отвечали утвердительно), а о том, какие моральные последствия это будет иметь для всего населения и достижения целей войны в целом. Командующим другими видами вооруженных сил и родов оружия, помимо стратегической авиации, претензии ее штабов представлялись мало-реальными. В начале 1949 года был создан специальный комитет из высших чинов армии, флота и авиации под предсе-

⁵⁶ «Containment. Documents...», pp. 357 – 360.

дательством генерал-лейтенанта Х. Хармона, который попытался оценить политические последствия намеченного атомного наступления с воздуха на Советский Союз. 11 мая 1949 года комитет представил сверхсекретный доклад «Оценка воздействия на советские военные усилия стратегического воздушного наступления».

«Проблема: 1. Оценить воздействие на военные усилия СССР стратегического воздушного наступления как предусмотренного в нынешних военных планах, включая оценку психологического воздействия атомных бомбардировок на волю Советов вести войну...

3. План стратегического воздушного наступления... предусматривает две отдельные фазы:

а) первая фаза: серия налетов главным образом с применением атомных бомб на 70 городов (командование стратегической авиации ныне планирует выполнить это за 30 дней);

б) вторая фаза: продолжение воздушного наступления с применением как атомных, так и обычных бомб.

Последствия для промышленности:

... 9. Материальный ущерб, гибель людей в промышленных районах, другие прямые и косвенные последствия первой фазы воздушного наступления приведут к снижению промышленного потенциала СССР на 30 – 40%. Оно не будет постоянным – либо будет компенсировано советскими восстановительными работами, либо усугубится в зависимо-

сти от мощи и эффективности последующих налетов...

Людские потери:

... 11. Первая фаза атомного наступления приведет к гибели 2 700 000 человек и в зависимости от эффективности советской системы пассивной обороны повлечет еще 4 000 000 жертв. Будет уничтожено большое количество жилищ, и жизнь для уцелевших из 28 000 000 человек будет весьма осложнена (то есть общее население городов, намеченных для атомных бомбардировок. – **Н. Я.**).

Психологическое воздействие:

12. Атомное наступление само по себе не вызовет капитуляции, не уничтожит корней коммунизма и фатально не ослабит советское руководство народом.

13. Для большинства советского народа атомные бомбардировки подтвердят правильность советской пропаганды против иностранных держав, вызовут гнев против Соединенных Штатов, объединят народ и приумножат его волю к борьбе. Среди меньшинства, размеры которого определить невозможно, атомные бомбардировки могут стимулировать диссидентство⁵⁷ и надежду на освобождение от угнетения. Если перед диссидентами не откроются куда более благоприятные возможности, эти элементы не окажут сколько-нибудь примечательного воздействия на советские военные усилия.

14. В СССР возникнет психологический кризис, который

⁵⁷ В американских документах понятие «диссидент» впервые появляется в этой связи

может быть обращен на пользу союзников своевременным использованием вооруженных сил и методов психологической войны. Если мы быстро и эффективно не сделаем этого, шанс будет упущен, и последующая психологическая реакция Советов неблагоприятно скажется на достижении целей союзников.

Воздействие на Советские Вооруженные Силы: 15. Возможности Советских Вооруженных Сил быстро продвинуться в избранные районы Западной Европы, Ближнего и Дальнего Востока не будут серьезно расстроены, однако впоследствии будут прогрессивно убывать». Далее перечисляются технические аспекты – нехватка горючего, транспортные затруднения и т. д.

«17. Атомные бомбардировки развяжут руки всем противникам применять оружие массового поражения и приведут к тому, что СССР прибегнет к максимальным мерам возмездия, какие окажутся в его распоряжении.

Общий вывод: 18. Атомные бомбардировки приведут к определенным психологическим реакциям и мерам возмездия, наносящим ущерб военным целям союзников, а их разрушительные последствия осложнят послевоенные проблемы. Однако атомное оружие – главный компонент военной мощи союзников в любой войне против СССР. Он является единственным средством быстро вызвать шок и нанести серьезный ущерб ключевым элементам советского военного потенциала. Атомные удары, нанесенные в начале вой-

ны, значительно облегчат использование других средств союзной военной мощи и снизят собственные потери. Полное использование этих преимуществ зависит от быстроты проведения других военных операций и мер психологической войны. С точки зрения наших национальных интересов преимущества немедленного применения в войне атомного оружия стоят превыше всего. Должны быть употреблены все разумные усилия, дабы подготовить средства для быстрой и эффективной доставки максимального количества атомных бомб к намеченным целям»⁵⁸.

Генералам, во всяком случае в канун войны, подобает думать о победах, а не размышлять о поражениях, – отсюда налет оптимизма в докладе комитета Х. Хармона. Однако при зрелом размышлении со всей очевидностью проступает глубокая озабоченность по поводу сумасбродных замыслов нанести поражение Советскому Союзу главным образом, если не исключительно, атомными бомбардировками. Да, если даже они, как обещает командование ВВС, пройдут по плану и будут за первый месяц убиты 6,7 миллиона советских граждан, моральный дух русских не будет подорван, а воля к борьбе только возрастет. Хармон с коллегами не заглядывали дальше первого месяца войны, и, надо думать, умышленно: они определенно страшились того, что откроет атомный пролог. Политических проблем оружие, особенно только атомное, не разрешит. Ну конечно, они, ясак подобает во-

⁵⁸ Ibid., pp. 361 – 364.

енным, призвали к пополнению арсеналов, особенно средств доставки и т. д.

Расчеты и подсчеты комитета Х. Хармона (вероятно, были и другие такого же свойства) пока остановили атомщиков у роковой черты, но зловещий курс на войну с СССР не был оставлен. В апреле 1949 года сколачивается агрессивный Североатлантический пакт. По периметру границ социалистического лагеря строились и вводились в действие все новые военные базы, США раскручивали маховик военной экономики. Высшие американские руководители, мышление которых во всевозрастающей степени милитаризовалось, полагали, что удастся создать подавляющее военное превосходство над СССР, которое сведет до минимума значение описанных политических факторов. Простым путем – поголовным физическим истреблением. Командующий ВВС США в Европе генерал К. Лимей, собственно, так и представлял дело. Он с насмешкой отозвался тогда о составлении разных планов войны с СССР: незачем. США-де имеют средства просто «очистить от людей громадные пространства поверхности планеты, оставив только следы материальной деятельности человека»⁵⁹. Эти, типа Лимея, были уверены, что у них есть время. На Западе думали, что пройдет немало лет, пока СССР создаст атомное оружие. Но...

3 сентября 1949 года американский бомбардировщик B-29, совершавший плановый патрульный полет в северной

⁵⁹ «Drop Shot...», p. 5.

части Тихого океана, при очередном заборе пробы воздуха обнаружил повышенную радиоактивность. Лихорадочная проверка данных, и примерно через неделю сомнений не осталось: в Советском Союзе испытана атомная бомба. Комиссия по атомной энергии США, введшая примерно за год до этого «программу дальнего обнаружения» – круглосуточное дозиметрическое наблюдение за атмосферой, – торжествовала: не военные, особенно ВВС, а ученые оказались правы в оценке советской науки...⁶⁰ То был исторический подвиг советских ученых и инженеров, положивший конец американской монополии на атомное оружие. Наши материальные жертвы оказались не напрасными, страну отныне прикрывал и атомный щит.

25 сентября 1949 года ТАСС сообщил: «Советский Союз овладел секретом атомного оружия еще в 1947 году. Что касается тревоги, распространяемой по этому поводу некоторыми иностранными кругами, то для тревоги нет никаких оснований. Следует сказать, что Советское правительство, несмотря на наличие у него атомного оружия, стоит и намерено стоять в будущем на своей старой позиции безусловного запрещения применения атомного оружия».

Ответ Вашингтона: немедленное рассмотрение возможности развязать превентивную войну.

«Однако, – замечает американский исследователь А. Бра-

⁶⁰ R. Hewlett and F. Dunean. Atomic Shield: 1947 – 52, Pennsylvania State University Press, 1969, pp. 362 – 369.

ун, – превентивная война не была развязана. Помимо всего прочего, Соединенные Штаты не могли выиграть такую войну в 1949 – 1950 гг. Стратегическая авиация **не могла** в то время нанести России один непоправимый удар»⁶¹.

И в своей книге «Дропшот. Американский план атомной войны против СССР в 1957 г.» (1978) Браун подробно рассматривает причины этого. В конце 1949 года США имели 840 стратегических бомбардировщиков в строю, 1350 в резерве, свыше 300 атомных бомб. Только с баз на Британских островах можно было достичь Москвы, Ленинграда и других объектов в европейской части СССР. Для целей планирования датой начала войны было установлено 1 января 1950 года. С ее началом в течение трех месяцев предстояло сбросить примерно 300 атомных бомб и 20 тысяч тонн обычных бомб на объекты в 100 советских городах, для чего необходимо 6 тысяч самолето-вылетов. Все это именовалось планом «Тройан».

Комитет начальников штабов приказал группе генерал-лейтенанта Д. Хэлла проверить на штабных играх шансы выведения из строя девяти стратегических районов: Москва-Ленинград, Урал, объекты у Черного моря, Кавказ, Архангельск, Ташкент-Алма-Ата, Байкал, Владивосток. Вот как выглядели подсчеты, скажем, для действий против объектов в районе Черного моря 233 бомбардировщиков Б-29 и Б-50 (32 из них несли атомные бомбы, а остальные подавляли со-

⁶¹ «Drop Shot...», p. 20.

ветскую ПВО и создавали помехи для работы локаторов). Предполагалось, что на объекты будут сброшены 24 атомные бомбы (три атомные бомбы будут потеряны в сбитых самолетах, две не сбросят, а еще три сбросят не на цели). Потери: 35 самолетов от действий истребителей, 2 – от огня зенитной артиллерии, 5 – по другим разным причинам, неустановленное число машин получит повреждения, не поддающиеся ремонту.

Проиграв воздушное наступление против СССР, группа Хэлла подвела итог: вероятность достижения целей 70 процентов, что повлечет потерю 55 процентов наличного состава бомбардировщиков. Но сумеют ли экипажи продолжать выполнение заданий при таких потерях? Во время второй мировой войны самые тяжкие потери понесла группа из 97 бомбардировщиков, бомбившая в ночь с 30 на 31 марта 1944 года Нюрнберг. Не вернулось 20 или 20,6 процента самолетов, участвовавших в налете. После этого среди летного состава на базах в Англии возникло брожение, граничившее с мятежом. А здесь потери в 55 процентов! По ряду технических причин воздушное наступление против СССР не могло быть проведено молниеносно, атомные бомбардировки Москвы и Ленинграда планировались только на девятый день открытия боевых действий. А самые оптимистические подсчеты указывали: базы на Британских островах, например, будут полностью выведены из строя действиями ВВС СССР теперь уже с применением атомного оружия макси-

мум через два месяца. Это наверняка, а быть может, скорее, но когда? Вскрылось, что стратегическая авиация США, нанося ужасающий урон городам СССР, выбывала из игры – она оказывалась без достаточного количества самолетов, баз, система обеспечения и обслуживания приходила в крайнее расстройство. А советские армии к этому времени уже вышли на берега Атлантического и Индийского океанов. Аксиомой американского планирования войны против СССР была утрата в первые месяцы Европы, Ближнего и Дальнего Востока.

Начальник оперативного управления штаба ВВС США генерал-майор С. Андерсон доложил 11 апреля 1950 года министру авиации США С. Саймингтону: «ВВС США не могут: а) выполнить все воздушное наступление по плану „Тройан“, б) обеспечить противовоздушную оборону территории США и Аляски»⁶².

Вопрос о превентивной войне против Советского Союза в 1950 году ввиду ее военной невозможности был снят. Коль скоро выяснилось, что Соединенные Штаты не располагают достаточными силами, чтобы нанести поражение Советскому Союзу, агрессия была перенесена в плоскость подготовки коалиционной войны, на что требовалось время. Датой открытия боевых действий было принято 1 января 1957 года.

По указанию правительства комитет начальников штабов с 1949 года разработал план войны под кодовым назва-

⁶² Ibid., p. 28

нием «Дропшот», в интересах сохранения тайны название умышленно бессмысленное. Предполагалось, что совместно с США выступят все страны НАТО. Ирландия, Испания, Швейцария, Швеция, Египет, Сирия, Ливия, Ирак, Саудовская Аравия, Йемен, Израиль, Иран, Индия и Пакистан «постараются остаться нейтральными, но присоединятся к союзникам, если подвергнутся нападению или серьезной угрозе». Разумеется, многие страны, не входящие в НАТО, едва ли предполагали, что их уже вписали в план «Дропшот».

«Общая стратегическая концепция» плана выглядела следующим образом:

«Во взаимодействии с нашими союзниками навязать военные цели Советскому Союзу, уничтожив советскую волю и способность к сопротивлению путем стратегического наступления в Западной Евразии и стратегической обороны на Дальнем Востоке.

Первоначально: защитить западное полушарие; вести воздушное наступление; начать выборочное сдерживание советской мощи приблизительно в пределах зоны: Северный полюс – Гренландское море – Норвежское море – Северное море – Рейн – Альпы – о. Пиава – Адриатическое море – Крит – южная Турция – долина Тигра – Персидский залив – Гималаи – Юго-Восточная Азия – Южно-Китайское море – Восточно-Китайское море – Берингово море – Берингов пролив – Северный полюс; удержать и обеспечить важнейшие стратегические районы, базы и коммуникационные линии;

вести психологическую, экономическую и подпольную войну, одновременно подвергая беспощадному давлению советскую цитадель, используя все методы для максимального истощения советских военных ресурсов.

В последующий период: вести координированные наступательные операции всеми видами вооруженных сил»⁶³.

В первый период войны планировалось сбросить на Советский Союз свыше 300 атомных и 250 тысяч тонн обычных бомб, уничтожив до 85 процентов советской промышленности. Были детально расписаны задачи по подавлению советской ПВО, против советских наземных, морских и воздушных сил. Во втором периоде продолжается наступление с воздуха и изготавливаются к действию наземные силы НАТО – 164 дивизии, из них 69 американских. Устанавливается контроль над морскими и океанскими коммуникациями и т. д. На третьем этапе с запада переходят в наступление 114 дивизий НАТО, с юга (с высадкой на северо-западном побережье Черного моря) 50 дивизий, которые уничтожают Советские Вооруженные Силы в Центральной Европе. Эти действия и продолжающиеся массированные бомбардировки советских городов принуждают СССР и его союзников к капитуляции. В войне против СССР всего задействуются до 250 дивизий – 6 миллионов 250 тысяч человек. В авиации, флоте, противовоздушной обороне, частях усиления и пр. еще 8 миллионов человек. В общей сложности для выполне-

⁶³ Ibid., p. 47.

ния плана «Дропшот» предусматривалось использовать вооруженные силы общей численностью в 20 миллионов человек⁶⁴.

В последний, четвертый период буквально любовно выписанный в плане «Дропшот», – «дабы обеспечить выполнение наших национальных целей, союзники должны оккупировать» Советский Союз и другие социалистические страны Европы. Общие потребности оккупационных войск определялись в 38 дивизий, то есть примерно 1 миллион человек в наземных войсках. Из них 23 дивизии несут оккупационные функции на территории Советского Союза. Территория нашей страны делится на 4 «района ответственности», или оккупационные зоны: Западная часть СССР, Кавказ – Украина, Урал – Западная Сибирь – Туркестан, Восточная Сибирь – Забайкалье – Приморье. Зоны подразделялись на 22 «подрайона ответственности». Оккупационные войска распределялись по следующим городам: в Москве – две дивизии и по одной дивизии в Ленинграде, Минске, Мурманске, Горьком, Куйбышеве, Киеве, Харькове, Одессе, Севастополе, Ростове, Новороссийске, Батуми, Баку, Свердловске, Челябинске, Ташкенте, Омске, Новосибирске, Хабаровске, Владивостоке.

Из пяти воздушных армий, предназначенных для оккупации всех стран социализма, четыре дислоцировались на территории СССР. В каждую армию должны были входить

⁶⁴ Ibid., p. 241.

пять-шесть боевых групп, одна группа транспортных самолетов и одна штурмовая группа. В Балтийское и Черное моря вводилось по оперативному авианосному соединению. Особо подчеркивалось, что сильное насыщение оккупационных сил авиацией «должно дать зримое доказательство мощи союзников» советским людям. Памятуя о том, что оккупантам придется выполнять карательные функции, план «Дропшот» предусматривал дополнительное обеспечение войск транспортом всех видов для придания им высокой мобильности ⁶⁵.

Как в предшествующих планах агрессии, так и в плане «Дропшот» война против Советского Союза и оккупация носили ярко выраженный классовый характер. Необходимость войны определялась «серьезной угрозой безопасности США, которую... представляет характер советской системы...

Никогда еще в истории намерение и стратегические цели агрессора не определялись так ясно. На протяжении веков победа в классовой борьбе пролетариата против буржуазии определяется как средство, при помощи которого коммунизм будет господствовать над миром» ⁶⁶.

«Дропшот» был переломным в американском военном планировании в том отношении, что в отличие от прежних планов, имевших в виду агрессию чисто военными средствами, в этой войне против СССР обращалось внимание на ис-

⁶⁵ Ibid., pp. 243 – 245.

⁶⁶ Ibid., pp. 42, 73.

пользование классовых союзников по ту сторону фронта, то есть «диссидентов». Термин становится принятым в военных планах. Конечно, штабные планировщики не строили никаких иллюзий насчет силы «диссидентов» самих по себе:

«Будет труднее применять методы психологической войны к народу СССР, чем к народу Соединенных Штатов...

Но психологическая война – чрезвычайно важное оружие для содействия диссидентству и предательству среди советского народа; подрвет его мораль, будет сеять смятение и создавать дезорганизацию в стране...

Широкая психологическая война – одна из важнейших задач Соединенных Штатов. Основная ее цель – уничтожение поддержки народами СССР и его сателлитов их нынешней системы правления и распространение среди народов СССР осознания, что свержение Политбюро в пределах реальности...

Эффективного сопротивления или восстаний можно ожидать только тогда, когда западные союзники смогут предоставить материальную помощь и руководство и заверить диссидентов, что освобождение близко...»⁶⁷.

Эти рассуждения, в сущности, являлись перифразом специальных американских исследований того времени о причинах провала похода гитлеровской Германии против нашей страны. Американские теоретики сочли, что Берлин в 1941 – 1945 годах упустил из виду политические аспекты, которые

⁶⁷ Ibid., pp. 60, 74 – 75, 62.

сформулировал еще К. Клаузевиц, а именно: «Россия не такая страна, которую можно действительно завоевать, то есть оккупировать... Такая страна может быть побеждена лишь внутренней слабостью и действием внутренних раздоров»⁶⁸. Теперь американские стратеги вознамерились исправить ошибки руководителей рейха.

И еще. Составители плана «Дропшот» внесли в него положения директивы СНБ-58, утвержденной Трумэном 14 сентября 1949 года: «Политика США в отношении советских сателлитов в Восточной Европе». Они размышляли о том, что националистические отклонения-де «серьезно ослабят советский блок. Такую слабость Соединенные Штаты должны использовать... двинув как острие клина для подрыва авторитета СССР создание группы антимосковских коммунистических государств»⁶⁹. Как же это может случиться? Военные, авторы плана «Дропшот», не брались отвечать. Но в директиве СНБ-58, опубликованной даже в 1978 году с большими купюрами, утверждалось:

«Наша конечная цель, разумеется, – появление в Восточной Европе нетоталитарных правительств, стремящихся связаться и устроиться в сообществе свободного мира. Однако серьезнейшие тактические соображения препятствуют выдвиганию этой цели как непосредственной... Для нас практически осуществимый курс – содействовать еретическому

⁶⁸ К. Клаузевиц. О войне. М., 1941 т 2, с. 365.

⁶⁹ «Drop Shot...», p. 20.

процессу отделения сателлитов. Как бы они ни представлялись слабыми, уже существуют предпосылки для еретического раскола. Мы можем способствовать расширению этих трещин, не беря на себя за это никакой ответственности. А когда произойдет разрыв, мы прямо не будем впутаны в вызов советскому престижу, ссора будет происходить между Кремлем и коммунистической реформацией».

При проведении этой политики, особо подчеркивалось в директиве СНБ-58, США надлежит всячески заметать следы:

«Мы должны вести наступление не только открытыми, но и та иными операциями... Курс на подстрекательство к расколу внутри коммунистического мира следует вести сдержанно, ибо этот курс всего-навсего тактическая необходимость и нельзя никак упускать из виду, что он не должен заслонить нашу конечную цель создание – нетоталитарной системы в Восточной Европе. Задача состоит в том, чтобы облегчить рост еретического коммунизма, не нанеся в то же время серьезного ущерба нашим шансам заменить этот промежуточный тоталитаризм терпимыми режимами, входящими в западный мир. Мы должны всемерно увеличивать всемерную помощь и поддержку прозападным лидерам и группам в этих странах»⁷⁰.

Но... всегда держать язык за зубами, поучал Дж. Кеннан за закрытыми дверями правительственных ведомств Ва-

⁷⁰ «Containment. Documents...», pp. 212, 222.

шингтона. «Нам нет нужды делать щедрые подарки советской пропаганде, беря на себя ответственность за процесс раскола в коммунистических странах», – говорил Дж. Кеннан в закрытой лекции в Пентагоне ⁷¹.

В общей стратегической концепции плана «Дропшот» психологическая война занимала следующее место:

«Анализ: Начало или усиление психологической, экономической и подпольной войны, направленной как на дружественные, так и на вражеские группы или страны, сильно увеличит шансы на быстрое и успешное завершение войны, ибо поможет преодолеть волю врага в борьбе, поддержит моральный дух дружественных групп на вражеской территории, поднимет мораль дружественных стран и повлияет на отношение нейтральных стран в отношении союзников.

Этот тип войны может применяться и в мирное время как против СССР, так и дружественных стран, но она должна быть решительно усилена с началом боевых действий с максимальным использованием психологических последствий воздушного наступления. Она потребует участия всех видов вооруженных сил для оказания помощи другим ведомствам в ее проведении...

Задача: Добиться интеграции психологической, экономической и подпольной войны и военных операций» ⁷².

В заключение в плане «Дропшот» бросается взор в буду-

⁷¹ J. Gaddis. *Strategies of Containment*, N. Y., 1982, p. 47.

⁷² «Drop Shot...», pp. 76, 75, 41.

щее – после разгрома СССР и его союзников в Европе наступал черед Дальнего Востока, где на протяжении войны против Советского Союза США находились в стратегической обороне. Итак:

«Мы исходим из того, что коммунистический Китай и другие районы Юго-Восточной Азии, контролируемые местными коммунистами, в отличие от Кореи и европейских сателлитов не окажутся под полным господством СССР и в случае его быстрой капитуляции необязательно также капитулируют. Следовательно, введение союзных оккупационных войск в эти районы до капитуляции СССР может оказаться как неосуществимым, так и нежелательным, поскольку для подавления сопротивления потребуется вести настоящую войну. Следовательно, решение о надлежащих действиях в этих районах будет принято с учетом обстановки, которая сложится после капитуляции СССР. Следует иметь в виду, что достижение национальных целей Соединенных Штатов потребует мощного наступления на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии после капитуляции Советского Союза»⁷³.

Если принять в соображение, что по замыслу плана «Дропшот» на стороне США по доброй воле или под нажимом должны были выступить не только страны НАТО, но ряд государств Азии и Ближнего Востока, а Латинской Америке и Африке отводилась роль резерва и источников сырья,

⁷³ Ibid., pp. 243 – 244.

то упомянутые операции на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии подводят итог: Вашингтон вознамерился вооруженной рукой стереть социализм с лица всей земли. Это означало одновременно достижение заветной цели американской олигархии – установление мирового господства Соединенных Штатов. Если нужны официальные доказательства, исходящие от правящей элиты США, то вот они – план «Дропшот»!

Тогда почему стал возможным доступ к нему исследователей? А. Браун, опубликовавший в 1978 году этот план в книге с надлежащими комментариями, замечает:

«План „Дропшот“, американский план мировой войны против Советского Союза, был подготовлен комитетом в рамках комитета начальников штабов в 1949 г. по указанию и с ведома президента Гарри С. Трумэна... Военная география не изменяется. А обычное вооружение меняется только по степени своей разрушительной силы. Поля сражений 1949-1957 гг. могут прекрасно стать полями сражений будущей войны.

Эти очевидные соображения ведут к постановке важнейшего вопроса: разве не глупость предавать гласности план «Дропшот»? Я много размышлял над этим и вынужден заключить: да, предание гласности этого документа – глупость. Его нужно было сжечь, закопать или хранить в самом тайном сейфе, ибо он отнюдь не придает Америке привлекательности в глазах России. «Дропшот» был не только планом

атомизации России, но предусматривал оккупацию громадной страны американскими войсками и уничтожение корней большевизма. Несомненно, в наше критическое время, когда «холодная война» прекратилась, пусть временно, а политическая и идеологическая война бушует с неослабевающей силой, русские укажут: «Дропшот» – пример продолжающейся враждебности Америки к России, и поэтому Россия должна иметь и расширять вооруженные силы.

Тогда почему стала возможной публикация плана «Дропшот»? Нет законов, требующих от комитета начальников штабов его рассекречивания... Документ с сопутствующими ему материалами в совокупности показывает: 1) Соединенные Штаты вполне могли проиграть третью мировую войну; 2) Россия, вероятно, смогла бы занять Западную Европу за 20 дней; 3) командование ВВС США считало, что Россия сумеет вывести из строя за 60 дней тогдашнего главного американского союзника Англию с ее базами, имевшими первостепенное значение для нанесения атомных ударов; 4) русские атомные бомбардировки и коммунистическая партизанская война в США значительно подорвали бы способность и волю Америки к продолжению войны; 5) Америка не смогла бы защитить свои собственные города; 6) США потребовалось бы два года, чтобы ее промышленность и вооруженные силы достигли бы такого уровня, который позволил бы американское военное возвращение в Европу и 7) США намеревались оккупировать Россию, идя на риск неутраченной там парти-

занской войны...

Я лично считаю, что комитет начальников штабов, рас-секретив «Дропшот», не руководствовался решительно никакими мотивами. Дело очень просто – план считается устаревшим, с теперешними видами вооружения мы стоим на пороге Судного Дня, и поэтому он не имеет решительно никакого значения»⁷⁴.

Какая-то часть правды в рассуждениях А. Брауна есть, но только часть, и причем небольшая. Мотивы предания огласке этого плана и иных сходных документов, конечно, не поддаются однозначному истолкованию. Что до «устарелости», то в отношении преступных замыслов, вроде тех, что воплощены в раскладках плана «Дропшот», здравый смысл возмутится при одной мысли, что к ним может быть применен срок давности. Можно уверенно утверждать, что публикация – своего рода оправдание: задним числом приводятся веские доказательства – Вашингтон никогда не был «мягок» к коммунизму, а это драгоценный тезис кликуш-милитаристов в США, проливающих слезы по поводу того, что США тогда не нанесли атомного удара по Советскому Союзу. Успех-де был гарантирован. Не кто другой, как генерал К. Лимей, вознесенный в президентство Дж. Кеннеди на пост главнокомандующего ВВС США, в 1968 году выпустил книгу «Америка в опасности», в которой, имея в виду рубеж сороковых и пятидесятих годов, все еще настаивал: «Мы могли бы сте-

⁷⁴ Ibid., p. 1 – 2.

реть Россию с лица земли, не поцарапав при этом локтей»⁷⁵. Доступный ныне для обозрения план «Дропшот» начисто девальвирует генеральскую мудрость.

Но все же те, кто разрешил пустить в научный и публицистический обиход описанные документы, больше думают о будущем, а не о прошлом. Американцам внятно рассказано и наглядно показано, какие губительные последствия повлекла бы за собой большая война с СССР даже в то время, когда не было создано термоядерное оружие, а межконтинентальные ракеты еще не стартовали с чертежных столов. Подспудно и даже иной раз прямо указывается: при существующем соотношении сил между СССР и США вооруженная схватка губительна и для Соединенных Штатов. Десятилетия гонки вооружений, унесшие из карманов американских налогоплательщиков фантастические суммы, не дали Вашингтону искомого преимущества в военной области. Равновесие в силах между капитализмом и социализмом, завоеванное советским народом в 1941 – 1945 годах, опрокинуть не удалось. Этим мы обязаны солдатам Великой Отечественной войны, героям смертельной борьбы против держав фашистской «оси», тем, кто показал, на что способен народ, отстаивающий свою власть.

Тут мы подходим к главному – указания на опасность военного пути в отношении Советского Союза приводятся как доказательство высшей разумности попыток нанести нам по-

⁷⁵ L. Chester, G. Hodgson, B. Page. The American Melodrama, N. Y., 1969, p. 778.

ражение иными методами, то есть не переступая порога термоядерного Армагеддона. Коротко говоря, подрывной работой в самом широком смысле. Военные были засажены за то, что им ведать надлежит свой «Дропшот», а высшее американское государственное руководство приступило к рассмотрению всей стратегии США в отношении СССР с учетом того, что мы располагаем атомным оружием и впереди термоядерная эра. В 1950 году Совет национальной безопасности разрабатывает директиву СНБ-68, призванную сменить директиву СНБ 20/4.

7

Сменить... Пожалуй, громко сказано. Речь шла не больше чем о перестановке акцентов. В новом, очень просторном документе, почти в два раза превышавшем по объему директиву СНБ 20/1, описанные цели политики США полностью подтверждались. Составители проекта – тот же совет планирования политики государственного департамента, который теперь вместо Дж. Кеннана вел П. Нитце, – обильно цитировали директиву 20/4, но внесли в документ дух тревоги, если не паники. Они писали: «Советская угроза безопасности США резко возросла. Она носит тот же характер, что указан в СНБ 20/4 (утвержденной президентом 24 ноября 1948 г.), однако куда ближе, чем считали раньше. Республика и ее граждане в зените мощи подвергается самой страшной опас-

ности. Речь идет о гибели не только республики, но и всей цивилизации».

Директива СНБ-68 открывалась широким обзором коренных изменений, поразивших мир в предшествовавшие 35 лет, – ушли в небытие пять империй: Оттоманская, Австро-Венгерская, Германская, Итальянская и Японская. За жизнь одного только поколения соотношение сил в мире приобрело совершенно новые очертания. Остались лишь две сверхдержавы – «США и СССР, оказавшиеся центрами, во всевозрастающей степени сосредоточивающими вокруг себя мощь». Хотя не очень четко, подтверждалось равновесие в военных силах между США и СССР, то есть вывод комитета начальников штабов, восходивший к 1943 – 1944 годам.

Ну конечно, это признавалось нетерпимым. Шли подробные выкладки соответствующих экономических потенциалов США и СССР и констатировалось, что Соединенные Штаты обязаны в несколько раз увеличить военные расходы. Что, как известно, и было сделано вслед за принятием директивы СНБ-68. На закате президентства Трумэна ежегодные военные расходы США перевалили за 50 миллиардов долларов, более чем в три раза превысив ассигнования конца сороковых годов. Есть ли потолок увеличению военных расходов в широком смысле? В директиве СНБ-68 определялось: «В случае чрезвычайного положения Соединенные Штаты могут уделять до 50% своего валового национального продукта на эти цели, как было во время прошлой войны». Валю-

вой национальный продукт США в 1949 году равнялся 225 миллиардам долларов. За этими рассуждениями просматривалось то, что становится заботой Вашингтона: взвинчивая расходы на военные цели, вовлечь Советский Союз в гонку вооружений и, не доводя пока дела до войны, разорить его.

Советский Союз давал все новые и новые доказательства своей приверженности делу мира. Те, кто раздувал военную истерию, не могли не знать, что и после создания атомного оружия Москва с новой силой подтвердила свою позицию: атомная бомба должна быть запрещена. Как быть? В директиве СНБ-68 констатировалось: «Нам предлагают заявить, что мы не используем атомного оружия, за исключением возмездия на первое применение этого оружия агрессором... Если мы не собираемся отказаться от наших целей, мы не можем искренне выступить с таким заявлением, пока не убедимся, что достигнем наших целей без войны или, в случае войны, не применяя атомное оружие в стратегических и тактических целях». Решительно никакого просвета. Атомные маньяки стояли на своем, а посему преимущества нападения на Советский Союз подробно и тщательно изучались и взвешивались.

Но вот беда: «Способность Соединенных Штатов вести эффективные наступательные операции ныне ограничивается атомным ударом. Можно нанести его Советскому Союзу, однако по всем оценкам одни эти операции не побудят Кремль к капитуляции, и Кремль сможет использовать име-

ющиеся у него силы, чтобы поставить под свое господство большую часть Евразии». Правда, вот проблеск надежды: «Если США создадут термоядерное оружие раньше Советского Союза, то США смогут на определенное время оказывать возрастающее давление на СССР». Но опять проблема. «Если начнется война, то какова в ней роль силы? Если мы не используем ее так, чтобы показать русским людям, что наши усилия направлены против режима и его агрессивной мощи, а не против их интересов, мы объединим режим и народ в борьбе до последней капли крови». Определенно ни атомная, ни тем более термоядерная бомба не могли провести столь тонкого различия, не говоря уже о главном – война против СССР, как мы видим, не сулила победы Соединенным Штатам.

Директива СНБ-68 указывала путь из описанного тупика: с одной стороны, резко увеличить военные приготовления США и их союзников, с другой – «в целом сеять семена разрушения внутри советской системы, с тем чтобы заставить Кремль по крайней мере изменить его политику... Но без превосходящей наличной и легко мобилизуемой военной мощи политика „сдерживания“, которая по своему, существу политика рассчитанного и постепенного принуждения, не больше чем блеф».

Следовательно:

«Нам нужно вести открытую психологическую войну с целью вызвать массовое предательство в отношении Советов

и разрушать иные замыслы Кремля. Усилить позитивные и своевременные меры и операции тайными средствами в области экономической, политической и психологической войны с целью вызвать и поддержать волнения и восстания в избранных стратегически важных странах-сателлитах».

Конечные цели этого образа действия по директиве СНБ-68:

«Цели свободного общества определяются его основными ценностями и необходимостью поддерживать материальное окружение, в котором они процветают...

1. Мы должны быть сильными в утверждении наших ценностей в нашей национальной жизни и в развитии нашей военной и экономической мощи.

2. Мы должны руководить строительством успешно функционирующей политической и экономической системы свободного мира...

3. Но, помимо утверждения наших ценностей, наша политика и действия должны быть таковы, чтобы вызвать коренные изменения в характере советской системы, срыв замыслов Кремля – первый и важнейший шаг к этим изменениям. Совершенно очевидно, это обойдется дешевле, но более эффективно, если эти изменения явятся в максимальной степени результатом действия внутренних сил советского общества...

Победу наверняка обеспечит срыв замыслов Кремля постепенным увеличением моральной и материальной силы

свободного мира и перенесением ее в советский мир таким образом, чтобы осуществить внутренние изменения советской системы»⁷⁶.

7 апреля 1950 года директива СНБ-68 была представлена президенту Трумэну. Она немедленно начала претворяться в жизнь. Официальное утверждение директивы Трумэна последовало 30 сентября 1950 года. СНБ-68 до точки послужила основой американской политики в отношении СССР на многие годы, а в своих важнейших аспектах действует по сей день.

Политическое мышление в Вашингтоне в отношении Советского Союза вращалось в той или иной мере в круге очерченных идей. Случались и курьезы: в 1952 году сенатор Г. Хэмфри, тогда новичок и сенате и, вероятно, не посвященный в высшие государственные тайны, обратился с письмом к Трумэну, подняв вопрос, который, писал сенатор 11 июля 1952 года президенту, «теснейшим образом связан с Вашими самыми коренными интересами... Простите меня, но я вторгаюсь в эти дела, руководствуясь соображениями величайшей государственной значимости». За льстивым вступлением Хэмфри высказался о том, что тревожило сенатора, – как лучше организовать оккупацию Советского Союза. Указав, что война с СССР «возможна», он просил президента:

«Я уверен, что я не выхожу за рамки вероятных событий, предлагая, чтобы наши военные активнейшим образом

⁷⁶ F. R., 1950, v. 1., pp. 237 – 292.

разобрали несколько альтернатив, которые встанут перед нами в конечном итоге после войны и победы. Это по необходимости приведет к заключению, что мы должны оценить значение наших усилий в Германии и Японии по завершении военных действий. Полагаю, г-н президент, что Вы с Вашим острым интересом к истории особо заинтересуетесь историческим обзором нашей оккупационной политики в этих странах. Для историка культуры, на мой взгляд, нет ничего более интересного, чем тщательный и объективный анализ наших новейших основных усилий оказать решительное воздействие на культуру другого народа прямым вмешательством в процессы, через которые проявляется эта культура»⁷⁷.

Документ этот, хранящийся в архиве Г. Трумэна, вероятно, послужил прекрасным аттестатом молодому сенатору в глазах высших американских руководителей. Какие меры были приняты по письму озабоченного Хэмфри, сказать невозможно. Но можно высказать предположение: высокие чины наверняка поздравили друг друга с отличной охраной государственных тайн в США. Сенатор пекся о вмешательстве в «культуру», каковое уже было, как мы видели, определено в секретных военных планах, – сначала атомные бомбы, а затем оккупация Советского Союза. В планах ее «культура» не упоминалась, а заботились о физическом истреблении русских.

⁷⁷ Harry S. Truman Library, President's Secretary's File.

Вот эта линия – безусловного физического поголовного истребления русских – проходит красной нитью через штабное планирование ядерной агрессии – со времен Г. Трумэна по сей день. «О боже, если бы только русские услышали, что несут некоторые наши генералы ВВС!» – воскликнул как-то ответственный работник американских спецслужб Д. Ванслик. Русские знают. Уже по той причине, что время от времени просачивается сказанное и сформулированное за закрытыми дверями. Просачивается потому, например, как сказал начальник разведки ВВС США генерал Ч. Кабел тому же Ванслику: «Иначе мы не получим ассигнований в конгрессе»⁷⁸. О чем речь?

В начале 1982 года военный историк Д. Розенберг рассмотрел два рассекреченных документа периода 1954 – 1955 годов. Возможно, они имели отношение к тем аспектам военного планирования, которое развивало положения плана «Дропшот». В этих документах намечалось нанести СССР внезапный удар – сбросить 750 атомных бомб за два часа, чтобы избежать излишних потерь ВВС США. «Два часа – и останется груда радиоактивных развалин». В докладной генерала К. Андерсона перечислялись объекты – 118 городов и

⁷⁸ T. Powers. The Man who Kept the Secrets. Richard Helms and the CIA, N. Y., 1981, p. 404.

645 аэродромов ⁷⁹. По этим вопросам у планировщиков разногласий не было, вот только один вопрос остался открытым – как США избежать ответного удара?

Выведя за скобки эту проблему (камень преткновения для агрессоров по сей день!), посмотрим, как эволюционирует выбор целей американскими стратегами на территории СССР. Профессор Г. Гертнер из Калифорнийского университета в середине 1981 года обратил внимание:

«Во второй мировой войне многие окраинные республики хорошо выполнили функцию буфера, приняв на себя первоначальный ущерб, который нес вермахт. В ядерной войне случится противоположное. Немедленные и концентрированные разрушения будут нанесены центральным районам Великороссии».

За этим общим положением последовали длительные рассуждения касательно новой американской доктрины выбора целей для ракетно-ядерных ударов. Как именно уничтожать промышленные и административные центры, приоритеты при выборе стратегических объектов и многое другое все – в том же плане. Профессор заверяет, что ныне предусматривается поразить решительно все, ибо учитываются все факторы. Например:

«Есть важные соображения с точки зрения климата. Ветры понесут продукты радиации на самые густонаселенные

⁷⁹ D. Rosenberg. A. Smoking Radiating Ruin at the End of Two Hours, «International Security», Winter 1981/82, pp. 34 – 39.

районы России. С ноября по март ветры преимущественно дуют с юга и запада в их направлении, а с апреля по октябрь с севера и запада также к этим центрам. Это увеличивает опасность сильного радиоактивного заражения, ибо направления ветров локализируют его. Коротко говоря, направления ветров на протяжении всего года гарантируют, что первоначальная радиация (особенно смертоносная) покрывает наиболее густозаселенные районы».

Красноречивый автор проиллюстрировал сказанное на двух картах, помещенных в его статье, – стрелки направления ветров и прочее. Донес, так сказать, графически до сознания заинтересованных читателей будущее, которое готовят нашему народу заокеанские стратеги ⁸⁰.

К величайшему прискорбию, нужно констатировать – приведенные суждения не плод профессорского праздномыслия в солнечной Калифорнии, где, помимо прочего, находится корпорация «Ранд», обслуживавшая теоретическими идеями ВВС США. Нет ни малейших сомнений в том, что все это – логическое развитие стратегической доктрины Вашингтона. Не кто другой, как генерал М. Тейлор (имя которого не сходило с первых страниц газет в президентства Эйзенхауэра и Кеннеди), подтвердил – нужно сжечь в ядерном огне именно эти районы ⁸¹.

⁸⁰ G. Gertner. Strategic Vulnerability of a Multinational State, «Political Science Quarterly, Summer 1981, pp. 211 – 219.

⁸¹ «The Washington-Post», January 14, 1982.

Предание гласности директивы СНБ-68 в 1975 году ⁸², несомненно, преследовало цель перекинуть прочный мост между прошлым и будущим, показать замечательную преемственность и последовательность американской внешней политики. Действительно, зыбучие пески времени не поглотили положений директивы СНБ-68, и правящая олигархия Запада все еще живет на проценты интеллектуального капитала, собранного Советом национальной безопасности США что-то около тридцати лет назад, и еще далека от того, чтобы прожить его.

Это достаточно показали события на международной арене за три десятка лет, а в области политической мысли – одно из тягчайших доказательств соображения специальной трехсторонней исследовательской группы, представленные «трехсторонней комиссией», обсужденные ею и опубликованные в 1978 году в виде доклада «Капитальное рассмотрение отношений между Западом и Востоком».

«Отношения между Западом и Востоком» – общепринятый термин для обозначения отношений между промышленно развитыми демократиями с одной стороны и главными коммунистическими державами с их союзниками – с другой. Памятуя о том, что по отношению к Европе и Атлан-

⁸² «Naval War College Review», May – June 1975, pp. 51 – 108.

тическому побережью США коммунистические державы лежат на востоке, а по отношению к Японии и Тихоокеанскому побережью США – на западе, мы будем для краткости пользоваться этим термином. Так вот, мы можем заявить, что в последние 30 лет отношения между Западом и Востоком характеризовались долговременным конфликтом, в который вкрапливались элементы сотрудничества... Несмотря на появление новых возможных проблем... конфликт между Западом и Востоком, по нашему мнению, сохраняет свое ведущее значение по сей день»⁸³.

Кто эти «мы», выражающиеся безапелляционно и уверенно, трактующие о предметах не меньше чем в глобальных масштабах? Что такое «трехсторонняя комиссия»? О ней известно относительно немного. Журнал «Пентхауз» в декабре 1977 года писал, конечно, с определенным оттенком сенсационности:

«В 1972 г. Дэвид Рокфеллер решил стать фактическим правителем некоммунистического мира. Его орудие для этого – трехсторонняя комиссия... В 1973 г. Дэвид Рокфеллер попросил Збигнева Бжезинского создать трехстороннюю комиссию, закрытый клуб мультимиллионеров и их советников, для правления миром»⁸⁴.

Ее участники буквально щеголяют своим прагматизмом,

⁸³ «An Overview of East – West Relations, Report of the Trilateral Task Force on East – West Relations to the Trilateral Commission», 1978, p. 1.

⁸⁴ «Penthouse», December 1977, pp. 160, 89, 166.

который в их устах означает: в современном мире усилия «частных» лиц иной раз могут дать больше, чем правительства, пораженные бюрократическим склерозом.

«Трехсторонняя комиссия», созданная в 1973 году, объединяет руководителей крупнейших монополий США, Западной Европы и Японии. Насколько известно, на секретных заседаниях они разрабатывают единую политику, начав с попыток разрешения главных экономических и валютных проблем капиталистического мира. Конечная Цель, если верить словам Бжезинского, учреждение «сообщества развитых держав» – США, Западной Европы и Японии. С 1973 года под эгидой комиссии выходят доклады специальных исследовательских трехсторонних групп. Для «капитального рассмотрения отношений между Западом и Востоком» очередь пришла к 1978 году. Это 15-й по счету доклад. Хотя он, преданный гласности, писан иначе, чем зловещие рекомендации директивы СНБ-68, в которой выражались с откровенностью, приличествующей строго секретному документу, дух этой директивы витает над рассуждениями тех, кто разъясняет кредо «трехсторонней комиссии». В самом деле:

«Стабильный мировой порядок, о котором часто говорят на Западе, нереалистичная цель... Больше того, иллюзия стабильности ущербна, ибо склоняет Запад к обороне... Наша основная цель в долговременных отношениях с коммунистическими державами: Запад не должен довольствоваться защитой своих основных ценностей и стремиться во-

плотить их в жизнь только на своей территории. Запад должен поставить своей целью оказывать влияние на естественные процессы изменений, происходящие в „третьем мире“ и даже в коммунистическом мире, в направлении благоприятном, но не неблагоприятном для их ценностей...

Говоря о мирных изменениях в направлении наших ценностей, мы должны скорей стремиться к изменениям внутри этих режимов, оказывая влияние на выбор альтернатив, которые возможны и необходимы в рамках их существующего строя... Запад не может оказывать эффективное влияние простой пропагандой их преимуществ или увеличивая требования к советским лидерам... Мы должны сформулировать перед партнером альтернативы так, чтобы тот или иной курс во внутренних делах для него представлялся более выгодным».

За обтекаемыми парламентскими формулировками кроется очевидное намерение во всевозрастающей степени вклиниваться в дела Советского Союза в интересах подрыва социалистического строя и утверждения «замен пресловутых „ценностей“ капитализма. Одновременно идет поиск союзников внутри Советской страны, каковыми, как всегда, признаются те, кого советские люди считают жалкими отщепенцами. „Политическая деятельность „диссидентов“, принадлежащих к „демократическому движению“, оказывает давление“, – констатируется в докладе. То самое искомое давление „изнутри“. Вот только что огорчительно: „Эти

группы малы... и не пользуются массовым влиянием“. Значимость их в глазах Запада в том, что они отстаивают те самые „ценности“ капитализма, то есть находятся на передовой линии фронта против социализма. Ведут бескомпромиссную борьбу, ибо, выделяется в докладе: „отношение к правам человека – одно из коренных различий между ценностями коммунистических и западных правительств. По своему характеру это различие едва ли может быть преодолено в рамках мирного сосуществования между различными системами“.

Если так, тогда вот и признание из авторитетнейшего источника – кампания Запада о «правах человека» рассчитано наглая провокация! Но вернемся к докладу.

«Западные правительства... могут и должны настаивать на том, чтобы восточные режимы смирились с информацией о нарушениях ими прав человека, распространяемой западными средствами массовой коммуникации, включая специальные передачи для Востока, это и есть „идеологическая борьба...“. Западные правительства... поступят мудро, избегая создавать впечатление, что предпринимаются открытые правительственные попытки произвести изменения „силой“ во внутренней политике восточных стран. Большая часть позитивных или негативных последствий в этих делах зависит от стиля и методов»⁸⁵.

Об этом «стиле и методах» достаточно понаслышались.

⁸⁵ «An Overreview of East – West Relations...», pp. 46-47, 9 – 10, 52 – 54.

10

Уникальным держателем арсенала «стиля и методов», конечно, не связанных с «открытыми правительственными попытками» подрывать государственный и общественный строй других государств, является Центральное разведывательное управление Соединенных Штатов.

От УСС к ЦРУ

1

Ранняя история ЦРУ в Соединенных Штатах окутана клубком благостных легенд, намертво затянутых вокруг пламенной заботы о «национальной безопасности». «Своим существованием ЦРУ может считать себя полностью обязанным внезапному нападению на Пирл-Харбор и послевоенному расследованию той роли, которую сыграла разведка (или ее отсутствие) в том, что нашим вооруженным силам не удалось получить соответствующего своевременного предупреждения о готовящемся нападении Японии»⁸⁶, – объявила в 1955 году комиссия Г. Гувера, занимавшаяся реорганизацией американского государственного аппарата. Мнение по тамошним меркам сверхавторитетное, комиссией руководил экс-президент США.

Г. Трумэн, в президентство которого и было создано ЦРУ, всецело солидаризировался с этим выводом. Он сообщил в мемуарах, оконченных в 1956 году: «По сей день я часто думаю, что, если бы в то время информация, поступавшая правительству, координировалась, было бы значительно труднее, если бы это вообще оказалось возможным, для японцев

⁸⁶ Цит. по: Д. Уайз, Т. Росс. Невидимое правительство. М., 1965, с. 99.

преуспеть во внезапном нападении на Пирл-Харбор. Ведь в те дни военным не было известно все, что знали в госдепартаменте, а дипломаты не имели доступа к сведениям армии и флота».

После второй мировой войны положение президента стало совсем плачевным, жаловался Трумэн. «Необходимая ему информация поступала от различных ведомств. Военное министерство имело свое разведывательное управление – Джи-2, у флота своя разведка – управление военно-морской разведки. С одной стороны, госдепартамент получал информацию по дипломатическим каналам, с другой стороны – министерства финансов и сельского хозяйства имели собственные источники информации из различных частей мира о валютных, экономических и продовольственных проблемах. В войну ФБР вело некоторые операции за рубежом, и в довершение всего Управление стратегических служб (УСС), созданное президентом Рузвельтом и отданное под руководство генерала Уильяма Д. Донована, собирало за границей информацию. Разнобой в методах получения информации свидетельствовал, на мой взгляд, о дурной организации»⁸⁷.

Трумэн и выправил дело, основав в 1947 году в рамках реорганизованного высшего государственного руководства Центральное разведывательное управление в прямом подчинении Совету национальной безопасности (СНБ). В официальной истории ЦРУ, написанной в 1975 году для нужд се-

⁸⁷ H. Truman. *Memoirs. Years of Trial and Hope*, N. Y., 1965, v. 2, pp. 74, 73.

натской комиссии Ф. Черча, сказано:

«В законе (о создании ЦРУ) функции ЦРУ определялись очень неопределенно... На управление возлагались пять главных функций: 1. Давать рекомендации СНБ по вопросам, касающимся национальной безопасности. 2. Вносить рекомендации в СНБ о координации разведывательной деятельности различных ведомств. 3. Соотносить и оценивать разведывательные данные и обеспечивать должный доклад их. 4. Выполнять „функции, представляющие общий интерес“. 5. „Выполнять иные функции и обязанности, касающиеся национальной безопасности, которые СНБ сочтет необходимым указать...“ Тень катастрофы в Пирл-Харборе довлела над мышлением политиков, определявших цели централизованной разведки. Они считали, что ликвидируют условия, в которых оказался возможным Пирл-Харбор, – существование раздерганной разведки на военной основе, которая, используя современную терминологию, не могла отличить „сигналов“ от „шума“, не говоря уже о том, что не была в состоянии дать их оценку вышестоящим инстанциям».

Сказано складно, с точки зрения поверхностной логики сомнений не вызывает. Вашингтон собрался на войну с Советским Союзом и, естественно, озаботился упорядочить разведку. Все правильно. В той же официальной истории ЦРУ подчеркивается:

«Генезис Центрального разведывательного управления в мирное время восходит к Управлению стратегических служб

(УСС) периода второй мировой войны. В результате напористости и целеустремленной решимости организатора и первого начальника УСС Уильяма Д. Донована эта организация стала первым независимым американским разведывательным ведомством, создав в организационном отношении прецедент для ЦРУ. Функции, структура и особые навыки ЦРУ были в значительной мере почерпнуты у УСС»⁸⁸. То же правильно. Но только вот какой вопрос: если УСС и форма для отливки слепка – ЦРУ, то зачем потребовалось разбить эту форму за два года до основания ЦРУ, точнее, 20 сентября 1945 года, когда УСС было ликвидировано приказом Трумэна? Зачем президент собственными руками создал трудности, для преодоления которых, по его словам, и пришлось учредить ЦРУ? Что, в этом отношении он был слеп в 1945 году и прозрел в 1947 году?

Недоуменных вопросов бездна, и для ответа на них уместно обревизовать сжатым образом наследие, оставленное УСС в поучение и как руководство к действию для послевоенных американских спецслужб.

2

Что бы ни утверждали ревнители чистоты американской «демократии», Соединенные Штаты к началу второй миро-

⁸⁸ Final Report of the Select Committee to study Governmental operations with respect to Intelligence Activities. U. S. Senate. Washington, 1976, v. 4. pp. 15, 7, 4.

вой войны были в избытке укомплектованы самыми различными службами шпионажа и контршпионажа. В этой сфере Вашингтон всегда предпочитая перебрать, не считаясь с неизбежными организационными издержками и материальными затратами. Они знали свое место и неплохо обслуживали текущие нужды государства. Так, вероятно, Соединенные Штаты и прошли бы через огненную грозу второй мировой войны, если бы руль государственного корабля держал человек меньшего калибра и с меньшей склонностью к тайной политике, чем Франклин Д. Рузвельт, нашедший себе понятливого партнера по делам потаенным – Уинстона С. Черчилля. Хотя по разным причинам (Черчилль – ввиду ограниченности ресурсов Англии, а Рузвельт – ввиду решимости с наименьшими потерями для США ввести мир в «Американский век»), оба положили гранитной основой своей политики стремление добиться победы над державами «оси» минимальной ценой для своих стран. К победе этой они стремились прийти во всеоружии, не растратив людских и материальных ресурсов в ходе вооруженной борьбы, с тем, чтобы продиктовать обескровленному миру свою волю. Наученные российским Октябрем 1917 года, Рузвельт и Черчилль понимали, что повторение кровопролития первой мировой войны для США и Англии – а развитие военной техники к 1939 году оставило бы далеко позади его масштабы – может оказаться роковым, привести к коренным социальным сдвигам. В конечном итоге и эту войну породил тот же

строй – капитализм.

Путеводная звезда самой разнообразной тайной деятельности в рамках большой стратегии этих стран – добиться ослабления и уничтожения держав «оси» прежде всего руками других. Теоретически, как добиться этого, секрета для Вашингтона и Лондона не составляло – действовать традиционными методами политики «баланса сил»: двое дерутся, третий радуется. Но вот методы! Тут много труднее...

С началом второй мировой войны Черчилль в воевавшей Англии и Рузвельт в невоевавших Соединенных Штатах стали изыскивать средства к достижению этой цели. За быстро растущей военной мощью англоязычных держав и в ее непроницаемой тени куда стремительнее развертывался потенциал для тайных операций. Многие самые секретные шифры держав «оси» оказались раскрыты криптографами западных союзников. Дешифрованные документы из германских источников докладывались Белому дому и Даунингстрит, 10, под кодовым названием «Ультра». Была поставлена эффективная служба дезинформации на самом высшем уровне, дабы подтолкнуть противника на желательные действия или воспретить проведение им опасных для Англии и США планов. Причем сделать так, чтобы врага ставить на гибельный для него путь, одновременно внушая, что он-де соответствует его лучшим интересам!

Английская разведка Интеллидженс сервис делилась своим необъятным опытом политических интриг и ставила на

ноги соответствующие подразделения американских спецслужб. Подразделения такого рода постепенно создал и возглавил друг Рузвельта генерал Донован, до войны процветавший юрист с Уолл-стрита. Коль скоро сильнейшей державой Старого Света, противостоявшей агрессорам, был Советский Союз, то наша страна оказалась в фокусе внимания Вашингтона и Лондона, стремившихся, не спрашивая хозяев, распорядиться нашей мощью в своих интересах. Расчеты эти, в конечном счете, строили на песке, но от этого отнюдь не убывало рвение, скажем, Донована, отвечавшее его кличке «дикий Билл».

Начало Великой Отечественной войны Советского Союза оборвало подготовительную работу. Нужно было торопиться анализировать противоборство Советского Союза с европейскими державами «оси», с тем чтобы Вашингтон мог прийти к своевременным выводам и спланировать собственную политику. В компетентном исследовании вопроса подчеркивается: «Нападение на Россию сделало для него (Рузвельта) политически возможным назначить Билла Донована своим координатором информации»⁸⁹, о чем было объявлено исполнительным приказом президента 11 июля 1941 года. Первоначально было избрано самое туманное название «координатор» (термин УСС появился 13 июня 1942 года), чтобы как

⁸⁹ W Stevenson. A Man Called Intrepid. The Secret War. The Authentic account of the most decisive intelligence operations of World War II – and the superspy who controlled them. N. Y., 1977, p. 279.

сбить с толку врагов, так и обезоружить многочисленное ревнивое разведывательное сообщество, разгневанное и недовоевавшее по поводу появления соперника, а недовольными оказались 8 ведомств: ФБР, Джи-2, военно-морская разведка, разведка госдепартамента, таможенная служба министерства торговли, секретная служба министерства финансов, иммиграционная служба министерства труда, федеральная комиссия связи, занимавшаяся и радиоперехватами.

Они не могли взять в толк, что УСС, формально подчиненное комитету начальников штабов, а в действительности президенту, – орган стратегической разведки, подрывной работы и «черной» пропаганды, а все перечисленные ведомства оставались на своем прежнем положении, если угодно, тактической разведки, каждое только в своей сфере. Самое важное, добытое ими подлежало анализу УСС. Негодованию многотысячной армии военных разведчиков не было пределов, они почитали кощунством, что военных вопросов касаются руки каких-то штатских профессоров!

Но власть есть власть, и с ней нельзя не считаться, исполнительный приказ президента возложил на ведомство Donovan «сбор и анализ всей информации и данных, которые могут иметь отношение к национальной безопасности». Р. Клинтон, начинавший в УСС и дослужившийся до заместителя директора ЦРУ, через три с половиной десятилетия отметил в книге «Тайны, шпионы и ученые» (1976 г.):

«Положение, гласящее „сбор и анализ всех данных“, мно-

гозначительно и, разумеется, отражает дух той разведки „из всех источников“, который вдохновлял Донована, Аллена Даллеса, УСС и ЦРУ... В приказе был также изобретен термин „национальная безопасность“, который жив и по сей день и является удобным оправданием значительной части разведывательной деятельности и равным образом служит туманным оправданием почти всего, чего желает президент»⁹⁰.

Точнее, то, чего желает правящая элита в США. Создание УСС было важным этапом организационного оформления того, что называют «невидимым правительством», или «истеблишментом», в этой стране. В стенах руководящих органов УСС собралось немало представителей подлинных хозяев страны – богачей и сверхбогачей. Собрались, конечно, не для того, чтобы просто копить «информацию», а чтобы на основании оценок ее специалистами (в первую голову первоклассной профессуры, взятой в УСС) действовать – обеспечивать свои классовые интересы методами тайной войны. Патриции взялись служить себе. Обозревая генезис УСС, публицист Г. Уиллс подчеркнул, что генеалогическое древо ведомства в определенной степени восходило к английской Интеллидженс сервис:

«Генерал Донован ставил новую организацию по образцу английских специальных служб... Тайны, как добиваться единомыслия в рамках тайного отборного корпуса, пе-

⁹⁰ R. Cline. *Secrets, Spies and Scholars*, Washington 1976, pp. 75_76.

реходили от угасавшего к молодому империализму. Первые подразделения УСС проходили подготовку в Канаде... УСС было собранием „высокороджденных“. Здесь во время войны профессора вновь встретились со своими прежними самыми способными (и самыми богатыми) студентами. В УСС служили П. Меллон и его зять Д. Брюс вместе с сыновьями Дж. Моргана, отпрыском Дюпонов и Д. Диллоном. Чины получались легко (каждый из четырех сотрудников УСС был офицером), а военную дисциплину подчеркнуто игнорировали... Общий знаменатель для них – успешное продвижение. Впоследствии из УСС вышли, по крайней мере, двадцать послов»⁹¹.

В УСС потянулись некоторые русские эмигранты – внук Л. Н. Толстого Илья, князь С. Оболенский и другие. На связи УСС с правительством был старший сын Ф. Рузвельта Джеймс. В ведомстве трудилось немало юристов, обслуживавших крупнейшие корпорации. Когда известный в те времена публицист Д. Пирсон сообщил, что УСС «состоит из банкиров с Уолл-стрита», Донован принял это как должное и не протестовал.

Возникновение УСС было, помимо прочего, показателем коренной ломки ведения государственных дел на высшем уровне в США. За фасадом «демократии» в эти годы оформляется структура подлинной власти. Все это было вызвано

⁹¹ G. Wills. The CIA from Beginning to End, «The New York Review of Books», January 22, 1976, pp. 23 – 26.

к жизни чрезвычайными обстоятельствами второй мировой войны, в которой теперь принимал участие Советский Союз. Американские патриции не могли не понимать, что участие социалистического государства в вооруженной борьбе против держав «оси» неизбежно приведет к усилению демократии во всем мире. Учреждение УСС ярко свидетельствовало об их озабоченности будущим.

Очень проницательный американский историк А. Вульф попытался в общих чертах обрисовать подоплеку и цели тогдашних забот Вашингтона о проведении политики тайными методами (разумеется, не только через УСС):

«Создавшаяся атмосфера способствовала возникновению ощущения перманентного кризиса, который превратил представления о свободе речи и самоопределении в устаревшие. Они стали „роскошью“, по выражению сенатора Фулбрайта, пусть неудачному, но совершенно правильному. Поставив теории Льва Троцкого с ног на голову, новые государственные деятели вели дело в будущем к перманентной контрреволюции, многие из них, в сущности, копировали теории Троцкого, не понимая этого. Наилучший способ использовать преимущества войны заключается в том, чтобы всегда иметь войну, особенно если окажется возможным сделать это с минимальным участием в военных действиях.

Идеология перманентного кризиса стала ключевым элементом в изменении ценностей патрициев вместе с изменениями общих настроений. Большинство историков соглас-

ны, что важнейшей датой трансформации было 19 июня 1940 года, когда Рузвельт назначил двух патрициев-республиканцев в свой кабинет. Один из них, Генри Л. Стимсон, ставший военным министром, был человеком старомодных убеждений, но его роль не в том, что он делал сам, а в том, каких людей он подобрал делать это. Через Стимсона такие люди, как Р. Ловетт, Х. Банди, Дж. Макклой, стали служить государству. Они проповедовали новую мораль, согласно которой допустимы любые меры в пользу «национальной безопасности», лишь бы они были действенными. Без них двойственное государство не могло бы существовать, ибо их аристократизм служил прикрытием злонамеренной политики, часто имевшей в виду убийства. Их двойственная мораль, по замечанию Р. Барнета, «заключалась в том, что они начисто не придерживались личного морального кодекса, занимаясь государственными делами»⁹².

Сказанное имеет прямое отношение к УСС, ибо именно такая «мораль» отличала ведомство, работавшее в тесном контакте с Пентагоном, где трудились названные Вульфом люди. Всех их в УСС и Пентагоне намертво связывали незримые, но очень прочные, пожизненные узы. Пытаясь проследить эти связи, исследователь вступает на очень зыбкую почву, ибо затрагиваются высшие тайны американской правящей элиты. С разумными основаниями можно утверждать: рекрутский набор на высшие государственные

⁹² A. Wolfe. *The Limits of Legitimacy*, N. Y., 1977, pp. 182 – 183.

посты объявляется много раньше, чем избранные занимают кабинеты в офисах. По одной версии, сообщенной журналом «Эсквайр» в 1977 году, первые шаги к своей карьере избранные делают уже в привилегированных университетах. В Йельском университете, например, выпестовавшем немало будущих деятелей УСС и Пентагона, обратил внимание журнал, «почти полтора столетия существует общество „Череп и кости“, самое влиятельное тайное общество в стране и, возможно, одно из последних... Спросите-ка Аверелла Гарримана, есть ли в подвале некоего здания, похожего на гробницу, саркофаг, где он, молодой Генри Стимсон и молодой Генри Люс лежали в гробу и повествовали четырнадцати другим членам Ложи общества о тайнах своей юношеской жизни... Член общества военный министр при Рузвельте Стимсон, плоть от плоти американского правящего класса, назвал время, проведенное в гробнице, самым важным в его образовании. Никто, однако, из них не расскажет обо всем этом, ибо они связаны клятвой молчать до гроба»⁹³.

Признание в юношеских грехах и грешках, надо думать, самая невинная часть ритуала членства в этом обществе, именующем себя масонским. От членов требуется полное доверие друг к другу, а для этого нужно быть искренним до конца, преодолев естественное смущение, раскрыть перед ними даже интимные стороны жизни. Но дело много важнее – уже в университетах молодые люди объединяются в рам-

⁹³ D. Rosenbaum. An Elegy for Mumbo Jumbo, Esquire, September 1977, p. 85.

ках, если угодно, ордена единомышленников и верны этому единству всю жизнь. Фигурально выражаясь, «отделы кадров» этих учреждений лишь штемпелюют пригодность кандидатов, уже проверенную в студенческие годы. По этому критерию, вероятно, Стимсон в описанном случае подбирал, скажем, перечисленных лиц, которым вверялись ответственные посты. Свой корпоративный дух они принесли и на государственную службу.

Сам Стимсон на посту военного министра руководил, помимо официально обозначенных и обширных функций, делом первостепенной важности для успеха в тайной войне – в его ведении была служба дешифровки вражеских кодов, в которой были заняты многие тысячи людей. Как так, спросит читатель, искушенный в истории международных отношений между двумя мировыми войнами, ведь Г. Стимсон навсегда вошел в нее как поборник, если угодно, «чистоты» в дипломатии. Не кто другой, как он, будучи государственным секретарем при Г. Гувере в 1929 году, уничтожил пресловутый «черный кабинет», где перехватывалась и дешифровывалась переписка других правительств. Эта хрестоматийная история, повторяющаяся в бесчисленных американских трудах, в изложении специалиста Д. Кана выглядит следующим образом:

«Когда Стимсон узнал о существовании „черного кабинета“, он решительно осудил всю затею. Он считал: это низкое занятие – подглядывание в замочную скважину с грязными

намерениями, нарушение принципа взаимного доверия, на котором он строил свои личные дела и политику. Так оно и есть, и Стимсон отверг мнение, что патриотизм целей оправдывает эти средства. Он был убежден – США должны быть праведны, как сказал позднее: „Джентльмены не читают переписку друг друга“. Посему Стимсон прекратил финансирование „черного кабинета“ из средств госдепартамента».

После рассказа об этом бесчисленные благонамеренные авторы повествуют о золотом веке «наивности» в ведении политики Вашингтоном и о других вещах столь же возвышенных, как и малоправдоподобных. На деле же после упражнений Стимсона в высокой принципиальности, дополняет Д. Кан, «стоило Г. Стимсону прекратить финансирование „черного кабинета“, как командование армии решило укрепить и расширить работу по расшифровке кодов. Была создана Служба разведки связи»⁹⁴.

Вот что произошло в действительности. А со второй половины 1940 года Г. Стимсон по иронии судьбы оказался шефом обширной американской системы радиоперехватов и дешифровки. Вверенные ему подразделения и аналогичные учреждения, находившиеся в ведении флота, передавали добытые материалы Белому дому, а с созданием УСС анализировались и там.

Франклин Д. Рузвельт полагал, что отныне сможет, зная карты противника, в определенной степени направлять его

⁹⁴ D. Kahn. The Codebreakers, London 1978, pp. 6.

действия. Во многом он преуспел, хотя и потерпел фиаско в самом начале. Тому доказательство – Пирл-Харбор.

3

Итак, шел год 1941-й. Советский Союз сражался с Германией и ее европейскими сателлитами. В Вашингтоне не могли не знать, что агрессоры, в первую очередь Япония, заносят руку и на пока не воевавшую Америку. Знали, помимо прочего, и из перехваченных и дешифрованных данных потенциальных противников. Какие же выводы сделало правительство Ф. Рузвельта? Конечно, поддерживать противников держав фашистской «оси», дравшихся и за национальную безопасность Соединенных Штатов.

Но вот замечание У. Бакли, человека весьма просвещенного в тайных делах. В прошлом работник ЦРУ, мультимиллионер, один из прочнейших идеологических столпов «новых правых», ныне руководитель подрывных радиостанций «Свобода» и «Свободная Европа». В общем, по критериям американской элиты все при нем, потребное для нынешних правителей США. Этот Бакли как-то сказал, думаю, что обмолвился, сорвалось все-таки с языка, а именно:

«Известное замечание Стимсона 1929 года о том, что джентльмены не вскрывают переписки других лиц, было бы уместно при ином состоянии мира, однако угроза коммунизма делает для нас настоятельно необходимым прежде всего

сделать мир безопасным для самих джентльменов»⁹⁵.

В той тяжелейшей в истории человечества войне правители США стремились уничтожить своих непосредственных противников – державы «оси», но одновременно подорвать силы доблестного союзника – СССР. По понятным причинам вторую по непосредственной военной значимости, но первостепенную по классовым соображениям задачу пытались решать в основном тайными методами.

Ф. Рузвельт перед лицом нараставшей угрозы милитаристской Японии не видел ничего зазорного в том, чтобы отвлечь нападение остервенелых токийских военных лордов на США, соблазнив их походом против СССР. Эту задачу он пытался решить в сложных переговорах с Японией на протяжении почти всего 1941 года. Мне довелось рассказать обо всем комплексе проблем в книге «Загадка Пирл-Харбора», вышедшей двумя изданиями в СССР в шестидесятые годы, переведенной и выпущенной в социалистических странах (в Венгрии, например, она выдержала четыре издания), а также в Японии. Всплеск интереса к Пирл-Харбору в США в 1981 году, то есть в сорокалетнюю годовщину, привел к появлению многих новых книг и рассекречиванию массы американских документов. Из последних видно, что Пирл-Харбор подготовила японская агрессия и промахи Белого дома, где самоуверенно решили, что США во всеоружии секретных служб вольны формировать развитие событий.

⁹⁵ «The New York Review of Books», January 22, 1976, p. 31.

В самом деле, по сей день в США дебатировался вопрос о причинах внезапности японского нападения на Пирл-Харбор 7 декабря 1941 года. Рассекреченные в 1981 году в США около полумиллиона страниц документов дают возможность продвинуться в понимании большой стратегии Рузвельта – попытаться отвлечь неизбежную японскую агрессию от США. Он затеял очень сложную игру, опираясь на казавшееся ему полным знание намерений врага – ведь в Белом доме читали шифропереписку Токио. С холодной расчетливостью Рузвельт смело вел свою игру, одновременно создавая впечатление, что связан по рукам и ногам внутренней обстановкой в США. В Токио поверили. Рассекреченные среди этих документов японские материалы «ныне просто увлекают, – заметил английский историк Дж. Костелло. – Из них видно, что японцы относились покладистое отношение Рузвельта (в переговорах с ними) за счет возрастающего воздействия кампании изоляционистов».

Вот это представление о неких внутренних силах, будто бы ограничивавших возможности Рузвельта (представление, созданное им самим!), подогрело тех в Токио, кто очертя голову решился на войну против, как им казалось, политически разъединенных Соединенных Штатов. Своей «покладистостью», имевшей в виду растолковать тогдашнему правительству Тодзио, что перед ним открыты иные, многообещающие перспективы, Рузвельт навлек беду на Соединенные Штаты. Ибо военная аксиома – ударить по слабейшему

врагу, каким в свете сказанного предстали перед японскими руководителями США по сравнению с Советским Союзом, сорвавшим гитлеровский блицкриг и уверенно отражавшим натиск вермахта.

Не вдаваясь в детали, можно уверенно утверждать – в Токио судили по реальным фактам, а не руководствовались их интерпретациями, которые пытался навязать японским политикам Рузвельт, взявший себе в помощники для этого Черчилля. Уже на основании первого ознакомления с рассекреченными в 1981 году документами Костелло заключает: «Президент и премьер-министр затеяли колоссальную игру, от которой зависели судьбы всего Тихоокеанского бассейна. Преисполнившись уверенности, что разведывательные материалы заблаговременно предостерегут их ото всех враждебных действий, они считали, что сумеют вести Японию на нитке дипломатии. При ретроспективном взгляде это оказалось одним из крупнейших стратегических промахов западных союзников в годы второй мировой войны»⁹⁶.

Потом выяснилось, что далеко не все японцы доверяли шифропереписке по радио, не все коды в 1941 году сумели разгадать американские криптографы и т. д. Рузвельт, наверное, сделал надлежащие выводы на будущее из прискорбной истории. В наследие историкам остались бесконечные споры по поводу образа действий президента, которые оживились

⁹⁶ J. Costello. Why America was taken by surprise. «The Sunday Telegraph», November 22, 1981.

в 1982 году неожиданным открытием. Оказалось, что в 1940 году Рузвельт записывал беседы в Белом доме. Микрофон был вмонтирован в настольную лампу на столе президента, а довольно громоздкое по тем временам экспериментальное оборудование находилось в подвале Белого дома. Профессор Д. Бутоу опубликовал эти записи, касавшиеся, помимо прочего, политики США в отношении Японии. Последовала небольшая буря в американской печати, припомнили никсоновский Белый дом и Уотергейт, журнал «Тайм» вскользь заметил о вновь открытом, «что это еще одно доказательство: нет героев перед звукозаписывающей аппаратурой»⁹⁷.

Так. Только встают новые вопросы, на которых нет ответа. Бутоу настаивает, что «Рузвельт вовсе не преследовал злоумышленные цели в стиле Макиавелли, звукозаписывающая аппаратура никогда не использовалась как ловушка для кого-либо». И вообще, подчеркивает он, она действовала каких-нибудь 11 недель⁹⁸. Близкий в свое время к президенту Никсону У. Сафайр мстительно припомнил в статье в «Нью-Йорк таймс», озаглавленной «Грязные дела Рузвельта»: «Глава ведомства, из которого выросло ЦРУ, генерал У. Донован предостерегал своих сотрудников в 1942 году (об этом рассказал мне один из них), чтобы они были сдержанны во время бесед в кабинете президента, ибо там „все за-

⁹⁷ «Time», January 1982, p. 31.

⁹⁸ The FDR Tapes, «American Heritage», February – March 1982, p. 15.

писывалось“⁹⁹. Значит, «11 недель» – легенда. Но главное в другом. По личным мотивам никсоновец У. Сафайр приоткрыл завесу тайны – УСС, надо думать, было одним из инструментов, при помощи которых Рузвельт вел пресловутую игру, приведшую к Пирл-Харбору. Провалились все – президент и великие умы из УСС – ведомства Донована.

4

К концу войны в УСС работало свыше 30 тысяч человек. Исполинский мозг ведомства, занимавший, вероятно, до половины его туловища, – Главное управление исследований и анализа (РА), возглавил маститый профессор истории Гарвардского университета У. Лангер. Первоначально разместившееся в библиотеке конгресса и никогда не порывавшее с ней, это гигантское подразделение УСС, напомнил К. Форд, биограф Донована, «в конечном итоге стало крупнейшим сосредоточением преподавателей и ученых, когда-либо собранных вместе в государственном учреждении. РА сняло сливки с факультетов общественных наук по всей стране, забрав специалистов всевозможных отраслей знаний. Географы давали сведения о землях и климате за рубежом, психологи изучали радиопередачи держав „оси“, доискиваясь скрытого значения, экономисты прорабатывали прессу, устанавливая размеры военного производства, ис-

⁹⁹ «The New York Times», January 17, 1982.

торики разъясняли смысл и причины международных событий. В конце войны в РА работали 1600 ученых в области общественных наук из одного только Вашингтона. Так возник своего рода национальный университет, не имевший равного ни раньше, ни после... В 1964 году М. Банди в книге „Возможности дипломатии“ писал: „Для истории науки поучительно, что первый громадный центр комплексных исследований в США был создан не в университете, а УСС в Вашингтоне во время второй мировой войны. В подавляющей степени программы комплексных исследований, введенные в американских университетах после войны, были укомплектованы или руководились людьми, прошедшими через УСС, это замечательное учреждение, состоявшее наполовину из оперативников, а наполовину из ученых. И на сегодня верно, а я верю, что так будет всегда, – между университетами и разведывательными органами правительства США существует высочайшая степень взаимодействия... РА послужило моделью для создания профессором Лангером в 1950 году в ЦРУ управления национальных оценок“¹⁰⁰.

Если взяться перечислять представителей старшего поколения американских ученых в области общественных наук, то есть тех, кто возглавил их после второй мировой войны, то труднее обнаружить не работавших в УСС. Большая часть из них отдала годы службе там. Напомним в дополнение к упоминавшимся именам историков А. Шлезингера, У. Ростоу,

¹⁰⁰ C. Ford. Donovan of USS, Boston 1979, pp. 111 – 149 – 150.

Э. Глисона, Ш. Кента, философа Г. Маркузе, экономистов Э. Масона, У. Хитча, Э. Деспрее, синологов Д. Фербанка, М. Вилбура.

Историк А. Шлезингер, вспоминая о своей работе в УСС, с оттенком гордости написал: «Там я встретил старого друга из Гарвардского университета Ф. Хортонa, в свое время написавшего отличную биографию Харта Крейна. В тридцатые годы Хортон был куратором зала поэзии в Библиотеке Виденера»¹⁰¹. Вердикт Р. Клина, несомненно, справедлив: Донован «поднял разведку с ее скромного статуса в военном мире, в котором она имела небольшой престиж и динамизм, превратив работу там в карьеру для предприимчивых гражданских лиц, обладавших широким кругозором. Традицию поддержало ЦРУ, которое систематически вербует к себе часть самых способных выпускников американских университетов. Они овладевают профессией разведчиков, учась у ветеранов УСС»¹⁰².

Мощным дополнительным стимулом для адептов науки была возможность в стенах УСС быть, конечно внешне, на равной ноге с отпрысками самых богатых и влиятельных в США семей. Ученым в заокеанской республике, несомненно знающим структуру власти, не могло не льстить общение с представителями семей Дюпонов, Райанов, Вандербильтов, Меллонов, Арморов, Брюсов.

¹⁰¹ H. Rozitzke. CIA's Secret Operations, N. Y., 1977, p. XIII.

¹⁰² R. Cline. Op. cit., p. 76.

Засилье ученых в УСС приятно поражало коллег – работников английских спецслужб, где также были широко представлены ученые. Это обнаруживалось по самым различным поводам. Когда зимой 1943/44 года английские штабы пытались оценить возможный ущерб от предстоящего обстрела Британских островов самолетами-снарядами, начальник английской научной разведки Р. Джонс получил приказ – принять американского инспектора. «Я был раздражен, – припоминал Джонс, – я знал, что мы работаем точно и не требуется никакой проверки со стороны, тем более что это влекло за собой раскрытие наших методов разведки». Приказ подтвердили, и вот «где-то в январе 1944 года прибыла американская инспекция, к нам пришел спокойный крупный мужчина, представившийся профессором прикладной математики Принстонского университета Х. Робертсоном. Он умолчал о том, что мы узнали впоследствии, – Робертсон был одним из ведущих мировых авторитетов в области теории относительности и входил в самую вершину руководства РА УСС в Вашингтоне. С таким человеком нам нетрудно было обсуждать все»¹⁰³.

Интеллектуалы и даже жрецы чистой науки, оказавшись среди профессиональных разведчиков и дельцов, приобретали неожиданные качества. Во всяком случае, они на диво не боялись крови и с величайшим увлечением погрузились в кровожадные предприятия. К временам УСС восхо-

¹⁰³ R. Jones. Most Secret War, London 1979, p. 480.

дят в США опыты над людьми и попытки разработать методы контроля над их поведением, различные средства для увеличения эффективности допросов и многое другое в том же роде. Давняя практика американских спецслужб ликвидировать опасных противников без следствия и суда была «научно» обоснована, а применительно к задачам ведения войны от нее ожидали великих результатов.

Некий неназванный профессор отчеканил положение: против держав «оси» необходимо «бороться террором против террора... Мы должны стать чудовищами, чтобы уничтожить чудовище». Новатор, описанный как «бормотавший под нос профессор», ввел в разведку прием, ставший практикой работы РА УСС. «То было прекрасное оружие при должном применении. Собирались все мельчайшие подробности о том или ином человеке, и вот вы могли представить его, как будто он был перед глазами». Первой жертвой новой техники стал Гейдрих ¹⁰⁴. Был составлен «психологический портрет», из которого явствовало, что нацистский палач весьма опасен. УСС и британские спецслужбы нашли чешских патриотов, которые убили Гейдриха и погибли в последовавшей немецкой облаве, а жители деревни Лидице пополнили многомиллионный мартиролог замученных фашистами.

Ближайший коллега Донована руководитель английской разведки У. Стефенсон много лет спустя после войны объяс-

¹⁰⁴ W. Stevenson. Op. cit., p. 378.

нял мотивы УСС и британских спецслужб в этом деле: «Нужно было морально подготовить население внутри „Крепости Европы“, наши партизанские действия должно было поддержать большинство населения. Был единственный путь обеспечить народную поддержку тайных армий – устроить побольше драматических актов сопротивления и контртерроризма»¹⁰⁵. Это отлично вписывалось в американо-английскую стратегию воевать чужими руками, но ведь, за исключением убийства Гейдриха, не слышали о других крупных «драматических актах», что, вероятно, неплохой критерий возможностей УСС. Не интриги спецслужб США и Англии, а беззаветная борьба советского народа пробудила и организовала европейские силы Сопротивления. Вооруженный до зубов фашизм могла сокрушить и сокрушила только превосходящая военная мощь – Красная Армия.

Бушевала гигантская война, а ученые-невидимки в УСС с патетической склонностью решать мировые проблемы предлагали руководству богатейший ассортимент планов, рожденных нетерпеливым воображением неопитов разведки. Уолтер Лангер, психоаналитик по профессии, приведенный в УСС маститым братом Уильямом Лангером, взялся выполнить поручение Донована – составить «психологический портрет» Гитлера, что, закатил глаза шеф УСС, будет иметь величайшее значение для судеб войны. Рассекреченное и изданное в начале семидесятых годов под заголовком «Внут-

¹⁰⁵ Ibid., p. 396.

ренный мир Адольфа Гитлера», исследование это скорее рисует «психологический портрет» руководства УСС, а следовательно, и ЦРУ. Написанного на 200 страницах о Гитлере достаточно, чтобы заставить даже современных психоисториков воскликнуть: «Довольно!» То внушительный коллективный экскурс в сферу фрейдизма.

Исследование, законченное осенью 1943 года, было написано на основании уже тогда объемистой литературы о Гитлере, опроса лиц, знавших его лично и оказавшихся по тем или иным причинам доступными УСС. Извлеченное из печатных публикаций и устных сообщений сравнили со скорбными листами душевнобольных и сделали вывод: «Гитлер, вероятно, психопат на грани шизофрении. Это не означает, что он безумен в общепринятом смысле, а неврастеник без надлежащих сдерживающих импульсов. Плюс страдающий раздвоением личности, в общем, тип, известный как „доктор Джекил и мистер Хайд“.

Поставив диагноз душевного состояния фюрера, психоаналитики от УСС поднялись на высоты обобщений, заключив: «Ведущие войну против Германии... должны осознать, безумие фюрера стало безумием наций, если не большей части (Европейского) континента. Речь идет не о действиях индивидуума, а о взаимоотношении между фюрером и народом, безумие одного стимулирует безумие других, и наоборот. Не только безумец Гитлер создал германское безумие, но германское безумие создало Гитлера... С научной

точки зрения мы должны рассматривать фюрера, Гитлера, не как воплощение дьявола с его отвратительными делами и философией, а как выражение умонастроений миллионов людей не только в Германии, но, пусть в меньшей степени, во всех цивилизованных странах. Устранение Гитлера только первый необходимый шаг, а не лечение... Мы должны обнаружить и исправить основные факты, которые вызвали этот нежелательный феномен. Мы должны вскрыть психологические истоки, питающие этот разрушительный склад ума, с тем чтобы направить их в должные каналы, что позволит дальнейшее развитие нашей цивилизации». От общего к конкретному – личности фюрера, и тут широко распахнулись двери творческой лаборатории УСС. за которыми оказался порядком изношенный инструментарий Фрейда.

В кучу было свалено все – мессианские наклонности Гитлера и слезы над мертвой канарейкой, механизм воздействия на толпу и народ вообще. Отсюда парализующая эффективность, по мнению экспертов УСС, речей фюрера. И, конечно, весьма документированная история его личной жизни от первоначальных наблюдений за родителями трехлетнего Адольфа! Отвергнув расхожие представления о гомосексуалистских наклонностях фюрера, психоаналитики со вкусом описали в мельчайших подробностях, как Гитлер валялся под ногами женщин, умолял бить его... Клинический случай классического мазохизма, потрясавший не осведомленных в патологии партнерш настолько, что две из них покончили с

собой, а пресловутой Еве Браун согласие на экстравагантные просьбы фюрера далось с трудом, через две попытки к самоубийству. Впрочем, привыкла, надо думать, и автоматически вогнала ему в бункере под имперской канцелярией в апреле 1945 года пулю из «вальтера» 6,35 в висок. Выполнила последнее пожелание фюрера.

Боги мои, боги! Зачем все это и к чему хвалебное и гадостное послесловие к отчету Д. Байта, писанное в начале семидесятых годов с подтверждением на основе послевоенных разысканий? И зачем заставлять читателя карабкаться по генеалогическому древу Гитлера, чтобы убедиться – его дед был евреем. Какое отношение это имело к жесточайшей войне и чем помогло выяснение этих обстоятельств Вашингтону? Как объяснил руководитель исследования У. Лангер во введении к своему опусу в 1972 году, «если бы такой анализ Гитлера был проведен на несколько лет раньше, в меньшей спешке и с большими возможностями получить информацию от очевидцев, тогда не было бы Мюнхена... президента Нго Дин Дьема и глубокого вовлечения США во Вьетнам. Исследования такого рода не могут разрешить международные проблемы. Ожидать от них этого слишком. Но они, однако, могут помочь избежать ряда серьезных просчетов, которые мы, вероятно, сделали из-за незнания ряда психологических факторов и характера лидеров, с которыми мы имели дело».

По Лангеру – блистающее беспристрастностью исследова-

ние. В части странных повадок Гитлера весьма возможно, но в целом анализ Гитлера убеждает: в УСС дисциплина была поставлена на славу, и давали «наверх», в Белый дом, только то, что могло польстить самолюбию получателя.

В самом деле, в исследовании сказано: «Есть все доказательства того, что единственный человек в мире, кто может бросить вызов Гитлеру в роли лидера, – Рузвельт. Все информаторы согласны: „Гитлер не боится ни Черчилля, ни Сталина. Он считает, что они схожи с ним, он понимает их психологию и может возобладать над ними. Для него загадка Рузвельт. Как можно возглавлять 130-миллионный народ и вести его без ругани и злоупотреблений, остается для него тайной. Он не может взять в толк: лидер и в то же время джентльмен. В результате он втайне восхищается Рузвельтом независимо от того, что публично говорит о нем. Вероятно, он в той же степени боится его, как не может предвидеть его действий“¹⁰⁶.

Коль скоро Лангер с учеными коллегами списали со счетов публичные высказывания фюрера об американском президенте, а обратились к тому, что фюрер думал о нем «втайне», то «Застольные беседы Гитлера», изданные в 1953 году, – стенографические записи его изречений в тесном кругу – очень подходящий источник для выяснения именно этих мыслей Гитлера.

¹⁰⁶ W. Langer. The Mind of Adolf Hitler. The Secret Wartime report, N. Y., 1972, pp. 141, 143, 153 – 155, 189, 192, 246, 26, 166 – 167.

Генеральная оценка им Рузвельта – президент «слабоумный». Он внушал своим приближенным: «Оба англосакса стоят друг друга... Черчилль и Рузвельт, что за шуты!... Рузвельт как в политике, так и вообще ведет себя как изворотливый, мелкотравчатый еврей... а Черчилль разнузданный боров, пьяный восемь часов из двадцати четырех». Что касается Сталина, то он, «безусловно, заслуживает уважения» и в «своем роде великолепный деятель»¹⁰⁷. Риббентроп, в разгар войны ознакомившись с оценкой СССР службой В. Шелленберга, говорил ему: «Я хорошо изучил ваши специальные доклады о России и обдумал положение. Затем я пошел к фюреру и откровенно заявил ему, что наш главный и самый опасный противник – Советский Союз, а Сталин обладает большими способностями как стратег и государственный деятель, чем Черчилль и Рузвельт, вместе взятые. Фюрер разделяет это мнение. Он заметил, что относится с должным уважением только к Сталину»¹⁰⁸.

Современные историографы американских спецслужб наверняка знают все это, но не придают этому решительно никакого значения, они горой стоят за честь мундира и настаивают – описанный анализ УСС Гитлера безупречен. Больше того, от написанного Лангером и К^о ведется отсчет аналогичных «исследований», выполненных и выполняемых в

¹⁰⁷ «Hitler's Secret Conversations 1941-1944». Ed. by H. Trevor – Roper. N. Y., 1953, pp. 442 – 476.

¹⁰⁸ D. Irving. Hitler's War, London, 1977, p. 610.

ЦРУ. Р. Клинтон, например, бесхитростно бросает в пользу этой точки зрения не только свой профессиональный вес бывшего высокопоставленного работника ведомства, но и авторитет своей побочной профессии – заметного в США историка (его перу принадлежит один из основных томов 99-томной истории армии США во второй мировой войне – «Командный пункт в Вашингтоне»). Он без колебаний заявил: «У. Лангер руководил созданием в высшей степени точного анализа личности Гитлера, опубликованного в виде книги много лет спустя, который открыл дорогу для проведения аналогичных исследований иностранных руководителей психоаналитиками ЦРУ»¹⁰⁹.

И снова хочется воскликнуть – боги мои, боги! Могли ли помыслить крупные историки – из американцев приходят на ум К. Беккер и Ч. Бирд, – какое применение найдет их методологический принцип релятивизма в руках ученых на чиновничьих постах в спецслужбах. Что очень устраивает их руководителей. Г. Розицкий в 1977 году положительно гордился тем, что ЦРУ «выдает психологические портреты ведущих политических деятелей в традициях опубликованного анализа УСС Гитлера, выполненного профессором У. Лангером»¹¹⁰. Уже и «традиции»!

Очень вероятно, что круг лиц, на которые составляются пресловутые «портреты», не ограничивается крупными де-

¹⁰⁹ R. Cline. Op. cit., p. 78.

¹¹⁰ H. Rositzke. Op. cit., pp. 221 – 222.

ателями. Еще более вероятно, что в ЦРУ сложилась практика заниматься этим в отношении людей, которые сочтены опасными для существующего в США строя, не только иностранцев, но и американцев. Похоже на то, что расследование, предусмотренное законом, заменяется совершенно произвольной процедурой составления анонимными специалистами секретного «психологического портрета», на основании которого наверняка могут быть сделаны выводы в отношении этого лица, опять-таки вне пределов, очерченных законом. Оперативность налицо – вместо многотомного следственного дела тощее досье «психологического портрета», являющееся основанием для внесудебной противозаконной расправы.

Конечно, это дела не такого рода, о которых кричит ЦРУ на каждом перекрестке.

Случилось это уже в 1971-1973 годах. В июне 1971 года «Нью-Йорк Таймс» начала публикацию отрывков из 47-томной секретной истории политики США в отношении Вьетнама. Она была написана в 1967 – 1968 годах по приказу отчаявшегося министра обороны Р. Макнамары, который, видя, что американская агрессия терпит поражение, поручил группе специалистов разобраться в причинах этого. 36 составителей доклада, официально именовавшегося «История принятия американских решений по Вьетнаму», получившего в прессе название «Бумаги Пентагона», «знали, – как сказано во введении к публикации, – что это, разумеется, неполная

история»¹¹¹. Но и преданного гласности было достаточно. Собранные документы неопровержимо свидетельствовали о том, что именно США развязали агрессивную войну.

При обмене мнениями в Белом доме министр обороны М. Лэйрд заверил, что более 95 процентов содержания материалов может быть рассекречено, «но нас беспокоил любой процент, пусть 1 процент, не подлежащий огласке», – вспоминал Р. Никсон¹¹². Правительство реагировало очень быстро, попыталось запретить дальнейшую публикацию. Безуспешно. Губернатор штата Джорджия Дж. Картер воззвал к некоему сенатору позаботиться о «принятии федерального законодательства, вводящего уголовную ответственность для средств массовой информации»¹¹³ и т. д. и т. п.

Скандал! Однако правительство не имело полной свободы действий, ибо продолжение войны во Вьетнаме уже вызвало глубокие разногласия в самой правящей верхушке. Конечно, публикация «Бумаг Пентагона» ничего не изменила в американской политике в Юго-Восточной Азии. Р. Зигфорд, автор неопубликованной диссертации о войне во Вьетнаме, хранящейся в библиотеке Л. Джонсона, заключил: «После сказанного и сделанного это исследование имело ничтожные результаты, если вообще о них приходится говорить, для вой-

¹¹¹ «The Pentagon Papers as published by the New York Times», N. Y., 1971, p. XIX.

¹¹² The Memoirs of Richard Nixon, N. Y., 1978, p. 509.

¹¹³ V. Lasky. It didn't start with Watergate, N. Y., 1977, pp. 285 – 286.

ны во Вьетнаме»¹¹⁴. Больше того, быстро обнаруженный виновник «утечки» Д. Эллсберг по мимо своей возмущенной совести – он провел 1964 – 1966 годы во Вьетнаме в качестве эксперта Пентагона, улетел туда «ястребом», а прилетел «голубем», – мог предъявить более существенный аттестат человека, связанного с ЦРУ. Что до «Бумаг Пентагона», то подборка, по словам Ф. Праути, «несомненно, преследовала цель – восхвалить высочайшим образом роль ЦРУ как разведывательной организации»¹¹⁵ – правительство не вняло советам ведомства, и вот вам результат!

Это создало особое положение для Д. Эллсберга. Он совершил, следовательно, поступок, похвальный в глазах могущественных противников Никсона. Эллсберга предали было суду, но обвинение провалилось. Он купался в лучах славы, его имя не сходило с первых страниц газет. Коль скоро Эллсберг оказался в фарватере мощного течения к Уотергейту, он оказался малоуязвимым.

В мае 1973 года выяснилось, что вслед за передачей «Бумаг Пентагона» в печать Эллсберг стал предметом зловещего внимания ЦРУ, получившего указание расправиться с ним. И вовсе не за то, что Эллсберг обратился из «ястреба» в «голубя». Как рассказал публицист В. Ласки в книге «Это на-

¹¹⁴ R. Sigford. *The Phetoric of the Vietnam War: Presidents Johnson and Nixon*, University of Minnesota. Ph. D. 1973, p. 190.

¹¹⁵ F. Prouty. *The Secret Team. The CIA and its Allies in control of the United States and the World*, Englewood Cliffs, 1973, p. 58.

чалось не с Уотергейта» (1977 г.), Г. Киссинджер, лично хорошо знавший разрекламированного правдолюбца, доложил президенту:

«Эллсберг знает важнейшие военные тайны, такие, как цели ядерного сдерживания». Речь шла о том, что в середине шестидесятых годов Эллсберг работал под руководством министра обороны Роберта Макнамары над выбором объектов, предназначенных для ядерных ударов. Эта тайна из тайн содержалась в секретнейшем документе – Главном интегрированном оперативном плане (СИОП). Киссинджер заявил Никсону, что утечка сведений о СИОПе будет иметь ужасающие последствия для национальной безопасности. СИОП намечал время и способы американского нападения с использованием ядерных бомб, в нем была конкретная информация о всех военных объектах, намеченных в качестве целей за железным и бамбуковым занавесом, включая количество и мощность ядерных боеголовок, предназначенных для каждой цели».

Хотя не было никаких данных, что Эллсберг собирается говорить публично о драгоценном плане СИОП, приказ президента был более чем категоричен: «Мне плевать, как это будет сделано, но сделать все, чтобы прекратить утечку информации. Я не желаю слушать, почему это не может быть исполнено»¹¹⁶. По команде приказ поступил на исполнение к ЦРУ, которое провело операцию под кодовым на-

¹¹⁶ V. Lasky. Op. cit., p. 282 – 283.

званием «Одесса» – составление «психологического портрета» Эллсберга. Вооруженные специальным оборудованием ЦРУ, взломщики по указанию ведомства проникли в кабинеты домашних врачей супругов Эллсберг, чтобы и там собрать недостающие материалы.

К ноябрю 1971 года ЦРУ сочинило «психологический портрет» Эллсберга. Руководитель операции Г. Лидди напомнил помощникам президента: «Открытая часть программы – судебное преследование (имелись в виду газетчики. – **Н. Я.**) по соответствующим федеральным законам. Остальные злоумышленники должны быть найдены, и с ними надлежит расправиться не менее сурово, но иными методами»¹¹⁷. По стечению бесчисленного количества обстоятельств, а скорее ввиду заинтересованности тех, кто хотел свалить Никсона, операцию «Одесса» предали гласности. Уотергейт начинался!

У. Колби, директор ЦРУ, написал в своих мемуарах:

«В мае 1973 года я прочитал в газетах историю, которая коренным образом потрясла мою жизнь и ЦРУ. Сообщалось, во время суда над Даниэлом Эллсбергом за раскрытие им „Бумаг Пентагона“ всплыло, что в кабинет пользовавшегося его д-ра Льюиса Д. Фелдинга проник со взломом, использовав инструменты, полученные от ЦРУ, Х. Хант. Он искал материалы, которые затем должны быть переданы в ЦРУ и

¹¹⁷ D. Wise. The American Police State. The Government against People, N. Y., 1976, p. 403.

на основании которых ЦРУ предстояло подготовить „психологический портрет“ Эллсберга для Белого дома. Я был потрясен и никакие мог понять, почему я ничего не знал об этом, хотя на меня возложили сбор всех материалов в ЦРУ, касавшихся Уотергейта»¹¹⁸.

Мемуары Колби, конечно, отмечены особенностью жанра – ограниченной достоверностью. Но все же он мог недоумевать, ибо недоумевали и те в Белом доме, кто дал команду провести операцию «Одесса». Там наверняка смутно представляли технику работы ЦРУ, не допускали мысли, что и умудренное опытом ведомство оставляет следы. 17 марта 1973 года состоялся поразительный разговор между президентом Никсоном и его верным помощником Дином:

«Дин: Вот теперь эти оба – Хант и Лидди... Эти типы, должно быть, идиоты, о чем мы узнали, к сожалению, поздно. Они вломились в кабинет врача Эллсберга, обвешанные с ног до головы всей этой снастью ЦРУ – фотоаппаратами и прочим. Потом они вернули аппараты в ЦРУ с непроявленными пленками. ЦРУ до сих пор не понимает, к чему все эти материалы... *Президент:* Какого черта, боже мой, зачем это? ... *Дин:* Они пытались, что и было частью операции в связи с «Бумагами Пентагона», ну в общем, получить записи психиатра Эллсберга для каких-то целей. Ей-богу, я не приложу ума, зачем... *Президент:* (непечатная брань)... *Дин:* Вот

¹¹⁸ W. Colby and P. Forbath. Honorable Men. My Life in the CIA, N. Y., 1978, p. 337.

и получается – есть материал по поводу Ханта. Есть фото, проявленное в ЦРУ. На них Гордон Лидди стоит, красуясь как кретин у таблички «Вход в кабинет врача», а видно имя врача. И (непонятно) для следователя не составит труда сообразить и спросить – а зачем ломиться в кабинет врача, – обнаружат взлом, и пойдут по цепочке – выяснят, что Лидди занимался этим, займется им...»¹¹⁹.

Собеседники совершенно точно предсказали дальнейшее развитие событий. Так и случилось. Взлом кабинета врача занял виднейшее место в том, что называют Уотергейтом. Виновные пошли в тюрьму, что Никсон в воспоминаниях, вышедших в 1978 году, назвал «трагедией», ибо «Даниэл Эллсберг разгуливает на свободе»¹²⁰.

Но мы занимаемся не Уотергейтом, а констатируем в связи с ним – в этих условиях было совершенно невозможно принимать оперативные меры по «психологическому портрету» Эллсберга. На этот раз ЦРУ потрудились впустую.

История эта, помимо прочего, показывает: «наука» ЦРУ, восходящая к УСС, – дело очень тонкое, требующее высокой степени координации между высшей властью и исполнителями. Вероятно, механизм, по крайней мере в этом случае, разладился. Конечно, этого не могли предвидеть те, кто в годы второй мировой войны строил УСС и уверенно пла-

¹¹⁹ «The Presidential Transcripts. In conjunction with the staff of the Washington Post», N. Y., 1974, pp. 91 – 92.

¹²⁰ The Memoirs of Richard Nixon, p. 514.

нировал продолжение деятельности такого рода на мирное время. Под водительством Донована УСС записало в актив множество новинок, среди которых процедура «психологических портретов» наверняка не из самых выдающихся, во всяком случае по важности.

5

Хотя в центре забот УСС по очень понятным причинам находились державы «оси», там никогда не обходили вниманием союзника – Советский Союз. Это констатируется в американской специальной литературе, разумеется, только в общих чертах и, несомненно, с порядочной дозой дезинформации.

В исследовании Т. Пауэрса, вышедшем в 1979 году и являющемся, в сущности, историей ЦРУ, эскизно прослежены заботы УСС по поводу СССР в годы войны. Сославшись на работу Р. Смита «УСС: тайная история первого централизованного разведывательного ведомства» (1972) и присовокупив собственные разыскания, Пауэрс замечает: «История УСС, которая неразрывно связана с секретной политической историей войны, отмечена столь же ревностной работой против коммунистов, как и заботой о достижении победы над Германией. Некая женщина, работавшая на Аллена Даллеса в Берне, полагает, что фокус его внимания – примерно о чем думают, отходя ко сну и просыпаясь поутру, – стал переме-

щаться от Германии к России уже во время Сталинграда. В УСС, включая Хелмса, принимали как факт советско-американское соперничество на протяжении всей войны»¹²¹. То было дело, конечно, не только оперативного состава, но и ученых, работавших в УСС.

В истории советско-американских отношений в годы войны можно найти примеры попыток западных союзников дезориентировать нашу страну. Одна из наиболее памятных – информация, оказавшаяся ложной, о направлении предстоявших немецких ударов весной 1945 года. Обращают на себя внимание усилия США и Англии на самом высшем уровне привлечь внимание СССР к химерическому «Альпийскому редуту» в канун битвы за Берлин. Попытки сговора западных союзников (например, к Берне в 1945 году) слишком хорошо известны и были поводом для острого обмена мнениями между И. В. Сталиным и Ф. Рузвельтом.

Но в целом интриги УСС против нашей страны в годы второй мировой войны не увенчались успехом. СССР выходил победителем. Это удваивало рвение УСС, занявшегося планированием политики США в отношении СССР в послевоенный период. Профессор Дж. Гэддис, просмотревший разрешенную ему часть архивов УСС, заметил в своей книге, вышедшей в 1982 году: «Больше всего и наиболее последовательно УСС в годы войны занималось при анализе советско-американских отношений вопросом о том, в какой мере

¹²¹ Т. Powers. *Op. cit.*, p. 29.

политика Запада сможет определить поведение Советов. См. доклады РА, № 523: „Политическая ориентация и мораль в СССР“, 23 февраля 1943 года; № 959 „СССР и Югославия“, 19 июня 1943 года; № 1109 „Основы советской внешней политики“, 1 сентября 1943 года; № 2073 „Русские цели в Германии и проблемы трехстороннего сотрудничества“, 11 мая 1944 года; № 2284 „Интересы американской безопасности в европейском урегулировании, 29 июня 1944 года; № 2669 „Возможности и намерения СССР в послевоенный период“, 5 января 1945 года“. Естественно, не раскрывая содержания этих докладов, Дж. Гэддис замечает, что в них исследовался вопрос „увязок“, а именно: как соразмерить „морковки“ и „дубины“ в усилиях Вашингтона „добиться уступок“ от СССР¹²². Вашингтонские руководители, решавшие, например, что предоставить СССР по ленд-лизу, в этой связи пытались определить «подлинные» потребности нашей страны, с тем чтобы ничего из отправленного нам не перешло на послевоенный период. Как в отношении врага, так и в отношении союзника – СССР американские и английские спецслужбы объединяли свои усилия, продолжает биограф Донована Форд:

«Оценки РА мощи Советского Союза отличались от выводов англичан, и прилежный исследователь русской истории профессор Героид Т. Робинсон из Колумбийского университета, который впоследствии возглавил Русский инсти-

¹²² J. Gaddis. Strategies of Containment, N. Y. 1982, pp. 18 – 20.

тут в этом университете, отправился в Англию в имевшееся там сходное с РА ведомство, размещавшееся в Оксфорде. После недельного обсуждения английские коллеги признали: „У вас лучшие ученые, у вас больше информации, мы согласны с вашими оценками“. Профессор Лангер настаивает, что ни одно правительство не имело в своем распоряжении ведомства, хотя бы приближавшегося к РА. „Включая немцев, – добавлял он, – они могли бы учредить такое ведомство, если бы захотели, но не обладали для этого должной компетенцией“¹²³.

Нет никаких сомнений, что усилия УСС во многом содействовали практически бескровной высадке войск западных союзников в Северной Африке в 1942 году. Несомненно, УСС сыграло определенную роль в организации Движения Сопротивления в европейских странах, оккупированных Германией. Конечно, УСС строго следовало классовому подходу, который препятствовал мобилизации Демократических сил на борьбу с фашизмом. А. Гольдберг, в годы войны возглавлявший подразделения УСС, пытавшиеся внедриться в рабочее движение в европейских странах, в 1946 году бросил упрек: США «из-за невежества и страха» не оказали «демократическим силам Сопротивления в Европе ту помощь, которой они заслуживали... что сузило размах и поддержку УСС наших союзников в подполье». Упрек, заметил в 1978 году бывший сотрудник американских спец-

¹²³ С. Ford. Op. cit., p. 152.

служб У. Пек, «противоречит собственным усилиям Гольдберга, ибо именно он сужал размах и эффективность деятельности УСС, не финансируя в равной степени все группы Сопротивления, особенно коммунистов, а они и составляли большинство движения»¹²⁴. Впрочем, с какой точки зрения смотреть – для руководства УСС то и был успех ведомства, который дал мощный толчок последующей послевоенной карьере А. Гольдберга, превратившегося к исходу семидесятых годов в великого знатока проблемы «прав человека» в американской интерпретации.

Длинная рука УСС и Интеллидженс сервис достигла ряда немецких штабов в преддверии высадки войск США и Англии во Францию в июне 1944 года. В новейшей западной литературе книга Д. Ирвинга «По следу лисицы» – тому один только пример. В ней не ставится под сомнение, что методы психологической войны оказались необычайно результативными для дезорганизации немецкого сопротивления во время вторжения. Успехи союзных войск, твердо вступивших на Европейский континент, должны разделить по крайней мере поровну Д. Эйзенхауэр с УСС и другими спецслужбами. Те, кто содействовал этому с немецкой стороны, генерал Г. Шпейдель и другие, впоследствии были вознаграждены, заняв высокие командные посты в НАТО в пятидесятые годы.

¹²⁴ W. Peck. The AFL-CIA. «Uncloaking the CIA», Ed. by H Frazier. N. Y., 1978, p. 257

По сей день не совсем ясна роль УСС в организации оппозиции Гитлеру в высших кругах Германии. Этим занимался А. Даллес, и, хотя заговор против Гитлера 20 июля 1944 года провалился, мало похоже, судя по последующему пути А. Даллеса, чтобы в Вашингтоне сочли его банкротом в этой важной операции тайной войны. Побочным результатом этой неудачи был неслыханный успех западных спецслужб: сыграв на подозрительности маньяка Гитлера, они помогли подвести под расправу нацистами самого популярного военачальника рейха фельдмаршала Роммеля. Верный служака рейха, он был отправлен на тот свет нацистами как «заговорщик» против Гитлера, каким он никогда не был!

Наконец, известно: помимо действий на «высшем уровне», УСС направляло на оккупированные территории вооруженные группы, создало, по крайней мере в Западной Европе, густую агентурную сеть. Донован, несомненно, гордился в первую очередь ролью УСС в формировании событий, а только потом как разведывательного органа. Это оказалось возможным только потому, что УСС сумело создать обширную агентуру в самых, если угодно, «чувствительных» ведомствах нацистской Германии.

В сентябре 1982 года были раскритикованы показания А. Даллеса перед одним из комитетов конгресса еще в 1947 году. Тогда, похваляясь успехами УСС, он указал: около 10 процентов личного состава гитлеровской разведки – абвера – были настроены против Гитлера и сотрудничали с УСС.

Руководитель абвера адмирал В. Канарис и его заместитель находились в прямом контакте с А. Даллесом, возглавлявшим резидентуру УСС в Швейцарии. По словам Даллеса, он «достиг определенных успехов, проникнув в германскую разведывательную службу, МИД Германии и некоторые другие ведомства»¹²⁵. Как известно, Канарис был казнен гитлеровцами по делу о заговоре 20 июля 1944 года. После войны ЦРУ приобрело для его вдовы виллу в Испании и выплачивало ей пенсию из своих фондов.

Когда глубокой осенью 1944 года войска западных союзников, оставив за собой Францию, встали на границу Германии, Донован начал хлопотать о будущем для своего ведомства. По всей вероятности, он счел именно этот момент наиболее удачным, успехи УСС, несомненно облегчившие марш союзным армиям к рейху, должны были быть свежи в памяти высших руководителей США.

18 ноября 1944 года Донован, очевидно, после предварительной устной договоренности подал Рузвельту бумагу, предлагая учредить после войны «центральное разведывательное ведомство» с обязательным подчинением его президенту. Задача ведомства – централизовать и координировать деятельность всех органов разведки, что «требуется для правительства в планировании и выполнении национальной политики и стратегии». Донован приложил к докладной проект директивы президента, в которой на будущее ведомство,

¹²⁵ «The Washington Post», September 29, 1982.

помимо указанных целей, возлагалось «проведение подрывных операций за рубежом» (пункт 3, подпункт «е»), и даже с одобрения президента ему «предоставлялись армейский и военно-морской персонал для выполнения своих функций и обязанностей» (пункт 10) ¹²⁶. Итак, идеи Донована, определившие в конечном итоге структуру и деятельность ЦРУ, с самого начала предусматривали: на так называемую «разведку» возлагается задача подрыва государственного строя тех государств, на которые укажет правительство.

Не успел Рузвельт обдумать предложения Донована, как в декабре 1944 года разразилось немецкое наступление в Арденнах. Оно было полной неожиданностью, в Вашингтоне стали винить разведку, прогляпавшую удар гитлеровцев. Кивали и на УСС, хотя провалилась в первую очередь Джи-2 и т. д. По горячим следам за этим 9 февраля 1945 года «Вашингтон таймс геральд» и «Чикаго трибюн» намекнули в лихих статьях о плане Донована, что президент-де собирается завести «гестапо», а оно «заменит все существующие федеральные полицейские и разведывательные органы, включая в армии Джи-2, военно-морскую разведку, ФБР, Службу внутренних доходов». Утечка информации была беспрецедентной, но кто осмелился вынести дело на страницы газет? К. Форд в 1970 году сокрушался: «Источник не был обнаружен». Р. Клинтон в 1976 году предположил: «Э. Гувер... вероятно, сообщил о предложении прессе», но только в 1978 году У. Колби

¹²⁶ R. Cline. Op. cit., pp. 83 – 84.

авторитетно заключил: «Гувер передал это (текст докладной Донована Рузвельту) журналисту»¹²⁷. В 1978 году быть смелым на книжных страницах ничего не стоит. Э. Гувер уже несколько лет как ушел в иной мир.

Смерть Рузвельта выбила почву из-под ног Донована. УСС было очень личным учреждением Рузвельта, и он унес в могилу замыслы, связанные с предлагавшейся Донованом «разведкой» на послевоенное время. На Трумэна насели все соперники УСС, стаю вел Гувер. Они указали на очевидное – исход войны решили многомиллионные армии, а где вклад УСС? Ведомство не отвоевало для США ни одной страны, следовательно, претензии его преувеличены. Хорошо, УСС делало многое, но сфера Донована простиралась только от Европы до Бирмы. Генерал Макартур не пустил УСС на Тихий океан и прекрасно обошелся с Джи-2. Взгляните на итог войны на Тихом океане! Латинская Америка всю войну оставалась за ФБР. Что, там хуже боролись с агентурой держав «оси»? А вот свежайший пример: лейтенанта из УСС Джона Бэрча после капитуляции Японии послали в Китай с простейшей миссией: помочь вызволить американских военнопленных из японского лагеря. Ротозей дал застрелить себя китайцам!¹²⁸

¹²⁷ С. Ford. Op. cit., p. 304; R. Cline, Op. cit., p. 85, W. Colby, Op. cit., p. 59.

¹²⁸ К. Форд замечает: «Хотя Бэрч не отличался резкими правыми взглядами, спустя годы имя этого раннего мученика коммунизма было экспроприровано американским экстремистским правым обществом»

Соперники атаковали именно то, чем был силен Доно- ван, – тайные операции УСС. Вероятно, они просто не знали, по каким извилистым дорожкам правительство Ф. Рузвель- та шло к тому, что со стороны представлялось только побе- дами американских вооруженных сил. Трумэн? Что Трум- эн! Оружие, изготовленное по руке политического тяжело- веса Ф. Рузвельта, – УСС – оказалось неподъемным для че- ловека, который каких-нибудь полгода назад был сенатором. Подтянуть тайные нити, ослабевшие со смертью Рузвельта, да и вообще с концом войны, еще предстояло, а постный Гу- вер поджимал рядом губы. Трумэн и распустил УСС, точнее, разделил на две части: РА ушло в госдепартамент, а подраз- деления агентурной разведки и контрразведка – в военное министерство.

Но уже 22 января 1946 года Трумэн учредил Централь- ную разведывательную группу, восстановившую некоторые функции УСС. Летом 1946 года Трумэн дал понять Гуверу, кто хозяин, – компетенция над Латинской Америкой была отнята у ФБР и передана этой группе. Было сделано то, че- го не мог добиться Донован при Рузвельте. Тем временем, сказано в официальной истории ЦРУ, «в марте 1946 года разведки армии, флота и авиации получили приказ совмест- но с Центральной разведывательной группой в максимально кратчайший срок дать самую квалифицированную разведы- вательную оценку Советскому Союзу. Широко задуманное исследование начали в атмосфере лихорадочной поспешно-

сти... При его выполнении с самого начала выявилось резкое противоречие... Каждое ведомство было заинтересовано в нем только с точки зрения своих интересов... Предполагавшееся значение Центральной разведывательной группы как связующего звена между различными министерствами было сведено до роли заурядного редактора. Доклад был закончен лишь спустя два года, в марте 1948 года»¹²⁹.

Закончен тогда, когда ЦРУ уже было создано и приступило к функционированию.

6

Американские историки, особенно так называемые «ревизионисты», на протяжении десятилетий жарко спорили о генезисе «холодной войны». «Ревизионисты» убедительно показали на рубеже шестидесятых и семидесятых годов, что ответственность за «холодную войну» лежит полностью и исключительно на американском империализме. При полном согласии в этом они расходились в деталях – когда именно США начали «холодную войну». Некоторые относили этот момент к апрелю 1945 года, первым дням Г. Трумэна в Белом доме, другие указывали на март 1946 года – речь У. Черчилля в Фултоне и т. д. Спорят по сей день!

«Длительные дебаты по поводу генезиса холодной войны, – замечает Т. Пауэрс, – для ветеранов УСС представля-

¹²⁹ «Final Report...», v. 4, p. 13.

ются просто глупостью. По собственному опыту они знают – с самого начала холодная война была продолжением настоящей войны». Подразделения УСС явились в Берлин вместе с американскими оккупационными войсками и «занялись теми же делами в отношении русских (установлением размеров и дислокации воинских частей), органов политического контроля и теми же методами (через агентов), что они делали всего за несколько недель до этого в отношении Германии. Никто еще не называл Россию врагом, но к ней относились именно так»¹³⁰.

Американские спецслужбы немедленно подобрали тех, кто служил гитлеровцам на оккупированной территории СССР и успел унести ноги вместе с отступавшим вермахтом. О том, как сначала УСС, а затем ЦРУ пригревали и использовали матерых палачей и убийц, известно очень мало. По сей день это тайна за семью печатями ЦРУ. В мае 1982 года бывший сотрудник министерства юстиции США Дж. Лофтус передал в печать сведения: после победы над Германией УСС, а затем ЦРУ тайно обеспечили въезд в США примерно 300 гитлеровских наймитов, бесчинствовавших в Белоруссии.

Иммиграционные законы в США, как известно, достаточно жестки. Великая «демократия» похвально не даст себя приюта «фашистам», каковыми, вне всяких сомнений, являлись названные Лофтусом подонки. Последовал неболь-

¹³⁰ Т. Powers. *Op. cit.*, pp. 29 – 30.

шой скандал. Проверили списки лиц, въезжавших в США в те годы, в том числе по закону 1948 года, дающему право президенту допускать в страну 100 человек по собственному усмотрению в обход иммиграционных властей. Никаких следов об этих 300 из Белоруссии. Оно и понятно, их, сообщила «Вашингтон пост», в США «использовали как шпионов и пропагандистов против Советского Союза в „холодной войне“¹³¹. А на руках некоторых из них кровь десятков тысяч людей, убитых в Белоруссии во время нацистской оккупации.

За давностью – некоторые из них-де умерли, другие на пенсии – совместными усилиями ЦРУ и заинтересованных ведомств дело замяли. Представитель подрывной радиостанции «Свободная Европа», которому указали, что иные из упоминавшихся лиц все еще подвизаются у него на радио, нагло ответил: «Не берусь выносить суждение по поводу того, что делали эти люди 40 лет назад»¹³².

Шпионаж в общепринятом смысле, конечно, был заботой ЦРУ с первых дней его существования, но это была рутинная деятельность, не вызывавшая особых эмоций у сотрудников ведомства. Работа как работа. Подлинный душевный подъем у тех, кто заполнял бесчисленные вакансии в стремительно развертывающемся ведомстве, вызывала официально санкционированная функция ЦРУ – «тайные операции», проще

¹³¹ «The Washington Post», May 18, 1982.

¹³² «The Washington Post», May 20, 1982.

говоря, подрывная работа. Подавляющее большинство сотрудников ЦРУ видели в этом смысл создания ведомства и смысл собственной жизни.

Знаток тайных дел Ф. Праути во всеоружии долголетнего опыта указал:

«ЦРУ использует свою функцию разведки для прикрытия оперативной работы. Больше того, ЦРУ использует собственную разведку как инициатора своих тайных операций. Именно это понравилось в свое время генералу Доновану, когда президент Рузвельт спустил его с цепи во главе УСС, и именно это является движущей силой кадровых работников ЦРУ с тех пор»¹³³.

То были волнующие дни и годы для ветеранов УСС, вернувшихся к своим занятиям. Пишет Г. Розицкий:

«Весной 1948 года Белый дом считал, что война с Советским Союзом на пороге... В умах работников управления специальных операций ЦРУ на этот счет не было никаких сомнений. Враг – Советский Союз, и „советская цель“ – наша миссия. Мы профессионально и эмоционально посвятили себя только этой задаче. Мы рассматривали себя такими же участниками американского крестового похода против Сталина, как против Гитлера. Мы работали днями и ночами без выходных в обстановке нарастающего напряжения. „Холодная война“ была „горячей“ для наших оперативников, на карте стояла жизнь агентуры. Даже ныне, когда о настроении-

¹³³ F. Prouty. Op. cit., p. 61.

ях того времени можно судить относительно спокойно, трудно определить общую общественную атмосферу, в которой мы начали нашу работу. На ум сразу приходят термины „истерия“ и „паранойя“. И если основное значение первого – „эмоциональная возбудимость“, а второго – „постоянная мания преследования“, то они подходят. Однако термины эти несут очень большую смысловую нагрузку, и стоит прибегнуть к более спокойному определению – „образ мышления холодной войны“¹³⁴.

Настроения эти генерировались на вершине американской государственной пирамиды, откуда исполнителям, в том числе ЦРУ, спускались надлежащие директивы и инструкции. В официальной истории ЦРУ особо выделяется, что «предложения о начале тайных операций» первоначально исходили не от разведывательного сообщества, и были выдвинуты правительством, которое уже в декабре 1946 года дало указание о ведении «психологической войны» в мирное время.

Первоначально постановили возложить проведение ее государственный департамент, получили на это одобрение Трумэна, но быстро одумались. Государственный секретарь Дж. Маршалл «яростно выступил против, указан, что если такая деятельность госдепартамента будет разоблачена, это поставит его в затруднительное положение и дискредитирует американскую внешнюю политику». Директивой Совета на-

¹³⁴ Н. Rositzke. Op. cit., p. 1, 13.

циональной безопасности СНГ 4/А от 14 декабря 1947 года ведение «психологической войны» было закреплено за ЦРУ. Официальная история ЦРУ продолжает:

«Дипломаты и военные, разумеется, хотели сохранить контроль за тайными операциями „психологической войны“, но не хотели нести ответственности за оперативную работу. Министерства боялись разоблачения их связи с проведением этих деликатных операций. ЦРУ предоставляло все преимущества для проведения тайных операций. Больше того, по положению на 1947 год треть сотрудников ЦРУ были выходцами из УСС. Наличие кадров бывшего УСС, имевших опыт в этих делах в военное время, давало возможность ЦРУ быстро планировать и проводить надлежащие действия. Это в сочетании с имевшимся аппаратом обеспечения за рубежом дало возможность ЦРУ немедленно приступить к действиям. Кроме того, ЦРУ располагало неподотчетными фондами для шпионажа, следовательно, не было необходимости обращаться к конгрессу за дополнительными ассигнованиями. Коль скоро министерства не захотели взять на себя риск, связанный с тайными операциями, ЦРУ и явилось подходящим механизмом для проведения их».

Операции «психологической войны» согласно директиве СНБ 4/А определялись примерно следующим образом: «Ведение пропаганды, в том числе с использованием анонимных, фальсифицированных или негласно субсидируемых публикаций; политические действия с привлечением

лиц без гражданства, изменников и поддержка политических партий; квазиевоенные методы, включая помощь повстанцам и саботаж; экономические действия, связанные с валютными операциями»¹³⁵.

ЦРУ по уши окунулось в эту работу, естественно, в первую очередь в более доступной сфере – в капиталистических странах, начав борьбу с прогрессивными силами. Теперь уже хорошо известно, что именно через ЦРУ Соединенные Штаты стремились подорвать в Западной Европе рост авторитета и влияния коммунистических партий, в особенности в Италии и Франции.

Директивы Совета национальной безопасности, например, относительно действий в Италии, опубликованные в США с тех пор, пестрят отточиями после указания на необходимость принятия «всех осуществимых мер». Р. Клинтон замечает: «Эти три-четыре точки в документах СНБ точно указывают, когда „все осуществимые меры“ – не допустить победы коммунистов на апрельских (1948 г.) выборах – переходили в такие тайные действия, в которых дипломаты из американского посольства не могли прямо участвовать». Хорошо, оставим это. Но и в опубликованной части директивы СНБ 1/2, касающейся Италии, значилось: в случае победы коммунистической партии на парламентских выборах «поставлять вооружение и снаряжение в Италию при условии, что оно попадет только в руки антикоммунистических сил и

¹³⁵ «Final Report...», v. 4, pp. 28 – 29, 26.

не будет допущено, что им завладеют коммунисты»¹³⁶. ЦРУ провело массированное вмешательство во внутренние дела Италии. И все под флагом борьбы с Советским Союзом!

То были времена «плана Маршалла», оглушительной пропагандистской кампании на Западе, расписывавшей на все лады блага американской «помощи». Усиленно лепился образ «бескорыстной» Америки. Как совместить высокую риторику с наглой подрывной деятельностью, которую Вашингтон, в первую очередь через ЦРУ, развернул буквально по всему миру? «Проколы» начались почти немедленно, то там, то здесь вспыхивало возмущение по поводу бесцеремонных действий американских спецслужб.

В Вашингтоне отчетливо видели опасность последствий разоблачения подрывной работы. Великие умы Совета национальной безопасности озаботились сочинить для ЦРУ 18 июня 1948 года директиву СНБ 10/2 по поводу проведения «специальных операций». Впервые опубликованная в 1978 году, эта директива беспримерна по цинизму. В ней упорядочивалось ведение ЦРУ подрывной работы, для чего учреждалось специальное управление. Дабы руководство ЦРУ точно знало, чего от него ждут, в директиву СНБ 10/2 вписали пункт, дававший исчерпывающее определение указанной деятельности:

«Под термином „тайные операции“, употребляющимся в этой директиве, следует иметь в виду все виды деятельности

¹³⁶ R. Cline. Op. cit., p. 101.

(за исключением оговоренных ниже), которые проводятся или одобряются правительством США против враждебных иностранных государств или групп или в поддержку дружественных иностранных государств или групп. Однако эта деятельность планируется и проводится так, что внешне никак не проявляется ее источник – правительство США, а в случае ее разоблачения правительство США может правдоподобно отрицать до конца всю ответственность за нее.

Эти тайные операции включают: пропаганду; экономическую войну; превентивные прямые действия, включая саботаж, противодействие саботажу, разрушения и эвакуацию; подрывную работу против иностранных государств, включая помощь подпольному движению Сопротивления, партизанам и эмигрантским группам освобождения, – поддержку антикоммунистических групп в странах свободного мира, находящихся под угрозой. В число таких действий не входит вооруженный конфликт с участием регулярных вооруженных сил, шпионаж и контршпионаж, прикрытие и обман в интересах ведения военных операций»¹³⁷.

Положения, сформулированные в директиве СНБ 10/2, окончательно определили роль ЦРУ как орудия для подрыва государственного строя других стран, в первую очередь Советского Союза. Эта директива, отмечено в официальной истории ЦРУ, «уполномочивала гигантское увеличение раз-

¹³⁷ «Containment. Documents on American Policy and Strategy 1945-1950», Ed. by F. Etzold and J. Gaddis, N. Y., 1978, 127 – 128.

маха тайных операций против Советского Союза, включая политическую и экономическую войну, квазиевоенные операции». Один из инициаторов директивы СНБ 10/2, Дж. Кеннан, давая показания в комиссии Черча в 1975 году, проследившая меры, принятые в ее исполнение, заметил: «Дело пришло к созданию внутри ЦРУ управления для ведения этой деятельности, в котором занято очень много народу. Развитие пошло не так, как полагал я и мои коллеги в государственном департаменте. Мы-то думали, что этот орган будет действовать только в случае необходимости».

Речи Кеннана в 1975 году носили, мягко говоря, странный характер, та самая «необходимость» подрыва государственного строя СССР в глазах, определяющих работу ЦРУ, введена как постоянная функция. Соответственно и развертывались надлежащие подразделения ЦРУ, объединенные тогда в рамках управления координации политики (ОПК). Аппарат ОПК действительно был громадным, уже к 1952 году его отделения были в 47 странах.

В официальной истории ЦРУ эпически повествуется: «В политических директивах, спускавшихся ОПК, эта Деятельность поощрялась, причем не предусматривалось ее тщательной проверки и контроля. Должностные лица во всем правительстве считали Советский Союз агрессором, и действия ОПК обосновывались на основании этого всеобщего убеждения. В серии директив СНБ, которыми утверждались тайные операции, выдвигались самые широкие Цели, и в са-

мых дерзких выражениях требовалось лицом к лицу встретить советский вызов. После первой директивы в 1948 году директивы 1950 – 1951 годов требовали усиления этих действий, причем их критерии не устанавливались... Два поколения сотрудников ЦРУ выросли при этой системе»¹³⁸. У. Колби подчеркивает: «С созданием ОПК завершилось развертывание ЦРУ... и на протяжении последующих двух десятилетий ведомство существовало почти точно так, как планировал Донован будущее для УСС»¹³⁹.

Помимо чисто оперативных задач, директива СНБ 10/2 ввела в обиход официальной американской политики доктрину «правдоподобного отрицания». Решением Совета национальной безопасности ложь отныне становилась инструментом государственной политики, о чем официально доводилось до сведения американских спецслужб как руководящий принцип их работы. Выдвинутая первоначально для обслуживания нужд ЦРУ, доктрина «правдоподобного отрицания» завела Соединенные Штаты очень далеко. Как заметил Г. Розикский, «тайные операции при президенте Трумэне редко становились предметом общественного внимания, и для правдоподобного отрицания требовалось немногим больше, чем заявление „никаких комментариев“». При президенте Эйзенхауэре тайные операции достигли своего расцвета, пятидесятые годы – десятилетие широких тайных про-

¹³⁸ «Final Report...», v. 4, pp. 31 – 33.

¹³⁹ W. Colby. Op. cit., p. 73.

грамм. Эйзенхауэр санкционировал операции в Иране, Гватемале и против Кубы, расширил механизм тайной пропаганды, созданной при президенте Трумэне, и бесконечно вмешивался во внутренние дела других стран“¹⁴⁰. В результате «правдоподобные отрицания» нарастали как снежный ком.

Если так, тогда проясняется генезис широко известного «кризиса доверия», поразившего Соединенные Штаты на рубеже шестидесятых и семидесятых годов. Он при ближайшем рассмотрении оказывается не результатом стечения обстоятельств и дефектов государственных деятелей, а следствием распространения норм работы ЦРУ на официальную политику Вашингтона. Обо всем этом, особенно в связи с Уотергейтом, было сказано в США немало неприятных слов по поводу вашингтонских порядков.

Конечно, после редакторской правки. А вот уже упоминавшаяся неопубликованная диссертация американского исследователя о риторике президентов Джонсона и Никсона касательно войны во Вьетнаме завершается просто и сурово:

«Самый ужасающий побочный продукт нечестности правительства – полное отсутствие раскаяния. Заявление, которое изобличается как ложное, объявляется Белым домом „недействительным“, сознательная ложь перед сенатом – „ошибкой“. Правительство, считающее себя выше закона во внешних делах, скоро обращается к нацистской тактике в де-

¹⁴⁰ Н. Rositzke. Op. cit., p. 154.

лах внутренних. В результате „Большая ложь“ стала составной частью американской системы правления, и обычный гражданин ныне не защищен от преступных посягательств правительства... Одну и ту же риторику использовали, ввергая страну в войну во Вьетнаме и вытаскивая ее из преступной трясины Уотергейта. Пикантная ирония в том, что президент Никсон воскресил риторику, которая в конечном счете развалила великое большинство, шедшее за Джонсоном, а особенно смехотворно: примитивная и серая риторика, бесконечно вращающаяся в том же круге, дает возможность успешно, без конца обманывать большинство народа»¹⁴¹.

Оттого, что доктрина «правдоподобного отрицания» была безмерно растянута, примитивности и серости в ней не убавилось. По основательной причине: это средство вполне соответствует целям, для которых оно было изобретено и применяется.

7

У. Колби вспоминал о начале своей работы в ЦРУ в первой половине пятидесятых годов:

«На меня была возложена задача создать необходимую тайную организацию в некоторых Скандинавских странах.

¹⁴¹ R. Sigford. The Phetoric of the Vietnam War: President's Johnson and Nixon, pp. 201.

Центральные подразделения ЦРУ в этих целях направили в Скандинавию американских агентов под видом бизнесменов и других. Согласно нашей практике американские власти, президент США или его посол могли бы выступить с „правдоподобным отрицанием“ своей роли, если бы не была доказана связь этих агентов со мною, штатным сотрудником ЦРУ, работавшим в посольстве США. Это означало, что я должен был поддерживать связь с этими агентами столь же тайно, как будто речь шла о настоящих шпионах».

К чему такие предосторожности? Колби был вовлечен в великолепное предприятие: согласно тогдашним американским планам войны против Советского Союза, как мы видели, на первом этапе боевых действий планировалось отступление перед Советскими Вооруженными Силами из Западной Европы. Поскольку война ожидалась в самом ближайшем будущем, «если русские сумеют взять все или некоторые страны Европейского континента, ОПК хотело заранее создать возможности для введения в дело хорошо вооруженного и организованного движения против оккупантов. В отличие от оперативных групп, которые УСС посылало в годы второй мировой войны для помощи маки и другим движениям Сопротивления, на этот раз ОПК не рвалось вооружать и организовывать этих партизан после оккупации, прибегая к таким опасным и малонадежным операциям, как ночные полеты, сброс вооружения и снаряжения, выброс парашютистов по ту сторону фронта. Теперь мы намеревались со-

здать условия для сопротивления до оккупации, больше того, еще до начала боевых действий. Мы были преисполнены решимости немедленно организовать и снабдить Сопротивление, пока располагали временем с минимальным риском. Итак, ОПК выполнило крупную программу создания в тех европейских странах, которые представлялись потенциальными целями советского наступления, того, что на жаргоне разведки называется „оставленные позади гнезда“, – тайную инфраструктуру, руководителей, вооружение и снаряжение. Все это предстояло ввести в действие в надлежащее время для проведения саботажа и шпионажа».

По странам Западной Европы зашныряли американские агенты, насаждая в них агентуру с проблематичной задачей когда-то воевать, а пока поступивших на службу спецслужб США. Устраивались тайные склады оружия, устанавливались радиопередатчики, подбирались места для совершения диверсий на коммуникациях, объектах, имеющих важное значение, и пр. Часть агентуры из местного населения, завербованная ЦРУ, проходила специальную подготовку. Вот что пишет Колби о своей работе в Скандинавии:

«Сеть из местных граждан создавалась так, что их правительства ничего не знали об этом. Я не могу уточнять страны, ибо это не только нарушит подписку, данную мною ЦРУ, но и договоренность, достигнутую с ними о сотрудничестве тогда, на которой основывается и любое сотрудничество в будущем... Во всех странах, не смотря на их очень различные

политические отношения с США и СССР, предание огласке того, что ЦРУ создало „оставленные позади гнезда“ в предвидении советской оккупации, заставило бы соответствующие правительства немедленно положить конец этой программе»¹⁴².

Вне всякого сомнения, эта деятельность ЦРУ была ярко выраженной подрывной работой, провокационной в отношении Советского Союза, и в то же время наглым вмешательством во внутренние дела государств Западной Европы. Нет необходимости обладать большим воображением, чтобы представить себе, какое давление эта «инфраструктура», созданная для большой войны, оказывает на прогрессивные силы в данной стране.

ЦРУ поторопилось создать вооруженное антисоветское подполье в нашей стране. Засылка агентуры в СССР приобретает широкий размах с 1949 года. Сухопутным, морским и воздушным путями бандиты, прошедшие подготовку в различных школах ЦРУ, пытаются проникнуть на территорию нашей страны из Скандинавии, Западной Германии, Греции, Турции, Ирана и Японии. Помимо попыток создания подпольных вооруженных банд, им вменялся в обязанность сбор военной информации. Разгар этой деятельности падает на 1949 – 1954 годы. Частично самолеты, нарушавшие советское воздушное пространство, принадлежали непосредственно ЦРУ, главным же образом – девятой воз-

¹⁴² W. Coiby. Op. cit., p. 97, 82, 93, 83.

душной армии США, дислоцировавшейся в Западной Германии.

Т. Пауэрс повествует о тех днях, когда в Вашингтоне готовились вот-вот пойти походом на СССР:

«В разгар „холодной войны“ в 1948 – 1952 годах задачи перед ЦРУ ставили в основном военные. Комитет начальников штабов составлял заявки, некоторые из них были реальны (например, для агентуры в Западном Берлине), а другие нереальны. В один прекрасный день в 1950 году три полковника связи ВВС явились в одно оперативное управление ЦРУ. Они принесли начальнику управления Ф. Линдсею и его заместителю очередную „заявку“. Полковники заверили, что она тщательно обдумана. Нужно готовить диверсии на советских аэродромах.

Прекрасно! Что же конкретно хотят ВВС?

Полковники сказали – в день начала войны, назначенной для целей планирования на 1 июля 1952 года, на каждом аэродроме должен быть агент ЦРУ. Сделаем, ответил Линдсей, вероятно, решив, что это будет много легче по сравнению с некоторыми другими задачами, которые ставились перед ним в это время. Да, мы сделаем это. Но заместитель Линдсея не был в этом уверен. Он спросил:

– Сколько всего аэродромов? – Около двух тысяч, – ответили полковники. – Какие это аэродромы? – продолжил заместитель. – Некоторые с твердым покрытием, некоторые без него.

– М-м-да, – промямлил заместитель Линдсея. А про себя подумал: две тысячи аэродромов по всей России и Восточной Европе. Менее чем за два года подготовить и отправить, по крайней мере, две тысячи агентов. И только бог знает сколько с ними послать взрывчатки. Для выведения из строя аэродрома без твердого покрытия нужен массивированный налет, и все равно через несколько часов взлетно-посадочные полосы восстановят... Тут заместитель Линдсея спросил, какие же методы предполагается использовать для диверсии»¹⁴³.

Полковники пообещали сообщить позднее, и больше в ЦРУ не слышали об этом плане ВВС.

Решение о заброске важнейших агентов иногда принималось на самом высшем уровне. В одном случае, относящемся к президентству Эйзенхауэра, дело выглядело примерно так. Директор ЦРУ А. Даллес явился на дом к брату – государственному секретарю Дж. Ф. Даллесу и оповестил о великих результатах, каковые воспоследуют от очередной тайной операции. Госсекретарь, не сходя с места, соединился по телефону с Эйзенхауэром. Итак: «Босс, как ваши успехи на „Бернинг-три“ (площадка для игры в гольф) сегодня?... Ну, шесть лунок лучше, чем ничего... Да, я говорил с Алленом. Он хочет получить у вас одобрение одного дельца. Он думает, что это важно и поднимет мораль ребят Фрэнка (Ф. Визнер, глава ОПК). Знаете, со времен Гватемалы и Ко-

¹⁴³ Т. Powers. *Op. cit.*, pp. 44 – 45.

реи мы их не очень загружали. Вы встретитесь с ним завтра? Прекрасно. Как мама (супруга президента)? Хорошо, босс, я скажу Аллену. В 9.30 утра завтра. Спасибо, всего хорошего»¹⁴⁴. Только и дела. Операция согласована, господа договорились. А несколько дураков, завербованных ЦРУ, отправляются на верную гибель.

Первоначально, имея в виду предстоявшую вскоре войну против СССР, в ЦРУ были преисполнены самых радужных надежд, засылая агентуру в СССР. В какой-то степени эти надежды питались тем, что ЦРУ получило в наследие материалы гитлеровских спецслужб, работавших против Советского Союза. Например, всю технику изготовления советских фальшивых документов. Однако очень скоро первоначальный оптимизм рассеялся. «Теоретические» представления, господствовавшие в ЦРУ, проводившем прямые аналогии с работой УСС, – американская агентура встретит-де в социалистических странах радушный прием в «подполье» – рухнули. Такого не было в помине. За исключением единичных случаев, агенты ЦРУ не находили сообщников. В этом отношении, сухо комментирует Р. Клине, «наследие УСС оказалось в лучшем случае весьма сомнительным, а иногда оборачивалось катастрофой»¹⁴⁵. Последнее верно – стопроцентная ликвидация забрасываемой американской агентуры, конечно, была катастрофой для ЦРУ.

¹⁴⁴ F. Prouty. Op. cit., p. 164.

¹⁴⁵ R. Cline. Op. cit., 76.

Руководство ведомства к середине пятидесятых годов погрузилось в размышления весьма тягостного свойства. Розницкий, один из руководителей засылки агентуры в СССР по воздуху, подвел итог:

«При ретроспективном взгляде нетрудно подвести итог ударной программе заброски агентов: результаты не оправдали затрат... Я имел беседу с новым директором ЦРУ (А. Даллесом). Проанализировав результаты со времен первой выброски в 1949 году, он задумчиво прокомментировал: „По крайней мере, мы получаем опыт, необходимый для следующей войны“. А эта война для него, как для многих других в Вашингтоне, была близка. Заброска агентов с радиопередатчиками по воздуху практически прекратилась в 1954 году. Дело было не только в том, что потери и затраты были слишком высоки... Незаконные нарушения советского воздушного пространства были сочтены тем, чем они всегда были, – прямой провокацией»¹⁴⁶.

Отчего вдруг в ЦРУ вспомнили о «законности», в данном случае о международном праве? По многим причинам. Какие бы соблазнительные аналогии руководство ЦРУ ни проводило в соответствии с преобладавшей тогда в Вашингтоне теорией о «тоталитарной модели» социализма, печальный, чисто эмпирический опыт – провал американских агентов – указывал на другое: морально-политическое единство советского общества. Их судьбы были куда красноречивей, чем

¹⁴⁶ Н. Rositzke. Op. cit., pp. 37 – 38.

болтовня «советологов», начавших размножаться в то время в США в академической общине. По всей вероятности, не теоретические споры, а практика ЦРУ именно в это время показала, что направление в «советологии», разрабатывавшее «тоталитарную модель» социализма, является тупиковым. Адепты его были вынуждены переквалифицироваться, сочинять иные теории.

Главное, однако, заключалось в том, что в августе 1953 года Советский Союз разработал термоядерное оружие. Причем транспортабельный образец появился у нас раньше, чем в Соединенных Штатах. Это не могло не потрясти американских политиков и стратегов.

С. Сульцбергер, корреспондент «Нью-Йорк таймс», в 1954 году встретился с американским послом в Англии Д. Брюсом. Ветеран УСС Брюс доверял Сульцбергеру, которого хорошо знали в ЦРУ. Брюс обрисовал в беседе с ним заботы американского комитета начальников штабов:

«Концепция Радфорда (председатель комитета. – **Н. Я.**) состояла в том, что нынешнее относительное превосходство США ускользает, и русские выигрывают с каждым годом, сохраняя свои преимущества в области обычных вооружений и догоняя по новым видам оружия. Следовательно, согласно мнению ряда теоретиков необходима превентивная война»¹⁴⁷.

Одно дело разговоры о войне, планирование ее, но термо-

¹⁴⁷ С. Sulzberger. A Long Row of Candles, Toronto 1969, p. 1023.

ядерная война! Р. Никсон записывал обмен мнениями на заседании Национального совета безопасности 25 марта 1954 года:

«Обсуждалась стратегия США в случае большой войны с Советским Союзом. В комитете начальников штабов возникли разногласия по этому поводу. Президент высказался так пылко, как я никогда не слышал его. Он указал, что это прежде всего прерогатива главнокомандующего. Он указал: единственный образ действия для нас – с началом войны добиться победы. Ни при каких обстоятельствах мы не должны сдерживаться в нанесении ударов из-за того, что кто-то считает, что тотальная победа создает-де больше проблем, чем добытая методами ограниченной войны. Он подчеркнул, что перед лицом врага, имеющего такие виды вооружения, не может быть и речи о ведении ограниченной войны. Дело идет о бомбах фантастической разрушительной силы, потери в первый день войны достигнут 7 миллионов, а на другой, возможно 8 миллионов человек».

Лидеры конгресса, прослышавшие о мрачных предсказаниях президента, явились к нему посовещаться, не пора ли ознакомить народ с ужасами термоядерной войны. Эйзенхауэр призвал крепить гражданскую оборону, что потребует времени. Сенатор Е. Милликин заметил:

«Ну, если дела так плохи, нам остается вымазать зады мелом и бежать как антилопы». Все присутствующие рассмеялись, однако смех Эйзенхауэра был невесел. Когда совеща-

ние возобновилось, он довольно сухо сказал: «У нас, пожалуй, не будет времени мазать мелом зады, если они начнут сбрасывать бомбы, а мы не будем готовы»¹⁴⁸.

При сложившемся соотношении сил то, что составляло предмет первоочередных забот ЦРУ, – прямые подрывные действия грозили Соединенным Штатам самыми фатальными последствиями. Усилия ОПК, работавшего в предвидении близкой войны, очевидно, вели к превращению ее из возможности в реальность. Генерал-президент Эйзенхауэр достаточно ясно предвидел, что она принесет самим Соединенным Штатам.

Пришлось забить отбой. Не в том смысле, что США отказывались от своего курса в отношении Советского Союза, определенного высшим государственным руководством, а о пересмотре приоритетов.

На служебном жаргоне ЦРУ СССР во всевозрастающей степени определялся как «твердая цель», о которую обломилось оружие, составлявшее в свое время гордость УСС. Руководство ЦРУ никак не могло взять в толк, что методы, примененные ОПК в пятилетие описанной «ударной» программы», – попытка с негодными средствами экстраполировать возможное в отношении режимов, ненавистных народам, на народное государство с нерушимым единством партии и народа. Несостоятельность подрывной работы в те годы определялась не нехваткой материальных ресурсов или

¹⁴⁸ The Memoirs of Richard Nixon, pp. 377 – 378.

дефектами технических средств – было брошено все, – а глубокой порочностью политической концепции, которую поставило во главу угла ЦРУ, взявшись за подрыв советского общественного и государственного строя.

Коль скоро методы из арсенала УСС оказались негодными, руководители ЦРУ с душевным отчаянием отложили их в сторону. Разумеется, не окончательно и не навсегда, вплоть до наших дней, да и в будущем их рецидивы есть и будут. Задача, как рассудили в ЦРУ, состоит в том, чтобы размягчить ту самую «твердую цель» – Советский Союз, взявшись за дело изнутри. Это, собственно, видно из уже разобранных выше директив Совета национальной безопасности. Перестройка оказалась длительной и мучительной. Ее удобно рассмотреть на взаимоотношениях ЦРУ с Народно-трудовым союзом (НТС), для чего совершенно обязательно нужно проследить генезис и очертить общие контуры этой организации.

8

Скажи, кто твои друзья, я скажу, кто ты. НТС, как лакмусовая бумажка, проясняет самые неприглядные стороны деятельности ЦРУ, хотя эта организация насчитывала к моменту возникновения ЦРУ почти два десятилетия своего существования.

В истории случилось не раз: когда силы новые и могу-

чие побеждали, жизнь для служителей пропавшему делу оставалась на том рубеже, где они потерпели поражение. Они продолжали владеть физическим существованием, но годы шли фантомами, а реальную ценность имели только воспоминания. Живя в прошлом и только прошлым, они никак не могли понять, как же все это случилось, и не раз в горестных размышлениях переживали проигранные сражения.

В таком положении оказалась белая эмиграция после Великого Октября и разгрома в гражданской войне в России. Зализывая раны, эмигранты по понятной человеческой слабости были склонны представлять свои прошлые деяния в величественном и очень героическом плане. Родилась легенда о «белом деле», ослепительно чистом, почти стерильном. Эмиграция жила в призрачном мире неосуществленных замыслов. То, что в России победил народ, объяснялось сатанинским наваждением. Достаточно крепко верить, почитать павших, и дьявольские чары рассыплются. А рядом подрастало молодое поколение – дети эмигрантов. Воители проигранного дела видели в них своих продолжателей.

Отцы сумели воспитать в части эмигрантской молодежи лютую ненависть к родине. Отравленные ядом антисоветизма сыновья нашли, что у «белого движения» была нехватка решительности.

Юные фанатики сочли, что отцы промотали не только Россию, но и приличные состояния, обеспечившие бы им безбедную жизнь. В бой за утраченное! Прозаические и глу-

боко понятные цели – эмигрантские карманы пусты. К тому же дело-то было определено святое. Не кто иной, как митрополит Антоний, в двадцатые годы утверждал: «Властью, данной мне от бога, благословляю всякое оружие, против красной сатанинской власти поднимаемое, и отпускаю грехи всем, кто в рядах повстанческих дружин или одиноким народным мстителем за русское Христово дело. Прежде всего благословляю всякое оружие и работу „Всенародного братства русской правды“, которое уже немало лет словом и делом ведет борьбу против красного сатаны во имя бога и России. Милость господня да почиет над каждым, кто вступил в братские ряды либо придет на помощь братству».

В первые годы эмиграции ненавистники Страны Советов объединялись в Российском общевойсковом союзе (РОВС). Они продолжали вооруженную борьбу против Советской власти в бандах, переходивших через советский кордон, засылали к нам террористов и диверсантов. Но безуспешно. Примерно по тем же причинам, по каким в 1949 – 1954 годах потерпело поражение ОПК ЦРУ, сунувшееся было по тропам, истоптанным десятилетия назад бандами РОВСа. Выступая в октябре 1977 года на ежегодной конференции НТС во Франкфурте-на-Майне, некий Чикарлеев напомнил: «РОВС вел борьбу своими методами, но в какой-то момент эти методы, может быть, не соответствовали условиям. И когда под ударами врагов РОВС стал терять силу, появились „нацмальчики“ (их тогда так окрестили за молодость и наци-

ональную направленность), эти вот наши старшие товарищи из НТС». Надо думать, последние вспомнили – речь шла о начале тридцатых годов.

Тогда в Югославии скопилась масса эмигрантов. Полицейский режим в стране, дремавший под жарким балканским солнцем, был беспечно благодушен к правым, и борцы с коммунизмом без труда оформили свою организацию. На белградских пляжах, на, тайных сходках в убогих квартирах молодые люди, не нюхавшие пороха на полях гражданской войны в России, быстро решили, что им под силу свалить Советскую власть.

На балаганных съездах в 1932 и 1934 годах был оформлен НТСНП (Национально-трудовой союз нового поколения), впоследствии переименованный в НТС (Народно-трудовой союз российских солидаристов). Основатели организации тогда постановили: лица старше 1895 года рождения не допускаются.

В теоретические программные тонкости пока особо не вникали. Сурово решили: основной метод борьбы – террор. Штаб-квартиру на Ранковой улице в Белграде обозвали «Ранка-Пуста» аналогично «Янка-Пуста» – так называлось гнездо террористов, убивших в 1934 году в Марселе короля Югославии Александра и министра иностранных дел Франции Барту. И дело завертелось. Началось составление самых сумасбродных прожектов, которые на бумаге выводили молодых антисоветчиков к желанной цели – уничтожению на-

родной власти в нашей стране. Но за словами последовали и дела.

Единственный оставшийся ныне в живых от тогдашне-то исполнительного бюро организации В. Д. Поремский в конце 1974 года с легко различимой тоской о минувшем вспоминал о временах до второй мировой войны: «Больше же всего нас возмущали политические споры, которые сводились к поиску виновных в катастрофе, причем каждый сваливал вину на другого: монархисты на кадетов, кадеты на социалистов и т. д. Мы резко отгородились от всей этой эмигрантской толчеи... Уже к концу тридцатых годов мы стали посылать в Россию наших лазутчиков. Они отправлялись туда не с туристскими визами: они шли через строго охраняемую границу, ползли под проволокой, бежали ночью по вспаханной полосе, посыпая свои следы перцем, чтобы избежать погони сторожевых собак. Шли вооруженные. Некоторые из них погибли от пуль погранохраны, другие были захвачены и расстреляны. Немногие смогли вернуться обратно через ту же границу».

Подпольщиков и террористов из энтээсовцев не получилось. Как дело доходило до практических действий, нервишки сразу подводили, явственно обозначалась дрожь в коленках. Но ненависти к советскому строю не убывало. Правда, методы их борьбы зачастую рождались бессилием. На этот счет есть авторитетное свидетельство председателя НТСНП в 1930 – 1940 годах Дивнича.

Отдав организации более тридцати лет, в сущности всю сознательную жизнь, Дивнич увидел свет незадолго до смерти и написал впечатляющую книгу-покаяние. Оглядываясь назад – зарубежье, связи с гитлеровцами в годы войны, работа на западные спецслужбы после нее, – Дивнич писал: «Много лет я пылал злобой ко всему советскому... Все, что мне удалось узнать положительного советской системе, я, точно глухарь на току, пропускал мимо ушей. Мой мозг был приспособлен изыскивать во всем только теневые стороны советской жизни. Смешно вспомнить, до чего я был одержим ненавистью. Я взял себе за правило и прививал его своим единомышленникам: вставая утром, планировать, что я сделаю вредного для Советской власти, а вечером подводить итоги, чтобы „недаром“ прожить день. Когда день ничего не приносил, я рекомендовал хоть плюнуть на портрет в газете кого-либо из руководителей... грозил худосочным кулачком, пугал комариным писком и показывал фигу из кармана несущемуся вскачь не Медному всаднику, вздыбившему покой московской Руси, а стихии, зажегшей освободительный огонь в миллиардах душ. Точно слепой, бродил я в потемках, не подозревая, что сам гасил себе свет».

Еще в тридцатые годы НТС завязал связи со многими разведками – от польской до японской. Зоологический антисоветизм обеспечивал энтээсовцам великолепные верительные грамоты в дверях иностранных разведок. Но уже тогда профессионалы темных дел сообразили: между претензиями

и возможностями НТС дистанция громадного размера. Разглаговольствования энтээсовцев о том, что у них бездна сторонников в СССР, при ближайшем рассмотрении оказывались липой. Так они мыкались до начала сороковых годов. Звездный час «нацмальчиков» настал 22 июня 1941 года. Фашистская Германия напала на Советский Союз.

О том, что они делали в ту тяжкую для Советской страны годину, безудержно болтливые в других случаях энтээсовцы в наше время предпочитают помалкивать. Но концов не скрыть. В октябре 1974 года разразился очередной скандал на очередном шабаше НТС. 20 октября во Франкфурте собрались на расширенное заседание издательства «Посев» активисты НТС. Они учтиво поздравляли друг друга с тем, что являются врагами коммунизма и любят западные спецслужбы. Тут слово взял некий В. И. Файнберг, приехавший из Израиля. Он горячо поблагодарил НТС за прекрасные намерения и от всего сердца пожелал, чтобы эти намерения претворились в жизнь, НТС необходимо как-то реабилитировать свое поведение в годы прошедшей войны.

В каких точно выражениях оформил свои светлые мысли Файнберг, неизвестно, но даже в пересказе «Посева» его выступление выглядит следующим образом: «Откуда пошел НТС, не знаю... Факт остается фактом, что во время второй мировой войны некоторые из членов НТС служили во владовской армии, а последняя служила немецкой армии. Русский человек знает, что во время войны было потеряно 20

миллионов, что немцы занимались геноцидом не только евреев, но и славян и других народов. Как вы сможете объяснить ему, что у членов НТС и власовцев были далеко идущие цели?... Русскому человеку этого не понять. Скажу откровенно, мне тоже не понять... Поэтому я думаю, что, если вы хотите, чтобы пошли за вами, вы должны отмежеваться от своих старых идей». Ответить сомневающемуся взялись самые крупные тузы НТС. Председатель НТС А. Н. Артемов рявкнул: «Такому сеянию раздора и ненависти мы можем успешно противопоставить только гранитную скалу доверия и братской любви. Мы должны исходить в наших взаимоотношениях из презумпции порядочности». А что делал НТС в войну? Да ровным счетом ничего криминального. Артемов, на его взгляд, привел убийственный аргумент: «Программы НТС до 1946 года не было», а посему у нас руки-де чистые. Поремский тут же поклялся: «Программы у нас не было, а были лишь так называемые идейные положения, изложение которых занимало всего лишь две-три страницы печатного текста». Был мобилизован актив редакции, и косяком пошли статьи. Некий Коржавин изрек: «Ведь не все имеют возможность лично приехать во Франкфурт и лично убедиться, с кем имеют дело. Но те, у кого эта возможность есть, должны все-таки научиться доверять своим глазам и сердцу. И делам – хотя бы того же „Посева“. Надо доверять людям, внушающим доверие».

Отчего, в самом деле, не доверять, если так просят. Толь-

ко как насчет «чистых агнцев» – энтээсовцев, не имевших программы? Вот брошюра, состоящая не из 2-3, а из 96 страниц. На обложке значится: «Программные положения и Устав Национально-трудового союза нового поколения». Белград, 1938 г. Напечатана в типографии «Меркур», Топличан Венац, 10.

Там четко и ясно объявлялось, что цель НТСНП: «1. Свержение коммунистической власти... 8. Установление права частной собственности... 10. Недопущение проявления классовой борьбы». Эти положения набраны большими буквами, жирным шрифтом в начале брошюры, дабы, видимо, подчеркнуть крайнюю решимость. «Нацмальчики» возглашали, что они организуют «национальную революцию», которая явится «завершением начавшейся в 1917 году революционной эпохи». Они мысленно уже победили и поэтому записали: «Вся полнота государственной власти должна принадлежать Правителю России, обладающему диктаторскими полномочиями, и назначенному им правительству».

В «Программных положениях» были указания, особенно зловеще звучащие в канун второй мировой войны, когда фашизм готовился обрушить войну на человечество: «Единственное средство избавления России... полное и безусловное уничтожение большевизма. Борьба с большевизмом не может быть приостановлена никакими обстоятельствами, даже войной. Напротив, в обстановке войны легче и скорее организуются народные массы для борьбы с боль-

шевизмом, для участия в Национальной Революции». Таким образом, энтээсовцы заранее объявляли себя союзниками любых врагов Советского Союза.

В то время когда во Франкфурте собралась теплая компания энтээсовцев, нью-йоркская газета «Русский голос» дала беглый обзор послужного списка энтээсовцев в годы войны. Газета писала: «Подлинный „расцвет“ организации падает на годы войны гитлеровской Германии против СССР. НТС становится филиалом различных немецких разведывательных и контрразведывательных служб, работает с ними рука об руку на оккупированной советской земле.

Как старые эмигранты, такие, как Околович, Ольгский, Поремский, Столыпин, Редлих, Рар и другие, так и «новые эмигранты» (изменники Родины в годы второй мировой войны) – Артемов, Крушель, Гаранин, Светланин и прочие были в самых задушевных отношениях с гестапо, а многие из них запятнали себя кровью советских людей.

Один из руководителей НТС, Околович, в годы войны под разными фамилиями возглавлял группы гестаповских провокаторов в Смоленске, Витебске, Орше, Минске, Борисове, Бобруйске. Он много раз лично принимал участие в карательных акциях против партизан. Старые эмигранты, члены НТС, Ольгский – резидент гитлеровского контрразведывательного органа «Зондерштаб Р» в Минске и Слуцке; Рар в Латвии сотрудничал с оккупантами, работал в секретариате «власовского комитета»; Артемов преподавал в школе

фашистских пропагандистов, а по совместительству был гестаповским осведомителем, присматривал за руководством НТС. Вероятно, в этих же целях гестапо ввело его в состав «власовского комитета»...

По сей день они испытывают ностальгию по 1941-1945 годам, когда фашизм вел вооруженную борьбу против советского народа. Орган НТС журнал «Посев» постоянно напоминает, что это самое драгоценное наследие для врагов Советской страны. В статье Рара «Кто не слышал о власовцах?» дается самая хвалебная аттестация с нынешних позиций НТС презренным предателям. И тут же перекидывается мостик к современности: НТС объявил «героем» Буковского... осужденного советским судом за антисоветскую работу и отбывающего ныне наказание. «Имя Андрея Андреевича Власова, – кривляется Рар. – служит подтверждением слов В. К. Буковского „Бороться можно – бороться нужно. При всех, даже самых неблагоприятных, обстоятельствах“. Что же, все верно. Буковский попытался расстрелять боеприпасы, оставшиеся недострелянными власовцами в советских людей».

Позиция газеты «Русский голос» понятна. Она отражает взгляды той части русской эмиграции, которая с 1917 года отнюдь не ассоциировала себя с врагами Советского Союза. Они клеймили позором соучастников похода вермахта на восток. В действиях нынешних буковских они справедливо усматривают продолжение предательства власовцев и с этой

точки зрения не видят между ними никакой разницы. Расхожая легенда НТС в наши дни – утверждение о том, что энтээсовцы и власовцы пытались быть некой «третьей силой» в годы войны, будто бы их путь был отличен от служения фашистскому рейху. Для создания этого мифа истрачено немало чернил и типографской бумаги. Очевидцы событий, в том числе и те, кто не пылает любовью к идеям коммунизма, никогда всерьез не принимали эти разглагольствования. Некоторые власовцы и энтээсовцы, страшась справедливого возмездия за свои преступления, после поражения Германии скрылись за демаркационной линией и оказались в расположении американских войск. Там они распинались о своей ненависти к коммунизму, твердили, что являются «третьей силой», и выясняли возможности поступить на службу к новым хозяевам. Результаты встреч и бесед с американцами оказались тогда для иных предателей неутешительными.

Полковник власовской «армии» А. Г. Алдан (Нерянин), оказавшийся с группой изменников в американской зоне, испытал на собственной шкуре презрение и гнев, который питали сразу после войны простые американцы к тем, кто предал Родину. «При первых встречах с солдатами и офицерами РОА американские солдаты, узнав, что мы русские, немедленно расплывались широкой улыбкой. Хлопали по плечу: „О рашен, рашен“, совали в руки сигареты, бисквиты, шоколад и вообще оказывали всякие знаки внимания. Но как только до их сознания доходило, что эти „рашен“, то есть

русские, не те русские, о которых они думали, сразу же их поведение резко изменялось. Они демонстративно повертывались спиной, перехватывали в руки оружие и, закурив сигарету, равнодушно сплевывали под ноги нашего солдата или офицера».

Оторопевшие предатели сначала списали это отношение за счет темноты рядовых американской армии, но как-то в лагерь приехали несколько американских офицеров. Выслушав дежурные излияния власовцев, они заявили; «Мы не понимаем и не поймем, почему вы, русские люди, пошли против своей страны в то время, когда она вела неравную борьбу против внешнего врага... Вы носите немецкую форму, имейте немецкое оружие, от немцев деньги, ибо ваши так называемые „договорные“ отношения с немцами – пустая фикция, и вы сами отлично это знаете... Мы вашей линии поведения не понимаем и с ней категорически не согласны. Средние же американцы, которым в течение всех этих военных лет говорили о русских, плечом к плечу борющихся с нами против наци, вообще никогда не поймут вас».

Это отношение к предателям было порождено не только недавним боевым сотрудничеством советского и американского народов, но и четким осознанием: власовцы, энтээсовцы – фашистское отребье. Они разделяют ту идеологию, носители которой создали смертельную угрозу всему цивилизованному человечеству, в том числе Соединенным Штатам. Другими словами, являются фашистами. Какую бы окраску

ни принимал в наши дни НТС, этого клейма не стереть.

Больше того, именно НТС оплодотворил фашистскими идеями безмозглых бандитов, пошедших за Власовым, дал им «идеологию». В лучших традициях геббельсовской пропаганды составители манифеста, оповещавшие в октябре 1944 года о создании власовской «армии», открывали его напыщенным заявлением: «Происходящая мировая война является смертельной борьбой противоположных политических систем. Борются силы империализма во главе с плутократами Англии и США, величие которых строится на угнетении и эксплуатации других стран и народов... Борются свободолюбивые народы (это фашистская Германия с сателлитами! – **Н. Я.**), жаждущие жить своей жизнью, определенной их собственным историческим и национальным развитием». Все эти глубокомысленные заявления не стоят и гроша, рядовые примеры военной пропаганды. Но о них полезно напомнить, учитывая нынешние ухищрения энтээсовцев, попытаться доказать, что они не имели-де ничего общего с гитлеровской Германией, смертельным врагом антигитлеровской коалиции, во время второй мировой войны.

Собственно говоря, почему такая настойчивость? Что, совесть выиграла? Дело объясняется много проще. После победы над фашистским рейхом НТС перешел на службу тем самым «плутократам», которых поносил в годы войны в угоду прежним хозяевам. Служит по сей день, и, конечно, неловко, да и бесполезно в наше время вспоминать о днях минувших.

История о том, как НТС нанялся на службу британской разведке, еще ждет пера сатирика. В сумятице, последовавшей за крушением фашистского рейха, энтээсовские деятели сумели ловко втереть очки высокомерным гроссмейстерам дел тайных, каковыми с типичным для англосаксов снобизмом считали себя руководители Интеллидженс сервис.

Еще не отдышавшись от бега перед победоносным наступлением Красной Армии, энтээсовцы прерывающимися головами стали рассказывать о том, какая агентура у них осталась там, в Советском Союзе. И облапошили Интеллидженс сервис! Английские разведчики сочли, что до них добежал только авангард могучей армии НТС, а остальные спят и видят, как бы приступить к выполнению предначертаний Интеллидженс сервис. В штаб-квартире Интеллидженс сервис, видимо, плохо знали историю НТС И просто не могли взять в толк, что беглые борцы с коммунизмом удивительно скоры на ногу и при малейшей опасности снимаются с места, улетающая без оглядки. Коротко говоря, прибил не авангард, а практически весь НТС в своем очень небольшом составе.

Проходимцам крупно повезло. В обмен на их фантастические истории о бесчисленных сочувствующих в СССР последовала оплата в полновесных фунтах стерлингов, особенно на первых порах, до девальвации английской валюты в 1949 году. Уже тогда в ЦРУ, узнав об «успехе» английских коллег, поторопились вступить в контакт с НТС. Из этой организации были завербованы агенты, которые усилиями

ЦРУ и частично Интеллидженс сервис перебрасывались в Советский Союз. В 1951 – 1954 годах органами государственной безопасности были обезврежены агенты американских и английских спецслужб, засланные в СССР: Якут, Кудрявцев, Пищиков, Ремуга, Маков, Лахно, Новиков и другие. Все «кадры» НТС¹⁴⁹. Не очень известно, как на эти провалы реагировало ЦРУ, но Интеллидженс сервис стали терзать сомнения. Информация, поставляющаяся НТС со ссылками на «источники» в Советском Союзе, оказывалась дутой. Разгульный образ жизни главарей НТС был на виду, и английская разведка не могла не прийти к заключению: деньги, отпускаемые на борьбу с коммунизмом, энтээсовцы прокучивают в кабаках.

28 – 29 февраля 1956 года представители Интеллидженс сервис и ЦРУ собрались на совещание в Лондоне. Там решалась судьба НТС. Англичане встретились со своими заокеанскими коллегами в подавленном настроении и, наверное, избегали смотреть в чистые глаза заокеанских профессионалов шпионажа. И было отчего: не очень приятно сознаваться, что отъявленное жулье много лет водило за нос Интеллидженс сервис. Свое отношение к НТС, разумеется в парламентских выражениях, специалисты Интеллидженс сервис изложили в «Проекте заявления руководству НТС». Там был подбит печальный итог расточения денег налогоплательщи-

¹⁴⁹ На службе ЦРУ. Разоблачение антисоветской деятельности народно-трудового союза. М., 1977, с. 7.

ков. В «Проекте» говорилось:

«1. Английская разведывательная служба всегда заявляла руководству НТС, что цель, которую она преследует в проведении совместных операций с НТС, заключается в получении секретной информации об СССР. В обмен на такую информацию или возможность получения этой информации английская служба была готова предоставить НТС широкие возможности в области обучения, снабжения, транспортировки, оперативного совета и всевозможного рода поддержки...

2. Секретные разведывательные сведения могут быть точно оценены как в количественном, так и в качественном отношении. Следовательно, с английской точки зрения, изложенной выше, всегда казалось ясно, что рано или поздно работа НТС, на которую было потрачено много денег, времени и опыта, будет оценена в соответствии с ее результатами...

...4. Англичане считают, что семилетний период вполне достаточен для того, чтобы подвести итог работы, в которой каждый фактор сотрудничества английской разведки с НТС может быть оценен должным образом. Они пришли к выводу, что это сотрудничество было очень непродуктивным с их точки зрения, то есть полученные результаты ни в коей мере не компенсируют то время и те средства, которые были затрачены.

5. Поэтому английская разведка решила прекратить это сотрудничество во всех областях деятельности».

В деликатной области шпионажа словам верить не полагается. Едва ли Интеллидженс сервис оказалась верной своему разгневанному решению. Но не в этом суть, главное заключалось в том, что ЦРУ взяло на свой баланс НТС. С американской деловитостью ревизоры ЦРУ изучили деятельность НТС, несомненно, в свете прискорбного опыта английских коллег. Вероятно, по поводу практических возможностей НТС они пришли к выводам, сходным с изложенными в английском документе. Конечно, никакого запрета на шпионаж и подрывную деятельность НТС не последовало, а было сделано другое – от главарей НТС потребовали отрабатывать доллары не баснями о своих «успехах» в СССР, а подрывной работой в области идеологии. За ней можно было присматривать на месте – идеологи НТС пребывают во Франкфурте-на-Майне, в ФРГ.

Долларовые дотации поставили на ноги издательство и журнал «Посев», радиопропаганду НТС. В общем, создали условия для ведения «психологической войны». Но типографский станок и радиостанция без материалов, а главное, идей мертвы. Что и как печатать и вещать в эфир? Корявый русский язык ряда энтээсовских материалов наводит на мысль, что на подмогу были вызваны западные «советологи». По легко различимым признакам любой грамотный русский опознает: материалы переведены с английского, да и склад мышления определенно приличествует «советологу»,

прожившему всю жизнь на Западе. Помимо этого, очень убогое содержание.

Вероятно, это поняли и в ЦРУ. Очень скоро американские разведчики с ножом к горлу подступили к НТС: потрудитесь обзавестись идеологией. Понятное дело, что прежние программные установки – программа 1938 года, Пражский манифест и разработки для власовцев – никак не подходят защитникам «свободного мира». Нельзя же, в самом деле, живя на доллары, поносить американских «плутократов»! Как-то не поймут...

Для деятелей НТС наступили тяжкие дни. Они бродили сумрачные и с побелевшими от непривычной умственной работы губами, бормотали как заклинание: «Программа, где взять программу?!» Ну как разъяснить этим настырным американцам, что все устремления НТС направлены к одной «идее»: в обмен на проклятья в адрес коммунизма получать доллары. Пресловутые заокеанские прагматисты теперь требуют идеологических концепций. Да еще оригинальных, а не плагиата у «советологов».

В те времена К. К. Черезов, впоследствии вернувшийся в СССР, был среди активистов НТС. Он дал живые зарисовки неопишуемых мук энтээсовцев, брошенных безжалостным ЦРУ на каторжные работы – создание идеологии. «Артемов, – писал Черезов, – вновь активизирует свою деятельность в НТС и, как ни странно, становится ее „идеологом“». Правды ради, следует сказать, что в теоретических и идео-

логических вопросах Артемов полнейший профан. Его „теоретические“ выкрутасы довели „идеологию“ НТС до таких вершин, что даже самые „посвященные“ не могут разобраться, где начало и где конец, где вопрос и где ответ, где вход и где же, наконец, выход! На одном из закрытых собраний руководящего состава НТС его обвинили, в первую очередь Поремский, в том, что он, Артемов, уж слишком любит глубокое и мягкое кресло и что в таком положении не все логические выводы делает головой»¹⁵⁰.

С превеликими трудностями в 1958 году НТС принял свою программу, которая действует по сей день. Это дикая абракадабра, анализировать которую совершенно невозможно. Но уяснить ее общее направление необходимо для оценки потуг ЦРУ на идеологическом поприще. Сочинители «программы» с самого начала объясняют, что их организацию следует величать «Народно-трудовой союз (российских солидаристов)». В двух словах, стоящих в скобках, ключ к идеологии энтээсовцев, которую, в свою очередь, они рассматривают как отмычку для подрыва советской системы. Не больше. Критик Артемова Поремский, собственно, так и ставит вопрос об идеологических задачах НТС: найти в СССР «соответствующую замочную скважину и подобрать к ней соответствующий ключ. Какую скважину? И какой ключ? – вот в этом и состоит социальное изобретение».

В 1941 – 1945 годах, когда НТС верно служил гитлеров-

¹⁵⁰ К. Черезов. Маска НТС или НТС без маски М., 1975, с. 57.

цам, энтээсовцы продемонстрировали на практике истинную сущность этого принципа. Е. И. Дивнич снова и снова подчеркивал, что нужно смотреть не на слова, а на дела.

«Мне памятен, – писал Дивнич, – случайный разговор с солидаристом В. Д. Поремским зимою в 1941 году... Разговор происходил в Берлине за обедом в „Итальянском ресторане“... Поремский тогда работал диктором на немецком радио, где числился и я. В то время меня раздирали внутренние сомнения о моей роли. Завязался разговор. Я высказал свое мнение – не пора ли бежать от грязного дела: хозяева требуют от нас призывать советских солдат сдаваться в плен немцам. Мало того что это ведет к поражению России, но мы еще знаем нечеловеческие условия немецкого плена. Поремский не переставал жевать спокойно, слишком спокойно для русского патриота. Так мог жевать человек, у которого совесть в полной гармонии с поступками.

– Меня это ничуть не пугает. Я совершенно сознательно призываю. Главное – свергнуть большевиков.

– Но это захват России немцами!

– Пустяки. Идея солидаризма их растворит. В русской душе, когда жизнь будет построена на солидаризме, потонут немецкие чаяния захвата. Русская водка, русская песня, русская женщина, русское радушие хоть кого переделают.

Какая еще нужна иллюстрация – сколько бы ни определяли солидаризм в программе»¹⁵¹.

¹⁵¹ Е. И. Дивнич. НТС – нам пора объясниться! Нью-Йорк, 1969, с. 89 – 90.

Вероятно, очень уместная характеристика «солидаризма» в действии. Много воды утекло с тех времен, но и в наши дни, разумеется, среди своих энтээсовские главари не скрывают: «солидаризм» всего-навсего наукообразная фраза, а суть в следующем: «солидаризм не столько система идей, сколько метод достижения целей». Так авторитетно разъяснил Редлих единомышленникам в конце 1975 года. При таком понимании нож и пищуца: машинка однозначны для выражения «солидаризма».

Малограмотная стряпня – «программа» НТС рассчитана на ловлю душ самыми низкопробными приемами дешевой демагогии. Сродни ей устав НТС. Чтобы придать «документу» респектабельность, его снабдили «введением», претендующим на некую философию. Первые строки ошеломляют: «Население земного шара подвергается опасности термоядерной, химической и бактериологической войны, опасности перенаселения, голода, отравления воздуха и вод, уничтожения лесов, катастрофических изменений климата. Опасности эти планетарного характера и грозят всем странам независимо от их общественного или политического строя...» Спустившись с заоблачных «философских» высот, энтээсовцы пошли по проторенным антикоммунистическим дорогам.

Рецепт спасения человечества, как и следовало ожидать, вполне в традиционном духе НТС: коммунизм должен быть уничтожен, и все пойдет на лад. Так и сказано: «Освобож-

дение России союз считает неперемнным условием для мирного разрешения конфликтов, разъединяющих современное человечество», а посему, формулируется в уставе «цель союза – устранение коммунистической диктатуры». После этого, по логике составителей «устава», климат улучшится, леса умножатся и т. д.

Преимущественно для ЦРУ Поремский сочинил «молекулярную» теорию революции. Она была ответом энтээсовцев на требования обзавестись «идеологией». Энтээсовцы вручили ЦРУ наскоро перелицованное старье – «молекулярную доктрину», с которой Поремский носился еще на рубеже сороковых и пятидесятих годов, то есть в пору самых теплых отношений НТС с Интеллидженс сервис. Под крылом ЦРУ Поремский раздул ее значение до явного абсурда: энтээсовцы хором превозносят для внешнего употребления вздор Поремского. «Доктрина» удобна для НТС тем, что всегда можно ответить на требования ревизоров из ЦРУ, где ваши единомышленники в СССР, беспардонной ложью: они где есть, только их простым глазом не разглядеть, если не вооружиться личным микроскопом Поремского.

Вот как вознес, например, Редлих «молекулярную доктрину» в «теоретическом» докладе, прочитанном на заседании руководства НТС в 1972 году (надо думать, мысленно озираясь на контролеров из ЦРУ): «Совершенно очевидно, что при достаточной мощности пропагандистского потока, оформляющего стремления и чаяния людей, можно

настроить их так, что они будут играть как хорошо спрепетированный оркестр без дирижера, что, обходясь минимумом организационных начал, можно добиться накопления политического потенциала, который Поремский удачно сравнивает с постепенным охватом молекул переохлажденной жидкости, так называемым „предкристаллическим состоянием“ (отсюда и название его идеи „молекулярной“ теории, или доктрины). В этой „организации без организации“, в элементарной солидарности единомышленников, в готовности искать не то, что разделяет, а то, что объединяет людей, лежит ключ к успеху общего дела».

Этот вздор, адресованный Западу, конечно, поднимается на смех руководителями НТС, которые в своем кругу язвят: у нас завелась «одна революционная молекула, да и то пьяная», они-то уж точно знают, что движет творческим воображением Поремского и каковы цели сочинения бредовой «доктрины» – получать долларовые подачки из кармана американского налогоплательщика.

Если говорить серьезно и по существу, то притягательная сила описанной «идеологии» близка к нулю, а быть может, величина отрицательная.

Разумеется, это понимают хозяева НТС – руководство ЦРУ, которое понукает энтээсовцев, требуя от них отдачи. Отчего случаются истории просто трагикомические.

В ноябре 1979 года «Посев» печатает «Разговор с друзьями в России» Р. Редлиха, сопроводив его фотографией. С

кем говорят, неведомо, но кто говорит, документально показано: изрядно потрепанный жизнью Редлих сидит перед микрофоном. «В отношении финансирования нашего дела, – жалуется он, – мы бьемся как рыба об лед, крутимся как белки в колесе и бедны как церковные мыши». Возможно, в последние годы в ЦРУ стали несколько более прижимисты и держат аферистов на приличествующем им пайке – впроголодь. Но ограничения, вероятно, все же касаются личного потребления, а не «дела».

Уж в очень большом противоречии с причитаниями Редлиха по поводу стесненных материальных обстоятельств находятся анонсы в том же «Посеве» с предложениями едущим в СССР туристам снабдить их «бесплатно» различного рода антисоветской литературой, причем с подробными инструкциями «Как провозить литературу в Советский Союз?». Например, в «Посеве» № 6 за 1980 год: «До 30 книг и журналов, до 150 брошюр можно провезти в чемодане среди вещей. Материал надо упаковывать в один пакет толщиной около 10 см. В чемодане пакет разместить не на самом дне, но и не на поверхности, не вплотную к стенкам чемодана, а в середине, со всех сторон прикрыв вещами. Если вы берете с собой не больше 1 – 2 книг, полдюжины, пары газет и журналов, то лучше всего разместить их по карманам. Таким образом, материал может быть с наибольшей вероятностью (порядка 98%) провезен беспрепятственно... Естественно, декларировать (на таможне) литературу не следует, ни уст-

но, ни письменно».

Эту литературу, печатаемую на Западе на деньги НТС, а точнее, ЦРУ, рекомендуется рассылать по неким адресам, а также «оставлять в метро, в телефонных будках, в книжном магазине на полке, в фойе театра, на стадионе – в любом общественном месте». Надо думать, что все это стоит денег и денег, включая услуги нечистоплотных людей, берущих на себя труд выполнить эти поручения, НТС.

На 1980 год пало 50-летие существования НТС. Как и следовало ожидать, главари организации ознаменовали его выдачей порядочной порции «туфты», адресованной западным спецслужбам. В дополнение к «молекулярной теории» они выдвинули тезис о неких «конструктивных силах», которыми будто бы НТС располагает «в верхнем слое советского общества». Это якобы «директора предприятий», «командиры полков», «настоящие ученые». На них, объявил Редлих, «мы делаем ставку... на них ложится задача государственного переворота». Окончательно заврались.

Это все отчаяния выколотить новые долларовые подачки от ЦРУ.

9

Как ни жалки и смехотворны претензии НТС, сочинение аферистами, возглавляющими его «молекулярной теории» революции, разного рода прожектов, изумительных по идио-

тизму типа описанного обнаружения «конструктивных сил» в СССР, – свидетельство их нелегкой жизни под бдительным надзором бюрократов ЦРУ. Последние также не очень вольны, они, в свою очередь, под прессом контроля высших властей.

Исполнители обязаны быть дисциплинированными. В июне 1982 года скончался американский адмирал Р. Хилленкоттер, прослуживший десятилетия на флоте. «Нью-Йорк Таймс» откликнулась на его смерть некрологом, большая часть которого была посвящена всего трем годам службы военного моряка – в 1947 – 1950 годах. Хилленкоттер был первым директором ЦРУ. Газета нашла некролог уместным поводом для того, чтобы восхвалить рвение адмирала в проведении подрывных операций в те годы. Хилленкоттер, заверила газета, проводил их и тогда, когда «юрисконсульт ЦРУ утверждал, что ЦРУ не имело на это полномочий». Еще «Нью-Йорк таймс» привела слова флотского капеллана: адмирал «являет собой пример, каким должен быть американец»¹⁵². Прекрасно! Не военная служба (Хилленкоттер был ранен в Пирл-Харборе), а участие в самых темных делах ныне служит в США критерием «патриотизма» и прочего в глазах официальных кругов. Р. Клин замечает:

«Энтузиазм Вашингтона в пользу подрывных действий самого разнообразного характера выражался в серии новых директив, каждая новая шире, чем предыдущая. В 1955 го-

¹⁵² «The New York Times», June 21, 1982.

ду СНБ изменил процедуру контроля в новой директиве о проведении подрывной работы СНБ-5412. Отныне все планы подрывных операций официально рассматривались органом „5412“ или „специальной группой“. Ее название и состав с годами менялись: „комитет 303“ при президенте Кеннеди, „комитет 40“ при президенте Никсоне. Однако в директивах СНБ неизменно предусматривалось, что проекты утверждают именем президента ведущие должностные лица от государственного департамента, министерства обороны, председатель комитета начальников штабов и представитель Белого дома в СНБ. С годами основную ответственность за эти дела постепенно стал нести помощник президента по национальной безопасности – пост, который в шестидесятые и семидесятые годы последовательно занимали М. Банди, У. Ростоу и Генри Киссинджер»¹⁵³.

Вот так обстоят дела в этой области на практике. Прямая линия ответственности в правительственной иерархии Соединенных Штатов начисто лишает основы апокрифические истории о мнимой независимости ЦРУ, которое-де может творить дела, неведомые высшим руководителям американского государства. Действительно, как-то трудно представить, чтобы, скажем, отъявленные проходимцы из НТС находились в поле зрения столь высокопоставленных инстанций. Просто непостижимо для здравого рассудка. Но это так. Легенда о пронырливом ЦРУ, способном на явную нескура-

¹⁵³ R. Cline. *Op. cit.*, p. 131.

зицу за спиной высшей власти, очень полезна именно для самой этой власти. Собственно, это имели в виду штатные историографы ЦРУ, когда в выводах в официальной истории ведомства, написанной для комиссии Ф. Черча, почти с горькой обидой записали:

«В конечном итоге большая часть ответственности за размах подрывных действий и любые злоупотребления должна быть возложена на высших государственных деятелей. Процедура принятия решений в СНБ создала атмосферу неопределенности, что позволило рассматривать соответствующие акции без ограничений индивидуальной ответственности... По мере расширения масштабов подрывной работы политики сочли полезным сохранять двусмысленность в процессе принятия решений в интересах сохранения тайны и возможности „правдоподобного отрицания“ подрывных акций. Ни от кого в правительстве и меньше всего от президента не требовалось официально поставить свою подпись под данной программой подрывной работы. Глава разведывательного сообщества (директор ЦРУ) отвечал за ее выполнение, но не за принятие решения о ее проведении. В СНБ группа лиц несла коллективную ответственность за определение целей политики. Но они даже не пытались установить критерии, вводящие моральные или конституционные ограничения на деятельность в интересах достижения этих целей. Аналогичным образом функционировал конгресс. В конгрессе горстка членов комитета проводила бюджет ЦРУ. Некоторые чле-

ны комитета знали о главных направлениях работы ЦРУ, другие предпочитали ничего не знать»¹⁵⁴.

Хотя написавшие эти строки определенно приглашали разрыдаться вместе с ними по поводу печальной участи ЦРУ в джунглях американской государственности, высказанное ими примечательно совершенно в другом плане. Цели любой операции ЦРУ всегда отражают виды государственного руководства. То, что при попытках их достижения случаются осечки, выставяющие США иной раз на посмешище перед всем миром, – другой вопрос.

Терпит очередной провал не только ЦРУ, а вся политика Вашингтона.

¹⁵⁴ «Final Report...», v. 4, p. 93.

«Клуб господ» и наука

1

На рубеже сороковых и пятидесятих годов по академической общине в США пронесся клич: «Ученые – в ЦРУ!» Ветераны РА УСС охотно мобилизовались. Как же, лестно послужить в «клубе господ», как иной раз именуют ЦРУ. Профессорам сулились не только сказочные зарплаты, но и удовлетворение тщеславия, предлагалось снова личное участие в разработке самых деликатных аспектов американской политики. Коротко говоря, работа во вновь созданном управлении национальных оценок (ОНЕ) – мозге ЦРУ. Те, кто возглавил управление с 1950 года, принесли в него не только непосредственный опыт трудов под крышей УСС, но и результаты размышлений по поводу американской внешней политики в канун и в годы второй мировой войны.

Они не пустили по ветру несколько лет выпавшей им академической свободы между УСС и ЦРУ, а написали ряд книг, вошедших в официальную американскую историографию. У. Лангер в соавторстве с С. Глисоном замахнулись на четыре тома – США во внешнем мире с 1937 по 1945 год. По-видимому, возвращение к прежним занятиям с 1950 года в ЦРУ ополовинило работу. Увидели свет в 1952 – 1954

годах только два тома: «Вызов изоляционизму 1937 – 1940 гг.», «Необъявленная война 1940 – 1941 гг.», которые, как, вероятно, сочли авторы, отражали коренные проблемы в период, когда писались эти книги.

Работа У. Лангера и С. Глисона стала, безусловно, обязательным источником, и далеко не только в США при изучении событий кануна и начала той войны. Ее просто нельзя обойти, и не из-за сверхценной интерпретации, ибо, в сущности, повторяется официальная версия Целей внешней политики Вашингтона, а потому, что много больше полутора тысяч страниц содержания этих томов написаны на документах, и материалах, открытых только для авторов. Вот и получилось, замечает французский исследователь А. Гэрин, что «все вплотную занимающиеся историей второй мировой войны знают имя Уильяма У. Лангера, но лишь считанные осознают – он человек ЦРУ»¹⁵⁵.

Генералы Дж. Маршалл и Д. Эйзенхауэр озаботились уже в 1946 году приступить к написанию 99-томной истории армии во второй мировой войне. Эйзенхауэр потребовал, чтобы этим занялись в основном гражданские историки, ибо, если вверить дело «банде престарелых полковников», создание труда затянется по крайней мере, на 25 лет. Высшее командование США стремилось без отяжки получить 99-томное исследование для извлечения опыта из минувшей войны для предстоявшей. Перед отобранными истори-

¹⁵⁵ А. Guerin. Les Gens de la C. I. A. Paris, 1980, p. 9.

ками были открыты архивы вооруженных сил. Р. Кли́н, написавший головной том без одной книги стотомника, получил возможность исследовать механизм функционирования высшей власти в США в чрезвычайных обстоятельствах. И не он один. Во всяком случае, в ЦРУ пошла профессура, умудренная опытом теоретической и практической работы.

Правительство сгорало от нетерпения без промедления сказочно обогатиться интеллектуальным капиталом от ЦРУ, а для этого не жалели долларов. У. Лангер и К^о были порядком озадачены: им предложили набрать в управление национальных оценок 1000 человек! Ученые объяснили, что количество в науке автоматически не переходит в качество, и сказали: нужно примерно 30 человек. После некоторых препирательств администраторы согласились, и в управлении за все время его примерно двадцатилетнего существования никогда не было занято более ста ученых ¹⁵⁶. В первые годы, когда в Вашингтоне чуть ли не с языческой верой молились на управление, авторитет Лангера был непререкаем. Еще бы! Вероятно, высокопоставленные чиновники внутренне уверовали, что ОНЕ имеет некий магический кристалл, заглядывая в который ученые укажут пути, как наверняка поразить Советский Союз.

Кристалл этот разросся до размеров хорошего айсберга. Вершина – ОНЕ покоилась на тысяче сотрудников управле-

¹⁵⁶ R. Cline. *Secrets, Spies and Scholars, Blueprint of the Essential CIA*, Washington, 1976, p. 120.

ния разведки плюс еще 2 тысячи человек, занятых в центральной справочной службе – секретной библиотеке ЦРУ, оборудованной компьютерами, и в различных исследовательских подразделениях ¹⁵⁷. Когда за плечами Лангера стоял директор ЦРУ, а за его спиной – Совет национальной безопасности, тогда Лангер держался соответственно с чиновным лицом независимо от постов, которые они занимали, скажем, в госдепартаменте или вооруженных силах. Сверля взором, словно экзаменатор, допрашивающий нерадивого студента, рассказывали очевидцы, Лангер враждебно гнул: «Ну, генерал, все это пустые слова, а я хочу добраться до сути, и чтобы было понятно» и т. д.

Руководители ОНЕ, надо полагать, возомнили себя избранными интеллектуалами. Помимо Лангера, их было семеро – четыре историка (профессора Ш. Кент, Л. Монтегю, Д. Ван Слик, Р. Зонтаг), профессор экономики К. Гувер, бывший командующий американскими войсками в Европе генерал К. Хебнер и юрист М. Фостер. ОНЕ привлекло помощь со стороны так называемых «консультантов из Принстона» – Дж. Кеннана, редактора журнала «Фореин афферс» Г. Армстронга и ученого-атомника В. Буша ¹⁵⁸. Дела эти – достояние минувших лет, и поэтому приведенные фамилии известны. Но тысячи и тысячи американских ученых, работавших в ЦРУ или продолжающих трудиться там по сей

¹⁵⁷ Ibid., p. 144.

¹⁵⁸ «Final Report...», v. 4, p. 19.

день, не торопятся заявить о своих связях с ведомством. Если УСС был клубом «высокопоставленных», то дух избранных еще сильнее проявился в первый период ЦРУ. То был клуб избранных, гордящийся прошлым и дипломами своих членов. Как писал в 1963 году А. Даллес, «совершенно верно, что у нас множество выпускников из университетов восточной части страны. Также верно, что по количеству дипломов (многие сотрудники ЦРУ имеют не один диплом) список возглавляют Гарвардский, Йельский, Колумбийский и Принстонский университеты»¹⁵⁹.

Формирование и функционирование ОНЕ ставят в должную перспективу навязшую в зубах проблему о проникновении ЦРУ в академический мир и связанные с этим вздорные слухи. Не ЦРУ проникло в мир науки, а наука у истоков ЦРУ нередко определяла строительство этого ведомства. Во всяком случае, «мозг» ЦРУ был сформирован так, как представляли себе профессора, поднаторевшие в тайных делах еще во времена УСС.

Теоретические разработки ОНЕ были посвящены очень широкому кругу вопросов, с тем чтобы попытаться предсказать будущие действия СССР, нащупать наши слабые места и внести соответствующие рекомендации. По сей день исследователь натурально располагает крайне ограниченной информацией относительно конкретных выводов ОНЕ, а сле-

¹⁵⁹ G. Wills. The CIA from Beginning to End, «The New York Review of Books», January 22, 1976, p. 26.

довательно, ЦРУ. Судить, конечно, нужно по делам – американской политике в отношении СССР, в которую аналитики ЦРУ неизменно вносили свою лепту. Лангер с коллегами в первые золотые годы существования ОНЕ имели выход в Совет национальной безопасности. Едва ли есть сомнение в том, что хранящийся в архиве Г. Трумэна документ «Психологическое наступление против СССР. Цели и задачи» миновал аналитиков ЦРУ, если вообще не был написан ими. Датированный 10 апреля 1951 года, документ этот был рассекречен в 1976 году. Составители подчеркивали:

«При определении этих целей и задач, безусловно, предполагается указать советскому народу, что есть альтернатива существующему режиму. В задачу Соединенных Штатов не входит указывать ее конкретно. Следовательно, мы не будем выдвигать предложений по определенным вопросам (коллективизация, демократические выборы и т. д.) без получения на это особых политических указаний. Однако во всей нашей пропаганде должно подразумеваться, что конечное решение лежит в восстановлении прав человека, являющихся наследием русского народа», которых-де лишил нас советский строй.

Речь идет об усилиях, направленных на реставрацию в нашей стране капиталистических порядков. Основная цель американской «психологической войны» в этих интересах ставилась, исходя, конечно, из искаженного представления в США о Советском Союзе:

«Нужно расширить разрыв, существующий между советским народом и его правителями».

Затем следовали рекомендации, подготовленные нечестивым союзом шпионов и ученых, как именно добиться этого – беспардонной клеветой на советский общественный и государственный строй. Единственное ограничение, о котором следовало помнить исполнителям, занятым на этом участке «психологической войны»:

«Предостережение. Эту задачу легче всего выполнить. Но не перестарайтесь. Речь идет о том, чтобы вызвать ощущение тирании у тех, кто привык к ней или не видит дальше собственного носа».

Оно, конечно, верно: клеветать профессиональным клеветникам – дело привычное и совсем не затруднительное, но логика-то какова! Живет и трудится народ в народном государстве, а профессора из ЦРУ велят ему уверовать – живет-де при «тирании». Не верьте тому, что видите и знаете, а руководствуйтесь оценками советского строя, сделанными его лютыми врагами. Если такие умозаключения закладываются в основу американской пропаганды, а именно так обстоит дело, тогда понятно, почему гигантские средства, отпускаемые на нее Вашингтоном, летят на ветер. Да, только в таком извращенном интеллектуально и по-иному мире могут верить вздору типа «молекулярной революции» НТС. Но чем лучше или хуже ее этот подход к «психологической войне», оплодотворенный американской «наукой» от ЦРУ?

Против идей социализма настоятельно рекомендовалось мобилизовать следующее:

«*Задача № 1.* Вскрыть и развивать духовные ценности, моральные и этические концепции советского народа, особенно русских, и установить идентичность этих ценностей с ценностями свободного мира. *Предлагаемая тематика:*

а) Правдивость, сострадание, щедрость, любовь к семье, гостеприимство – вот некоторые ценности, дорогие советскому народу, все это производное от их духовной жизни. Это общее достояние с народами свободного мира, но оно презирается правителями СССР.

б) Исторический вклад русских в различных творческих сферах свободного мира: философии, искусстве и науке – всегда признавался и уважался.

в) Изучение классической русской литературы, политической философии и этики показывает: Россия разделяла и находилась под влиянием творческих социальных и культурных сил, которые развивал Запад. Политические и этические идеалы русского народа в основе такие же, как на Западе, ибо они проистекают из тех же духовных источников, они извращены в коммунистическом государстве, но не умерли. *Предостережение.* Мы не должны перебарщивать, говоря о западном влиянии, и не производить впечатления говорящих свысока.

г) Русская семья основывается на любви, доверии, взаимопомощи и уважении к правам других. Это ценности, об-

щие со свободным миром.

д) То, за что советские люди сражались в годы революции, – мир, свобода и хорошая жизнь для всех, является основными концепциями, общими со свободным миром. Эти концепции ежедневно осуществляются в политической жизни свободного мира.

е) Заверить русский народ, что свободный мир не вынашивает никаких замыслов ни против них, ни против их страны, а лишь добивается для них свободы и процветания в дружественном и сотрудничающем мире».

Еще бы! «Свободный мир» в лице руководителей США уже, как мы видели, готовился не покладая рук забросать Советский Союз атомными бомбами, вести против нас бактериологическую войну и вообще истреблять русских всеми возможными способами. А чтобы притупить бдительность, американские пропагандисты пока изрекают описанные лестные для нас сентенции. Пусть русские развесят уши! Ознакомление с приведенной тематикой, однако, не бесполезно, – в сущности, с небольшими поправками на новые события, примерно в этом ключе изъясняются в американской пропаганде, направленной против нашей страны по сей день.

Не менее поучительно обратиться и к «предлагаемой тематике» рассказов о бесподобных Соединенных Штатах, с тем чтобы ввести в заблуждение относительно подлинной политики Вашингтона в отношении Советского Союза. Как

ни прискорбно, приходится воспроизвести рецепты ЦРУ полностью, чтобы составить полное представление о моральном и интеллектуальном уровне стратегов «психологической войны»:

- а) США миролюбивы, уважают суверенитет и независимость народов и государств;
- б) американцы проводят различие между советским народом и его правительством;
- в) США никогда не воевали с Россией;
- г) США помогали советскому народу во второй мировой войне еще до вступления США в войну с Германией;
- д) США продолжали помогать народу СССР даже после завершения боевых действий во второй мировой войне (оказывали помощь и после революции, АРА);
- е) американцы предоставили свои знания и опыт при строительстве промышленности в СССР;
- ж) любовь к технике и науке в повседневной жизни общи для народов СССР и США;
- з) наши страны велики, и мы строим смелые планы;
- и) у нас общий дух пионеров;
- к) в США живут многие тысячи людей русского и украинского происхождения, которые оказывают существенное влияние на американскую жизнь;
- л) русская и украинская народная музыка и музыка их композиторов (включая советских) очень часто исполняются в США; многие наши выдающиеся музыканты русского

происхождения;

м) романы и рассказы русских писателей очень популярны в США и в свободном мире. Во всех главных университетах изучают русскую литературу. *Примечание.* Нужно рецензировать новые биографии русских писателей и исследования по русской литературе, даже если в них нет политического содержания;

н) народы США и свободного мира знают о мужестве, энергии и чаяниях советских людей, многие американцы выражали публично восхищение этими качествами;

о) США помогают всем народам где только могут, независимо от того, согласны они или нет с политикой США;

п) в американском театре все еще изучают систему Станиславского, и не делается никаких попыток скрыть ее русское происхождение;

р) правительство США, многие частные организации и отдельные лица пытались установить культурные, научные и технические обмены с СССР;

с) о сущности Америки и свободного мира, об основных идеалах, которые мы разделяем с советским народом, дает представление американская и другая западная литература, имеющаяся в СССР: Стейнбек, Эптон Синклер, Марк Твен, Джек Лондон, Диккенс и т. д. Хотя некоторые из этих книг принадлежат к направлению «социального протеста», они показывают демократическую веру в социальный прогресс в

действии»¹⁶⁰.

С таким набором отмычек действуют те, кто пытается взломать души, вести подрывную работу, сеять лживые иллюзии. Такова служебная инструкция, представленная президенту США, входящая в арсенал «психологической войны». Она была взята на вооружение и частично выполнялась ландскнехтами «психологической войны», нанятыми ЦРУ для обслуживания подрывных радиостанций, открывших радиопередачи на СССР и другие социалистические страны. На вооружении ЦРУ в первую очередь две подрывные радиостанции – «Свобода» и «Свободная Европа».

2

С самого начала функционирования радио «Свобода» эта организация, помимо своей основной цели – ведения подрывных передач, приступает под руководством ЦРУ и к планомерной шпионской деятельности. Советский гражданин Ю. Марин, проработавший под именем К. Неастрова несколько лет на радиостанции «Свободам, получил возможность не только детально ознакомиться с этим аспектом деятельности радиостанции, но и передавать в распоряжение советских компетентных органов документальные доказательства, еще раз подтвердившие аналогичные свиде-

¹⁶⁰ «Psychological Offensive vis-a-vis the USSR. Objectives, Tasks and Times», pp. 1, 3-5. Harry S. Truman. Library, President's Secretary File.

тельства о деятельности радио „Свободная Европа“, собранные ее бывшими сотрудниками – польским разведчиком А. Чеховичем, чехословацким разведчиком П. Минаржиком и болгарским разведчиком Х. Христовым ¹⁶¹.

Разведывательная деятельность «Свободы» носит весьма разнообразный характер. Используя открытые советские источники, прежде всего прессу, сотрудники «Свободы» составляют для ЦРУ аналитические обзоры и прогнозы состояния и развития Советских Вооруженных Сил, оборонной промышленности, экономического потенциала в целом, различных социологических и внутривнутриполитических тенденций, характерных для советского общества. Пользуясь присвоенной самими себе репутацией «природных знатоков русской души и русского образа мышления», недоступных для понимания западных разведслужб, в том числе и своих шефов из ЦРУ, «специалисты» из работающих на «Свободе» предателей подчас делают выводы и выступают с рекомендациями с позиций «святого папы». Вполне понятно, что нельзя переоценивать их влияние на формирование американской политики в отношении Советского Союза, но нельзя и не видеть, что результаты подобной «исследовательской» деятельности «Свободы» – еще один аргумент, который охотно используется американскими политическими деятелями в самых неприглядных целях.

Другим аспектом разведывательной деятельности «Сво-

¹⁶¹ Разведчики разоблачают. М., 1977.

боды» является осуществляемый ее специальным отделом радиоперехват как внутренних советских систем беспроводной коммуникации, так и переговоров соответствующих центральных советских служб с находящимися в плавании гражданскими и военными судами, подводными лодками, самолетами. Прослушиваются также радио- и телефонные переговоры советских и иностранных посольств и миссий, аккредитованных в третьих странах. Не менее энергично осуществляется направленный против СССР шпионаж путем использования в этих целях встреч и знакомств с выезжающими за границу советскими гражданами. Для этого «Свобода» имеет свои опорные пункты и своих агентов практически во всех западных странах.

Симбиоз пропаганды, подрывной работы и шпионажа под крышей «Свободы» понятен, в свое время направление ее работы было задумано в ОПК, ЦРУ¹⁶² и с тех пор никогда не менялось. Это и есть один из примеров «психологической войны». Передачи подрывных радиостанций, нашел Р. Клине, «оказывали тонкий психологический нажим... ЦРУ организовало эту операцию по просьбе официальных представителей США, ибо считалось – радиопередачи будут более эффективными, если скрывается их связь с американским правительством»¹⁶³.

Так на практике осуществлялась концепция роли пропа-

¹⁶² «Final Report...», v. 4, p. 36.

¹⁶³ R. Cline. Op. cit., p. 128.

ганды в рамках подрывной деятельности, точно соответствующей формуле, предложенной в свое время Donovanом. Он говорил:

«Пропаганда на за границу должна использоваться как инструмент войны – искусная смесь слухов и обмана, правда – лишь приманка, чтобы подорвать единство и сеять смятение... В сущности, пропаганда – острое первоначального проникновения, подготовка населения территории, избранной для вторжения. Это первый шаг, затем вступает в действие пятая колонна, за ними диверсионно-десантные части, или „коммандос“, и, наконец, выступают дивизии вторжения»¹⁶⁴.

Положение это, сформулированное в годы второй мировой войны, с точки зрения руководства ЦРУ имеет непреходящую ценность и никогда не утрачивало своей действительности. Претворить его в жизнь дальше обозначенного первого этапа мешает не нежелание ЦРУ, а обстоятельства, над которыми оно не властно. Что и показал контрреволюционный мятеж в Венгрии осенью 1956 года.

Генезис кровавых событий, разыгравшихся тогда в стране, восходит к подрывной деятельности западных спецслужб, поджигательские радиопередачи на Венгрию – только ее внешнее проявление. Во всяком случае, они вселяли тупую уверенность в мятежников – стоит только начать, как с Запада последует массивное вторжение на их стороне.

¹⁶⁴ C. Ford. Donovan of OSS, Boston 1970, p. 125.

Если бы не было этих заверений, контрреволюционеры не осмелились поднять оружие.

Не кто другой, как Р. Никсон, тогда вице-президент США, с началом мятежа поспешил на границу с Венгрией, в Австрию. По его словам, он встретился там с группой мятежников.

«Я спросил: „Как вы считаете, „Голос Америки“ и радио „Свободная Европа“ внесли свой вклад, поощряя восстание?“ На их лицах выразилось удивление, по мере того как переводился этот недипломатический вопрос. Один из них дал ответ: „Да!“¹⁶⁵

Даже те, кто впоследствии пытался изобразить мятеж как стихийное «восстание», но находился с мятежниками, отмечают: где бы ни собиралась очередная шайка бандитов, там обязательно надрывался радиоприемник, настроенный на волну радиостанции «Свободная Европа». Провокационные передачи, рассчитанные прежде всего на эту аудиторию, заверяли бандитов: вы на верном пути.

Спустя ровно двадцать лет после контрреволюционного мятежа «Нью-Йорк таймс» под заголовком «Рассказ о плане ЦРУ в 1956 году в отношении Восточной Европы» поместила интервью с Д. Энглтоном, который в 1956 году ведал контрразведкой и подрывными операциями в ЦРУ. Поводом для выступления отставного деятеля ЦРУ послужили, вероятно, бесславный юбилей мятежа и ущемленное авторское

¹⁶⁵ The Memoirs of Richard Nixon. N. Y., 1978, p. 183.

самолюбие – только что вышла книга Р. Клина, с которой Д. Энглтон заявил несогласие по ряду второстепенных деталей. Вот как передавала газета рассуждения Энглтона:

«К середине пятидесятих годов „мы привели в соответствие со сложившимися условиями оперативные группы, которые были созданы по приказу свыше в 1950 году“, сказал Энглтон, сославшись на директиву об учреждении ОПК, в компетенцию которого входило использование квазиевонных оперативных групп, для того „чтобы ни в коем случае не соглашаться со статус-кво советской гегемонии“. Г-н Визнер, рекомендованный генералом Дж. Маршаллом (тогда министр обороны. – Н. Я.) на пост руководителя программы подрывных действий, и г-н Энглтон „провели обширную подготовку“... Выходцы из Восточной Европы, частично члены довоенных крестьянских партий в Венгрии, Польше, Румынии и Чехословакии, прошли подготовку в секретных центрах ЦРУ в Западной Германии под руководством экспертов ЦРУ. Г-н Энглтон добавил, что эти части возглавлял „прирожденный лидер из Югославии, в свое время получивший военную подготовку в Австро-Венгрии при Габсбургах“. Однако вспышки в Польше, Венгрии и Румынии произошли преждевременно, поэтому тайные оперативные группы не сумели ввести в действие»¹⁶⁶.

Едва ли в этом причина. У. Колби, вероятно, ближе к истине, когда в своих мемуарах описывает, как воронье из

¹⁶⁶ «The New York Times», November 30, 1976.

подрывных подразделений ЦРУ мигом слетелось к границам Венгрии при первых известиях о мятеже:

«Со времен создания ОПК под руководством Фрэнка Визнера ЦРУ имело задачу или считало, что имеет ее, – оказывать военную поддержку в стиле УСС группам сопротивления, стремящимся свергнуть тоталитарные коммунистические режимы. В Венгрии такие группы мы называли борцами за свободу... Как только началось восстание в Венгрии, Визнер и высшие руководители управления планов (так с 1952 года именовалось ОПК, слившееся с другими подразделениями ЦРУ. – **Н. Я.**), особенно имевшие касательство к подрывной работе, полностью изготовились к действию – прийти на помощь борцам за свободу оружием, обеспечением связи и воздушным транспортом. Именно для такой работы и были предназначены квазивоенные подразделения ЦРУ. Можно доказать, что ЦРУ могло бы выполнить это, не вызвав мировой войны между США и СССР.

Но президент Эйзенхауэр рассудил иначе. Какие бы сомнения ни существовали в ЦРУ в отношении политики Вашингтона в этих делах, отныне они навсегда исчезли. Было установлено раз и навсегда: США, твердо стоящие на позициях сдерживания Советов, в их существующей сфере влияния не будут пытаться освободить ту или иную территорию в границах этой сферы... ибо ценой этого может оказаться третья мировая война.

Визнер прилетел в Вену к концу восстания, а затем выехал

к венгерской границе взглянуть на происходившее собственными глазами... Вскоре после этого он ушел в отставку из ЦРУ по состоянию, здоровья, его пост занял Ричард Биссел. Визнер так и не оправился. Когда он покончил с собой, это была такая же жертва реальностей «холодной войны», как и самоубийство министра обороны Джеймса Форестола»¹⁶⁷.

Если террористы по наущению Ф. Визнера в конце 1956 года рвались в бой, то в Белом доме куда лучше представляли соотношение сил между США и СССР в случае большой войны. Примерно в это время в Вашингтоне имели возможность понять, что Соединенные Штаты становятся не неуязвимыми для ответного удара. Уроки контрреволюционного мятежа в Венгрии в этом отношении были поучительными: хотя первопричина вооруженной вспышки лежала в подрывной деятельности американских спецслужб, Эйзенхауэр не мог допустить, чтобы события в Венгрии оказались спусковым крючком для мировой термоядерной войны.

Вмешательство президента, конечно, глубоко потрясло патрициев в руководстве ЦРУ. Надо думать, с их точки зрения, Эйзенхауэр, конечно, не тянул на члена «клуба господ», хотя и являлся высшим должностным лицом республики. Во всяком случае, тот же Визнер, по положению второй человек в ЦРУ, обладатель несметного наследственного состояния (чеки на получение заработной платы он бросал в ящик письменного стола и годами не получал ее), наверняка рех-

¹⁶⁷ W. Colby. Op. cit., pp. 134 – 135.

нулся из-за аномалии в его представлении сложившейся ситуации. Ему, мультимиллионеру, безвозмездно служащему в ЦРУ из-за «идеи», повязал руки президент, живущий на заработную плату! Было от чего впасть в отчаяние и пустить пулю в лоб!!

Заступивший на место Визнера Р. Биссел также был типичным представителем своего класса – мультимиллионер, выпускник Йельского университета. Он возглавил в ЦРУ программу создания и использования самолетов-шпионов У-2, что было технической новинкой¹⁶⁸. Разумеется, Биссел не обошел вниманием подрывную работу в области идеологии. Случившееся в Венгрии, по словам Колби, «предоставило великолепнейшие возможности для пропаганды... которыми максимально воспользовались ЦРУ и его союзники»¹⁶⁹.

В 1959 году конгресс США принимает резолюцию «О порабощенных странах», предлагая американцам оплакивать участь оных ежегодно и звать к их «освобождению». Резолюция потрясла даже выдавшего виды Дж. Кеннана. Во втором томе мемуаров, вышедших в 1972 году, Кеннан выразил, вероятно, искреннее отчаяние по поводу того, в какие дебри завела «психологическая война» Соединенные Штаты:

«В нашей стране есть шумные и влиятельные элементы, которые не только хотят войны с Россией, но имеют ясное

¹⁶⁸ T. Powers. Op. cit., pp. 67, 117 – 119.

¹⁶⁹ W. Colby. Op. cit., p. 134.

представление, ради чего ее нужно вести. Я имею в виду беглецов и иммигрантов, особенно недавних, из нерусских областей Советского Союза и некоторых восточноевропейских стран. Их идея, которой они страстно, а иногда беспощадно придерживаются, проста – Соединенные Штаты должны ради выгоды этих людей воевать с русским народом, дабы сокрушить традиционное Российское государство, а они установят свои режимы на различных „освобожденных“ территориях...

Эти элементы с успехом апеллировали к религиозным чувствам (в США) и, что еще важнее, к господствующей антикоммунистической истерии. Представление о размерах их политического влияния дает тот факт, что в 1959 году они сумели протащить в конгресс руками своих друзей так называемую резолюцию о «порабощенных странах». По публичному признанию их оракула д-ра Л. Е. Добрянского, тогда доцента Джорджтаунского университета, он написал ее с первого до последнего слова. Этот документ и был торжественно принят конгрессом как заявление об американской политике. Резолюция обязывает Соединенные Штаты в рамках, посильных для конгресса, «освободить» двадцать два «народа», два из которых вообще не существуют, а название одного, по-видимому, изобретено нацистской пропагандистской машиной во время прошлой войны... Невозможно представить худшее, чем хотели заставить нас сделать эти люди, – связать нас политически и в военном отношении не

только против советского режима, но также против сильнейшего и самого многочисленного этнического элемента в традиционном Российском государстве. Это было бы безумием таких неслыханных масштабов, что при одной мысли об этом бледнеет как незначительный эпизод даже наша авантюра во Вьетнаме... Я имел кое-какое представление о границах нашей мощи и знал: то, что от нас требовали и ожидали, далеко выходит за эти границы»¹⁷⁰.

Так. Только один вопрос. Что, разве Кеннан не знал, кто содержит и поддерживает этих преступников? Для него едва ли было большим откровением указание на их опору – ЦРУ.

То, что слова не претворялись в дела – действия, могущие дать толчок необратимым процессам, прямо ведущим к большой войне, объяснялось растущим пониманием со стороны Вашингтона мощи Советского Союза.

3

С насаждением агентуры внутри Советского Союза ЦРУ терпело сплошные огорчения, хотя, разумеется, ни на йоту не ослабляет и не ослабит своих усилий в этом направлении. Как известно, на этом пути американские спецслужбы терпят провал за провалом. Ладно, то сфера интересов профессионалов. Но ЦРУ во всевозрастающей степени пытается вовлечь в шпионаж тех, кто, казалось бы, не имеет отношения

¹⁷⁰ G. Kennan. Memoirs 1960 – 1963, v. 2, Boston. 1972, p.97 – 99.

к разведке и контрразведке, что не может не отражаться пагубным образом на американо-советских отношениях. ЦРУ практически поголовно мобилизует под свои знамена всех американцев, посещающих СССР или поддерживающих те или иные контакты с советскими гражданами по любой линии, особенно научной.

К настоящему времени это рутинная упорядоченная практика работы ЦРУ, которое ожидает, что любой американец, вступающий в контакт с любым советским гражданином, сообщит об этом разведывательным органам США. Наверняка бывают случаи, когда американские граждане противятся домогательствам ЦРУ превратить их – будем говорить прямо – в шпионов. Об этом становится известно только в редчайших случаях, ибо нужно обладать не только незаурядным мужеством, быть уверенным в своем положении и, если угодно, чувствовать конъюнктуру – что можно и что нельзя, чтобы дать по рукам вербовщикам из ЦРУ.

63-летний почтенный врач, специалист в области космической медицины К. Генералес, был немало озадачен. 1 мая 1972 года к нему явилась женщина, как рассказывал позднее д-р Генералес, «либо с дурно выкрашенными, либо просто грязными светлыми волосами, так лет 20 – 25». Она представилась как Ш. Бирс, сотрудница ЦРУ, и предъявила служебное удостоверение. Гостья повела такие речи, которые побудили хозяина незаметно включить магнитофон. Она знала, что Генералес должен был поехать на международный сим-

позиум по вопросам космической медицины, который должен был проводиться вскоре в Майами. «Она, – рассказывает Генералес, – заявила: „Там будет много русских“ – и хотела, чтобы я приглашал их на коктейли и выведал все, что мог, о том, что они делают и о чем думают». И это предлагалось ученому с мировым именем, члену множества научных обществ, в недавнем прошлом президенту кардиологического общества Нью-Йорка, и т. д. и т. п. Генералес отклонил предложение, в знак протеста (против ЦРУ!) не поехал на симпозиум.

2 сентября 1972 года Бирс снова дала о себе знать. Она позвонила по телефону и осведомилась, собирается ли Генералес быть на международном конгрессе по космической медицине, назначенном на 18 – 21 сентября в Ницце. По тем же причинам, по которым ученый не поехал в Майами, он не выехал во Францию. Плюс написал разгневанное письмо по адресу, который оставила ему Бирс, в котором, в частности, заметил: «Сообщая вам и вашему начальству в ЦРУ, что последнее обращение, равно как ваша просьба в мае зарегистрировать и сообщать вам о частных разговорах русских специалистов в области космоса, неуместны и, дерзну сказать, в высшей степени отвратительны. Уже тот факт, что шпионское ведомство обращается к человеку, известному своей честностью, как, например, я, составляет этим людям отнюдь не лестную репутацию. Я решил написать вам об этом после зрелых размышлений и настоятельно прошу вас и ваше на-

чальство оставить меня в покое». 5 февраля 1973 года ночью кабинет д-ра Генералеса был взломан, неизвестные обыскали помещение и унесли кое-какие вещи, включая магнитофон и ленту с записью разговора с Бирс.

Генералес, естественно, пожаловался в полицию. Никакого результата. Тут началась шумиха Уотергейта, и Генералес написал письмо генералу А. Хейгу, тогда начальнику «штата» при президенте Никсоне, в котором, изложив всю историю отвратительной вербовки и прочего, просил вмешаться. 17 мая 1973 года Хейг ответил, заверив, что ФБР расследует дело. Никаких последствий. Вероятно, Генералес счел, что Хейг человек занятой – вскоре он был назначен на пост главнокомандующего сил НАТО в Европе. Поэтому на сей раз он обратился прямо к президенту Дж. Форду. 10 сентября 1974 года он писал: «Памятуя о вашем заявлении при вступлении в должность президента... с призывом к гражданам вступать с вами в контакт... хочу лично сообщить вам о том, как ЦРУ пыталось превратить меня в презренного шпионаж.

Как и подобает ученому, он обстоятельно изложил суть дела, но ответа так и не получил. Направил телеграмму в Белый дом с напоминанием. 15 января 1975 года был удостоен ответа: объем корреспонденции, поступающей президенту, столь велик, что письмо Генералеса где-то затерялось. Как только найдут – с ним непременно свяжутся. Так и кончилось дело в официальных инстанциях ¹⁷¹.

¹⁷¹ D. Wise. The American Police State. The Government against the People, N.

Прослышав об этой истории, публицист Д. Уайз взял интервью у Генералеса и, помимо прочего, раздобыл у него телефон Бирс, который, конечно, в телефонном справочнике не значился за ЦРУ. Позвонил несколько раз. Бирс так и не застал. Зато самому Уайзу позвонил некто, осведомился, пишет ли он еще книгу о ЦРУ, и пообещал прийти и поведать нечто о ведомстве. Но не пришел. Рассказав об этом в своей книге, Уайз меланхолически заметил, что вторжение взломщиков в дома и квартиры, причем виновных не находят, в США дело обычное. Что там Генералес, вознамерившийся было добиться правды на буксире Уотергейта! Члены комиссии Ф. Черча сенаторы Х. Бейкер и Ч. Матиас пожаловались компетентным американским органам как раз во второй половине 1975 года, когда они «расследовали» деятельность ЦРУ, ФБР и прочих, будучи членами указанной комиссии, что неизвестные проникали в их дома в отсутствие хозяев, ценных вещей и денег не брали, но перевернули вверх дном все в кабинетах. Переворошили все бумаги. Представители «расследуемых» ведомств с величайшим негодованием опровергли предположения, что полуночные набеги на дома сенаторов дело их рук. Взломщиков, конечно, не нашли ¹⁷². Понятны тогда некоторые причины величайшего удовлетворения, скажем, сенатора Х. Бейкера по поводу того, что комиссия Ф. Черча наконец завершила свои труды, о чем упо-

У., 1976, pp. 160 – 163.

¹⁷² Ibid., p. 161. 2

миналось во вводном разделе этой книги.

Можно безошибочно утверждать: когда речь идет о любых контактах американцев с советскими гражданами, ни один такой контакт, личный или через переписку, не ускользает от внимания ЦРУ. Всех американцев без исключения прямо или косвенно опрашивают агенты ведомства. Другое дело – только в исключительных случаях это становится достоянием гласности. Нужно было обладать отвратительной славой Л. Освальда, считающегося убийцей президента Дж. Кеннеди, чтобы эта практика ЦРУ стала известной в данном случае. Определенно психически неуравновешенный человек, Л. Освальд в 1959 – 1962 годах был в Советском Союзе, где ему предоставили возможность жить и работать на радиозаводе в Минске. Стоило Освальду вернуться в США, как в ЦРУ изыскали способы опросить его. В служебном документе ЦРУ, в котором формулировалось задание, указывалось: «Мы особенно заинтересованы в информации, которую Освальд может предоставить относительно завода, где он работал, о некоторых районах Минска и... биографических данных, необходимых для ведения досье на отдельных лиц... Однако не нажимайте (на него) при получении нужной нам информации, человек он странный... (поэтому) используйте надлежащие каналы». После убийства Дж. Кеннеди, когда интерес ЦРУ к Освальду стал известен среди тех, кто расследовал смерть президента, ЦРУ открестилось от всего. Не допрашивали Освальда, и все тут.

Однако в книге об Освальде, вышедшей в 1978 году, автор, Д. Эпштейн, сообщил, что он сумел побеседовать с неким, не названным по имени «психологом», проживающим в Вашингтоне, специализирующимся в проведении косвенных допросов по заданиям ЦРУ и других правительственных ведомств. Один из офицеров ЦРУ, занимающийся оперативно-агентурной работой, поручил ему летом 1962 года опросить американца, недавно вернувшегося из СССР. Он встретился с ним в саду на крыше отеля «Роджер Смит» и выслушал историю о его отъезде в СССР несколько лет назад, как он женился на русской, а затем решил вернуться в США. Психолог отметил крайний – эгоцентризм этого человека, почти манию величия и отталкивающую манеру утверждать себя. В ноябре 1963 года, когда психолог увидел в газетах фотографию Освальда, он опознал в нем человека, которого подверг косвенному допросу по заданию ЦРУ. Но в 1977 году, когда с ним беседовал Эпштейн, психолог выразил сомнение, был ли этот человек Освальдом. Со времени допроса на крыше отеля прошло-де 15 лет ¹⁷³.

В назидание комиссии Черча, а коль скоро это было опубликовано и для всеобщего сведения, бывший директор ЦРУ Р. Хелмс, как само собой разумеющееся, сообщил, что ЦРУ не видит в описанной практике ничего из ряда вон выходящего. Он сказал, что «со времен второй мировой войны, когда американец возвращался из заграничной поездки с лю-

¹⁷³ D. Epstein. Legend, N. Y., 1978, pp. 168, 312.

бой целью, его опрашивали военная разведка, военно-морская разведка, сотрудники государственного департамента и других ведомств. После создания ЦРУ дело опроса американцев, выезжающих за границу, сосредоточено в одном месте, в нашем ведомстве... Например, президент какой-нибудь сталелитейной компании в Нью-Йорке путешествует по СССР, там он осмотрел те или иные металлургические заводы, а нам интересно знать их мощность, что они производят и т. д. По его возвращении сотрудники ЦРУ расспрашивают обо всем виденном. Мы не оказываем давления, не платим денег и не пытаемся выкручивать руки. Просто мы предоставляем американцам, побывавшим за границей, возможность проявить себя патриотами, рассказав нам все, что они знают»¹⁷⁴.

Картина ясна, едва ли есть необходимость в дополнительных комментариях. По компетентному мнению г-на Хелмса, бесстыдно высказанному перед сенатским комитетом, в США профессия шпиона и американского патриота однозначны.

Архивные фонды библиотеки президента Л. Джонсона¹⁷⁵ проливают некоторый свет на универсальность этой практики.

Помимо сбора информации, выезды американских гражд-

¹⁷⁴ D. Wise. Op. cit., p. 189.

¹⁷⁵ Lyndon Johnson Library, White House Central Files, Confidential Files, Countries, Co 303 (USSR).

дан за рубеж иной раз организуются в интересах ведения «психологической войны» в самих Соединенных Штатах. Эти операции спецслужб разрабатываются и утверждаются на самом высшем уровне. Рассекреченные в 1979 году документы того же архива Л. Джонсона дают один поучительный пример, относящийся ко временам подъема движения в США против войны во Вьетнаме.

7 мая 1965 года сотрудник аппарата Белого дома Дж. Валенти докладывает президенту Л. Джонсону:

«Вместе с аппаратом (помощника по национальной безопасности) Банди я работаю над организацией контр наступления в студенческих городках против движения битников „вон из Вьетнама“. Мы создали наши контрсилы „Американские друзья Вьетнама“ под руководством „хороших“ профессоров и финансируем их из частных источников».

Эти «частные источники» хорошо известны, речь идет о фондах ЦРУ. По этому плану во Вьетнам стали посылать отобранных студентов, которые по возвращении в США агитировали за продолжение агрессии. О надеждах, связанных с очередной «агитбригадой», один из непосредственных организаторов операции, К. Купер, докладывал 3 сентября 1965 года Валенти и Банди в меморандуме, озаглавленном «Использование 19 студентов, возвращающихся из Вьетнама»:

«Как Вам известно, цель посылки студентов во Вьетнам заключалась в том, чтобы убедить их в необходимости наших усилий (то есть эскалации войны. – **Н. Я.**) в этой стране,

а затем иметь их наготове осенью к началу учебного года в студенческих городках для противодействия выступлениям (против войны). Надлежащая обработка их в Сайгоне прошла очень хорошо, и теперь все они до последнего человека стали страстными поборниками политики правительства в самом широком смысле... Однако, на мой взгляд, мы должны проявить некоторую осмотрительность и не перегружать их требованиями приступить к оказанию должных услуг сразу по возвращении в США. Это необходимо, дабы избежать осознания ими, как некоторые из них первоначально заподозрили, что поездка была организована именно в этих целях»¹⁷⁶.

Какая же подлая работа ЦРУ скрывается за сухими строчками этих чиновничьих документов! Присмотрелись, проверили, отобрали кандидатов в загранпоездку. Детально расписали их роли по возвращении в США. Но не в лоб, дабы сами доверенные «пропагандисты» не поняли до конца, что они не больше чем агентура ЦРУ! А внутри этой агентуры еще «агентура» – иначе как объяснить, что следует из приведенных документов, отличную осведомленность Купера о настроениях в этой сверхпроверенной труппе студентов...

Так оборачиваются на деле американские клише о «свободе» обменов, широких контактах и прочем, что входит в официальную риторику Вашингтона.

Профессионал М. Копленд, десятилетия прослуживший в

¹⁷⁶ Ibid., Co 312 (Vietnam).

ЦРУ, не менее спокойно, чем Хелмс перед сенаторами, разъясняет в своей книге о современном американском шпионаже:

«Количество обычных американских граждан, обращающихся в советские консульства за туристскими визами, значительно. Однако кто злоумышленно (с точки зрения Хелмса, Копленда и иных. – **Н. Я.**) полагает, что сможет тайком от нас проникнуть в дипломатические учреждения стран блока (так именуются социалистические страны. – **Н. Я.**), скажем, внезапно появившись на приеме, или обратиться за визой, ошибается. Почти во всех городах на Западе, где есть дипломатические и консульские представительства стран блока, все лица, входящие в них, попадают под жесткий контроль, и всегда можно установить посетителей, имеющих доступ к государственным тайнам и чья нелояльность может иметь опасные последствия. По выяснении их личности такие посетители становятся объектом интенсивного расследования»¹⁷⁷.

При проведении его, как мы уже видели и еще увидим, ЦРУ не ограничено никакими рамками даже формальной заокеанской законности.

Наконец, переписка американских граждан с адресатами в социалистических странах. С 1952 года ЦРУ, к которому присоединилось ФБР, контролировало все без исключения

¹⁷⁷ M. Copeland. Without Cloak or Dagger. The Truth about the new espionage, N. Y., 1974, p. 176.

почтовые и телеграфные отправления. Вскрывались и прочитывались решительно все письма, а с «интересных» снимались копии. В ЦРУ надеялись перлюстрацией корреспонденции с социалистическими странами найти подтверждение своим фантастическим предположениям «о проникновении» русских и прочих загадочных вещах. В успехе предприятия в ЦРУ не сомневались, ибо, как сказано в американском исследовании об органах политического сыска в США, «в 1976 году глава контрразведки ЦРУ Джеймс Энглтон объяснил, почему, по его мнению, вскрытие писем должно было дать полезную информацию. Русские, сказал он, думают, что мы верны конституции и не вскрываем-де писем»¹⁷⁸.

Заглянув во многие десятки миллионов писем, административные светила ЦРУ не нашли того, что искали, а схлопотали себе некоторые неприятности.

Когда во время расследований в середине семидесятых годов выяснилось, что вскрывались письма, например, сенатора Ф. Черча, Р. Никсона, сенатора Э. Кеннеди, членов семьи Рокфеллеров и прочих именитых лиц, разразился небольшой скандал. Именно тогда Д. Энглтон и выжал из себя приведенное объяснение мотивов ЦРУ, давшего нос в частную переписку. Коль скоро расследования шли под знаком восстановления «законности», руководство ЦРУ заверило, что ведомство больше не будет воровским путем за-

¹⁷⁸ M. Halperin. Y. Berman, R. Borosage, Ch. Marwick. The Lawless State. N. Y., 1976, p. 142.

глядывать в чужие письма. За исключением тех случаев, когда сам «закон» повелительно требует этого.

В апреле 1980 года тогдашний директор ЦРУ адмирал С. Тэрнер появился на съезде американского общества редакторов газет. Были заданы колючие вопросы о прошлой практике ЦРУ, об использовании журналистов. Адмирал не моргнув глазом сказал: он не может обещать, что ЦРУ не будет использовать журналистов в своих целях. Спустя несколько дней президент Дж. Картер на брифинге для редакторов провинциальных газет подтвердил позицию С. Тэрнера.

Представители «свободной» прессы, наверное, оторопели перед лицом откровенности администрации, а посему выяснили вопрос для себя на небольшом симпозиуме в серии статей, украсивших «Бюллетень» американского общества редакторов газет в номере за июль-август 1980 года. Предположили подборке внушительный заголовок «ЦРУ и журналисты» и высказались так, что сомнений не осталось: служители второй древнейшей профессии с готовностью выполнят любые предначертания ЦРУ. Б. Шульман («Луисвилль Таймс») поторопился взять интервью у Тэрнера, который безмятежно подтвердил: «Журналисты должны преодолеть свою признанную независимость и послужить правительству, если президент и председатель комитета конгресса, наблюдавшего за ЦРУ, поддержат его директора. Патриотизм требует выполнения секретного задания».

А председатель сенатского комитета по вопросам разведки сенатор У. Хаддлстоун присовокупил: «В первоначальном варианте закона об уставе ЦРУ, который предстоит принять, ЦРУ запрещалось нанимать журналистов, священников и ученых для выполнения тайных заданий. По личной просьбе президента это запрещение было устранено».

Ч. Хаузер (редактор «Провиденс джорнэл энд бюллетин») рассказал с запозданием на 24 года эпизод своих отношений с ЦРУ. В 1956 году он с коллегой посетил Москву, а по возвращении в США Хаузер напечатал серию статей о поездке.

«Спустя неделю или две мне позвонил сотрудник ЦРУ. Он сказал, что заинтересовался моими материалами и хочет поговорить со мной о посещении России. Да, кстати, нет ли у меня еще снимков, помимо напечатанных мною в газете? Сотни, ответил я с гордостью репортера, чьи таланты замечены. Он сказал, что хотел бы посмотреть их, не могу ли я дать негативы на недельку-другую? Мы встретились в холле отеля „Барринджер“ (не помню, задавался ли я вопросом, почему мы не увиделись в редакции). Мы проговорили с час, в основном о снимках, которые я принес с собой. Он унес с собой коробку из-под обуви, наполненную 35-мм негативами, которые он вернул, как и обещал, спустя две недели. Он не спрашивал о моих записных книжках, а если бы спросил, я, вероятно, дал бы ему и их.

Прослужив три года в армии (включая непродолжительное пребывание в должности офицера разведки артиллерий-

ского дивизиона), я прекрасно понимал в ходе моих встреч с работником ЦРУ, как разведчики из бесчисленных деталей создают полезную информацию.

Передо мной никогда не вставал вопрос, должен ли я сотрудничать с ЦРУ. Я американский гражданин, и мое правительство просило меня помочь».

Простой, хотя и не трогающий за душу рассказ журналиста-«патриота». Что до немногочисленных журналистов, считающих неэтичным сотрудничество с ЦРУ, то редактор «Хьюстон таймс» Э. Хантер сначала объяснил: «Неприятно быть в роли, которую некоторые мои коллеги немедленно охарактеризуют – „апологет ЦРУ“. Высказался! И, не переводя дыхания, подчеркнул: „Выбирайте обстоятельства и время вашей конфронтации очень тщательно. Если эти факторы неблагоприятны, не идите на нее. Ныне это не тот вопрос и не то время, чтобы делать это“¹⁷⁹.

В общем, так было, так будет. Бесхитростные сентенции американских журналистов полезно помнить, когда встречаешь их при исполнении служебных обязанностей.

4

ЦРУ обратилось к поголовному использованию любых контактов американских граждан в указанных целях не от

¹⁷⁹ The Bulletin of the American Society of Newspaper Editors July/August 1980, pp. 8 – 11.

хорошей жизни. Уже размах этой программы – лучшее доказательство безрезультатности попыток насаждения агентуры внутри социалистических стран, в первую очередь в СССР.

То, что этот путь обречен на неизбежный провал, доказал и крах соответствующих поползновений ЦРУ во время американской агрессии против народа Вьетнама. У. Колби, руководитель операций ЦРУ во Вьетнаме в шестидесятые годы, диагностировал причины их неудач, абсолютно идентичные тем, по которым сорвались усилия ЦРУ, направленные против СССР и социалистических стран Европы. Говоря о действиях ЦРУ против Демократической Республики Вьетнам в первой половине шестидесятых годов, Колби подчеркнул:

«Группы, заброшенные нами в Северный Вьетнам по воздуху или морем, постиг прискорбный конец. Они были схвачены или очень быстро по прибытии на место переставали давать о себе знать (за исключением одной-двух, которые работали под очевидным вражеским контролем). Мой близкий друг и заместитель Роберт Д. Майерс, давно занимавшийся операциями на Дальнем Востоке (впоследствии он ушел из ЦРУ и стал редактором журнала „Нью Рипаблик“), энергично потребовал от меня прекратить дальнейшую засылку как дело явно бессмысленное. Он основывал свою аргументацию на провале аналогичных наших операций... в Восточной Европе в предшествовавшие годы. Он указывал, что из того опыта и нашего во Вьетнаме следует, что коммунизм по-

иному контролирует население по сравнению с германскими и японскими оккупантами в годы второй мировой войны (что они там, кретины, собрались в ЦРУ?! – Н. Я.) и поэтому операции, успешные для УСС, ныне совершенно бесполезны. Я согласился с Майерсом... Я доложил Макнамаре, что заброска групп на Север бесцельна и не принесет никаких результатов. Он холодно выслушал меня и отверг мой совет. Возобладало желание подвергнуть Северный Вьетнам давлению, и тут-то американские военные начали планирование и действия, которые в конечном итоге эскалировались в широкое воздушное наступление. Неудачи ЦРУ были сброшены со счетов по той причине, что они были невелики по размаху»¹⁸⁰.

Что из всего этого получилось, слишком хорошо известно. Как бы то ни было, позорный провал агрессии во Вьетнаме, помимо многих последствий, неизмеримо усилил изначальное стремление ЦРУ при ведении «психологической войны» искать решение внутри стран социализма, то есть упорно пытаться обнаруживать и организовывать врагов существующего там строя на месте и их руками попытаться вести борьбу в целях его свержения. Главной целью в этом отношении был и остается Советский Союз.

При попытках достижения ее веское слово говорит «наука» от ЦРУ.

При администрации Дж. Картера, носившейся с «права-

¹⁸⁰ W. Coiby. Op. cit., p. 220.

ми человека», американские спецслужбы подверглись реорганизации. Некоторые нововведения были обнародованы в исполнительном приказе президента № 12036 от 24 января 1978 года. Хотя они сопровождались оглушительной риторикой насчет необходимости соблюдения «законности» и прочего, на деле реорганизация свелась к повышению эффективности работы ЦРУ и других ведомств разведывательного и контрразведывательного сообщества. Исполнительный приказ подтвердил решение Картера вскоре после прихода к власти: количество доверенных сотрудников Белого дома, имеющих доступ к информации о тайных операциях ЦРУ, сокращено до пяти человек вместо нескольких десятков.

Специальный комитет координации под председательством З. Бжезинского, созданный в рамках СНБ, заменил предшественника – «Комитет 40». В функции этого комитета входило руководство подрывной работой ЦРУ, кроме того, комитет осуществлял наблюдение за контрразведывательной работой не только ЦРУ, но и ФБР. Это непосредственная политическая инстанция, которой подчинено ЦРУ¹⁸¹. В своем официальном качестве директор ЦРУ отныне контролирует бюджет многих разведывательных органов – разведки армии, авиации, флота, разведки министерства финансов, разведки управления по контролю над наркотиками, разведки министерства обороны, контрразведки ФБР.

¹⁸¹ «Time», February 6, 1978, p. 29.

При реорганизации американских спецслужб с надлежащими криками и мелкими скандалами было проведено некоторое сокращение штатов, однако что отнюдь не означало уменьшения основного направления деятельности ЦРУ – подрывной работы.

В книге под редакцией Ф. Эйджи и Л. Вольфа обоснованно констатируется: «Те, кто интерпретировал чистку, проведенную Тэрнером, как отражение меньшей роли подрывной работы, объявили о „конце эры“ секретных агентов». Однако эпитафии преждевременны. Не кто другой, как Тэрнер, указал: «Мы никоим образом не отказались от подрывных действий... они продолжают... ревностно стою за то, чтобы мы сохранили способность обратиться к политическим действиям в случае необходимости и при получении надлежащей санкции». Агентурная разведка «остается безусловно необходимой стрелой в нашем колчане»¹⁸². Ввиду удешевленной при Тэрнере секретности сколько-нибудь достоверных данных об этой работе нет.

Обозревая изменения в ЦРУ, Т. Пауэрс подчеркнул: «Была масса разговоров, ужасались по поводу „эксцессов“ ЦРУ, выдвигались фантастические прожекты реформ, произошли многочисленные изменения названий – Управление планов стало Управлением операций, возможный великий скачок в искренности, но суть его работы ни на йоту не изменилась. В

¹⁸² «Dirty Work. The CIA in Western Europe». Ed. by Ph. Agee and L. Wolf, Secaurus, 1978, p. 309.

том же духе „Комитет 40“, утверждающий тайные операции, стал совещательной группой по операциям... Но, несмотря на весь шум, сам механизм почти не претерпел изменений. ЦРУ по-прежнему обслуживает президента».

Пытаясь предьявить миру «новый облик» ЦРУ, руководство ведомства усилило рекламу его «научных» достижений, которые немедленно стали достоянием средств массовой информации. Речь, однако, шла о том, что под маркой «академической науки» ЦРУ выступает инициатором провокационных кампаний. Тэрнер буквально не находил слов, чтобы восхвалить усилия ЦРУ именно в этой области. На рубеже 1977 – 1978 годов он расхвастался: «Я безмерно горд, что мы содействовали в последние девять месяцев публичному обсуждению важнейших проблем. Просмотрите, например, сегодняшние газеты. В них большие статьи по поводу проблем добычи нефти в СССР. Мы дали толчок этому обсуждению в апреле 1977 г., предав гласности исследование о советской нефти». Действительно, ЦРУ все чаще публикует «исследования» по самым различным вопросам, пытаясь обработать американское и мировое общественное мнение в угодном Вашингтону духе.

Руководители ЦРУ настаивают, что они-де опираются на мнение ученых, которые буквально рвутся работать в ведомстве. Подчеркивается, что, например, в 1976 году на 1100 вакансий, открытых в ЦРУ, поступило 37 тысяч заявлений. Один из представителей ЦРУ по связям с прессой, Д. Бе-

ренд, заявил: «В любой отрасли знания у нас работает достаточно докторов наук, чтобы укомплектовать профессорским составом любой университет. Для занятия поста в ряде подразделений требуется по крайней мере степень кандидата наук»¹⁸³. Очень может быть.

Современное ЦРУ в этом отношении не только до точки верно традициям, сложившимся в РА УСС, но и развило их. Конечно, прискорбно, что немало американских ученых, разглагольствующих об академической «свободе» на разного рода форумах, в том числе на международных, в условиях американской «демократии» проституируют науку на службе ЦРУ. Едва ли нужно объяснять, что охрана указанной «свободы» никак не входит в число забот ЦРУ. И если говорить о нововведениях, то одно из самых осязаемых – циничное восхваление союза науки и шпионажа на страже интересов монополистического капитала.

Правда, налицо моральный парадокс – сочинители анонимных «исследований», которыми гордится ЦРУ, что-то не рвутся назвать себя. По более чем понятным причинам эти ученые не торопятся увенчать себя публично лавровыми венками, хотя предоставляют на всеобщее обозрение свои анонимные «исследования» в духе «психологической войны». Можно высказать достаточно обоснованное и взвешенное суждение – среди красующихся в тоге защитников «свободы науки», кокетничающих с «правами человека» и мно-

¹⁸³ Ibid., p. 311.

гим другим, немало лиц, работающих в ЦРУ и для ЦРУ. Они напоказ ставят подписи под антисоветскими пасквилями, но не торопятся сообщить, что те же подписи украшают секретные выплатные ведомости ЦРУ. Эти рыцари пресловутой «академической свободы», а на деле наемники спецслужб в самые последние годы сложили, например, «научный» фундамент мифа о «советской военной угрозе», которым вашингтонские экстремисты пытаются оправдать безудержную гонку вооружений.

Ныне в ряде американских работ, чернящих нашу страну, ход рассуждений предельно стандартизирован. В качестве исходной посылки кладется дежурный «научный вывод» ЦРУ, зацепившись за который, очередной клеветник вытягивает цепь надлежащих умозаключений. Примеров тому великое множество. Взять того же корреспондента «Вашингтон пост» Р. Кайзера. Он провел в СССР около трех лет, срок, куда более чем достаточный, чтобы увидеть советскую жизнь собственными глазами. Да и не сидел он сложа руки, а был куда как «любопытен» во всех отношениях. То, что юркий Кайзер подбирает из грязи билеты, «брошенные в разочаровании на землю болельщиком, когда объявили о результатах бегов», и аккуратно пересчитывает, сколько проиграл некий человек, ладно.

Но с Кайзером нужно вообще держать ухо востро. Если вы читаете документ, когда американец сидит против вас, помните – он цепко следит за строчками, которые – сможет

увидеть, о чем гордо сообщает, повествуя о своем посещении редакции журнала «Иностранная литература». Если же вы оставите Кайзера в кабинете, то, будьте уверены, он обшарит ваш стол. В самом деле, похваляется Кайзер, «во время моего пребывания в Москве почти каждый раз, когда я посещал того или иного советского журналиста, в его кабинете на столе обычно лежала пачка документов, отпечатанных на ротаторе. Она выглядела одинаково, будь то редакция „Правды“, „Известий“ или редакции других газет и журналов. Как-то работник, к которому я пришел, вынужден был на короткое время покинуть кабинет, и мне представилась возможность просмотреть эту пачку». Оказалось, обычные материалы ТАСС, но метод-то ознакомления каков – стоило хозяину кабинета на миг прикрыть за собой дверь! Или на приеме в Кремле Кайзер случайно оказывается вблизи группы беседующих между собой советских ответственных работников. Он немедленно «приближается, чтобы услышать», о чем говорят, но, «увы, – сокрушается Кайзер... – говоривший не повторил фразы». Подсмотреть, подглядеть, подслушать! Короче говоря, он человек тертый. Коль скоро Кайзер безмерно гордится своими качествами и изобильно пишет о них, в этом, по всей вероятности, и состоит этика американской профессиональной журналистики.

Это по необходимости пространное отступление подводит к основному: описанный личный опыт Кайзера – пустяки по сравнению с тем, что он черпает в «исследованиях ЦРУ

о Советском Союзе». Для Кайзера они не меньше Евангелия. Стоит ему завести разговор о серьезных материях, как немедленно появляется: «Оценивая урожай в СССР, аналитики американской разведки...», директор ЦРУ У. Колби «указал в 1974 г. комитету конгресса, что Советский Союз...» Но вот главное, о чем мы, собственно, и ведем речь:

«ЦРУ исходит из того, что советские и американские военные расходы примерно равны. В своих подсчетах ЦРУ отбрасывает советскую статистику, аналитики ЦРУ прикидывают, сколько бы стоили США по текущим американским ценам оружие и личный состав вооруженных сил, имеющиеся у Советского Союза... Мне представляется, что это разумный метод для сравнения военных расходов обоих государств»¹⁸⁴.

Конечно, для кайзеров все исходящее от ЦРУ «разумное»!

Это и есть та пресловутая «наука» по рецептам ЦРУ, которая, в сущности, не больше чем провокация в попытках вовлечь мир в новый виток гонки вооружений. Неназванные ученые из ЦРУ с серьезным видом сравнивают несравнимое: уровень цен капиталистической экономики, которую лихорадит инфляция, с тем, во что обходится оборона плановому социалистическому народному хозяйству. Больше того, при этих, повторяем, провокационных подсчетах прибыли фаб-

¹⁸⁴ R. Kaiser. *Russia, The People and the Power*. London 1977 pp. 84, 234, 223, 165, 314, 321, 327.

рикантов смерти, которые заложены в стоимость американского военного производства, приплюсовываются как будто реально существующее вооружение. В результате выводятся дутые, фантастические цифры советских оборонных расходов, которыми запугивают американца.

В середине 1978 года ЦРУ выпустило исследование «Оценка советских расходов на оборону в рублях в 1970 – 1975 гг. СР 76 – 1012IV». С совершенно несвойственным ему смирением ЦРУ признало, что ошибалось много лет в оценке советских расходов на оборону, Советский Союз-де тратил в два раза больше, чем прежде, считали эксперты ведомства. Сногсшибательное открытие шумно приветствовали в США те, кто ратует за ускорение гонки вооружений. «Ястребы», собравшиеся в одном из своих гнезд – Национальном центре стратегической информации, специализирующемся на распространении провокационных слухов о «советской угрозе», подхватили выводы ЦРУ. Но даже они выразили изумление по поводу удивительной бухгалтерии ЦРУ. Как было сказано в 1978 году в публикации этого центра, «удвоение ЦРУ оценок советских расходов на оборону – шаг в правильном направлении. Но выдвижение новых оценок поднимает серьезные вопросы касательно последовательности и достоверности выводов.

Во-первых, пересмотренные оценки не соответствуют оценкам ЦРУ советского валового национального продукта в 1970 и 1973 годах. ЦРУ не публиковало данных о валовом

советском национальном продукте за другие годы. Во-вторых, ЦРУ раньше указывало, что его пересчет соотношения курса рубля и доллара не будет оказывать заметного влияния на оценки. Теперь ЦРУ удвоило свои оценки и отнесло 90% увеличения за счет изменения цен. Значит, теперь все приходится объяснять соответственным курсом валют, но нужно поднять вопрос, как и почему ЦРУ столь резко и быстро изменило свою оценку соотношения рубля и доллара на апрель – декабрь 1975 г. (не указывая в своих предварительных подсчетах на возможность таких резких изменений) и в мае 1976 г. взяло и удвоило свои оценки»¹⁸⁵.

Но, как обычно, дело было сделано. Новые провокационные измышления анонимных ученых из ЦРУ оказались как нельзя кстати для очередной кампании о «советской военной угрозе». Последовали заявления о том, что СССР готовит-де «первый удар» и т. д. В предисловии к упомянутой публикации Национального центра стратегической информации Ю. Росту прокричал: «В нашем нынешнем положении потенциальной или уже существующей стратегической неполноценности нужна ударная программа бомбардировщиков, крылатых ракет, равным образом и более традиционных ракет наземного базирования и запускаемых с подводных лодок» и пр. и пр. Что до философии в этих делах, то Ю. Росту настаивал: «Пассивность равносильна самоубийству...

¹⁸⁵ «Arms, Men and Military Budgets. Issues for Fiscal Year 1978», N. Y., 198, pp. 299 – 300.

(если) мы и наши союзники не будем ничего делать для сдерживания... Мы должны вернуться к политике, начатой президентом Трумэнном и государственным секретарем Ачесоном поколение назад, приспособив ее к опасностям и возможностям изменяющего мира»¹⁸⁶. Вот опять звучит знакомый язык директивы СНБ-68!

То, что ЦРУ раздувает оборонные расходы СССР до абсурдных цифр, – общее для американских специалистов, которые указывают на это в специальных изданиях. Профессор экономики Ф. Холцман, разобрав статистические фокусы ЦРУ, указывал в 1980 году, что выводимые аналитиками ведомства индексы просто ложны, более того, «в ЦРУ прибегают еще к трем методам, каждый из которых существенно преувеличивает советские военные расходы по сравнению с американскими: 1) резко преуменьшается стоимость в рублях сложной технологии в США; 2) преувеличиваются расходы на личный состав вооруженных сил как в долларах, так и рублях; 3) раздувается стоимость вооружения в СССР как в долларах, так и рублях». Ну и что из этого? – заканчивает профессор, «преувеличения в худшем случае заставят нас выбросить на ветер очередные какие-то 5 – 10 – 20 млрд. долл.»¹⁸⁷.

Многообразное сотрудничество американской академи-

¹⁸⁶ Ibid., p. XXX – XXXI.

¹⁸⁷ F. Holzman. Are the Soviets Really Overspending the U. S. on Defense? «International Security». Spring 1980, pp. 92, 93, 100.

ческой общины с ЦРУ лишь пример, пусть из самых отгалицированных, обслуживания классовых интересов правящей элиты в США. Собственно, это логическое завершение достаточно долгого пути, пройденного так называемой «либеральной» – политической мыслью в США после второй мировой войны. Но почему американская академическая община, в свое время кокетничавшая с левыми взглядами, а иной раз по крайней мере часть ее, принимавшая их всерьез, в наше время ревностно обслуживает органы американского государства, в том числе ЦРУ? И видит, как правило, в этом особую доблесть. Генеральное объяснение несложно – антикоммунизм. Но все же трудно представить, как примитивная идеология так способна овладеть мыслящими умами.

Приходится идти дальше в поисках объяснений, которые в прагматическом буржуазном обществе, созданном буржуазией для буржуазии, выводят к первоисточнику – деньгам. Англичанин Д. Ходжсон, размышлявший о том, как американские интеллектуалы в последние десятилетия равняли ряды под знаменами «истеблишмента», заметил:

«Финансирование со стороны государственных органов и частных организаций достигло неслыханных размеров. Зарботная плата и социальный статус профессоров резко росли... Для ученых, жены которых еще недавно печатали их диссертации на кухонных столах, было невыразимо приятно становиться директорами исследовательских институтов, генералами армий научных работников... Очень скоро социо-

логи, политологи и даже историки были признаны на службу государством. . . поощрялись лишь те исследования, которые исходили из постоянного характера и первостепенной важности, „холодной войны“ . . . Если в первой половине пятидесятих годов интеллектуалам показывали кнут – существовал страх перед тем, что неугодные подвергнутся расследованию, то позднее их манили пряником – надеждой на то, что они будут советниками. Правительству не нужны были альтернативные предложения. Оно ждало предложений о решениях. Оно ожидало получить их от людей, сочетающих максимум знаний с минимумом диссидентства».

Среди государственных органов спецслужбы предложили ученым самые лучшие условия занятости не только в денежном отношении. Д. Ходжсон заключает:

«Государственная служба, особенно в УСС, предшественнике ЦРУ, гибкой организации, оказывавшей предпочтение выпускникам лучших университетов, привила целому поколению интеллектуалов и ученых неутолимую жажду власти и стремление послужить государству. „Ведь мы тогда были всего-навсего юнцами, – с нежностью припомнил один из таких, Карл Клайзен, впоследствии заместитель М. Банди в Белом доме, а ныне директор Института высших исследований в Принстоне. – Да, мы были юнцами, капитанами и майорами, а отдавали приказы всему миру“. Когда они вернулись в свои юридические конторы и аудитории, то принесли с собой взгляды и связи, установившиеся в УСС. Им предстоя-

ло снова встретиться – Джорджу Боллу, Дэвиду Брюсу, Аллену Даллесу, Артуру Гольдбергу, Джону Кеннету Гелбрейту, Артуру Шлезингеру, Уолтеру Ростоу, Полю Нитце и другим»¹⁸⁸.

Встретиться на высших государственных постах, в первую очередь в ЦРУ, где они выпестовали себе подобных, отличающихся ныне на описанном «научном» поприще. Поименно перечислить теперешних не представляется возможным, такова уж специфика работы ЦРУ. В рамках ведомства они, купленные на корню, не только материально обслуживают классовые интересы руководящих кругов Соединенных Штатов, а в свободное от основных занятий время надо думать, не прочь порассуждать об академической «независимости» и прочих приятных для интеллектуала вещах. Впрочем, и рассуждения эти скорее всего входят в круг их служебных обязанностей. «Психологическая война» ведется различными методами.

Коль скоро речь идет об ученых, представителях высшей интеллигенции на государственной службе, нельзя не сказать хотя бы несколько слов о моральной стороне дела. Они послушные рядовые «психологической войны». Они вооружили американский империализм новейшими достижениями извращенной науки. Они создатели сложных систем современного вооружения. Они разрабатывают изуверские методы установления контроля над поведением человека. О по-

¹⁸⁸ G. Hodgson. *America in Our Time*, N. Y., 1976, pp. 96 – 97, 115.

следних стало известно как о программе «МКультра» ЦРУ. Сокращение, означающее «Мозговой контроль» плюс «ультра» (как мы видели, так называлась в годы второй мировой войны служба дешифровки англоамериканских спецслужб). «Сложите их, и вы получите величайшую тайну „холодной войны“ – опыты в целях установления контроля над поведением людей», – указывают компетентные американские исследователи ¹⁸⁹.

В августе 1982 года Дж. Андерсон писал в «Вашингтон пост», что «ЦРУ было вынуждено признать в суде ужасающий размах экспериментов» по программе «МКультра». Четверо бывших заключенных в федеральной тюрьме в Атланте предъявили ЦРУ иск за ущерб, нанесенный их здоровью, когда они в пятидесятые и шестидесятые годы в тюремных стенах стали жертвами «опытов» ЦРУ. Разумеется, как выяснилось, без их ведома и, конечно, без согласия. Многие годы тянется разбирательство, и конца ему, видимо, не предвидится. От ЦРУ удалось добиться лишь подтверждения в расплывчатой форме того, что эксперименты имели место, и как-то проскочила цифра – для опытов над людьми в тюрьме в Атланте врачи на службе ЦРУ истратили 349445 долларов 10 центов. Если верить, точно подсчитали, только жизни людей не в счет. Попытки журналиста выяснить детали у одного из медиков, занимающихся программой «МКультра» в этой тюрьме, результатов не дали. Он отмолчался.

¹⁸⁹ A. Schefflin and E. Opton. The Mind Manipulators. N. Y., 1978. p. 446.

Моральная проблема ясна и ненова. Преступники, как всегда, молчат о своих делах. Но западной интеллигенции известно исключение из этого правила – мемуары гитлеровского министра вооружений А. Шпеера, выпущенные им после отбытия двадцатилетнего заключения по приговору Международного военного трибунала и Нюрнберге. За это время Шпеер сумел обдумать, как все случилось, почему он, человек незаурядных дарований, отдал их на службу преступным целям. Он не пощадил себя, А. Шпеер, заявив: «Через двадцать пять лет... мне чужд тот молодой человек (Шпееру было 36 лет, когда в 1942 году он стал министром. – **Н. Я.**). Я был тогда морально отравлен, опасаясь увидеть любое, что могло отвратить меня с моей дороги, я закрывал глаза... Поэтому я и написал эту книгу не только о прошлом, но как предостережение на будущее»¹⁹⁰. Предостережение в том, что, когда попирается мораль, катастрофа неизбежна.

Предостережение это, которое, впрочем, старо как мир, на Западе упало в пустоту. ЦРУ, в сущности, ведет ученых, сотрудничающих с ним, по тому же пути, который в свое время прошел Шпеер. И когда из густых колонн, следующих по маршруту позора, слышится, по команде или поощрению колонновожатых, работников ЦРУ, рык о «морали» – что за зрелище!

¹⁹⁰ A. Speer. Inside the Third Reich, London, 1978, pp. 506 – 507, 699.

ЦРУ: на полях сражений «ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ»

1

О том, как добытое наукой от ЦРУ начало претворяться в прямую подрывную работу, напомнила книга, вышедшая в США осенью 1982 года, – «Европа после Сталина. Три решения Эйзенхауэра, принятые 11 марта 1953 года». Она принадлежит перу профессора политической экономики У. Ростоу, весьма примечательного в академическом мире Соединенных Штатов. Он прогремел в тамошних общественных науках в шестидесятые годы сочинением контрмарксистской концепции «стадий роста», написал ряд весьма ученых и пухлых трактатов и ныне профессорствует в Техасском университете в Остине. Известный противник социализма, но все же, что ни говори, ученый с головы до ног.

Названная книга, которую он поторопился выпустить именно на исходе 1982 года, открывает второе лицо достойного западного мыслителя – многолетнего дисциплинированного служаки ЦРУ и, наверное, написанную и выпущенную по наущению и в интересах его родного ведомства. Свой бесхитростный рассказ профессор начал с восхваления достижений изучения Советского Союза американскими спец-

службами. Как и подобает серьезному ученому, он сослался на предшественников. «Расширению знаний о Советском Союзе, – подчеркнул У. Росту, – способствовала вторая мировая война, ибо, помимо других причин, большинство молодых людей, знакомых с русским языком, были насильственно мобилизованы и приставлены к работе в различных правительственных ведомствах, прежде всего в РА УСС. Возглавлявший это подразделение профессор Робинсон не допускал ни малейших послаблений академических критериев в исследовательской работе».

Мы уже видели, какого рода работа шла в РА УСС, прямым продолжением которой оказались труды самого У. Росту, занявшегося изучением «коммунизма» в Центре исследования международных проблем, основанном 1951 году в Массачусетском технологическом институте. «От правительства наш центр финансировало ЦРУ, действовавшее во исполнение указаний СНБ», – добавляет У. Росту. Фокус исследования – как США должны действовать на СССР, если и когда последует смерть И. В. Сталина. Работа Росту и других совпала с разработкой в Вашингтоне доктрины «освобождения». Суть ее сводилась к тому, чтобы в первую голову усилиями «порабощенных народов» свергнуть социалистический строй в СССР и других странах, пошедших по нашему пути. Или, говоря проще, как организовать подрывную работу внутри социалистического лагеря, увязав ее с официальной американской внешней политикой.

После длительных споров, выносившихся в Управление «психологической войны» (также созданное в 1951 году), к началу 1953 года ученые на службе ЦРУ пришли к «довольно парадоксальному выводу: трудности для США наладить эффективную связь с населением коммунистического мира не носили только технический или психологический характер в узком смысле. Главная задача – донести ясное, последовательное представление о целях США и их политики, что будет означать каждодневное освещение тех сторон американской жизни, которые имеют отношение к жизни и перспективам других народов. Из этого вывода последовали немногие рекомендации по поводу новых психологических уловок, а скорее общее пожелание – правительство должно изыскать лучшие средства для координации военных и невоенных усилий во внешнем мире. Цели „психологической войны“ состоят в изыскании того, в чем совпадают интересы США и других стран».

После этих внешне в какой-то мере ученых рассуждений следовала рекомендация Вашингтону: «Поскольку смерть Сталина явится серьезным кризисом для организации советской мощи... и коль скоро цель США действовать так, чтобы добиться максимума в достижении благоприятных для Америки изменений внутри СССР, США не должны предпринимать угрожающих действий. Внешнее давление скорее побудит советское руководство к жесткому единству, которое, едва ли приведет к либерализации внутренней полити-

ки в СССР». Оставив в стороне чиновничий стиль, можно констатировать – в научных подразделениях ЦРУ сочли доктрину «освобождения» вполне реальной и подогнули под нее свои выводы. После кончины И. В. Сталина в Вашингтоне прошли длительные напряженные совещания. По директиве СНБ ЦРУ представило свои соображения, что нужно сделать в отношении СССР. У. Ростоу впервые публикует немало документов, в том числе проекты обращений к советскому народу президента США сразу после похорон И. В. Сталина. 11 марта 1953 года Эйзенхауэр высказался против поспешности с тем, что вылилось в его медоточивую «речь мира» 16 апреля 1953 года. Над ней работали специальный помощник президента по ведению «психологической войны» К. Джексон, сотрудники ЦРУ и У. Ростоу. В день ее произнесения Джексон писал государственному секретарю Д. Даллесу: «Если они (русские) покажут намерение дотянуться до ближайшей из выставленных перед ними морковок, тогда мы прибегнем к тактике: на глазах всего мира усиливаем давление, связывая каждый шаг вперед со следующим, который, как мы будем говорить, должны сделать русские»¹⁹¹. Как известно, русские «за морковками» не потянулись.

Обо всем этом в книге У. Ростоу рассказано довольно подробно на основании рассекреченных им материалов. Профессор, видимо, затеял эту книгу, чтобы подкрепить истори-

¹⁹¹ W. Rostow. Europe after Stalin. Eisenhower's Three Decisions of March 11, 1953, N. Y., 1982, pp. 28, 35, 32, 37, 148.

ческим опытом нынешний бескомпромиссный курс администрации Р. Рейгана в отношении СССР. По понятным причинам он обошел (или ограничился только намеками) важную составную часть политики правительства Эйзенхауэра – попытки резко усилить подрывную работу внутри СССР.

Именно на середину и другую половину пятидесятых годов падают концентрированные усилия западных спецслужб, в первую очередь ЦРУ, попытаться «размыть» идейные основы советского общества. Происходило это как раз в то время, когда в самих США поднималась волна конформизма, так называемый «консенсус». Результаты этих процессов стали очевидны к середине семидесятых годов. В 1976 году вдумчивый английский публицист Д. Ходжсон в большой книге «Америка нашего времени», вернувшись на двадцать лет назад, заключил на основании теперь известного:

«В сентябре 1955 г., как раз в тот момент, когда консенсус покрыл снежной пеленой американскую политику, очень сходный процесс происходил в американской интеллектуальной жизни. В тот месяц примерно 150 интеллектуалов из многих стран собрались на конференцию в Милане, чтобы обсудить „будущее Свободы“. Их пригласили по инициативе организации, называвшейся Конгресс за культурную свободу, а материалы конференции были позднее опубликованы социологом Эдвардом Шилсом в ежемесячном лондонском журнале „Энкаунтер“, органе этой организации. (Впоследствии выяснилось, что как Конгресс за культурную сво-

боду, так и „Энкаунтер“ тайно субсидируются ЦРУ.) Редактор озаглавил статью Шилса „Конец идеологии?“.

Идея не блистала новизной. «Либеральная цивилизация начинается с концом эры идеологии», – писал несколько ранее в том же году Льюис Фейер в статье «За пределами идеологии». Сеймур Липсет назвал одну из глав в своей книге «Политический человек» (1960) «Конец идеологии». Однако эта фраза оказалась наиболее связанной с близким другом Липсета, социологом и журналистом Дэниэлем Беллом. Первоначально продукт социалистического фермента в Нью-Йорке, Белл стал редактором по вопросам труда журнала «Форчун», а также некоторое время возглавлял международные семинары Конгресса за культурную свободу. В карьере Белла как в фокусе отразился интеллектуальный консенсус, который пронизывал его политический эквивалент в пятидесятые годы. Белл отчетливо видел двойное основание этого консенсуса: страх перед коммунизмом и предположение о том, что американское общество может разрешить свои трудности без неразрешимого конфликта. «Политика ныне, – писал он, – не является отражением каких-либо внутренних классовых различий, а формируется под воздействием внешних событий. Любая внешняя политика – конечное выражение политики вообще, является результатом воздействия многих факторов, самый главный из которых – оценка русских намерений, необходимость сдерживания...»

Эта в высшей степени показательная цитата взята из кни-

ги Белла, опубликованной в 1960 году, которую он также назвал «Конец идеологии». Под всем этим Белл имел в виду прежде всего конец левой идеологии. «Под концом идеологии, – был вынужден заметить даже его друг Ирвинг Кристол, тот самый редактор, напечатавший статью Шилса с тем же заголовком (на деньги ЦРУ. – **Н. Я.**), – г-н Белл, по всей вероятности, имеет в виду крах социалистического идеала».

Белл со всей компанией объявил о смерти идеологии примерно так, как в свое время объявлялось о смерти королей: «Король мертв! – говорили придворные. – Да здравствует король!»¹⁹²

Иными словами, смерть социалистической идеологии во имя безраздельного господства буржуазной! Вот чего домогался легион западных писак, которые с подачи г-на Белла (а как только что разъяснил Ходжсон, и ЦРУ) исступленно развивали тезис о настоятельной необходимости немедленного введения «деидеологизации» по всему миру. От этой основной концепции отпочковались теории «свободы творчества», «беспартийности» и т. д. и т. п., каковые надлежит осуществить, разумеется, в первую очередь в Советском Союзе. Те, кто в нашей стране заявил о том, что они «мыслят иначе», и приступили независимо от личных намерений к реализации схемы ЦРУ.

С середины пятидесятих годов в Советском Союзе началась большая и серьезная работа по укреплению социалисти-

¹⁹² G. Hodgson. American in Our Time, N. Y., 1976, pp. 74 – 75.

ческой законности. Речь шла об укреплении социалистических принципов в строительстве нового общества на пути к конечной цели – коммунизму. Забота о развитии социалистической демократии, острая критика негативных явлений периода культа личности, естественно, нашли отражение в духовной жизни народа.

Нашлись отдельные люди, которые по ряду причин, обычно личного свойства, выбрали для себя занятие – они начали распространять слухи, порочащие советский строй, а укрепление социалистической законности восприняли как сигнал к вседозволенности и нарушению норм жизни социалистического общества. Во всяком случае, они объявляли себя «идеологически» свободными. Каждый из них и все они вместе были ничто в многомиллионной толще советского народа, если бы не западные спецслужбы и массовые средства пропаганды, в первую очередь США. Стоило этим, как их стали называть, «диссидентам», или «инакомыслящим», заявить, в основном по подсказке с Запада, о себе, как исполнская волна радости прокатилась по всем подразделениям ЦРУ. Вот она, долгожданная «оппозиция» советскому строю, штурмовой отряд в «психологической войне» против СССР! То, что возникновение этой «оппозиции» отражало широко запланированную операцию «психологической войны», сомнений не вызывает.

Ныне, когда от начала описываемых событий нас отделяет более двадцати лет, истоки «инакомыслия» в СССР выра-

зители настроений этой ничтожной кучки изображают в лирических тонах освобождения от «идеологии». В 1978 году Синявский, давно отбывший наказание за антигосударственную деятельность и выехавший из СССР, затеял издание в Париже крошечного журнальчика «Синтаксис». Первый номер он посвятил Гинзбургу, который, если верить Синявскому, невинно пострадал. И в нем указал генезис «самиздата» – нелегальных пасквилей, которые «инакомыслящие» распространяли среди своих. По «Синтаксису», дело начиналось неожиданным открытием «того простого факта, что поэзия, существующая без разрешения, может быть без разрешения напечатана. Так начинался „самиздат“, хотя еще и не было в ходу это слово. Книжки стихов, собранных Александром Гинзбургом, остались памятником поэтического опьянения конца пятидесятых годов... Александр Гинзбург – судьба его известна – от поэтических сборников перешел к составлению и изданию „Белой книги“. „Самиздат“ пророс „Хроникой“. Но начинался он со стихов».

Стоп. Нужно все-таки объяснить и сделать небольшое отступление. Сборники именовались «Синтаксисом», но воспроизвести их содержание как по соображениям соблюдения нравственности, так и по причине соразмерного порнографии грязного политического содержания, хотя при этом настаивалось, что в них нет «идеологии», совершенно невозможно. Синявский примерно в те годы начал печатать на За-

паде свои «самиздатовские» антисоветские пасквили, спрятавшись под псевдонимом Абрам Терц. Совершенно естественно, что ему тогда и по сей день рифмоплетство, подбиравшееся Гинзбургом, было милее всего. Главное – «свобода творчества», а вот на Руси ее никогда не было. Ни теперь, ни прежде. Взять хотя бы Пушкина. В самом деле, разъяснил Абрам Терц в книге «Прогулки с Пушкиным», выпущенной на Западе в 1975 году, разве мог внести что-либо приметное великий русский поэт по сравнению с тем, что одобряли Гинзбург и Синявский?!

Пушкинское наследие – любовь к родине, гражданственность – бесценный дар нашего народа! С этим Пушкин вошел на века в отечественную и мировую литературу. Об этом ни слова. Вот каким оказывается Пушкин по Абраму Терцу: «Если... искать прототипа Пушкину в современной ему среде, то лучший кандидат окажется Хлестаков, человеческое alter ego поэта... Как тот – толпится и французит; как Пушкин – юрок и болтлив, развязен, пуст». «Кто еще этаким „дуриком“ входил в литературу?» «Пушкин, сколотивши на женщинах состояние, имел у них и стол и дом». «Жил, шутя и играя, и... умер, заигравшись чересчур далеко». «Мальчишка – и погиб по-мальчишески, в ореоле скандала». «Ошалелый поэт». Роман «Евгений Онегин»? Абрам Терц бросает: «Пушкин писал роман ни о чем»... сближал произведения Пушкина с адрес-календарем, с телефонной книгой. «Вместо описания жизни он учинил ей поголовную

перепись». А в чем же цель творчества Пушкина? Абрам Терц: «Вез цели. Просто так, подменяя одни мотивы другими: служение обществу – женщинами, женщин – деньгами, высокие заботы – забавой, забаву – предпринимательством». «Что ни придумал Пушкин, позорься на веки вечные – все идет напрокат искусству».

Глумление над Пушкиным Абрама Терца не самоцель, а приступ к главной цели: «С Пушкиным в литературе начался прогресс... О, эта лишенная стати, оголтелая описательность 19-го столетия... Эта смертная жажда заприходовать каждую пядь ускользающего бытия... в горы протоколов с тусклыми заголовками: „Бедные люди“, „Мертвые души“, „Обыкновенная история“, „Скучная история“ (если скучная, то надо ли рассказывать?), пока не осталось в мире неопisanного угла... Написал „Войну и мир“ (сразу вся война и весь мир!)». Бойкий Абрам Терц единым махом мазнул по всей великой русской литературе, все выброшены – Пушкин, Достоевский, Гоголь, Гончаров, Чехов, Толстой. Не выдержали, значит, «самиздатовских» критериев. Сделано это не только ввиду мании величия Абрама Терца, ведь он тоже претендует на высокое звание «писателя», а с очевидной гаденькой мыслишкой – хоть как-то расчистить плацдарм, на котором возвысятся некие литературные столпы, свободные от «идеологии», угодные ЦРУ и Абраму Терцу. Дабы ново-явленные «гении» выглядели рельефнее.

Один из попавших в то время в сети «инакомыслящих»,

человек нелегкой судьбы и ныне покойный (почему назовем его Н.), незадолго до смерти вернулся в своих воспоминаниях к околотературному миру тех лет и, проклиная наваждение, оставил горькие, рвущие сердце зарисовки становления «идеологически свободного самиздата», появления тех, кого на Западе объявили «истинными выразителями» дум и чаяний советских людей. Он был одаренным человеком – Н., судите сами, как он мог писать и как умел страстно ненавидеть собственное прошлое:

«Теперь заглянем в салоны, в литературные салоны Москвы шестидесятых годов. Такими „салонами“ считали квартиры некоторых литературных вдов и полулитературных дам, где собиралось „избранное общество талантливых представителей литературы и искусства“.

Большой удачей считалось заполучить на вечер в такой салон одного, а лучше двух представителей старшего поколения деятелей культуры. В этом случае вечер считался удавшимся. Впрочем, некоторые маститые деятели весьма охотно посещали такого рода салоны. Туда, на «литературные вечера» стало модным приглашать молодых, начинающих поэтов, писателей, художников и просто «выдающихся молодых людей» совместно с девицами богемного вида, которых хотелось бы назвать одним весьма нелитературным словом. А «маститые» с некоторых пор почитали для себя обязанностью почаще общаться с современной молодежью. На всякий случай: «Кто их знает, мало ли что может быть...» Атмо-

сфера «литературных вечеров» с генералами, то бишь масти-
тыми деятелями, была насыщена запахом коньяка и кофе.
Молодые поэты и начинающие писатели читали свои сочи-
нения. Именитый, выпив коньяку, изрекал что-нибудь бла-
гожелательное, дарил два-три анекдота из жизни литератур-
ной, выпив еще, неопределенно, но многозначительно вы-
сказывался, насчет либерализации и демократических пре-
образований. «Выдающиеся молодые люди» смутно и глухо
ворчали что-то ругательское, поминая нехорошими словами
«литературных жандармов» и КГБ. Богемные девицы кури-
ли, принимали разные позы, таинственно шептались, хихи-
кали и вздыхали. Им хотелось замуж за писателя с собствен-
ной «Волгой».

Вы спросите, кто такие «выдающиеся молодые люди»?
Так буквально и надо понимать: выдающиеся – выдающие
себя. Вот, например, «выдающийся молодой человек» Алек-
сандр Гинзбург – частый гость салонов – выдавал себя за по-
эта и писателя-ученика Б. Пастернака, хотя никто и никогда
не удостоился познакомиться ни с одним из его произведе-
ний. Говорили, что он где-то учился, но «пострадал за убеж-
дения» – исчезал на два года. Потом опять появился, играл
на сцене. Потом опять чуть было не пострадал – вовремя
раскаялся... Правда, некоторые «джентльмены» из уголов-
ного мира, знавшие Гинзбурга ближе, уверяли, что на два го-
да-то он «исчезал» не за «убеждения», а за мошенничество,
но «джентльменов» этих в салон не приглашали... Такого же

типа были и остальные «выдающиеся молодые люди», все эти буковские, осиповы, хаустовы, амальрики, попросту говоря, недоучки, лоботрясы с непомерно развитым апломбом и претензиями, собственную неполноценность ставившие в вину обществу. Люди трусливые, ленивые и злобные, учуявшие в салонах питательную среду для утоления собственного тщеславия.

Высидев приличное время в салоне литературной дамы, налюбовавшись на именитого либерального дядю – «старичок благоволит», – воочию убедившись, что сей дяденька живет действительно «не хлебом единым», но и коньяком, «выдающиеся молодые люди», захватив с собой богемных девиц, отправлялись в другой салон, попроще, точнее, в квартиру одного из них, где, правда, коньяка не было, зато была водка и пить ее можно не из рюмок, а из емкостей более вместительных. Там, хмелея, они уже громко разглагольствовали, убеждая друг друга в том, что если уж «старичок» говорит «либерализация», то нам-то можно и стулья ломать, если уж взрослые именитые дяди произносят «преобразования эти, как их, да – демократические!», тогда «дойдой все! Ничего не сделают! Время не то! Нынче сказано: „Оттепель“!»¹⁹³

¹⁹³ Ровно за сто лет до этого в России после Крымском войны это слово было в большом ходу. Пустившие его в обиход в середине пятидесятых годов XX века не проявили большой оригинальности. Тогда значение его было иное, как заметил советский писатель С. Н. Сергеев-Ценский о Москве славянофилов и «западников»: «Тютчев назвал это межумочное время „оттепелью“. – Севасто-

«Оттепель! Оттепель!» – на разные голоса радостно подхватили в салонах. «Оттепелю» стали там называть период с тысяча девятьсот пятьдесят шестого по шестидесятые годы. Так и порешили: «Нынче, значит, оттепель. А „до того“ был мороз». Вот так. А коли оттепель, полезли на солнышко из оплетенных паутиной, затаенных углов заплесневелые «недотыкомки» и прочая нечисть, которых и в живых-то уж не почитал никто, и тоже с обиженными рожицами озабоченно поползли в «салоны». А там их принимали. Обогревали коньячком. На них созывали – все-таки редкость! А по московским улицам засновали хитрые и злые Иваны Денисычи, ехидно подливая помой «на дорожки, по которым начальство ходит».

А как же! Раз сказано – «оттепель», то грибы-поганки почитают первыми вылезать к теплу».

Среди этих поганок замельтешила пестрая нечисть с разноцветными дипломатическими паспортами и просто с туристскими визами. Они очень быстро смекнули, с кем имеют дело и на какую наживку можно взять лоботрясов, направив их устремления в русло, нужное ЦРУ и иным западным спецслужбам. В самом деле, рассудили стратеги «психологической войны», разве рационально использует свою предприимчивость тот же тогда двадцатичетырехлетний Гинзбург? Раздобыл тексты сочинений по литературе на выпускных экзаменах в школах рабочей молодежи и пишет, вер-

нее, списывает их за лодырей по таксе 50 рублей за труды. Но надо было такому случиться: в школу, где Гинзбург под чужой фамилией во время экзаменов списывал со шпаргалки сочинение, приехала кинохроника. Мошенник достойно позировал перед объективом, а потом... киножурнал увидели знакомые лодыря. Удивились, а ничему не удивляющийся суд воздал жулику за труды – два года исправительно-трудовых работ. То было первое столкновение Гинзбурга с законом еще в начале шестидесятых годов, изображенное впоследствии западной пропагандой как жуткое гонение «правдолюбца».

Но до этого еще должно было пройти время, а тогда в ЦРУ постановили: никак нельзя упустить столь ценный кадр. Ввиду понятных соображений решили держать связь с Гинзбургом и руководить его деятельностью на ниве «самиздата» не прямо, а через НТС. Он получил от НТС деньги, клише для издания подпольной газеты «Посев», где особо указывалось – «московское отделение», и приготовился звать к террору. Да, а как с поэзией? Гинзбург приискал себе сообщника, Ю. Галанскова, который писал не очень зрелые стихи, случилось, антисоветского толка, а на этом основании, по незримому указанию ЦРУ, был объявлен «поэтом». Дальнейшее хорошо известно. За преступление по поручению НТС – антисоветская агитация и пропаганда – в 1968 году Гинзбург был осужден на пять лет исправительно-трудовых работ. Попал в колонию по приговору суда и Галансков.

В ЦРУ потирали руки – первый, этап операции прошел успешно: в СССР обнаружился гонимый за «правду», вырвавшийся из круга «идеологии». Оставалось надеть хоть на одного из них венец «мученика». Галансков отлично подошел: человек неуравновешенный, слабого здоровья, он, по наущению Гинзбурга, стал упрямо отказываться от медицинской помощи, а требовалась операция желудочно-кишечного тракта. Когда врачи вмешались в 1972 году, было уже поздно. Послушные ЦРУ средства массовой информации на Западе извлекли все мыслимые и немыслимые дивиденды из смерти Галанскова. В общем погиб «поэт», совершенно не замешанный в противозаконных деяниях.

Прошло пять лет. Выманивая доллары у своих покровителей, руководство НТС признало: Галансков был агентом НТС. Сбитые в свое время с толку кампанией ЦРУ – НТС в защиту «поэта» оторопели – одно дело рассуждать о «чистой душе», томящейся в заточении, совершенно другое – говорить в пользу платного агента. Все это вызвало известное замешательство в тех кругах на Западе, где радеют по поводу советских «диссидентов». Тогда 4 мая 1977 года один из руководителей НТС, Артемов, публично заявил во Франкфурте: «Прокатилась волна, при этом еще волна резкой критики наших публикаций, о том, что Ю. Галансков был членом НТС. Некоторые даже решительно утверждают, что это неправда, и они это знают доподлинно. Между тем из писем Галанскова в центр НТС видно, что он не только, естествен-

но, не разглашал своей принадлежности к нам, но и прямо отрицал ее, когда этого требовали интересы дела.

Другие не оспаривают наших отношений с Галансковым, но обвиняют нас в «разглашении» этого: дескать, это подтверждает обвинительное заключение по его делу, а также ставит в «тяжелое» положение всех, кто выступал в его защиту, – «значит, защищали дело НТС!»?... Умер в заключении осенью 1972 года... Мы не публиковали ничего до тех пор, пока обстоятельства позволяли нам это. Но мы не можем навеки замалчивать» связи Галанскова с НТС.

Вот она, пресловутая «деидеологизированная» поэзия плюс проза подрывной работы. Вот то-то.

2

Пожалуй, хватит о «поэзии» описанной разновидности. А как все же с генезисом «самиздата»? По каким тропам идут вступающие на этот путь, сомнений у людей, просвещенных в профессии, нет. Протоиерей А. Киселев, военный священник власовской «армии», в середине семидесятых годов выпустил в США книгу «Облик генерала Власова». В предисловии он высказался: «В наше время, когда история фальсифицируется, когда облики людей искажаются до неузнаваемости, можно ли промолчать об исторической правде?» – И не промолчал! «Известно, – заверил протоиерей о пропаганде власовцев, – что многие печатные материалы – ли-

стовки, воззвания, газеты – не только циркулировали в европейской части Советского Союза, но доходили до Сибири, до ее восточных окраин. Пленные принесли текст смоленского воззвания, которое сбрасывалось с немецких аэропланов над фронтом и оккупированными областями, уже заново переписанным где-то в Советском Союзе. Вот когда начался „самиздат“!

Уместно разъяснил. По крайней мере, со слов предателя совершенно очевидно, что следует иметь в виду под «самиздатом». Тогда – грязные листки фашистской пропаганды во время Великой Отечественной войны. Нужно ли говорить о том, что писалось в том же, например, смоленском воззвании, сочиненном гитлеровскими разведчиками от имени презренного предателя Власова, который, кстати, не имел к нему никакого отношения, так как не был в то время в Смоленске! Для этого гитлеровцы совершенно не нуждались в услугах мерзавца. Откровения протоиерея небесполезно запомнить – «самиздат» в руках врагов Советского Союза такое же оружие, как и то, которым физически убивали наших людей.

То, что выболтал гнусный поп-предатель, конечно, малопринемлемо для представителей просвещенной части американского общества. Сентенций такого рода о генезисе «самиздата» в респектабельной американской научной литературе нет, хотя бы по той причине, что неприлично вслух признавать полное духовное родство антисоветских пасквилей

«самиздата» с геббельсовской пропагандой. Американские исследователи идут вглубь – так, уже упоминавшийся историк Дж. Гэддис в 1978 году обнаружил открытие: оказывается, основателем «самиздата» является Дж. Кеннан-старший, приходившийся дядей нынешнему. В конце XIX столетия дядя немало путешествовал по России, особенно интересуясь царской каторгой и ссылкой. По возвращении в США он «разъезжал по всей стране, зачаровывая аудитории своими лекциями о русских тюрьмах, которые он часто читал, одетый каторжанином и позванивая кандалами. Его многочисленные работы вызвали негодование в значительной части мира, включая Россию, где их передавали тайком из рук в руки – то была ранняя форма „самиздата“¹⁹⁴.

Балаган, устраивавшийся Дж. Кеннаном на страданиях лучших людей России, схватившихся с чудовищем самодержавия, российские революционеры считали глумлением над святым делом. Известны резко отрицательные отзывы русских революционеров по поводу того, как Дж. Кеннан наживал деньги на страданиях политкаторжан.

Но хватит истории. Профессионалы ЦРУ точно указывают истоки «самиздата».

Р. Клин: «Без помощи ЦРУ эмигрантские группы из СССР и стран Восточной Европы не могли бы публиковать в переводах множество документов, которые они получили из

¹⁹⁴ J. Gaddis. Russia, the Soviet Union and the United States. An Interpretive History. N. Y., 1978, pp. 31 – 32.

своих стран. В это число входят некоторые известные „самиздатовские“ произведения».

Г. Розницкий: «Вероятно, самым ощутимым результатом „психологической войны“ было налаживание контактов с диссидентами в Советском Союзе. Первые связи с диссидентскими группами в Москве были установлены на Московском международном фестивале молодежи в 1957 году, который в целом был в основном спонтанным диалогом между советской и западной молодежью. Спустя два года, во время выставки ЮСИА в Москве, в руки представителей Запада попали первые экземпляры подпольной литературы и нелегальных студенческих журналов. Это и ознаменовало начало публикации советских подпольных материалов на Западе, во многих случаях их привозят назад в Советский Союз для более широкого распространения. Сбор и публикация рукописей из Советского Союза к настоящему времени стали крупным бизнесом»¹⁹⁵.

В стенах ЦРУ собрались страстные «книголюбы». Ведомство обожает издавать книги. Правда, отнюдь не в целях удовлетворения запросов жаждущих набраться знаний, а по причинам противоположным – отравить сознание людей. Своего рода программа «МКультра» в книжном деле. Комиссия Ф. Черча собрала некоторые отрывочные сведения

¹⁹⁵ R. Cline. *Secrets, Spies and Scholars*, Washington, 1976, pp. 129 – 170; H. Ritzke, *CIA Secret Operations. Espionage, counterespionage and covert actions*. N. Y., 1977, p. 163.

о причинах, по которым в ЦРУ возлюбили печатать книги. В докладе комиссии были приведены слова начальника управления специальных (подрывных) операций ЦРУ, который еще в 1961 году указал:

«Книги отличаются от всех иных средств массовой пропаганды прежде всего тем, что даже одна книга может значительно изменить отношение и поведение читателя в такой степени, на которую не могут подняться ни газеты, ни радио, ни телевидение или кино... Это, конечно, верно не для всех книг, и не всегда, и не в отношении всех читателей, но это случается достаточно часто. Поэтому книги являются самым важным орудием стратегической (долговременной) пропаганды».

По словам этого компетентного, но не названного в официальной американской публикации лица, ЦРУ примерно так использует книги как средство подрывной работы:

а) организует публикацию и распространение книг за рубежом, не раскрывая при этом американского влияния, тайно субсидируя иностранных издателей и книгопродавцев;

б) публикует книги, которые «не заражены» любыми открытыми связями с правительством США, особенно если положение автора «деликатно»;

в) книги публикуются по оперативным причинам независимо от их коммерческой ценности;

г) создает национальные и международные организации для издания и распространения книг;

д) поощряет написание политически значимых книг неизвестными иностранными авторами, либо прямо субсидируя автора, если возможны тайные контакты, либо косвенно – через литературных агентов или издательства».

По оглашенным комиссией в 1976 году данным, «до 1967 года значительно более тысячи книг было подготовлено, субсидировано или одобрено ЦРУ», а «в последние несколько лет» таким же образом было выпущено еще 250 книг. Комиссия лаконично записала в своем докладе: «ЦРУ отказалось сообщить комиссии ряд названий и имен авторов пропагандистских книг, выпущенных после 1967 года»¹⁹⁶. Если же говорить о книгах, изданных до 1967 года, то комиссия Черча привела считанные примеры, дав несколько названий. Среди них «Бумаги Пеньковского» – книга, выпущенная в 1965 году в США. При выходе в свет этого грязного антисоветского пасквиля в США был поднят отвратительный шум – автор, шпион ЦРУ и Интеллидженс сервис, расстрелянный по приговору советского суда, написал-де ее. Комиссия Черча заключила, однако, в своем докладе, что эта «книга была подготовлена и написана хитроумными сотрудниками ЦРУ» и напечатана в «оперативных целях». Теперь даже об очень половинчатых выводах комиссии Черча стараются забыть.

Сообщая об очередном выходе пасквиля массовым тиражом, «Вашингтон пост» в середине 1982 года ограничи-

¹⁹⁶ Final Report of the Select Committee to study Governmental Operations with respect to Intelligence Activities, U. S. Senate, Book I, Washington 1976, p. 193.

лась следующим: «Редактор спорного бестселлера „холодной войны“ „Бумаги Пеньковского“ теперь признает, что он получил основные материалы для книги от ЦРУ. В то же время редактор Фрэнк Гибни утверждает, что бумаги, авторство которых приписывается Пеньковскому, были целиком достоверными, и отрицает, что их публикация было частью какого-то тайного плана или заговора ЦРУ в издательском деле»¹⁹⁷. Такого рода опровержения или уточнения ничего не стоят.

Главный вопрос – какие же книги выходят под незримой маркой ЦРУ? В конце октября 1982 года редактор американского журнала «Нэйшн» В. Наваски рассказал на страницах «Нью-Йорк Таймс» о том, как он попытался получить ответ на этот вопрос от ЦРУ. Итак:

«4 октября 1982 года Верховный суд США отказался рассмотреть мой иск против ЦРУ. Иск я предъявил в соответствии с законом о свободе информации чтобы получить список названий „значительно более 1000 книг“, которые, по словам доклада сенатского комитета о тайных операциях от апреля 1976 года, „были изданы, субсидировались или одобрены ЦРУ до конца 1967 года“. Почему мое дело представляет интерес? Да потому, что оно иллюстрирует, с какой легкостью ЦРУ и суды перечеркивают закон о свободе информации, запрещая доступ к государственным документам, которые по этому закону якобы должны быть открыты.

¹⁹⁷ «The Washington Post», June 2, 1982.

У меня, писателя и гражданина, было множество причин, по которым я захотел взглянуть на список книг, выпущенных ЦРУ. Во-первых, некоторые из них были выпущены в США. Следовательно, ЦРУ, которое действует будто бы только за американскими границами, нарушило свой устав. Во-вторых, независимо от того, попало ЦРУ его или нет, тема «ЦРУ – издатель» увлекла меня как тема для статьи. Меня интриговал вопрос, какие же книги субсидировало ЦРУ. Все же как выглядит их список? Какой процент составляет художественная, а какой политическая литература? Сколько продано, как их рецензируют? Кто из авторов ЦРУ выпускает бестселлеры? Какой линии требует ЦРУ придерживаться в этих книгах? Ничто из делающегося в США, на мой взгляд, не опровергает столь наглым образом бытующую у нас теорию о том, что истина в конечном счете утверждает себя на ярмарке идей».

С октября 1976 года по март 1977 года Наваски осаждал своими просьбами должностных лиц ЦРУ. Безрезультатно. Затем подал в суд.

«Я не поддамся соблазну, – продолжает Наваски, – подробно рассказывать об изощренных технических и юридических препятствиях, которые создало мне ЦРУ. Достаточно сказать, что я прошел суды трех инстанций, дважды подавал апелляции. Все это заняло 6 лет. Ушло почти 1000 долларов на оплату машинисток, перепечатывавших документацию, не считая времени, затраченного адвокатом. Он вел

дело бесплатно. Стоило ли идти на все это!

Думаю, стоило из-за того, что мы узнали в ходе этого. Я поразился, когда увидел: мое определение ЦРУ – издатель, а не субсидирующее ведомство, совершенно верно. Оно было вынуждено передать мне 85 документов. Хотя в них вымараны названия книг и их авторы, ЦРУ упустило снять своего рода анкетные данные. Выяснилось, что как подлинное издательство ЦРУ ведет постоянный учет продажи книг с ежеквартальными бухгалтерскими отчетами, в которых значится автор, название, дата издания и количество проданных экземпляров. В эти обычные данные ЦРУ добавило: «Издатель» (от имени которого выходит книга), «Условия» (какое управление ЦРУ оплатило книгу), «Язык» (на каком языке первоначально вышла книга) и нечто, названное «Шифр проекта» (под этим, видимо, значится шифр книги).

Я узнал также, каковы бы ни были другие заботы ЦРУ, речь шла отнюдь не о небольшом издательстве. Отказав мне в выдаче материалов, ЦРУ объяснило, что даже при желании сделать это «иск потребует объять необъятное», ибо «досье и материалы, касающиеся финансирования или одобрения книг... занимают от двух до двухсот погонных футов на полках. В каждом таком футе примерно 2000 страниц».

Из меморандума ЦРУ, переданного мне в ходе рассмотрения иска, выяснилось: ЦРУ и я согласны в одном – книги важны...

В конечном счете, ЦРУ победило меня, указав, что раз-

глашение списка опубликованных книг будет официальным признанием участия ЦРУ в тайном издании книг в других странах. Это повлечет за собой серьезные внешнеполитические осложнения, которые нанесут ущерб нашей национальной безопасности.

Суды всех инстанций согласились с ЦРУ, что это утверждение не нужно подкреплять доказательствами даже в закрытом заседании. Тогда спорить не о чем.

По сей день в США не предается огласке ни одной фразы, если ЦРУ возразит против этого, ссылаясь на обеспечение национальной безопасности»¹⁹⁸.

Прекрасная иллюстрация нравов американской «демократии»! Вы вольны отправиться в суд, опираясь на действующее законодательство, а итоги многолетних хождений по судам равны нулю. Наваски не последний человек в США – редактор крупного либерального, но благонамеренного, по американским критериям, журнала, сумел пробиться на страницы «Нью-Йорк Таймс» и вылить на них свое разочарование. Дело, по тем же критериям, благородное, «свобода слова» в действии. Высказался! А что изменилось? ЦРУ продолжает свое дело. Надо думать, после 1967 года оно не остановилось, выходят и выходят книги в «оперативных целях» ведомства.

Среди тысяч и тысяч авторов на службе ЦРУ вместе с изменником Родины американско-английским шпионом Пень-

¹⁹⁸ «The New York Times», October 26, 1982.

ковским стоит рядом человек тех же моральных качеств – Солженицын.

3

В 1957 – 1958 годах по Москве шнырял малоприметный человек, изъеденный злокачественной похотью прославиться. Он нащупывал, по собственным словам, контакты с теми, кто мог бы переправить на Запад и опубликовать пасквили на родную страну. Товар был самого скверного качества.

Не кто другой, как американский посол в Москве на рубеже шестидесятых и семидесятых Дж. Бим, припоминал, обнаруживая поразительную осведомленность в делах, не входящих в традиционную компетенцию дипломатов: «Солженицын создавал трудности для всех, имевших с ним дело... Первые варианты его рукописей были объемистой, многоречивой сырой массой, которую нужно было организовывать в понятное целое... они изобиловали вульгаризмами и непонятными местами. Их нужно было редактировать»¹⁹⁹.

Редакторы и вдохновители нашлись, ибо по всем параметрам Солженицын подходил для схемы создания «писателя» в рамках подрывной работы против СССР. Надлежащие убеждения и запас «товара» – рукописи, которые с известными редакторскими трудностями можно превратить в «книги». Как полагается в этих случаях, поначалу будущий

¹⁹⁹ J. Beam. Multiple Exposure, N. Y., 1978, pp. 232 – 233.

«писатель» получил духовную пищу из филиала ЦРУ – НТС. Качество ее, как мы видели, таково, что оно придало специфический вкус и запах произведениям Солженицына. Отчего случались последствия иногда комического свойства, а по большей части с самого начала уничтожавшие возможности воздействия на умы советских людей: «операция Солженицын» ЦРУ строилась на полном отрицании советского строя, того, что дорого всем советским людям.

Сначала о политическом кредо НТС – Солженицына, как оно проступает в его самых различных трудах.

Враги коммунизма неизменно поднимают на щит Н. Бердяева. Много почерпнул у него и Солженицын, тем более что НТС издает труды Бердяева и в удобном карманно-конспиративном формате. Но вот одно место у Бердяева он умышленно просмотрел – уж очень точно там характеризуются сам Солженицын и цели его «творчества».

Бердяев как-то заметил, что Достоевский предвидел смердяковщину. «Он знал, – писал Бердяев, – что подыметя в России лакей и в час великой опасности для нашей родины скажет: „Я всю Россию ненавижу“, „я не только не желаю быть военным гусаром, но желаю, напротив, уничтожения всех солдат-с“. На вопрос: „А когда неприятель придет, кто же нас защищать будет?“, бунтующий лакей ответил: „В двенадцатом году было великое нашествие императора Наполеона французского первого, и хорошо, как бы нас тогда покорили эти самые французы: умная нация покорила бы

весьма глупую-с и присоединила к себе. Совсем даже были бы другие порядки“.

Солженицын по духу своему родственен с этим лакеем. В час великой опасности для Родины, в годы войны, он поносит действия Верховного Главнокомандования. За это по законам военного времени устраняется из армии и подвергается наказанию. По отношению к тем, кто с оружием в руках приходил завоевывать наш народ, неся смерть и разрушения, он остался неискоренимым пособником в самом его гнусном смысле.

По Смердякову, он разглагольствует о годе 1812-м: «Простая истина, но ее надо выстрадать: благословенны не победы в войнах, а поражения в них!... Мы настолько привыкли гордиться нашей победой над Наполеоном, что упускаем: именно благодаря ей освобождение крестьян не произошло на полстолетия раньше, именно благодаря ей укрепившийся трон разбил декабристов (французская же оккупация не была для России реальностью)». Оставим стороне ложную причинно-следственную связь – известно, например, что декабристами возвращались из похода на Сену, а обратим внимание на другое: разве не звучит здесь лакейский голос Смердякова?

Этот лакей никак не может успокоиться из-за того, что бесчисленные походы на Россию терпели крах. Почему история сложилась так, а не иначе, вопрошает Солженицын: «Настолько все впитали и усвоили: „важен результат“». От-

куда это к нам пришло? Сперва от славы наших знамен и так называемой „чести нашей родины“. Мы душили, секли и резали всех наших соседей, расширялись – и в отечестве утверждалось: важен результат».

Вдумаемся в смысл сказанного. Русский народ на протяжении многовековой истории не раз спасал человечество от тех, кто стремился установить гегемонию над тогдашним цивилизованным миром. Через Русь не прорубились в Европу орды Чингисхана и Батыя, Россия сокрушила Оттоманскую империю, в России был разгромлен Карл XII, в России нашла гибель «великая армия» Наполеона. Разве русские ходили «к соседям»? Разве не они ценой громадных усилий, крови и жертв отражали нашествия иноземцев? Им пришлось драться за свою свободу и за свободу других народов. Если бы бесчисленные поколения наших предков стойко и мужественно, с оружием в руках не стояли на страже родных рубежей, русские давным-давно исчезли бы как народ.

На стиле Солженицына определенно сказалось влияние языка и синтаксиса русского писателя С. Н. Сергеева-Ценского, у которого его подражателю полезно было бы позаимствовать не только манеру изложения, словосочетания, но и взгляд на историю России. Описывая Крымскую войну, когда «соседи» – французы и англичане – пришли за тысячами, верст воевать с Россией, Сергеев-Ценский в свойственной; ему рассудительной манере заметил: «Легенды ли, песни ли, предания ли, которые передаются от старых солдат

молодым из поколения в поколение, внушили им веру в свою непобедимость... такую уверенность солдатской голове давали ноги, которые вышагивали в походах маршруты в тысячи верст, пока приходили к границам русской земли. Ведь солдаты русские были сами людьми деревни, они знали, что такое земля, с кем бы ни довелось за нее драться, и без особых разъяснений ротных командиров могли понять, что такую уйму земли, как в России, могли добыть в бою только войска, которые непобедимы. География учила их истории и вере в себя, и на Инкерманские высоты поднялись они как хозяева выгнать непрошенных гостей»²⁰⁰.

Вся книга Солженицына «Август четырнадцатого» пронизала смердяковской тоской, что «умная нация» (немецкая) не покорила нацию «весьма глупую». Именно под этим углом зрения и описываются действия русских и германских войск в Восточной Пруссии в августе 1914 года.

Польский публицист Е. Романовский в подробном разборе книги подчеркнул именно лакейскую угодливость Солженицына перед германским милитаризмом. Отозвавшись с величайшим возмущением о восхвалении в книге кайзеровской будто бы всегда победоносной военной машины, Е. Романовский писал: «Далеко не все обстояло так стройно, как сообщает окаменевший от восторга автор, бухнувшийся на колени перед немецкими милитаристами. Писать в этой позе куда как неудобно, да и ракурс взгляда не тот, во всяком

²⁰⁰ С. Н. Сергеев-Ценский. Севастопольская страда. М., 1958, т. 1, с. 427.

случае, искажается в сторону преувеличения созерцаемый предмет... (у автора), ослепленного глянцем сапог немецких генералов». Но поза-то, поза-то, только и уместная для лакея Смердякова.

Славянин, польский публицист, гневно восклицает: «Предав забвению историю, автор переворачивает все вверх ногами, а то, что он написал, точно соответствует шовинистическим выступлениям, прославляющим битву под Танненбергом во времена фашистской Германии... Страшно и кощунственно звучат слова Солженицына. Услышали бы их польские и советские солдаты, которые лежат в этой земле и которые отдали жизнь за то, чтобы никогда не возродился „Дранг нах остен!“». На страницах своей книги Солженицын пытается перевоевать минувшие войны»²⁰¹.

Смердяковщина – часть проклятого прошлого царской России, сметенного Великим Октябрем. То, что преподносится Солженицыным как новейшее открытие, как плод его «глубоких» размышлений, на деле перепевы дней, давным-давно минувших. Он возрождает взгляды тех реакционных сил дореволюционной России, которые многие годы стремились подчинить великую страну Германии. Крупнейший русский полководец первой мировой войны А. А. Брусилов вспоминал: «Немец, внешний и внутренний, был у нас всемогущим... В Петербурге была могущественная русско-немецкая партия, требовавшая во что бы то ни стало,

²⁰¹ «Литературная Россия», 1972, 7 апреля.

ценой каких бы то ни было унижений крепкого союза с Германией, которая демонстративно в то время плевала на нас. Какая же при таких условиях могла быть подготовка умов народа к этой заведомо неминуемой войне, которая должна была решить участь России? Очевидно, что никакая или скорее отрицательная»²⁰².

Об этом знают и помнят все те, кто любит русскую историю и кровными узами связан с русским народом. Не случайно в обширной статье «Воинствующий мракобес» об «Августе четырнадцатого» в болгарской газете «Отечествен фронт» Н. Павлов сделал особый акцент на том, что Солженицын выступает апологетом германского милитаризма. «Прискорбная тенденция автора восхвалять и воспевать все, что относилось к кайзеровской Германии, – писал Н. Павлов, – общеизвестна... Гальванизировав труп ненавистой славянам „русско-немецкой партии“, стремившейся повергнуть великую страну к ногам германского империализма, Солженицын и пересказывает с величайшим удовольствием ее аргументацию»²⁰³.

Солженицын неодинок в своих умозаключениях. Вот высказывание одного из духовных союзников: «Я пришел к твердому убеждению, что задачи, стоящие перед русским народом, могут быть разрешены в союзе и сотрудничестве с германским народом. Интересы русского народа всегда со-

²⁰² А. А. Брусилов. Мои воспоминания. М., 1983, с. 70.

²⁰³ «Отечествен фронт», 1974, 10 июня.

четались с интересами германского народа. Высшие достижения русского народа неразрывно связаны с теми периодами его истории, когда он связывал свою судьбу с Германией». Так разглагольствовал Власов в 1943 году в «Открытом письме» под красноречивым заголовком: «Почему я стал на путь борьбы с большевизмом». Духовный союз с Власовым закономерен и объективен как для НТС, так и для Солженицына. Смердяков в надежде, что «умная» нация наведет в России порядок, желал уничтожения в ней всех солдат. Чтобы никто с оружием в руках не смел мешать учить уму-разуму «глупую» нацию. Такова и сокровенная мечта Солженицына. Прошлое неутешительно – русские били в пух и прах иноземцев, шедших на страну войной. Это отличительная черта русской истории. Оглянитесь в прошлое, вопит Солженицын, посмотрите, почему вы, русские, не подставили шею под иноземное ярмо. Вы же согрешили, вы не поняли истинной свободы, а «свобода – это САМОСТЕСНЕНИЕ! – самостеснение – ради других!... Аспектов самоограничения – международных, политических, культурных, национальных, социальных, партийных – тьма. Нам бы, русским, разобраться со своими. И показать пример широкой души».

Без большого промедления выясняется и «широта» солженицынской души – добровольно перестать быть великой державой. Нелепость? Конечно. Но Солженицын стоит на своем, объясняя с видом знатока: «военных необходимостей у нас вдесятеро меньше», нужно на «многие годы сильно

сократить военную подготовку». Разоружение перспективно только при том условии, если обе стороны вступают на этот путь, к чему неустанно зовет Советский Союз. В наши дни общепризнано, что существует стратегический паритет между СССР и США, что, помимо прочего, определяет соотношение сил на международной арене. Солженицын же предлагает, чтобы военная мощь СССР составила бы 10 процентов от американской – это называется проявить «широту души»! Что же касается Соединенных Штатов, то им Солженицын отводит особую роль. Выступая 30 июня 1975 года перед трехтысячной аудиторией, собранной стараниями руководства АФТ-КПП в Вашингтоне, он говорил: «Бремя лежит на плечах Америки. Ход истории, хотите ли вы этого или нет, возложил на вас руководство миром». Привычка к плагиату, видимо, въелась Солженицыну в плоть и кровь. Не кто другой, как Трумэн, начиная «холодную войну» с ее бешеной гонкой вооружений в декабре 1945 года, учил американцев: «Хотим мы этого или не хотим, мы обязаны признать, что одержанная нами победа возложила на американский народ бремя ответственности за дальнейшее руководство миром»²⁰⁴. В другой речи – 9 июля 1975 года в Нью-Йорке он настаивал: «Было время, когда Советский Союз не шел ни в какое сравнение с вами по атомному вооружению. Потом сравнился, сравнился. Потом, сейчас уже все признают, что начинает

²⁰⁴ Public Papers of the Presidents of the United States: Harry S. Truman, 1945, Washington 1961, p. 549.

превосходить. Ну, может быть, сейчас коэффициент больше единицы. А потом будет два к одному... Идут тучи, надвигается ураган». Следовательно, вооружайтесь, вооружайтесь до зубов!

Таков провокатор Солженицын, имеющий два лица: одно обращено к Западу, другое – к СССР. Соединенным Штатам, по нему, положено «руководить» миром, обеспечивая это абсолютным военным превосходством, диктуя всем народам свои условия. Нам, открывшим подлинную историю человечества, строящим новое общество, встать в позицию «самостеснения», склонить головы и преклонить колени перед империализмом, а чтобы это было легче сделать, для начала демонтировать военную мощь Советского государства. Таков Смердяков второй половины XX века.

В лице Солженицына ЦРУ обрело верного слугу. Весь убогий идеологический багаж Солженицына до удивления схож с самыми затасканными клише антисоветской пропаганды на Западе. Несмотря на необъятные претензии, он не больше чем популяризатор антикоммунистических доктрин, причем в своем рвении не затрудняет себя даже их переработкой, а прибегает к плагиату. Основной «труд» Солженицына – пресловутый «Архипелаг Гулаг».

Книга эта в наши дни входит в обязательный ассортимент дежурной антисоветской пропаганды, разумеется, с надлежащими реверансами в сторону «мыслителя» и прочим. Она преподносится как плод самостоятельных «раздумий» и т. д.

Конечно, для широкой аудитории на Западе. По-иному трактуется вопрос в научной литературе на том же Западе, где источник вдохновения сочинителя указывается с достаточной точностью. «Хотя Солженицын ввел термин „гулаг“ в международный словарь, – замечает американский историк Д. Ерджин, – в английский язык это слово было введено значительно раньше. В майском номере журнала „Плейн ток“ за 1947 год была статья „Гулаг – рабство, инкорпорейтед“ с картой важнейших лагерей. Солженицын, вероятно, даже видел эту карту еще в России»²⁰⁵.

Надо думать, что руководство НТС испытывало законное чувство авторской гордости, когда появились графоманские пухлые тома Солженицына, как и радовалось точности выполнения указаний ЦРУ – НТС. Вместо того чтобы антисоветская стряпня появлялась на страницах жалкого «Посева», западная печать разносила ее по тому миру со ссылкой на труды «писателя»!

Расхожий лозунг, выброшенный им, «Жить не по лжи» оказался простым перифразом энтээсовского лозунга «Лжи – правду!». Как об этом было заявлено еще в программе НТС-СНП 1938 года «Лжи – правду!», так назойливо и повторяется при всех хозяевах НТС. Причем в глазах заправил НТС фраза эта несет совершенно четко определенную семантическую нагрузку, это пароль, по которому они отличают «своих». Поремский, продавая очередную ложь хозяевам, разгла-

²⁰⁵ D. Yergin. Shattered Peace, Boston, 1977, p. 414.

гольствовал в конце 1975 года: «Сами эти миллионы „живущих не по лжи“ уже приобретают облик организации – идейную целенаправленную общность, находящую свое выражение в системе каких-то если не действий, то реакций на таковые». Твердя пароль НТС, Солженицын включился в число занятых подрывной работой ЦРУ – НТС.

16 ноября 1974 года Солженицын провел в Цюрихе пресс-конференцию «О будущем России». Собравшейся пестрой аудитории он доказывал, что развивает «свою» программу: «Программу, которую я предлагаю для моей страны, я называю нравственной революцией. Эту программу я изложил в документе „Жить не по лжи!“. Теперь заглянем в некий материал „Стратегические проблемы освободительной борьбы“, разработанный в 1971 – 1972 годах стратегической комиссией совета НТС. Там сказано: „НТС руководит труднейшей работой его участников по нравственному совершенствованию самих себя и своего народа. России нужна не только политическая, но и духовная перестройка. Только революция духа может гарантировать успех революции гражданской!“

Начальные пути «нравственной революции», предлагаемой Солженицыным, как видим, почти точно списаны из упомянутого материала НТС. Сравним далее:

НТС:

Нужен «стихийный саботаж».

Солженицын:

Нужна кампания «гражданского неповиновения».

НТС:

Не ходить на собрания, а если пошел – не выступать, не аплодировать...

Солженицын:

Не даст загнать себя на собрание...

НТС:

Не принимать участия в официальных шествиях и демонстрациях.

Солженицын:

Не даст принудить себя идти на демонстрацию или митинг.

НТС:

Не участвовать ни в каких выборах.

Солженицын:

Не поднимает голосующей руки...

Ну что сказать по поводу всего этого?! Для НТС бесперебойная выдача подробных рекомендаций, как нам всем надлежит вести, не новинка. Главари союза занимаются этим многие десятилетия. Их призывы не могут вызывать у советских людей ничего, кроме омерзения. Но типографский станок НТС продолжает работать. Эта и иные инструкции

настоятельно необходимы НТС для отчета перед ЦРУ. Они создают в глазах руководителей подрывной работы против Советского Союза впечатление, что НТС занят «делом». За сим следуют просьбы о денежных подачках.

Плагиятору, однако, не давали покоя лавры теоретика. Вот антисоветский сборник «Из-под глыб», опубликованный на Западе. Заботами ЦРУ все материалы в нем пронизаны лютой ненавистью к Советскому Союзу, к коммунизму, треть материалов в нем принадлежит перу Солженицына.

На его взгляд, по своей масштабности этот сборник можно сопоставить только с пресловутым сборником «Вехи», о котором Солженицын придерживается самого высокого мнения: «Вехи» через 60 с лишним лет и сегодня стоят как вехи и действительно показывают нам путь». Прекрасно! Шагу не может сделать наш «философ» без костылей НТС. Давным-давно НТС переиздал «Вехи» и настойчиво рекомендовал его как настольную книгу.

Рассуждать о «Вехах» он взялся по облегченному, адаптированному бердяевскому переложению, благо НТС переиздал статейку «Духи русской революции». Вся теоретическая «мудрость» Солженицына уместилась в конечных выводах Бердяева; И конечно, коль скоро для него свято все рекомендованное ЦРУ-НТС, он прилежно им воспользовался.

Бердяев:

Теперь «Вехи» не были бы встречены в широких кругах

русской интеллигенции, как в то время, когда они появились. Теперь правду «Вех» начинают признавать даже те, которые их поносили. Но путь к возрождению лежит через покаяние, через сознание своих грехов, через очищение духа народного от духов бесовских.

Солженицын:

Роковые особенности русского предреволюционного образовательного слоя были основательно рассмотрены в «Вехах» – и возмущенно отвергнуты всей интеллигенцией, всеми партийными направлениями... И только то радует, что через 60 лет, кажется, утолщается в России слой, способный эту книгу поддержать.

Только через полосу раскаяния множества лиц могут быть очищены русский воздух, русская почва.

Так вот откуда солженицынское «раскаяние»! Плагиат Бердяева. Уместно напомнить, что Бердяев, писавший вскоре после Великого Октября, видел в «покаянии» философский камень для того, чтобы повернуть колесо истории вспять. Не дождался. Теперь Солженицын принял эстафету.

И конечно, НТС поторопился отчитаться перед ЦРУ этим сборником. Прожженный мерзавец, сотрудничавший с гестапо, Редлих по достоинству аттестует тех, кто принял участие в сборнике: «Авторы „Из-под глыб“ ощущаются нами братски не только потому, что издательство „Посев“, как только явилась к тому возможность, перепечатало сборник

„Вехи“. Те самые „Вехи“, которые Солженицын называет пророческими...» «Отношение к сегодняшнему политическому режиму в России у нас с авторами „Из-под глыб“ вполне одинаковое», – оповещает Редлих, а дополнительно находит: «Тысячу раз прав Солженицын». В восторге от того, как пересказали косноязычные инструкции НТС авторы сборника (надо сказать, без особого литературного блеска, зато очень пространно), Редлих, закусив удила, выбалтывает: «Солженицын призывает нас к нравственной революции. И мы принимаем его призыв. Верно, начинать надо с самого себя (это энтээсовцы-то! – Н. Я.). Но не ради себя... В нашей стране за революцией нравственной неизбежна и революция политическая... Здесь нельзя остановиться на полпути, и если у России есть будущее, то будущее это в полном и окончательном одолении большевизма, а перестройка самих основ нашего социального бытия в том, что во всех словарях называется революцией».

Редлих наверняка, припомнив самые волнительные моменты своей службы в гестапо, требовал крови. Он с прямотой палача разъяснял, что означают на практике теоретические концепции «нравственной революции». «Мне боязно, что авторы „Из-под глыб“ не то что останавливаются на полпути, но, указав верный путь... все же приостанавливают тех, кто готов пойти по нему. Мир – великая ценность. Но „не мир Я пришел принести, но меч“, и, хоть „поднявший меч от меча и погибнет“, поднимали его и святые воины...

Духовное возрождение России нельзя оторвать от политического ее освобождения, нравственную революцию от государственного переворота». Думается, что Редлих сам поставил все точки над «и».

Эти откровения падают на март 1975 года. К этому времени в США набирала силу кампания по «расследованию» деятельности ЦРУ, за которой энтээсовцы наверняка следили с затаенным дыханием. Достойные покровители, а главное – источники финансирования, как им представлялось, попали в трудное положение. Не представлялось невероятным, что прижимистые американские законодатели могут заглянуть в бухгалтерские книги ЦРУ и урезать бесполезные расходы типа финансирования НТС. Конечно, до всего этого дело не дошло, но тогда кто знал!

Дабы предотвратить страшную угрозу, НТС буквально из кожи вылез, чтобы доказать свою полезность. Смотрите, мы вырастили Солженицына и иных, а следовательно, не зря получаем доллары. Но каковы бы ни были мотивы этих откровений, они существенны для анализа целей «творчества» писателя.

4

Против чего и кого стоит Солженицын, совершенно ясно. А за что же он выступает, какова, если можно так выразиться, его конструктивная программа, если вообще о ней можно

говорить? В развитии «нравственной Революции» он требует немедленного отказа от марксизма «раньше, а не позже».

Прием, подсказанный ЦРУ, пекущимся о «конце идеологии» и вполне в солженицынском духе – разоружайтесь по всем линиям, отказывайтесь от того, что составляет вашу силу. Но «пророк» и здесь неоригинален. Призыв к отказу от марксизма также перепев указаний ЦРУ и программных установок НТС. Он лютей противник социализма, всего того, что было создано советским народом под руководством Коммунистической партии с 1917 года.

Солженицын обнаруживает трогательное единство взглядов с НТС, когда речь заходит об идеальном обществе. Взахлеб описывая «новое» государство, он не жалеет красок. Обетованная земля окружена голубым и розовым сиянием. Но архитекторы из «Посева», конструируя на своих страницах будущее России, не забывают здесь же провозгласить: «Российские оппозиционеры и революционеры должны уже сейчас заявить о режиме в местах заключения новой России, которые несомненно будут». Компетентность энтээсовцев в этом отношении и их интерес к вопросу сомнений не вызывают – они были среди тюремщиков в гитлеровских лагерях массового уничтожения.

«Вехи» – главное пособие для устроителей нового мира. «Вехи» и сегодня кажутся нам как бы присланными из будущего», – восторгается Солженицын. Заглянем и мы в это пособие. Солженицын мечтает о том, чтобы там, где-то в ту-

манном завтра, были по крайней мере восстановлены благословенные, по его отсчету, порядки, существовавшие до 1917 года. В «Вехах» сказано буквально от лица его и ему подобных: «Каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, – бояться его мы должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами все ограждает нас от ярости народной». Нет никакого сомнения в том, куда намерен Солженицын и иже с ним, отталкиваясь от «Вех», направить острие классовой репрессии.

Но «Вехи» учили и другому – крайнему лицемерию в достижении целей буржуазии. Там фарисейски заявлялось: «Марксизм с его учением о классовой борьбе и государстве как организации классового господства был как бы завершением интеллигентского противогосударственного отщепенчества». Ошельмовав таким образом лучших представителей народа, поднявшихся на борьбу против самодержавия, авторы «Вех» предлагали российской интеллигенции принять в качестве символа веры идеологию буржуазии: «Нужно наконец признать, что „буржуазная“ наука и есть именно настоящая объективная наука, „субъективная“ же наука наших народников и „классовая“ наука наших марксистов имеют больше общего с особой формой веры, чем с наукой». Походя заметим, что напрасно на Западе в конце пятидесятых годов поднимали на щит Д. Белла и К^о как первооткрывателей «деидеологизации». Приоритет в создании этой тео-

рии принадлежит «Вехам».

Во имя счастья народа российские революционеры шли на виселицу, каторгу. В «Вехах» в выражениях, не вызывающих никакого сомнения, этот путь безоговорочно осуждался, а русская интеллигенция признавалась ущербной. Стране, стоявшей на пороге революции, где во имя ее совершались легендарные подвиги, противопоставлялся обывательский, мещанский Запад. «В этом коренное отличие нашей интеллигенции от западной, – вещали „Вехи“, – где забота о личном благополучии является общественной нормой, чем-то таким, что разумеется само собой... Эгоизм, самоутверждение – великая сила; именно она делает западную буржуазию могучим бессознательным оружием божьего дела на земле». Набивать карманы, жить за счет пота и крови своего ближнего, конечно, для господ буржуев дело божье. Понятное, кстати, и миллионеру Солженицыну.

Советский народ придерживался диаметрально противоположного мнения, когда в огне революции смел эту нечисть с лица земли. Теперь энтээсовцы и Солженицын мечтают восстановить их «царство божье» на земле, пигмеи вознамериваются забраться на шею исполину – великому народу великой страны. Но хотя они ориентируются на вехи, расставленные «Вехами» более полустолетия назад, нельзя сказать, чтобы эти господа ничему не научились. Царские тюрьмы и штыки, о которых они тоскуют, оказались непрочными. Солидаристы надеются накинуть не узду, а удавку на шею на-

рода. Единственно пригодной структурой государственного устройства для СССР солидаристы считают фашизм. Это не отсебятина и не случай похищения заглавной страницы из библии фашизма. Коль скоро они находятся на содержании ЦРУ, то идеи эти, конечно, разделяются, благословляются ведомством. Вспомним директиву СНБ 20/1, в которой трактовалось о будущем устройстве России без Советской власти.

А Солженицын? «Сегодня меньше, чем все минувшие столетия, – вещает он, – приличествует нам видеть в западной парламентской системе единственный выход для нашей страны... И Россия тоже много веков просуществовала под авторитарной властью нескольких форм – и тоже сохранила себя и свое здоровье...»

В каком бы направлении ни развивалась «творческая» мысль диссидентов, в конечном итоге они выходят к модели авторитаризма. Солженицын писал о Сахарове: «Интересно, что Сахаров, похваливая западную демократию... проговаривается о совсем другой мечте: „очень интеллигентное... мировое руководство“, „мировое правительство...“. Это уже совсем иной принцип – власти АВТОРИТАРНОЙ, которая могла бы оказаться либо дурной, либо отличной, но способы ее создания, принципы ее построения и функционирования немного общего могут иметь с современной демократией».

Солженицын – неутомимый пропагандист идей авторитаризма как универсально пригодных для всего человечества.

Горячечные идеи Солженицына, конечно, разделяет международная реакция, ибо он зовет покончить с советским строем. Но ведь он говорит не только это. В политический лексикон фашизма неизбежно входят поношения «плутократии», которая не способна ввести угодный фашистам порядок в дела человеческие. Фашисты – цепные псы монополистического капитализма, поносящие демократию. Гитлер утверждал, что воздвигает «третий рейх» на обломках веймарского свинарника, ибо буржуазная демократия в Германии обанкротилась. Гитлеровцы распинаялись в том, что фашистская диктатура венчает-де все развитие человечества и «новый порядок» не будет иметь конца. Третирование западной демократии занимало видное место во фразеологии всех без исключения фашистских режимов.

Солженицын прочно держит эстафету идеологов фашизма. Он настаивает: западный мир «почти перестает и существовать. Катастрофическое ослабление западного мира и всей западной цивилизации... Это главным образом результат исторического, психологического и нравственного кризиса всей той культуры и системы мировоззрения, которая зачалась в эпоху Возрождения и получила высшие формулировки у просветителей XVIII века».

Магистральная цель всех его литературных упражнений – попытка доказать, что будущее за авторитаризмом, фашизмом. К своей излюбленной цели он приспособливает толкуемые им вкривь и вкось в обоснование авторитаризма теории

«технократии». А чтобы донести их до массового сознания, облекает свои рассуждения в форму романа.

Но почему тогда на Западе Солженицын поднят на щит, ведь он носитель идей, чуждых значительной части правящих классов, скажем, в США? Разве трудно было разглядеть все это уже в те времена, когда Солженицын формально не выходил за рамки литературы, не писал еще политических статей, не выступал с речами пророка? Болгарский публицист Н. Павлов проницательно диагностировал суть этого феномена еще до появления солженицынских откровений «Из-под глыб».

«Империалистическая пропаганда, – писал Н. Павлов, – давно создала стереотип Солженицына как поборника „либерализации“ и прочих расхожих в буржуазно-демократических странах лозунгов. Идеюное содержание „Августа четырнадцатого“ начисто перечеркивает благостный стереотип. Отрицание политической деятельности, парламентаризма, а следовательно, атомизация общества, прельстительные речи насчет пригодности технократии к руководству – общее достояние, основы философии тоталитарных, фашистских режимов. Все сторонники изуверских фашистских доктрин в двадцатые годы в Италии, в тридцатые годы в Германии начинали с ликвидации в условиях капитализма партий за исключением своей собственной, а кончали физическим истреблением инакомыслящих...

Так-то при ближайшем рассмотрении и оказывается, что

сей необыкновенный светоч «либерализма», по клятвенным заверениям буржуазной пропаганды, на деле заурядный и неоригинальный носитель авторитарных идей. Дайте только власть людям, описанным и воспетым Солженицыным, и польются потоки крови. Автор много правее буржуазной демократии. Едва ли этого на Западе не видят те, кто поднимает на щит Солженицына, и, конечно, он непригоден для использования там. Отсюда поразительная однобокость в рецензиях на книгу в западной печати, эта ее сторона начисто игнорируется. Его упорно поддерживают по понятной причине – почему бы международной буржуазии, использующей в борьбе против мирового революционного процесса диктаторские режимы, не приставить к делу еще и идеолога, пусть исповедующего тоталитаризм! Ведь он обладает прекрасными верительными грамотами – зоологически ненавидит Советский Союз²⁰⁶.

Когда «пророка» объявился на Западе, то, по свидетельству американского журнала „Ньюсуик“, президент США Никсон с некоторым удивлением заметил членам кабинета:

– А ведь Солженицын-то правее Барри Голдуотера! Государственный секретарь Киссинджер, по основной профессии историк, уточнил:

– Нет, господин президент. Он правее царей.

Если так, рассудили в Белом доме, то западным профессионалам-идеологам сентенции Солженицына доставили

²⁰⁶ Отецествен фронт», 1974, 11 июня.

неописуемое огорчение. Поучительный пример дал тот же «Ньюсуик». Сколько слез годами проливал журнал, скорбя по поводу судьбы Солженицына в СССР, и вот на тебе, встречи лицом к лицу с ним закаленные редакторы не выдержали и поперхнулись. Слов не хватает, чтобы описать их затруднительное положение, а поэтому пусть они сами скажут о своих тревогах и заботах:

«Прибытие Александра Солженицына поставит в затруднительное положение интеллектуалов... Для большинства на Западе дело было достаточно ясно: Александр Солженицын идеологически и по своим настроениям был-де одним из них, сторонником свободы и демократии, а высылка его на Запад, в сущности, награда, и он желанный гость. Убеждение в этом продержалось недолго. Из потока слов предстал иной Солженицын, куда менее опрятный и приемлемый, чем считали раньше... крайний сторонник авторитаризма и не верящий в демократию...

Солженицын смягчил многие свои антидемократические заявления... но все же неясно – какой же вариант отражает его подлинные чувства. Надуется ли Запад из-за того, что один из его ведущих идеологических героев на деле оказался аполитичным дураком – святошей, покажет будущее»²⁰⁷.

Поэтому, высоко ценя антикоммунистические воззрения Солженицына, западные газетчики все же попросили его разъяснить личное отношение к Западу. Он выжал из себя:

²⁰⁷ «Newsweek», March 18, 1974, p. 43.

«Я только хочу поправить, чтобы не было неверных представлений: я не против демократии вообще...» Немножко подучился. Как хамелеон на полосатом пледе, окрасился в приличествующие цвета.

«Образование» его в этом направлении пошло гигантскими шагами. Не то чтобы Солженицын усмотрел где-то спасительный свет. Скорее он вплотную столкнулся с волей хозяев. Очень скоро он продемонстрировал глубокую справедливость старой истины – кто платит, тот заказывает музыку. Пришел он к этому выводу, конечно, не столько сам, сколько на помочах все того же ЦРУ, взявшегося через НТС наставлять Солженицына в мудрости, как жить на Западе. НТС постарался укоротить длину языка Солженицына, естественно, только в одном отношении, чтобы он никоим образом не поранил бы ненароком священной коровы «демократии». Вот как оно получается; когда нужно, фашиствующие энтээсовцы рядятся в тогу «демократии». Коль предписано сменить идеологическую форму одежды, то и Солженицын одевается по погоде, определенной энтээсовскими синоптиками.

Тот, кто вчера еще бил себя в грудь, вопил о железной последовательности своих убеждений, перестроился буквально на глазах. В речи в Нью-Йорке 9 июля 1975 года он льстиво говорил: «На руководство вашей страны, которая откроет третье столетие своего существования, может быть, ляжет тяжесть, которой еще не было во всей американской истории. Вашим руководителям этого уже близкого времени по-

надобятся глубокая интуиция, духовное предвидение, высокие качества ума и души. Пошли вам бог, чтобы в те минуты вас возглавили такие же великие характеры, как те, которые создали вашу страну».

Аплодисменты, конечно. А почему бы американцам, да и не им одним, не помянуть добрым словом Вашингтона, Джефферсона и других «отцов-основателей» США, достойных людей своего века? Только Солженицын потревожил тени великих не для того, чтобы воздать им должное. «Люди, создавшие ваше государство, – нравоучительно изрек Солженицын, а ему уж доподлинно известны их думы, – никогда не упускали из рук нравственного компаса... И свою практическую политику они сверяли с этим нравственным компасом... Руководители, создавшие вашу страну, никогда не говорили: пусть рядом царит рабство, ладно, а мы вступим с ним в разрядку, лишь бы оно не распространилось на нас».

Рабство во времена, о которых он говорил, было закреплено американской конституцией и царило не «рядом», в самих Соединенных Штатах. Вашингтон, Джефферсон, Мэдисон были крупными рабовладельцами и не видели в этом ничего зазорного. Отнесем это 8за счет хотя бы малограмотности писателя в области истории. Но дело не в этом. Он силится вырвать «отцов-основателей» из рамок своего времени и своего класса и превратить их в солдат «холодной войны». Если и учили чему-нибудь своих сограждан «отцы-основатели», и прежде всего Вашингтон, в канонизированном

«Прощальном обращении к стране», то именно смертельной опасности подмены идеологическими соображениями практической политики. В чем и суть классического духовного наследия «отцов-основателей» США. Другое дело, как обращаются с ним правые экстремисты в США, к которым прикнул Солженицын.

Ему хотелось бы начертать на знаменах пресловутой «нравственной революции», глобального антикоммунистического похода, еще имена Вашингтона и Джефферсона!

5

Первую годовщину своего выдворения из Советского Союза Солженицын ознаменовал выпуском в Париже книги мемуарного жанра «Бодался теленок с дубом. Очерки литературной жизни». С ее страниц предстает отталкивающий образ Солженицына – лицемера и ханжи. Отчего саморазоблачение? Его можно должным образом понять, только «вписав» его в тактику «психологической войны». Уже говорилось о необыкновенных откровениях Редлиха весной 1975 года. В то же время появился и солженицынский «Теленок». Совпадение не случайное. Теперь и ЦРУ спешит с новым большим отчетом о работе своего литературного подрядчика. Читайте, смотрите, вот наши достижения, вот как мы ведем «психологическую войну»!

Без преувеличения можно сказать, что эта книга отража-

ет видение советской действительности глазами ЦРУ. В директивном документе ЦРУ-НТС, оценивавшем обстановку в СССР на рубеже шестидесятых и семидесятых годов, говорится о якобы существующем «подполье верхнего этажа» и «подполье нижнего этажа». «Пуповина, связывающая эти два „подполья“, – группы и фигуры, вышедшие на поверхность и ставшие известными стране... так... для „нижнего“ характерна фигура Солженицына...»; „Набивая себе цену в глазах ЦРУ, он с величайшим бахвальством рассказывает, как пытался соорудить антисоветское подполье: «С кем-то знакомство, через него другое, там – условная фраза в письме или при явке, там – кличка, там – цепочка из нескольких человек – просыпаешься однажды утром: батюшки, да ведь я давно подпольщик!»

В порядке отчета и поучения единомышленников он подробно описывает свою тактику при попытках протащить антисоветские пасквили в советскую же печать. С сокрушением сердца он убедился, что использовать средства массовой информации Советского государства для спекуляций по поводу культа личности не удастся. Лагерная тема утрачивала полезность как средство подрывной работы. Значит, нужно, и не мешкая, менять тактику. Печатать сочинения на эту тему на Западе.

Шло лето 1968 года. Закончен «Архипелаг Гулаг», по замыслу Солженицына, самое грозное оружие против Советского Союза. То был отнюдь не плод единоличного твор-

чества, а обобщение усилий как государственных ведомств США, так и индивидуальных антикоммунистов. Как название, так и тематика подготовлены соответствующими изысканиями. В 1946 – 1950 годах госдепартамент и АФТ составили карту ГУЛага, которую в 1951 году издали массовым тиражом. В сентябре 1954 года госдепартамент издал официальный отчет «о принудительном труде» в СССР. На долю Солженицына оставалось обобщить все эти материалы и поставить на них свое имя, то есть персонифицировать их в интересах ведущейся ЦРУ «психологической войны».

Зададимся одним вопросом: если уже в 1968 году было изготовлено это «оружие», по мнению Солженицына, да и наверняка ЦРУ, страшной, пробивной силы, то почему публикация на Западе состоялась более чем через пять лет? 2 июня 1968 года, пишет Солженицын, «Архипелаг» закончен, отснята пленка, свернута в капсулу... Отправление будет авантюрное, с большим риском... Неудачные случайности, затрудняющие отправку... узналось об удаче. Свобода! Легкость! – почти как юмор, летним пухлым, но не грозным облаком прошла большая против меня статья «Литературки» (26.6.68). Я быстро проглядываю ее, ища чувствительных ударов – и не находил ни одного! Никто не углядел моего уязвимого места: что против печатанья «Круга» («В круге первом». – **Н. Я.**) – я ведь не возразил, не протестовал – почему?... Не тот борец, кто поборол, а тот, кто вывернулся».

Напрасно Солженицын кривляется и поносит всех. Тогда

к нему относились как к начинающему, спотыкающемуся, но все же литератору. Кто мог быть посвящен в его тайные дела! С ним спорили, не соглашались, но делали это в рамках нормальных взаимоотношений порядочных людей. Да, мудро было рассмотреть под маской «страдальца» человека с уголовной психологией. Солженицын прекрасно понимал это и всеми силами старался подольше носить эту маску. «Значение подполья, – поучает НТС, – не в его количественном размере, а в его политическом качестве». Отсюда вытекает «признание допустимости, а зачастую необходимости маскировки». Выход «Архипелага» тогда означал бы, что маска сорвана, а у Солженицына были новые обширные планы.

Иные склонны были считать, что Солженицыну покоя не дает лагерная тема, а он думал совершенно о другом. 1968 год для него был определенным рубежом: «Я как раз перешел тогда через пятьдесят лет, и это совпало с чертой в моей работе: я уже не писал о лагерях, окончил и все остальное, мне предстояла совсем новая огромная работа – роман о 17-м годе (как я думал сперва, лет на десять)». Это «главная» работа, по сравнению с ней все написанное – так, мелочь, для получения известности, пусть скандальной.

Нехватку литературных произведений, какие бы они ни были, ЦРУ и Солженицын решают компенсировать получением Нобелевской премии. На страницах книги он повторяет то, что твердил тогда ежедневно в своем кругу и что

немедленно доходило до ЦРУ: «Мне эту премию надо! Как ступень в позиции, в битве! И чем раньше получу, тем тверже стану, тем крепче ударю!... Дотянуть до нобелевской трибуны и грянуть!» Причем в бесконечных беседах с радетелями с Запада он устанавливает и срок искомой премии: «Для меня 70-й год был последний год, когда Нобелевская премия еще нужна была мне, еще могла мне помочь. Дальше уже – я начал бы битву без нее». Почему именно год 1970-й? А потому, что на 1971 год падает выход «Августа четырнадцатого» – первого тома задуманного им романа. Следовательно, опубликоваться надо было уже в ореоле нобелевского лауреата.

И кто бы мог подумать? В 1970 году Солженицын получил Нобелевскую премию по совокупности опубликованных к тому времени произведений. Поразительно! Чудо из чудес, недоступное человеческому разумению. Да, цело обстоит только так и не иначе, объясняет Солженицын, «только теперь, нет, только сегодня я понимаю, как удивительно вел бог эту задачу к выполнению». Если так, тогда какие могут быть вопросы – претензии только к исключительно высшим силам, сделавшим шведских господ своим орудием. Припомним еще и ЦРУ...

Итак, по горячим следам за премией грянул «Август четырнадцатого», который далеко не оправдал надежд сочинителя. Он прояснил его кредо – антипатриотизм, авторитаризм и прочее. Когда появились негодующие рецензии и

отрицательные отзывы, Солженицын не мог не заключить: «Уже с „Августа“ начинается процесс раскола моих читателей, потери сторонников, а со мной остается меньше, чем уходит. В первых вещах я маскировался... Следующими шагами мне неизбежно себя открывать». Нобелевская премия не смогла ввести в заблуждение честных людей. Вылазка с «Августом четырнадцатого» провалилась.

Они, сочинитель и покровители, перепугались, что это повлечет последствия для распоясавшегося антисоветчика, посему аккредитованные в Москве корреспонденты «Нью-Йорк Таймс» Г. Смит и «Вашингтон пост» Р. Кайзер встретились с Солженицыным, дабы взять у него интервью. Встречу обставили в ужасающе конспиративном духе – надо было показать не меньше как всему миру, что увидеть сочинителя иностранцам – «подвиг». Идиотизм всего последовавшего можно передать разве словами одного из «героев» тайной беседы – Р. Кайзера. В своей книге, впервые вышедшей в США в 1976 году, Кайзер с убийственной серьезностью открылся:

«В то время дело представлялось опасным и вызывало немало опасений. Мы не знали, что нас ожидает высылка казалась вполне возможной и что ожидает Солженицына. Вот как я записал все это три года назад, слегка отредактировав спустя три года.

Нам сказали взять с собой магнитофоны и фотоаппараты, чтобы запечатлеть интервью и Солженицына с семьей

для потомства. Нас предупредили: идти, не привлекая внимания. Я завернул магнитофон и фотоаппарат в старые номера «Правды» и сунул в авоську, какие русские обычно носят в кармане. Я надел джинсы и потертую рыжую куртку, которые обычны среди московских студентов, и вышел из квартиры в десять утра.

Сначала я отправился в американское посольство сообщить о своих намерениях консулу. Об этих мерах предосторожности мы договорились заранее. Если мы не дадим знать о себе к семи вечера (сообщил я консулу в записке, которую передал ему через стол), он должен обратиться с официальным запросом. Мы оба находились в Москве только семь месяцев и все еще не были уверены в нашем статусе. Мы принимали эти меры предосторожности, зная, что никогда не простим себе, если что-нибудь произойдет. Нужны или полезны они были – открытый вопрос. Из посольства я направился в магазин, где запасся двумя булками. Затем, как было договорено, я поехал, меняя автобусы, чтобы выяснить, нет ли за мной слежки. Ничего подозрительного.

Я встретился с Риком (Смитом) на углу у дома Солженицына на улице Горького, и мы подошли в подъезд. Тут мы увидели милиционера, стоявшего у входа... Мы выскочили из двора, обошли квартал и через пять минут подошли к подъезду с другой стороны... Милиционер ушел. Вошли в подъезд, перед нами дверь квартиры Солженицына. Но тут у лифта стояла женщина. Мы немного подождали, пока она

вошла в лифт. Тогда мы позвонили. Загремел засов, и слегка открылась дверь на цепочке. За ней растрепанная борода. Он внимательно осмотрел нас и впустил. Он волновался не меньше нас, и потому нам пришлось представляться дважды...

В квартире были задернуты шторы... Он вручил нам пачку бумаг, оказавшихся «Интервью с „Нью-Йорк таймс“ и „Вашингтон пост“... Мы поняли, что его не интересуют наши вопросы. Он намеревался сам провести интервью с собой. Рик разнервничался. Он всегда опасался, что мы попадем в ловушку – будем делать то, что нужно Солженицыну, а не нам».

С некоторым трудом пронырливые журналисты убедили Солженицына принять их правила игры. Последовала четырехчасовая беседа, во время которой все трусили изрядно. Дело было сделано. Смит и Кайзер вышли, уселись в машину, которую жена одного из них подогнала и оставила поблизости. Скорее от опасного места! Но при развороте – резкий удар – в машину врезалось такси...

«Я услышал крик Рика: „Хватай все и беги, беги, беги!“ Об этом же подумал и я, и, схватив наше оборудование, бесценный единственный экземпляр интервью, я ринулся из машины, прыгнул в троллейбус и был таков!» – завершает Кайзер описание памятного дня. Очень скоро журналисты выяснили, что авария отнюдь не была «подстроена»²⁰⁸.

²⁰⁸ R. Kaiser. *Russia: The People and the Power*. London, 1977, p. 397.

Вот так организовывались контакты Солженицына с представителями «свободного» мира. Последние прекрасно понимали, что злоупотребляют своим официальным положением, определенно занимаются отнюдь не похвальным делом. Впрочем, каждому свое. Мелкотравчатые газетчики выполняли посильные задания, а серьезные люди в Вашингтоне делали то, что по плечу только им.

ЦРУ бросает в бой стратегический резерв. На рубеже 1973 – 1974 годов на Западе печатается «Архипелаг». ЦРУ затевает оглушительную пропагандистскую кампанию.

Книга не имеет ни малейшего отношения к литературе, это очередной ход в «психологической войне». Солженицын с головой окунается в политику самого дурного пошиба, действуя как опытный провокатор. Опьяненный Нобелевской премией, он вознесся: «Вот когда я могу как бы на равных поговорить с правительством. Ничего тут зазорного нет: я приобрел позицию силы – и поговорю с нее. Ничего не уступлю сам, но предложу уступить им».

С неописуемой заносчивостью он выдвигает различные требования в трескучих заявлениях, печатающихся на Западе и передающихся по радио на русском языке в Советский Союз. Теперь он с гордостью признается, что давно налазил тесные контакты с «радиоголосами» на Западе. Что бы ни передавал им Солженицын, моментально включалось в радиопередачи на СССР.

Он из кожи лезет, чтобы мобилизовать, поднять Запад на

антисоветскую кампанию. Неотступная мысль «у меня: как Запад сотряхнуть». Любыми путями подрывать Советский Союз изнутри, а тем временем антисоветская кампания будет набирать силу. Покончить с таким положением, когда «Запад перед ними едва ли не на коленях». Поток инсинуаций и клеветы Солженицына был поддержан реакционными органами печати и радио. Солженицын самодовольно подводил итоги: «Еще не успели высохнуть мои интервью и статья с горькими упреками Западу за слабость и бесчувственность, а уже и старели: Запад разволновался, расколыхался невиданно». Он даже находит, что развернувшаяся кампания по силе «была неожиданной для всех – и для самого Запада, давно не проявлявшего такой массовой настойчивости против страны коммунизма». Насчет «массовой» он, конечно, преувеличил, но действительно в дело были употреблены немалые пропагандистские и финансовые возможности, которыми располагают ЦРУ и другие западные спецслужбы.

Действия Солженицына имели своим логическим результатом то, что он был выдворен из пределов Советского Союза к тем, кто содержит его.

6

Солженицын погнал строки, торопил книги – втянуть без промедления Запад в острейшую конфронтацию с Советским Союзом, толкнуть его, и немедленно, на крестовый, поход

против коммунизма. «Господи! – восклицает он, оглядываясь на прошлое. – Сколько же вы упустили! Почему вели себя не так в годы второй мировой войны?»»

Новые и новые упреки в адрес гитлеровской Германии. В третьем томе «Архипелага Гулаг», вышедшем в 1975 году, эта тема, уже проходившая по прежним писаниям сочинителя, достигает истерического накала. «И если бы пришельцы не были так безнадежно тупы и чванны, – сокрушается Солженицын, – ... вряд ли нам пришлось праздновать двадцатипятилетие российского коммунизма». Иными словами, к 1942 году гитлеровская Германия победила бы СССР. Солженицын не добавляет очевидного – если бы в том славном и трагическом году, 1942-м, Красная Армия ценой бесчисленных жертв не удержала бы фронт, то сейчас некому было бы читать его пасквили, да едва ли и он сам мог держать в руке перо. При фашистском «новом порядке» ушло бы через трубы крематориев все грамотное человечество за исключением «расы господ» и обращенных в рабство. Г-н Солженицын едва ли был бы допущен даже в «фольксдойче».

В горячем воображении, смешав все и вся, он кликушествует: «Населению СССР до 1941 года, естественно, рисовалось: приход иностранной армии – значит свержение коммунистического режима, никакого другого смысла для нас не могло быть в таком приходе. Ждали политической программы, освобождающей от большевизма». Смысл предельно ясен: вам бы, западным демократиям, объединиться

с нацистами в едином походе против СССР, к удовольствию г-на Солженицына.

Солженицын призвал Запад принять позицию Катона – Советский Союз должен быть разрушен, а коль скоро разрядка противоречит этому намерению, ее нужно предать анафеме. Он самоуверенно объявил, что начиная с Великой Октябрьской социалистической революции Запад, и в первую очередь Соединенные Штаты, делал бесконечные ошибки, мирился с существованием Советского Союза вместо того, чтобы вооруженной рукой разгромить коммунизм. «Отказ поддержать царя, признание СССР в 1933 году, сотрудничество в войне против немцев, – сказал Солженицын в речи в отеле „Хилтон“ в Вашингтоне 30 июня 1975 года –... были безнравственными сделками» с коммунизмом.

Он не погнушался потревожить прах Ф. Рузвельта и У. Черчилля, чтобы охаять западных руководителей антигитлеровской коалиции за их политику сотрудничества с СССР, которая, как известно, была продиктована государственными интересами США и Англии. По его мнению, в их политике в годы второй мировой войны выступала «разитель-но очевидно их систематическая близорукость и даже глупость», проявившаяся в сотрудничестве с СССР, что особенно непростительно для США, уже имевших «на руках атомную бомбу». Вспоминая о второй половине сороковых годов, Солженицын признается, что со своими единомышленниками «мы высмеивали Черчилля и Рузвельта».

За что? Да за то, объясняет Солженицын – Смердяков, что они считались с Россией. И напрасно – «эта война вообще нам открыла, что хуже всего на земле быть русским». Так заявлено в первом томе «Архипелага», а во втором последовало уточнение: «Нет на свете нации более презренной, более покинутой, более чуждой и ненужной, чем русская». И это о нации, которой мир обязан Великим Октябрем и победным 1945 годом!

В марте 1976 года он поучал английских телезрителей при любезном содействии Би-би-си: «В пятидесятые годы, после окончания войны, мое поколение буквально молилось на Запад, как на солнце свободы, крепость духа, нашу надежду, нашего союзника. Мы все думали, что нам будет трудно освободиться, но Запад поможет нам восстать из рабствам²⁰⁹. Столь широковещательное заявление нуждается в уточнениях, кому это «нам» и что понимать под «поколением»? Их можно найти в третьем томе «Архипелага Гулаг»: «Как поколение Романа Роллана было в молодости угнетено постоянным ожиданием войны, так наше арестантское поколение было угнетено ее отсутствием?». В то время «больше всего, конечно, волновали» недавних прислужников гитлеровцев и военных преступников за решеткой «сообщения из Кореи... Эти солдаты ООН особенно нас воодушевляли: что за знамя! – кого оно не объединит? Прообраз будущего всечеловечества!». А посему, ободренные тем, что экстреми-

²⁰⁹ «The Listener», March 1976, p. 261.

стам представлялось началом третьей мировой войны, эти подонки завывали из-за решетки: «Подождите, гады! Будет на вас Трумэн! Бросят вам атомную бомбу на голову!»

В том, что предатели, не довоевавшие вместе с нацистами, придерживались описанной точки зрения, да и стоят на ней по сей день, сомнений нет. НТС и Солженицын тому блистательный пример. Все они зовут к новому нашествию на СССР. Не кто другой, как тогдашний государственный секретарь США Киссинджер, лаконично определил суть солженицынских многословных призывов: «Если бы его взгляды стали национальной политикой Соединенных Штатов, то мы бы встали перед значительной угрозой военного конфликта»²¹⁰. А вот что написал в «Вашингтон пост» Д. Крафт: «Для него (Солженицына) коммунизм – само воплощение зла... С этой точки зрения любые контакты между западным и коммунистическим миром зло... Но применение узколичной морали к международным отношениям не дает хорошей политики... Коль скоро взгляды Солженицына столь незначительно связаны с американской действительностью, восхваление его пребывания в стране звучит несколько зловеще»²¹¹. Некоторые советники президента Форда предупредили Белый дом: Солженицын «явно умственно неуравновешен».

Весной 1976 года была организована серия выступлений

²¹⁰ «The New York Times», July 11, 1975.

²¹¹ «The Washington Post», July 3, 1975.

сочинителя во Франции, Англии, Испании. Выступления в привычном антикоммунистическом репертуаре можно было уверенно предсказать еще до появления его неопрятной бороды на телеэкранах. Поразило другое – время выступлений. Во Франции – между двумя турами кантональных выборов, в Испании – одновременно с конференцией крайне реакционной организации – ветеранов гражданской войны ²¹². Как заметил популярный испанский журнал «Бланке и негро», речи Солженицына «вызвали раздражение крайне левых и радость и ликование правых» ²¹³. Оно и понятно – почувствовав себя на коне (нужен!), Солженицын нагородил вздор фашистского толка.

Основной его тезис наиболее ярко прозвучал, пожалуй, в выступлении на французском телевидении 9 марта 1976 года. «Нынешнее положение Запада, – сказал он, – это не только политический, но и духовный кризис, которому, возможно, 300 лет. Этот кризис происходит оттого, что со средних веков мы бросились в материю, мы захотели иметь много вещей, мы хотели жить ради телесного, а моральные задачи мы забыли». Если оставить в стороне религиозно-мистические разглагольствования, суть дела предельно ясна – по Солженицыну, начиная, видимо, с английской революции, мир сбился с правильного пути. Изрек. И пошел дальше своих духовных предшественников. Напомним: «Мы выступа-

²¹² «Tele/express», 22.3.1976.

²¹³ «Blanco y Negro», 27.3.1976.

ем в роли антитезы по отношению ко всему кругу идей 1789 года» – Бенито Муссолини. «1789 год будет вычеркнут из истории» – доктор Геббельс. Нужно ли напоминать, как Муссолини и Геббельс были вычеркнуты из истории? Вероятно, бесполезный пример для их идеологического фашиствующего последыша.

Он надеялся, что его слова встретят благожелательный прием в Испании. Для этого Солженицын и восхвалил франкизм, который-де принес испанцам «абсолютную свободу». Гордый народ придерживается иного мнения. Журнал «Камбио 16» заметил: «Выступление Солженицына было рассчитано на слабоумных». Один из умеренных лидеров Испании сказал: «Мы должны сейчас задать себе вопрос, не страдает ли этот писатель серьезной психической болезнью, которая нарушила его способности политически правильно мыслить и дала возможность правым экстремистам использовать его личность как орудие для нападков на дело социальной демократии, прав человека и свободы рабочих».

Апокалиптические разглагольствования Солженицына, его параноидные призывы, вне всякого сомнения, надоели многим европейцам. Узрев собственными глазами «пророка» в действии, некоторые не могли скрыть своих переживаний и поторопились поделиться ими с газетами. Одно из писем, помещенное в английской «Таймс», свидетельствует о том, что солженицынский «блиц» против Британских островов не лишил англичан чувства юмора. Некий К. Тайнан

написал:

«Ну, сэр, теперь, когда Британия сурово поставлена в угол Александром Солженицыным, многие из ваших читателей могут подумать, что писатель в изгнании считает дело всего западного мира погибшим. Счастлив заверить Вас, что это не так. Г-н Солженицын усмотрел по крайней мере один маяк надежды в окружающем мраке. В течение недавнего 48-минутного интервью по испанскому телевидению он с энтузиазмом отозвался о победе Франко в гражданской войне как победе „концепции христианства“. Он затем поздравил испанский народ, среди которого провел целых восемь дней, с тем, что испанцы, по его словам, пользуются „абсолютной свободой“. Поэтому мы можем со спокойной совестью обозвать большевистскими экстремистами тех граждан Испании, первым побуждением которых после этих слов было чистосердечное желание плюнуть прямо в глаза великому моралисту. Искренне ваш, Кеннет Тайнан»²¹⁴.

Европейское турне 1976 года выявило явную непригодность Солженицына для текущей политики. ЦРУ пока списало «пророка» в резерв. Выступления Солженицына становятся редкостью, проще говоря, ему заткнули рот, хотя поминали, и нередко, что живет-де на Западе «борец» с коммунизмом и пр. ЦРУ прибегло к хорошо известной тактике, традиционной в деятельности тамошних спецслужб. В свое время абвер и СС примерно так же обращались с ду-

²¹⁴ «The Times», April 8, 1976.

ховным предтечей Солженицына – Власовым. Его поставили на котловое довольствие вермахта, но практически запретили выступать, хотя геббельсовская пропаганда без устали использовала имя предателя. Конечно, времена разные – в нацистской Германии, шедшей к гибели, Власову обеспечили не бог весть какие условия. ЦРУ располагает куда большими материальными возможностями, посему «пророк» живет получше, но в глухой изоляции – вблизи деревни Кавендиш в штате Вермонт.

Корреспондент американской газеты, побывавший у дома Солженицына в 1977 году, подробно описал, где он помещен, однако статья была озаглавлена крайне двусмысленно: «Рай Солженицына: тюрьма собственного изобретения». Насчет «собственного» можно быть уверенным – сказано из кондового американского почитания ЦРУ. Надо думать, над устройством «тюрьмы» немало потрудились профессионалы ведомства. Журналист, естественно, не мог ничего узнать подробнее – в дом никого не пускают, но имел возможность обозреть внушительный забор из колючей проволоки, которым обнесен участок. Различного рода электронное оборудование «стережет» Солженицына от нежелательных посетителей. Жители Кавендиша немало посудачили насчет нового соседа, даже номер телефона которого не внесен в местный справочник. Некая домохозяйка, встретив Солженицына, поздоровалась с ним, назвав по имени. «Он так перепугался, видя, что его узнали», – рассказала она корреспонденту.

ту.

В июне 1978 года Солженицына во плоти представили в Гарвардском университете, где в числе 11 человек он получил почетную степень доктора наук. Он произнес речь, повторение того, что уже говорил по прибытии на Запад, скорректированное цензорами ЦРУ. Но, видимо, в ораторском угаре добавил кое-что от себя в плане упреков Западу – недостаточно, мол, решимости в борьбе против коммунизма. Это, вероятно, было бы приемлемо, но вот объяснение показалось обидным. Солженицын разъяснил: «Западный мир потерял общественное мужество... Все власти западных стран резко ослабли». Они, эти самые «власти», отчитали зарпортованного оратора.

Энтээсовский «Посев», с большим запозданием опубликовавший речь Солженицына, вздохнул: «Теперь в Америке обнаружен новый, источник беспокойства – Солженицын». Так же «Нью-Йорк таймс» назвала его «одержимым, страдающим маниакальными идеями и мессианским комплексом». Напомнив о «Вехах», журнал настаивал, что Солженицына не так поняли – он не хотел обижать власть предрержащих, а имел в виду другое: «Веховцы, исходя из анализа главных тенденций культуры нового времени, предсказали русскую революцию и все ее последствия. Ныне Солженицын переадресует эти пророчества – ведь обстановка западной жизни позволяет это делать, она *до деталей* схожа с предреволюционной русской».

Объяснения эти адресованы ничтожной части эмиграции. Совершенно другой вес имеет «Нью-Йорк Таймс».

Когда с начала 1980 года резко усилилась антисоветская кампания на Западе, прорезался и Солженицын. Американский журнал «Форин афферс» в апреле 1980 года вдруг предоставил ему свои страницы для очередной исступленной антикоммунистической проповеди. Она полностью соответствует стратегии ЦРУ – упорных попыток подрыва нашей страны изнутри. Он настаивает, что «Запад, даже до конца единый, может возобладать, только объединившись» с противниками социализма внутри стран социалистического лагеря. Немедленно «прекратить верить в разрядку», ибо «сосуществовать с коммунизмом на одной планете невозможно»²¹⁵. Не бог весть какое подспорье в антисоветской кампании, но все же! Появление Солженицына в большой печати Запада ясно показывает – империализм собрал все резервы, дабы попытаться вновь ввергнуть мир в «холодную войну». Рейган шел к власти.

7

Но все же люди типа Солженицына в основном нужны для ведения «психологической войны», пока они находятся в пределах Советского Союза. Оказавшись на Западе, они быстро видят – им разрешаются только такие действия, кото-

²¹⁵ «Foreign Affairs», April 1980, pp. 833, 834, 797.

рые определены спецслужбами. Никакой отсебятины. Нужны только их имена и скандальная известность. Отщепенцы, попадающие на Запад из СССР, ощущают это на собственной шкуре.

Взять матерого преступника Буковского. О его судьбе западные средства массовой пропаганды сочиняли самые поразительные небылицы. В изображении их он находился на последнем издыхании. Но вот «мученик» предстал на Западе живым, здоровым, да и весьма бойким. Он произносил речи, давал интервью, развил кипучую деятельность под силу очень здоровому человеку и даже удостоился приема в Белом доме в феврале 1977 года. Его восхваляли – как же, уголовник выливал потоки грязи на Советский Союз.

Сообщая об этой приятной во всех отношениях для НТС деятельности, «Посев» восклицал: «Надо надеяться, что западные политики и общественные деятели в своих отношениях с Советским Союзом почерпнут кое-что из опыта В. Буковского». Озаренный «славой» антисоветчика, уголовник, как и надлежит профессиональному преступнику, был настороже: «Когда Буковского попросили сказать, какую позицию по отношению к Советскому Союзу должен был бы занять Запад, он повторил, что ни давать советов, ни навязывать своего мнения не может».

Он недолго удержался на этой позиции и, возомня себя стратегом, полез с советами. Для хозяина – ЦРУ дело смешное и нетерпимое: марионетка вознамерилась давать руково-

дящие указания тем, кто дергает за веревочки. Итог: на антисоветском сборище в Париже в сентябре 1977 года Буковский жаловался: «Когда я оказался в госдепартаменте США, я вдруг обнаружил, что человек, который отвечает за всю восточную политику... такой толстый, очень важный и смотрел на меня как на букашку, которая ползет поперек пути. И он знал лучше меня, что нужно Америке и что нужно Советскому Союзу. Я ничего не мог ему доказать». В жалобах своих он, впрочем, был похвально осмотрителен: ссылаясь на госдепартамент, а не на тех, с кем много чаще имеет дело, – сотрудников ЦРУ.

В одном он совершенно прав – эти отщепенцы для ЦРУ не больше чем «букашки». Между представлением, которое создают о них западные средства массовой пропаганды по наущению спецслужб, и их подлинной значимостью в глазах тех же спецслужб громадная пропасть. В ЦРУ точно определили их стоимость и в случае нужды, без труда возьмут к ногтю любую «букашку», не потрафившую ЦРУ. Очень даже просто. Заплечных дел мастерам ЦРУ опыта не занимать. Во всяком случае в США тех, кто оказывается на пути ЦРУ, обдает леденящий смрад застенков ведомства, всегда готовых принять новые жертвы, которые в них исчезают без следа. Об этом знают сотрудничающие с ЦРУ для острастки, хотя, конечно, застенки созданы в первую очередь для классовых противников строя, существующего в США.

Еженедельная газета «Голос Родины», орган советского

общества по культурным связям с соотечественниками за рубежом, в сентябре 1978 года опубликовала статью советского юриста А. Трайнина «Разговор начистоту», к которой как раз разбирается практика бессудной расправы в США. А. Трайнин писал:

«Лиц, заподозренных в США в том, что они являются „агентурой“ иностранного государства, как правило, не доводят до суда, а убивают в застенках спецслужб, предварительно вырвав у них надлежащие „признания“. Или они гибнут, не сказав ни слова. Причем речь идет об американских гражданах, которые по официальной заокеанской риторике наделены всеми „правами человека“.

Списки замученных, имена которых так и не попали на страницы «свободной печати», вероятно, погребены в сверхсекретных архивах американских спецслужб. Но о страшной судьбе некоторых, бросивших вызов диктатуре железной пяты, мы знаем.

За примерами, причем новейшими, не нужно ходить далеко. Первая половина семидесятых годов ознаменовалась в США резкой критикой ЦРУ и «разведывательного сообщества» вообще. В критике этой было не только возмущение со стороны порядочных людей, но и озабоченность некоторых кругов тем, что спецслужбы малоэффективны. В ответ ЦРУ дало бортовой залп, выпустив книги своих работников, в которых превозносились «заслуги» ведомства, стоящего на страже интересов железной пяты. Среди таких хвалеб-

ных трудов книга бывшего крупного работника ЦРУ Майлса Копленда «Без плаща и кинжала. Правда о новой эпохе в шпионаже»²¹⁶.

Это отнюдь не агитка, а излияния профессионала.

Он заверил подлинных хозяев Америки, что дело защиты их классовых интересов в надежных руках. Копленд точно изложил, что ожидает того, кого считают политически опасным в США. «Если сотрудники (американских) органов госбезопасности убеждены, что подозреваемый виновен, у них нет иного выбора, как арестовать его и сделать все необходимое, чтобы добиться правды, даже если это означает уничтожение любой возможности впоследствии предать его суду. Если задержанный отказывается говорить, сотрудники госбезопасности уводят его в подвал и там, как выразился один мой хладнокровный друг по ЦРУ, „стремятся привести его в рассудок“. Центральное разведывательное управление „предпочитает, чтобы допрашиваемый „скончался от кори“, как остроловы ЦРУ именуют этот исход, а не был наказан в судебном порядке“. После допросов в застенках ЦРУ допрашиваемого приводят в такое состояние, что его нельзя показать в суде, и „его спокойно ликвидируют способами, ужас которых не поддается описанию“.

В качестве примера Копленд рассказывает об убийстве в 1964 году в застенках ЦРУ американского государственно-

²¹⁶ M. Copeland. Without cloak and dagger The Truth about the New Espionage, N. Y., 1974, pp. 26 – 28, 182, 186, 188, 257.

го служащего, зашифрованного им под псевдонимом Мики. Он был схвачен и умер «от сердечного приступа», именно когда следствие заканчивалось... «В его деле не обнаружено ничего выходящего из ряда вон», – докладывал руководитель следствия тогдашнему директору ЦРУ адмиралу Вильяму Рейборну... О деле «Мики» в прессе не сообщалось, ибо гласность не принесла бы никаких выгод».

Пресса ладно, но родные, семья! «Поскольку „Мики“ скончался, – замечает Копленд, – от „сердечного приступа“ (а в качестве причины смерти могла бы быть указана „корь“ или любая другая выбранная наугад болезнь), его коллеги и их семьи были столь же предупредительны и отзывчивы к его осиротевшей семье, как они отнеслись бы к семье любого другого покойного коллеги».

Лишь в редчайших случаях человек, прошедший ужасы застенков, выпускается на свободу доживать свои дни где-то в глухом месте под жестким надзором. Но только если это в «государственных интересах». И конечно же, в газетах ни слова»²¹⁷. США вообще давно далеко зашли в своей карательной политике, режим в американских тюрьмах всегда отличался крайним зверством. Еще в тридцатых годах XIX века француз А. Токвилль, книги которого о США считаются классическими, с ужасом записывал поучения зрителя нью-йоркских тюрем Э. Линдса: «Во время наших разговоров, длившихся часами, г-н Элам Линде постоянно воз-

²¹⁷ Разговор начистоту. М., 1979, с. 42 – 44.

вращался к одной теме – необходимо начинать с того, чтобы сломить дух заключенного»²¹⁸. Куда больше ста лет назад реформатор американских тюрем Ф. Грей настаивал: совершенно обязательно «сокрушать и уничтожать свирепым обращением» дух и волю заключенных²¹⁹. Так и «сокрушали», безмерно гордясь своим к нашим дням почти двухсотлетним опытом. Американская журналистка Д. Митфорд, выпустившая в 1975 году очень поучительное исследование о современных американских тюрьмах, подчеркивает: «Я обнаружила, что именно эту двойную цель, в сущности, и по сей день преследует как тюремная администрация, так и сонмы благонамеренных реформаторов, хотя они и не высказываются столь откровенно, как надзиратель Линде, и хотя с годами методы достижения этой цели сильно изменились»²²⁰.

Изменились прежде всего потому, что ЦРУ выдало надлежащие «научные рекомендации», в том числе по методам физического воздействия на заключенных. Об одном из результатов внушений ЦРУ тюремщикам свидетельствует петиция заключенных в американских тюрьмах, переданная в 1972 году в ООН. Несчастные указали, что в федеральной тюрьме Марион штата Иллинойс, например, введена про-

²¹⁸ A. Tocqueville. On the Penitentiary System in the United States and its Application in France, Philadelphia, 1833, Appendix A.

²¹⁹ R. Schwitzgelel. Limitations on the Coercive Treatment of Offenders, «Criminal Law Review», 1972, pp. 269 – 270.

²²⁰ Д. Митфорд. Тюремный бизнес. М., 1978, с. 51.

грамма «Асклепион». В петиции перечислены 24 метода физического и психического воздействия. Над США отнюдь не пронеслась буря возмущения, ответственного за введение этих методов М. Гродера всего-навсего пригласили в комитет конгресса, где он дал пространные объяснения, указав на великую пользу того, что в просторечии именуется пытками на почве великой «демократии». Американские исследователи вопроса А. Шефлин и Е. Оптон в 1978 году определили ее суть: «Изменение разума состоит в том, чтобы „разморозить“ прежние представления заключенного о себе (то есть свести их к нулю), „изменить“ его личность и „заморозить“ его новые представления в новой личности». Для этого «прибегают к крутым мерам физического воздействия»²²¹.

Карательная политика в США всегда носила и носит ярко выраженный классовый характер, острее ее направлено против тех, кто и без того находится в основании американской политической пирамиды. «Крутые меры» оказались особенно уместными с точки зрения власть предержащих в США именно в шестидесятые и начале семидесятых годов – время массовых выступлений против политики американского империализма в Юго-Восточной Азии... «И в этой связи, – замечает Д. Митфорд, – широкое распространение получил термин „политические заключенные“. Этот термин был введен самими узниками, осужденными за преступления, которые в обычном представлении не имели никакой связи с по-

²²¹ A. Schefflin and E. Opton. *The Mind Manipulators*, N. Y., 1978, pp. 98 – 100.

литикой. Они были убеждены, что являются жертвами классового или этнического подавления, что власти пользуются тюремным заключением как средством заставить их принять статус-кво нищеты, бесправия и несправедливости». В США ныне около 1,4 миллиона заключенных, 80 процентов из них принадлежит к 12 процентам трудоспособного населения, получающего минимальные доходы. Вот их и «перевоспитывают», чтобы они смирились со своим положением, безропотно принимали политическую систему, существующую в США.

Если так дела обстоят в тюрьмах общего типа, то происходящее в застенках ЦРУ – тайна за семью печатями.

Нужно было стечение чрезвычайных обстоятельств, чтобы о нравах, царящих в застенках ЦРУ, стало кое-что известно, именно далеко не полностью и под специфическим углом зрения. Заседания комитета палаты представителей, расследовавшего в конце семидесятых годов убийства Дж. Кеннеди и М. Кинга, вновь оживили интерес к деятельности ЦРУ. Перед комитетом прошли отставные работники ведомства, которые отвечали на ряд вопросов. Что касается убийства президента Дж. Кеннеди, то снова всплыло старое – пал Кеннеди жертвой заговора или нет и в любом случае какова роль во всем этом ЦРУ, ФБР, секретной службы и прочих. Почему по крайней мере они не могли уберечь президента? «Расследования» конгресса такого рода непременно кончатся тем, что ЦРУ выходит из них не только чистым, но и

как ведомство, постоянно пекущееся о «национальной безопасности» США. В подкрепление этого в процессе «расследования» ЦРУ предает огласке новые факты.

Так произошло и на этот раз. По осени 1978 года ЦРУ предъявило комитету палаты представителей доказательств своей бдительности и даже сверхбдительности. Речь шла о следующем. В начале 1964 года один советский работник, находившийся в заграничной командировке, изменил Родине и получил политическое убежище в США. Он сразу попал в руки тех, кто принимает предателей, – соответствующее подразделение ЦРУ. Там месяцами жестоко допрашивают любого ищущего убежища в благословенной «демократии» и, лишь удостоверившись в том, что предатель «выпотрошен», то есть передал все известное ему об СССР американской разведке, разрешают тому влачить жалкое существование на Западе, зачастую под чужой фамилией и неусыпным присмотром ЦРУ. Иные предатели во время этой процедуры бесследно исчезают, по тем или иным причинам их уничтожают, а о некоторых известно, что они почему-то покончили жизнь «самоубийством». Хотя, казалось бы, нашли, что искали – «свободу» на Западе.

По роду своей работы предатель представлял, за чем охотится ЦРУ, а посему поторопился выложить следователям то, что составляет государственную тайну. Но он, мелкий чиновник, знал плачевно мало, и «улов» для ЦРУ оказался незначительным, что сразу вызвало подозрения, которые бы-

ли неизбежны, ибо он, дабы продаться подороже, представил себя крупным работником. В ЦРУ пожали плечами – крупный работник должен знать больше. Стали еще придирчивее в допросах, а тот, дурак и в довершение всего пьяница, подерживая версию о своей невероятной значимости, вконец заврался. Помимо явных небылиц, предатель «открылся» – он-де лично знал детали пребывания Л. Освальда в СССР.

А шел 1964 год, работала комиссия под руководством председателя Верховного суда США Э. Уоррена, расследовавшая обстоятельства убийства президента Дж. Кеннеди. Внезапное «признание» предателя прозвучало как разорвавшаяся бомба для руководства американских спецслужб. Все они прекрасно знали о нем – решение о предоставлении политического убежища предателю было принято отнюдь не единолично ЦРУ, а «межведомственным комитетом по вопросам изменников». В него, помимо чинов из ЦРУ, входят представители государственного департамента, разведки министерства обороны, ФБР, военно-морской разведки, военной разведки, Агентства национальной безопасности. Комитет этот выносит решение по делам всех лиц, просящих убежища в США. 2 апреля 1964 года начальник оперативного управления ЦРУ Р. Хелмс подключил к делу и официальные американские юридические органы – он получил санкцию заместителя министра юстиции Н. Катценбаха, подтвержденную министром юстиции Р. Кеннеди, о заключении перебежчика в тайную тюрьму ЦРУ в нескольких километрах

от Вашингтона и применении к нему допросов «с пристрастием».

В официальных американских источниках дальнейшее рисуется так. Предателя, ожидавшего манны небесной от ЦРУ, вознаградили сполна: его бросили в одиночку без окон, стали применять самые изощренные методы физического воздействия, проще говоря, пытаться. Зверски избивали, вводили химические препараты, дабы добиться «правды», а чтобы нарушить биологические ритмы организма, попеременно на недели и месяцы превращали день в ночь обратно. Благо заключенный никак не мог определить время из-за отсутствия окон в застенке. Одели предателя соответственно – в солдатские обноски и держали на диете – каша неопишимо вкуса и гнилые макароны. И так более трех лет. Изменник, конечно, не вызывает никакого сочувствия. Дело не в нем, а в том, что на этом примере отчетливо видны методы американских спецслужб в отношении тех, кто даже ошибочно попадает в их лапы. Отвлекаясь от личности предателя, бесполезно в принципе поставить вопрос – в какой мере все это соответствует хваленой «законности» в США. К сожалению, приходится иллюстрировать на примере этого дела, ибо аналогичные дела, а их, несомненно, немало, просто никогда не становятся достоянием гласности.

Основанием для заточения этого человека и применения к нему описанных методов были необоснованные надежды добиться сенсационных показаний по делу об убийстве Дж.

Кеннеди. Министр юстиции Р. Кеннеди постоянно справлялся у ЦРУ, когда же наконец заключенный «расколется». За каждым обращением министра следовало усиление нажима на подследственного, проще говоря, пыток. Но тому не в чем было сознаваться. 24 июня 1964 года Р. Хелмс в глубокой тайне встретился с председателем Верховного суда Э. Уорреном. О чем точно говорил Хелмс с высшим служителем американской Фемиды, неизвестно, как и не рассекречен протокол заседания комиссии Уоррена, состоявшегося в этот же день. Как бы то ни было, в докладе комиссии Уоррена и в горе сопутствующих документов об обстоятельствах убийства президента Дж. Кеннеди об этом деле ни слова. 28 сентября 1964 года был опубликован известный доклад комиссии Уоррена, в котором также ничего не говорилось об этом деле. В Вашингтоне тогда объявили, что расследование убийства президента Дж. Кеннеди закончено ²²².

Вся эта история гласно всплыла только в сентябре 1978 года в комитете палаты представителей, разбиравшем обстоятельства убийства Дж. Кеннеди и М. Кинга. Как пишет английский журналист А. Саммерс: «Когда об этом необычном обращении (с X) стало известно в комитете по расследованию убийств в 1978 году, это вызвало негодование в конгрессе» ²²³. Почему именно? Указанный комитет палаты предста-

²²² E. Epstein. Legend: The Secret World of Lee Harvey Oswald. N. Y., 1978, pp. 14, 45, 258, 46 – 47.

²²³ A. Summers. Conspiracy. Who Killed President Kennedy? Glasgow 1980, p.

вителей дал ответ: «Как ЦРУ обращалось с X – его допросы и заточение практически уничтожили возможность использовать его как ценный источник информации»²²⁴. Вот, оказывается, о чем сожалели ревнители «законности», которые заседают в Капитолии.

Появилось немало откликов в западной печати. Заслуживает внимания комментарий малоизвестной французской газеты «ВСД», которая в октябре 1978 года заметила по поводу новейшего расследования дела на Капитолийском холме, что «начальник оперативного управления ЦРУ в то время Ричард Хелмс принял решение, имевшее громадное значение для хода расследования случившегося в Далласе. Он просто скинул со счетов свидетельство X. Теперь он оправдывается: „Конечно, то была моя ошибка...“

Тут последовало главное: Хелмс подтвердил, что получил санкцию заместителя министра юстиции Николаса Катценбаха подвергнуть X «допросу для врагов», то есть применить к нему крайние меры. Три года X сидел в бетонном мешке, на тощей диете, не имел ни с кем контактов, подвергался физическому воздействию, к нему применялись химические средства. Все, чтобы он «сломался». Странное обращение с человеком, искавшим убежища в Америке. Хелмс утверждает, что санкцию на это он получил от Катценбаха 2 апреля 1964 года. «Ничего подобного, – заявил Катценбах комите-

ту конгресса на прошлой неделе. – М-р Хелмс никогда не поднимал передо мною вопроса об X. Я никогда бы не дал ему такой санкции, которую, как он утверждает, получил у меня!»

Что же все это означает? Либо Катценбах страдает от провала памяти, либо Ричард Хелмс, уже получивший год условно (речь идет о штрафе в 2000 долларов, к которому Хелмс был присужден в 1977 году. – **Н. Я.**) за лжесвидетельство перед комитетом конгресса, теперь пытается скрыть тот факт, что принял решение в отношении X по собственной инициативе. Еще более впечатляющий факт: 24 июня 1964 года Хелмс в глубокой тайне встречался с председателем первой комиссии конгресса по расследованию убийства Кеннеди, судьей Уорреном. Во время встречи не было сделано никаких записей. Уоррен, должно быть, забыл об этом разговоре. Но что же нашептывал Хелмс в тот день на ухо Уоррену?»²²⁵

Французская газета, естественно, не могла решить вопрос, о котором шла речь выше, но очень уместно обратила внимание на то, как в США умеют замечать следы. Примечательно не только это, а то, что лица, которым в США вверено поддержание законности, считают своей обязанностью закрывать глаза на явное ее нарушение, когда на этом настаивают спецслужбы, в первую очередь ЦРУ.

Осталось досказать немного. Предателя продержали в

²²⁵ «Vendredi, Samedi, Dimanche», October, 1978.

застенках контрразведки ЦРУ до октября 1967 года, протоколы допросов его достигли почти 1000 страниц. Контрразведчики со временем стали от души советовать ему покончить с собой, а коль скоро он медлил, заговорили о необходимости ликвидировать неудобного свидетеля. До этого дело не дошло. К этому времени обнаружилось резкое разногласия между ЦРУ и ФБР, да и в других подразделениях ЦРУ стали скептически смотреть на происходившее – как бы не отбить охоту у предателей просить убежища в США, отчего пострадает оперативная работа ЦРУ. Результатом жаркой потасовки спецслужб было то, что мерзавец выжил, его не ликвидировали, как неизбежно случилось бы в другом случае. Осенью 1967 года его передали в ведение управления безопасности ЦРУ, где допрашивали еще с год, а затем «отпустили» – поселили под чужим именем в доме, купленном ЦРУ, назначили вспомоществование и приняли в американское гражданство. «В обмен он обещает не раскрывать, что произошло с ним в ЦРУ»²²⁶. На том бы дело и заглохло, если бы не новые внутриведомственные склоки, на этот раз в связи с Уотергейтом. У. Колби, назначенный директором ЦРУ, в интересах налаживания более эффективной работы разогнал руководство контрразведки ведомства, поставив ему в вину, помимо прочего, растрату сил и средств на бессмысленную затею (хотя с первого взгляда было ясно, что Х заурядный негодяй, а не законспирированный «советский

²²⁶ Е. Epstein. Op. cit., p. 271.

агент»).

Другой, не менее поучительный случай. В 1981 году в США вышла книга Г. Харта «Шадрин: шпион, который не вернулся». В ней повествуется в детективной манере о судьбе изменника Родины, некоего А., принявшего в США фамилию Шадрина. В 1959 году он сбежал на Запад, поступил там на службу в американскую разведку, получил гражданство США и работал против СССР, а в декабре 1975 года загадочно исчез. Вывод книги – ЦРУ по каким-то причинам физически ликвидировало Шадрина. Такого же мнения придерживается адвокат его вдовы.

В конце 1981 года «Вашингтон пост» разразилась статьей по поводу этой книги и самой истории. На первый взгляд просто удар молнии в американские спецслужбы, на деле акция в русле политики администрации Рейгана, критикующей некомпетентность в темных делах предшественников в Вашингтоне. Написал ее не кто другой, как Р. Кайзер. Прежде всего, он указал на наивность самого Шадрина. «Я усматриваю в Шадрине, – пишет Кайзер, – честолюбца и двойственного человека, который был подвержен самому страшному недостатку – нереалистическому представлению о себе... Он, по-видимому, ожидал, что его новая страна, Америка, раскроет перед ним не меньше возможностей, чем старая, возможностей не вообще, а на государственной службе. Это было нереально и даже глупо – предателю никогда полностью не доверяют».

С этих позиций Кайзер укоряет автора книги Харта за «идеализацию» Шадрина. Но кем бы ни был этот человек, сокрушается Кайзер, все равно «правительство Соединенных Штатов обошлось с ним возмутительно, а... ФБР и ЦРУ продемонстрировали свою опасную некомпетентность». Кайзер даже высказался за проведение «расследования» темной истории каким-нибудь комитетом конгресса ²²⁷. Мотивы огласки этого дела как в книге Харта, так и в статье Кайзера определенно не имеют ничего общего с желанием просветить публику. Речь идет о профессиональных интересах американских спецслужб. В большой публикации «Мандат на руководство», выпущенной в 1981 году и содержащей рекомендации администрации Рейгана, сказано: «Главный актив подрывных операций – люди, обычно иностранцы, с которыми ЦРУ имеет очень прочные тайные связи или имеет основание надеяться, что установит их... Наши спецслужбы должны создать максимально большую и надежную сеть тайных агентов, и мы должны отпустить на это большие средства» ²²⁸. Рекомендации эти, плод работы ряда исследовательских групп, как известно, претворяются в жизнь правительством Рейгана, о чем с видимым удовлетворением сказано в предисловии к этой публикации.

Служебно-бюрократическим схваткам и дрызгам мы обязаны некоторым, правда очень ограниченным, знанием тем-

²²⁷ «The Washington Post», November, 24, 1981.

²²⁸ Mandate for Change, Ed. by A. Heartherly, Washington 1981, pp. 945 – 946.

ных дел. Собираются безмерно расширять шпионско-диверсионную рать, а тут, видите ли, кого пытаются, кого убивают. Непорядок! Но едва ли стенания на страницах «Вашингтон пост» отучат ЦРУ от убийств.

Истории эти независимо от омерзительных личностей их «героев» в высшей степени поучительны в том отношении, что проливают свет на методы работы ЦРУ. Больше того, они, вне всяких сомнений, показывают: те, кто в Вашингтоне ратует за «права человека» по всему миру, прекрасно знают, что в самих Соединенных Штатах права эти пустой звук. Американская пропагандистская кампания в пользу их обеспечения не больше чем провокация в «психологической войне».

8

Кампания эта во многих отношениях признание банкротства линии ЦРУ, методов, разработанных еще в УСС, действий типа «операции Солженицын», исходивших из посылок, что оголтелая проповедь свержения советского строя найдет-де сторонников в нашей стране. «Инакомыслящих», выступавших под этими лозунгами, постигла та же судьба, что и бандитов и террористов, засылавшихся ЦРУ частично через НТС в Советский Союз. Все они не нашли решительно никакой поддержки. «Нью-Йорк Таймс» осенью 1977 года не оставалось ничего другого, как заключить: «Диссидентство в

России доживает свой короткий срок... пора наконец взглянуть правде в лицо» и признать их (диссидентов. – **Н. Я.**) «очевидное поражением»²²⁹.

Но ЦРУ по-прежнему ведет «психологическую войну», и поражение одного отряда привело только к тому, что на первую линию фронта выдвинулись те самые фальшивые борники «прав человека». Появление их в авангарде подрывной работы отнюдь не новинка. Американские политические деятели и профессора, выпустившие в 1978 году довольно реалистический сборник «Здравый смысл в американо-советских отношениях», указали на преемственность этой кампании с антисоветскими акциями, проводившимися миром капитала против нашей страны начиная с 1917 года. Как заметил профессор социологии Гарвардского университета Д. Ризман в эссе «Опасность кампании о правах человека»: «Эта кампания против Советского Союза, конечно, не началась с президента Картера. В определенном смысле она восходит к дням возникновения советского режима к Другой ученый, С. Коен, обратил внимание: „Администрация Картера определила ее в терминах советских „прав человека“, что неточно. Тут ставится вопрос только о политических правах или свободах. Термин „права человека“ много шире, включая целый спектр экономических и социальных вопросов, в решении которых Советский Союз по сравнению с остальным миром может записать в свой актив значитель-

²²⁹ «The New York Times», October 4, 1977.

ные достижения“²³⁰.

Стратегическая установка ЦРУ в этой кампании, как и прежде, подрыв советского строя, не объявляя декларируемой целью его свержение, хотя речь идет именно об этом. Уроки «операции Солженицына» и иных в том же духе учтены! Есть многие доказательства именно такого хода мысли, конечно, более ясные в документах, не публикуемых для всеобщего сведения. Еще в годы президентства Л. Джонсона его влиятельный помощник, профессор-историк Э. Голдман, с величайшим одобрением написал в связи с одним документом: берусь «попытаться добиться самой тщательной и справедливой оценки его идей», и, наверное, преуспел в своем начинании. О ком идет речь? В архиве президента Джонсона в Остине, штат Техас, хранится обращение в государственный департамент некоего К. Монголда, по профессии инженера, работавшего по контракту в СССР в 1934 – 1936 годах. Он и привел в восторг Голдмана, подав в 1964 году записку, в которой твердо обещал: если его рекомендации будут приняты, то победа в борьбе с СССР за США. Какое значение в Вашингтоне придали записке, свидетельствует простой факт – официально адресованная в отдел СССР госдепартамента записка оказалась на самом высшем уровне. Мудрость, которой делился Монголд, состояла в следующем:

«В 1917 г., – писал он в своей записке, – в России был сравнительно слабый средний класс. Сегодня существует

²³⁰ .«Common Sense in U. S. – Soviet Relations», Washington, 1978, pp. 50, 22.

большой интеллектуальный средний класс, который по большей части не принадлежит к партии. Он может возглавить народную революцию. Этот средний класс также пожелает демократии с конституционными гарантиями... (то есть американской „демократии“ – **Н. Я.**). Мы должны идентифицировать наши политические интересы с интересами этого непартийного среднего класса, а не с политическими интересами «благополучных» коммунистов. Демократическая революция в России приведет к децентрализации и распаду русского могущества. Она дает лучший шанс выиграть «холодную войну» решительным образом без риска вызвать ядерную катастрофу, которая может привести ко всеобщему уничтожению...

Но ни одно широкое восстание немыслимо, пока миллионы идеологически обработанных и искренне верящих рядовых коммунистов контролируют все вооруженные силы до чинов майоров, полковников и даже генералов. Лишь деморализовав этих коммунистов и побудив их передрасться между собой, можно осуществить народную революцию. Однако идеологически их можно деморализовать лишь аргументацией, которая неопровержима с точки зрения их собственной политической философии... Мне удавалось «промыть мозги» искренним коммунистам. Техника очень проста». Далее шли советы, как клеветать на основы марксистско-ленинской философии, восходившие к концепции «прав человека» в пропагандистской американской интерпретации.

В целом дикий вздор. Но Монголд торжествующе заключал: «Я могу переубедить любого преданного коммуниста в должное время, как правило, в два-три месяца, при условии, что встречаюсь с ним в среднем раз в неделю. После такого „промывания мозгов“ убежденные коммунисты превращались в нечто среднее между бесстыдными оппортунистами и убежденными оппозиционерами»²³¹.

По поводу всего этого нужно сказать коротко – претенциозный дурак. Но дело не в престарелом маразматике, а в том, что высшие руководители США не оставляли неперевернутым ни одного камня в поисках философского камня для победы над СССР методами «психологической войны», серьезно относясь даже к бредовым прожектам типа изложенного выше. Во всяком случае, ясно, куда устремлена их «творческая» мысль. У них вошло в привычку списывать недовольство в США капиталистическими порядками на Советский Союз, изображая его виновником любых трудностей, перед которыми встает Вашингтон. В Белом доме сложился, во всяком случае в годы войны во Вьетнаме, такой стереотип мышления, который изумил Голдмана, а он, как мы видели, был человек закаленный – не удивился написанному Монголдом. Голдман описал в мемуарах сценку в кабинете президента в 1966 году, где собрались послушать его откровения член правительства и трос помощников:

²³¹ K. P. Mangold to Robert Owen of the Soviet Affairs at the State Department, March 17, 1964, Lyndon B. Johnson Library, Ex. Co 303

«Президент Джонсон стучал по коленям моим и других, восклицая: „Либеральные критики! За всеми ими стоят русские“. Он восхвалял ФБР и ЦРУ, которые сообщают ему обо всем „происходящем в действительности“. „Русские и подняли всю эту агитацию... Русские поддерживают постоянные связи с сенаторами, выступающими против войны“, – и посыпались их имена. Эти сенаторы ходили на ленчи и приемы в советском посольстве, дети их секретарей назначали любовные свидания русским. „Русские придумывают за этих сенаторов, что им говорить. Я часто заранее знаю, что они скажут в своих речах“. Я был потрясен. Джонсон действительно верил, что его критики – советские марионетки? Что над его мышлением настолько довлел маккартизм? Было ясно, что трое других присутствующих не скажут ему и слова поперек. Один помощник неловко сжался в кресле, другой сидел невозмутимый, было очевидно – и он так думал. Член правительства рассеянно раскачивался в кресле, всем видом показывая – ну что же, такова цена, которую нужно платить за должность. Я же не хотел оставить пятно на собственной совести, промолчав, когда президент США нес этот опасный вздор. Линдон Джонсон дошел до того, что стал рассказывать: во время слушаний в сенате по поводу войны во Вьетнаме сотрудник советского посольства передал инструкции одному из членов комитета. Я вставил: „Господин президент...“, – но было трудно прервать его монолог, наконец, мне удалось прорваться: „Господин президент, вы

знаете, что вы говорите, просто не так“. Президент удивленно взглянул на меня. Позднее я часто вспоминал этот взгляд, пытаюсь сообразить – что бы он значил»²³².

Сообразить не очень трудно. Голдмана скоро попросили из штата Белого дома. Эпизод этот в который раз проясняет не только нравы правящих в США, но и показывает некоторые истоки чуть ли не кровожадности к этим «русским», от которых, дескать, буквально житья нет. Хотя отнюдь не русские, а Джонсон со своими прекрасными советниками погрузили США в трясину войны во Вьетнаме.

При таком складе мышления изыскивались малейшие возможности для перехода в решительное наступление против СССР, перенесения борьбы на нашу территорию, что обещала та же пресловутая кампания о «правах человека». По всей вероятности, основы ее заложил З. Бжезинский, который промелькнул на политической арене США на исходе президентства Джонсона, а в полную силу вошел с вступлением на пост президента Дж. Картера. Уже упоминавшийся советский юрист А. Трайнин показал механизм организации этой «правозащитной деятельности». Коль скоро он работал по первоисточникам, лучше не перефразировать написанное им, а воспроизвести надлежащую часть его большой статьи целиком²³³.

²³² E. Goldman. The Tragedy of Lyndon Johnson, N. Y., 1969, p. 500.

²³³ Следующий 9-й раздел главы принадлежит целиком перу А. Трайнина

«В феврале 1974 года из Советского Союза был выдворен Солженицын, что вызвало неопишное замешательство среди противников коммунизма, где бы они ни находились. Однако это замешательство не идет ни в какое сравнение с той яростью, которая охватила западные спецслужбы, – был положен конец „операции Солженицын“, считавшейся перспективной в подрывной работе против Советского Союза. Сложилась новая обстановка, которая требовала анализа и разработки новых планов на будущее. Не в том смысле, что спецслужбы пеклись о самом Солженицыне (битая карта не вызывает чрезвычайного интереса), речь шла о куда более важном, с их точки зрения: уместности и результативности методов, применявшихся в связи и вокруг этого человека.

В Соединенных Штатах задачу примерно в том плане попытался выполнить Институт исследования коммунизма Колумбийского университета, где тогда директорствовал З. Бжезинский. В 1975 году соответствующее исследование – громадный том почти в 500 страниц очень убористой печати – «Диссидентство в СССР: политика, идеология и народ» увидело свет. К моменту выхода книги это учреждение уже носило иное название – Исследовательский институт по изучению изменений в мире, но директором его был по-прежнему Бжезинский, которому в предисловии редактор труда

профессор Р. Токес адресовал теплые слова благодарности за руководящие указания и прочее. Токес особо оговорил, что его ударная идеологическая бригада – 13 авторов – договорилась закончить изложение февралем 1974 года, который, по их мнению, является «важной вехой в истории современного диссидентства в Советском Союзе».

Токес уточнил, что под «диссидентами» в СССР авторы понимают всех, кто является противником Великого Октября 1917 года, давшего жизнь Советскому государству. Токес и К^о попытались оценить силы «диссидентов» в Советском Союзе. Не в интересах любопытства, а по причине очень практического свойства – разобраться наконец, в какой мере достоверны сведения о широкой поддержке в Советском Союзе, скажем, Солженицына. В общем, представилось действительно необходимым, хотя бы для исчисления ассигнований на подрывную работу, выяснить пропагандистскую эффективность «диссидентства». Когда такая калькуляция была сделана, результаты оказались удручающими. Рефреном через всю книгу звучит формулировка: «Диссиденты», может быть, естественный продукт советской истории за пятьдесят лет с лишним, но столь же естествен их провал возбудить хоть какое-нибудь понимание среди масс». Американские аналитики очень обиделись на «диссидентов», каковые, что прояснилось в полной мере при ближайшем рассмотрении, действительно оказались жалкой кучкой отщепенцев. Выяснилось, что различного рода заверения, которыми они

пичкали западные спецслужбы, говоря их же языком, не что иное, как «туфта». С болью в сердце пришлось констатировать: «Совершенно очевидно, что осторожный оптимизм, который все еще был среди некоторых советских диссидентов и иностранных наблюдателей в 1970 году, в 1974 году уступил место глубокому пессимизму». Беда, да и только – оказывается, у народной власти нет противников в народе. Что, впрочем, было всегда очевидно, и для этого не нужно было бы затевать дорогостоящее исследование.

Неоднократно посещавший СССР публицист Д. Фейфер, который не мог найти лучшего применения своему времени, как болтаться по «диссидентским» норам (именно норам, ибо, по его свидетельству, признак инакомыслящего – ужасающая грязь в квартире), четко указал на тех, кто раздул значение группки отщепенцев в глазах Запада, Вот он со «своими людьми» появляется в некой квартире в Москве.

«Пробравшись через завешанную одеждой переднюю, мы попадаем в прокуренную спальню, похожую на сотни других, в которых обитает небольшой кружок „ловкой“ молодой интеллигенции. Обставленная дешевой мебелью комната загромождена иконами, старыми картинами, поломанными произведениями искусства времени царизма, все это навалено и заткнуто кое-как между столами, стульями, диванами, а стены оклеены дрянными обоями. Довольно много книг в шкафах и неопрятными стопками на полу в окружении пустых бутылок и невымытых тарелок. В основном это по-

желтевшие дореволюционные издания и западная литература, которая не издается в России. Еще два наших друга безмятежно восседали в этом гостеприимном беспорядке – художник чеховского вида с бородкой, лысеющий врач в английском твидовом пиджаке и с американскими сигаретами. В кухне, как мы знали, двое молодых аспирантов занимались любовью... Мы курили под прелюдии Баха, танцевали под западную поп-музыку, допили остатки виски, водки и коньяк».

Разговоры велись очень приятные для Фейфера – один из пьянчуг хотел «расстрелять из пулемета» Советское правительство. Надо думать, что те двое «аспирантов», разгорячившись на кухне, весьма оживили беседу. Таковы «диссиденты» в жизни, по наблюдениям безусловно враждебного к коммунизму западного публициста. Но, пожалуй, кается Фейфер, эта дрянь и была единственной надеждой Запада на «изменение» советского строя изнутри.

Механизм возведения ее на пьедестал очень прост. Конечно, подчеркивает Фейфер, «диссиденты» «живут не в соответствии с реальностями жизни, а по своим представлениям о них. Они третируют собственный народ как страшно отсталый... Наши эксперты по советским делам, которые занимаются почти целиком диссидентами, иногда пишут о них совершенно нереалистически... Я знаю ряд западных деятелей, которые, хотя и сомневаются в добропорядочности некоторых диссидентов, тем не менее воздерживаются от то-

го, чтобы написать об этом... Даже западные корреспонденты в Москве не считают нужным сообщать о неммыслимом: ряд прославленных диссидентов – весьма порочные люди и далеко не заслуживают уважения... Не нужно предполагать, как делают многие, что диссидентство само по себе превращает человека в персону безупречно добродетельную. Чтобы избежать горького разочарования, нужно прежде всего не питать иллюзий на этот счет».

Но хватит о личных качествах «диссидентов», описанных одним из тех, перед кем они открывали душу и пускались в откровенные излияния. Как видим, Фейфер не испытал к ним ничего, помимо брезгливости. А как насчет их веса в борьбе против Советской власти? Вердикт Токеса категоричен: «Даже при наличии воли к власти, а только у считанных диссидентов наблюдается такая решимость, полное отсутствие поддержки не дает возможности считать их революционерами в практическом смысле слова. Революции требуют не только воли и поддержки, но и руководства, которое в сочетании с диссидентскими массами может дать возможность бросить вызов властям с какими-то надеждами на успех. За исключением катастроф вроде термоядерной войны, создание такого рода революционного антиправительственного союза в СССР в обозримом будущем практически исключено».

Вот и славно, успокоили нас, а то без заокеанских господ мы и не знали, что крепка Советская власть. А всерьез гово-

ря: упомянутая книга должна была бы убедить любого, что не делом занимаются на Западе, когда поднимают на щит «диссидентов». Бесперспективная это затея. Вывод этот доказан масштабным «научным» исследованием – просмотрены и проанализированы все деяния «диссидентов», вся их продукция – от солженицынского многотомного графоманства до надписей на стенах общественных туалетов. Тут бы и поставить точку. Ан нет. Не для того усердствовали ученые мужи, чтобы, как говорится, закрыть проблему, а для того, чтобы, описав бесперспективность прежних путей, найти новый путь борьбы против Советского Союза, подрыва его изнутри.

Заокеанские теоретики антикоммунизма усмотрели все беды в том, что у отщепенцев в достатке рассуждений «против», но нет ничего «за», то есть нет позитивной программы. Тут мы и подошли к главному – на сцене появился пресловутый вопрос о «правах человека». Вероятно, те, кто вскоре стал бормотать о «правах человека», прежде и не слышали таких слов, но им быстро растолковали, что к чему. Ведь сам термин «борец за права человека» послужит «средством самовыражения», а «движение за права человека – подлинная политическая оппозиция». Главное, будет много легче организовать поддержку с Запада, не будет повторяться такое положение, когда, например, генеральный секретарь ООН У Тан отказывался рассматривать различные обращения к нему, ссылаясь на то, что писаки никого не представляют.

Когда инакомыслящие в СССР вооружатся лозунгом «прав человека», тогда многое упростится. Тот же яростный критик «диссидентов» Фейфер восклицает: «Мы все за диссидентов... Чтобы помочь их делу, езжайте в Россию, если это возможно, и выясните, какую услугу вы можете оказать им там, или подыщите себе какую-нибудь роль для оказания помощи на Западе». Правда, он тут же предупреждает: «Трудно ожидать, что диссиденты после того, что они прошли, окажутся святыми». Иными словами, как бы ни перековывались эти люди в «правозащитников», они останутся дрянью. Но другого человеческого материала для Запада в СССР нет. Как ни прискорбно, будем работать с ним. Такая была выработана стратегия. Оставалось претворить ее в жизнь, подыскав потребных исполнителей в пределах советских границ.

История нашей страны выявила закономерность: любой выступающий против Советской власти неизбежно ищет помощи у врагов коммунизма по ту сторону советских рубежей. Это понятно – в народном государстве, созданном народом и для народа, они не могут найти себе опоры. Так было в первые годы существования нашей страны, когда выступавшие против Советской власти звали на помощь армии интервентов. Так было и позже. Чем кончились вооруженные нашествия, хорошо известно, и при нынешнем соотношении сил в мире империализм не рвется в лоб повторять горькие уроки.

История указывает нам и на другую закономерность: идеям Великого Октября, на которых зиждется Советское государство, наши враги пытались противопоставить некие «демократические» лозунги, куда неизменно входили «права человека». Риторика по поводу «прав человека» была нужна противникам Советской власти лишь для того, чтобы попытаться размыть массовую основу поддержки большевиков. Ту же роль играют нынешние разглагольствования «диссидентов». Самое поразительное, что в защиту их выступают Солженицын, квалифицированный даже западными идеологами как сторонник авторитаризма, и Сахаров, носящийся с идеями технократии. Любопытно и другое: Солженицын и некоторые другие пресловутые отщепенцы оказались не в состоянии (или не захотели?) решительно порвать, скажем, с семейными традициями. Они выходцы из очень состоятельных до революции семей буржуазного пошиба. Солженицын в своих книгах шумно оплакивает утрату родителями прав на крупное состояние. Нет никаких сомнений, что все они духовно приняли эстафету от тех, кто в 1917 году цеплялся за свою собственность, стоял на пути революции. Понятно, что их помыслы и желания близки и понятны тем, кто стоит у власти в мире капитала.

Вручая жезл руководителя «борцов за права человека» Орлову, на долю которого выпало проведение очередной антисоветской акции западных спецслужб, дирижеры ее были вполне уверены в его благонадежности. Верительной грамо-

той для западных спецслужб явилась статейка, сочиненная Орловым в декабре 1975 года и распространенная по нелегальным каналам. Стоило ознакомиться с ней в штаб-квартирах спецслужб, как события стали развиваться автоматически, – в мае 1976 года Орлов с несколькими своими единомышленниками объявил, что они будут информировать Запад о положении с «правами человека» в Советском Союзе. Собственно, «группы» как таковой никогда не было, а ссылались на нее, дабы придать больший вес индивидуальным или коллективным выступлениям ряда лиц, носившим резко антисоветский характер.

Наша эпоха – период поступательного развития социализма. Это объективная реальность. Миллионы людей видят будущее мира в социализме. Ветер перемен веет над планетой, что, конечно, не устраивает господ капиталистов и гна Орлова вместе с ними. По поводу генерального направления общественного прогресса он изрек: «Слишком многим в мире кажется, что единственной альтернативой частной собственности должна быть собственность „общегосударственная“... Желание перемен, особенно перемен в социалистическом направлении, является буквально болезнью эпохи. Конечно, это желание часто опирается на справедливые эмоции в отношении капиталистической эксплуатации и эгоизма богатых классов. Но, кроме эмоций, оно также опирается на общую ложную идею, что люди могут разрешить все свои проблемы с помощью социальных преобразований, и

на еще более ложный миф „научного социализма“... Западная демократия, если она не укрепитя высоким нравственным потенциалом и более ясным пониманием своих целей, не сможет эффективно противостоять натиску тоталитарного социализма».

Не очень, конечно, грамотно, определения страдают, но смысл предельно ясен: господа буржуа, к оружию, на бастионы! Грудью отстоим свои денежные мешки!! Вспомните царскую Россию, в которой «в результате эгоизма, негибкости и недалёковидности правящей верхушки социальное развитие задерживалось в течение слишком длительного времени, так что проводившиеся после 1905 года реформы уже не ослабляли, а развязывали накопившиеся силы ненависти». Орлов бросился спасать капитализм такими методами и действиями, которые прямо привели его на скамью подсудимых.

На Запад полетели клеветнические материалы, изготовленные Орловым и его соучастниками. Для большего впечатления на первой странице каждого пасквиля красовался исполненный типографским способом гриф «группы». Походя заметим – эти самые «правозащитники», декларирующие свое горячее желание содействовать выполнению Хельсинкских соглашений, упустили из виду «мелочь»: соглашения эти направлены на укрепление мира и международного сотрудничества, а они злоумышленно занялись прямо противоположной деятельностью, пытаясь подложить идеологические взрывные устройства под политику разряд-

ки.

На предварительном и судебном следствии было тщательно изучено содержание клеветнических листовок, которые, по предварительному сговору с западными спецслужбами, передавались средствам массовой информации и разносились по всему миру. Были проведены экспертизы, допрошены десятки и десятки свидетелей и доказано: все без исключения «документы» являются клеветническими измышлениями, направленными на подрыв советского общественно-государственного строя, срыв усилий Советской страны, направленных на развитие международного сотрудничества.

Рабочими инструментами Орлова при сочинении этих пасквилей зачастую были палец и потолок. Однако для масштабной кампании в защиту «прав человека», затеянной западными спецслужбами, нужны были более крупные ресурсы, в том числе материальные. Нужен был квазизаконный канал для двустороннего движения – денежные средства с Запада и надлежачая «информация» из СССР, которую можно было бы использовать в клеветнических целях. Эти пожелания спецслужб как в фокусе сошлись в одном человеке, давно им известном, – Гинзбурге. Итак, к «теоретику» Орлову был подключен «практик» Гинзбург, который также заявил о своей озабоченности обеспечением «прав человека» в Советском Союзе. Так кто же он?

Его верительные грамоты, хотя совершенно иного свойства, чем у Орлова, были безупречными для руководителей

западных спецслужб. Гинзбург уже зарекомендовал себя в «борьбе за права человека», правда, в куда более скромных масштабах и в местах более отдаленных...

Как вспоминали отбывшие с ним наказание в 1968 – 1972 годах, он прибыл в колонию с большой помпой – лоботряс и тунеядец представился поэтом, писателем и публицистом, учеником Пастернака, другом Твардовского, лауреатом какой-то итальянской премии и внуком «барона Гинзбурга». О том, что у него нет никакого образования выше школьного, «потомок барона» скромно умолчал.

Гинзбург, или Алик, как звали его в колонии, действительно был очень приметной фигурой: зарубежные хозяева не оставили его, забросав посылками и деньгами, что позволило ему окружить себя друзьями. «А многочисленное общество таких друзей Алика, – говорил свидетель И., отбывший наказание вместе с Гинзбургом в НТК, – было разнообразным и, мягко говоря, смешанным. В его состав, например, входили бывшие нацистские полицаи, дремучие бандеровцы и не менее дремучие литовские националисты... и, наконец, просто „симпатичные“ уголовники. Всех их Гинзбург подкармливал: „Ведь откуда-то берутся и кофе, и чай, и шикарные сигареты „Кент“, всякие яства и прочее... – продолжает И. – Ведь все пьют, едят и курят, а добрые дяди на воле заботятся о том, чтобы дальше так было, а поэтому надо помогать ему. Алику, – он один справиться не может. Опять же консолидация, а это тоже означает, что все вместе

должна помогать ему делать „общее дело“, то есть снимать копии „наиболее интересных“ приговоров осужденных, писать черновики статей, которые Алик потом отредактирует и определит их дальнейшее назначение, составлять текст коллективных „заявлений-протестов“ в адрес различных советских и юридических органов и отдельных общественных деятелей, указанные заявления затем будут направлены в закрытых конвертах в Прокуратуру СССР, а с них „тайными каналами“ уйдут за рубеж и появятся в западной печати“.

Когда в 1973 году Гинзбург оказался на свободе, он решил воспроизвести арестантскую практику в больших масштабах, благо установил обширные связи в уголовном мире. В апреле 1974 года западные «радиоголоса» объявили, что инакомыслящие в СССР отныне имеют своего радетеля: поселившийся в Тарусе в Калужской области Гинзбург принял на себя распоряжение «фондом Солженицына», цель которого – оказание помощи тем, кого-де преследуют в СССР по «политическим» мотивам. Был указан и адрес благодетеля – дом по Лесной улице в Тарусе, купленный на средства из темных источников. Ибо честных заработков Гинзбурга за всю жизнь не хватило бы на приобретение больше одной, другой пары штанов. По «авторитетному» заявлению Гинзбурга иностранным корреспондентам 2 февраля 1977 года, на указанную помощь за два года он-де истратил эквивалент в 360 тысяч долларов!

На предварительном следствии и в суде, естественно, по-

интересовались, куда Гинзбург употребил столь солидную сумму. Борец за «права человека» гордо отмалчивался. Пришлось следствию провести кропотливое изучение его клиентов. Идеалистов, думающих о лучшем устройстве жизни на нашей планете, среди них не оказалось, деньги получали уголовники или лица, совершившие особо тяжкие государственные преступления. Оно и понятно, как признал свидетель Ф., облагодетельствованный из «фонда» на 900 рублей. Самая идея вынашивалась Гинзбургом еще в ИТК, и тогда в разговорах с осужденными, среди которых был Ф., Гинзбург постановил: «Категорически предусматривалось, что правом пользоваться фондом могут только лица, осужденные за проведение антисоветской агитации и пропаганды, а также измену Родине в форме заговора с целью захвата власти, которые не осудили своей деятельности за время пребывания в заключении».

Перед следствием прошла вереница лиц, этих самых, по утверждению западной пропаганды, борцов за «права человека», которым «филантроп» Гинзбург оказывал помощь. Вот некий К., 1956 года рождения. Рецидивист – сначала обворовал буфет рабочей столовой, затем занялся антисоветской агитацией и пропагандой. Образование семь классов, сочинил «Письмо Его Императорскому Высочеству», но не переслал, так и не установив, где пребывает «монарх». Вместо царя пожаловался на Советскую власть Гинзбургу (правда, из колонии писал сенатору Джексону, прося пустить в

США). Вот небольшой отрывок из его показаний: «На основании моих высказываний Гинзбургу было ясно, что я намерен и впредь не прекращать своей борьбы против существующего в СССР строя, (За что из „фонда“ он получил около 1000 рублей. – *Авт.*) В свою очередь, в результате беседы с Гинзбургом у меня сложилось твердое мнение о нем как убежденном противнике Советской власти, способном в своей борьбе пойти на любые, в том числе и крайние, меры».

Эта преступная работа Гинзбурга и заставила изолировать его от общества. Он не только сам занимался распространением клеветнических слухов о СССР, черпая надлежащую «информацию» в уголовном мире, в котором он жил, но и занимался прямым подстрекательством к совершению особо тяжких преступлений. Он не брезговал ничем. М., по профессии шофер, был осужден за вывоз с завода краденых телевизоров, а затем за другое преступление: под видом сотрудника компетентных органов провел «обыск» у вдовы гинколога и обокрал ее. С неким смущением М. обратился к Гинзбургу. Сам он об этом говорит так: «Зная уже, что Александр Ильич по национальности еврей, я предупредил его об имеющихся в моем уголовном деле некоторых „антисемитских моментах“, имея в виду „обыск“ у старухи еврейки и разделение мною некоторых концепций фашистской идеологии, о чем речь шла в моем уголовном деле. Улыбнувшись, Гинзбург заявил, что эти „моменты“ его мало волнуют». И выдал просителю примерно 1 200 рублей. М. понял, за что,

как объяснил следствию: деньги выдавались тем кто, «находясь в местах лишения свободы и после их освобождения, не сотрудничал с администрацией и не изменил своих прежних принципиальных убеждений, сложившихся у них к моменту привлечения их к уголовной ответственности».

От Гинзбурга и его сообщников небольшие переводы пошли в места заключения. Убийцы и бандиты с удивлением вертели в руках переводы. Откуда? С., отбывающий наказание, показал: «Многих осужденных в нашей колонии несколько удивил тот факт, что некоторые из тех кто получил эти денежные переводы, имели, мягко говоря, весьма отдаленное отношение к „политическому инакомыслию“, но зато прямое отношение к убийствам. Получивший фондовые деньги Х. был осужден как военный преступник, другой – Т. как террорист: одного солдата убил, другого ранил». И т. д. и т. п.

Таков подлинный облик воздыхателя по «правам человека», предстающий со страниц следственного дела. Одно лицо Гинзбурга было обращено к уголовным преступникам, среди которых он пытался сколотить единство на базе ненависти к Советской власти, другое – к Западу, перед которым он распинался в защиту тех же преступников, рисуя, помимо прочего, душераздирающую картину их «мук» в местах заключения. То, что это была наглая клевета, Гинзбург знал хотя бы по собственному опыту, по опыту пяти лет, проведенных в ИТК в описанных выше условиях.

В ходе следствия было установлено и другое – по-крупному надул Гинзбург спецслужбы и Солженицына, доверивших ему деньги на ведение подрывной работы. Большая часть той суммы в 360 тысяч долларов, несомненно, осела в карманах «благодетеля», чей широкий образ жизни в бытность распорядителя «фонда» вызывал удивление у знающих его. Кстати, как и подобает уголовнику, он не испытывал большой привязанности к тому, от имени кого шли деньги на подрывную работу. Он отозвался о Солженицыне: «Конечно, он не великий в России, но из всех современных посредственностей он, несомненно, первый».

Он-то, Гинзбург, претендовал на первую роль. Как рассказывал свидетель Х., знавший его по Тарусе: стоило западным «радиоголосам» объявить об участии Гинзбурга в кампании в защиту «прав человека», «даже внешне была заметна радость по поводу оценки Западом его деятельности, он не преминул заметить, что все это придает солидный „вес“ его личности как у нас в стране, так и за рубежом, сказав: „Что бы теперь со мной ни случилось, во всем обвинят КГБ“.

Другой житель Тарусы – Г., который провел немало времени в беседах с Гинзбургом, рассказывал, что собеседник неоднократно возвращался к вопросу о тактике, подчеркивая: «Протестовать надо всегда и непременно с шумом». Он хлопотал и разглагольствовал о «необходимости написания различных протестов, поднятия „новой волны шума в „самиздате“, которые, по его мнению, позволят создать необхо-

димый политический резонанс“. С какой целью?

Гинзбург, продолжает Г., «и сам не скрывал от меня, что их поддерживает немногочисленная группа лиц из числа интеллигенции, поэтому только на Запад они возлагают свои надежды и обращаются с призывами о помощи. По его словам, делалось это с единственной целью – оказание политического и особенно экономического давления на Советский Союз со стороны развитых капиталистических стран. Организованный экономический нажим со стороны западных стран заставит правительство СССР пойти на либерализацию (термин Гинзбурга. – *Авт.*) существующей власти, что выгодно как диссидентам в стране, так и руководству капиталистических государств...».

Как мы видели, преступная деятельность Гинзбурга и других, помимо прочего, имела в виду мобилизацию уголовных преступников под знамена «диссидентов», использование их для борьбы против Советской власти. В сущности, антисоветская агитация и пропаганда в прямом смысле «вооружает» уголовника, уже вступившего в конфликт с обществом. На примере ряда дел можно без труда показать, что лица с уголовным прошлым под ее влиянием переходят к совершению особо опасных государственных преступлений. От участия в «операции прав человека» до бомб – один шаг.

В 1976 году в грузинской печати широко освещался суд над неким Жвания. Имея в прошлом три судимости за уголовные преступления, подорвал три самодельных взрывных

устройства в Тбилиси, Сухуми и Кутаиси. Действовал он подло, укрывая свои бомбы перед взрывом в урнах и т. д., но факт налицо – последовали человеческие жертвы: один убитый, несколько раненых.

В ходе предварительного и судебного следствия был прослежен путь этого заурядного уголовника. Главными вехами на этом гнусном пути оказалось участие в «борьбе за права человека». Выяснив из западных радиопередач на грузинском языке, что такая «борьба» якобы имеет место, уголовник начал с писания подметных писем и пасквилей против Советской власти и закончил бомбами. Преступник понес суровое наказание.

В активе Буковского, восхваляемого ныне на Западе как «правозащитника», попытки создания террористических «пятерок». Они не были организованы по обстоятельствам, не зависящим от Буковского. Не удалось найти и одной пятерки дураков, которые пошли бы за таким «лидером».

Среди задержанных по взрыву в Московском метро в январе 1977 года есть субъект, который был осужден в 1964 году по ст. 70 УК РСФСР, то есть за ведение антисоветской агитации и пропаганды. Выдворенная из СССР Ходорович, находящаяся сейчас на Западе, проливает слезы по поводу Орлова, Гинзбурга и Щаранского. Для нее дело привычное – эта, с позволения сказать, «правозащитница» в свое время ездила на судебный процесс упомянутого субъекта, а за-

тем передавала западной печати и радио лживые материалы – она-де видела на скамье подсудимых кристально чистого человека и рыдала по поводу его попорченных «прав». С подачи «диссидентов» западная пропаганда ударила тогда во все колокола, что возвеличило мерзавца в собственных глазах. Результат налицо – восхваляемый как «борец за права» преступник стал рецидивистом, убийцей москвичей, имевших несчастье ехать в том вагоне метро, в который трусливо положил бомбу»²³⁴.

Как известно, убийца и его сообщники были преданы суду. В судебном заседании они были изобличены неопровержимыми, в том числе вещественными, доказательствами и понесли заслуженную кару.

10

Ну конечно, Запад не оставил попечением свою агентуру. Описанная преступная деятельность «правозащитников», естественно, преподносится как дело чуть ли не стерильной чистоты. Во всяком случае, никак не связанная с ЦРУ. Это не только пропагандистская, но и служебная версия, к которой прибегают некоторые из тех, кто пойман с поличным. Версия эта неизменно вызывала смех в зале, например, во время открытого процесса над привлеченными за антигосударственную деятельность Руденко и Тихим в Друж-

²³⁴ Разговор начистоту, с. 45 – 58.

ковке в 1977 году.

Суд с большим изумлением выслушал подсудимого Руденко, который утверждал, что ЦРУ будто бы не имеет никакого отношения, скажем, к радиостанции «Свобода», передававшей антисоветские, клеветнические пасквилы подсудимого. Председательствовавший с мягким украинским юмором все же поинтересовался, почему Руденко не читает прессы, ведь об этом немало писалось в советских газетах. Ощетинившийся подсудимый осведомился: зачем это говорится, для протокола? «Нет, вам», – пожал плечами председательствующий. «Ну если бы для протокола, то я бы заявил протест», – огрызнулся подсудимый. Гомерический хохот в зале...

Рецидивист Гинзбург во время открытого суда над ним в 1978 году в Калуге со своей точки зрения оказался куда более опытным, чем Руденко, слепо следовавший «легенде» ЦРУ. Государственный обвинитель указал, что поскольку подсудимый Гинзбург в ходе предварительного следствия все же способствовал раскрытию подрывной работы ЦРУ, то он заслуживает некоторого снисхождения. Поэтому вместо максимальной санкции по ч. 2 ст. 70 УК РСФСР можно ограничиться 8 годами заключения. В последнем слове перед вынесением приговора Гинзбург принял это как должное и не протестовал. Он, вероятно, не хотел перед лицом тяжких улик оказаться в нелепом и смешном положении, в каком был, скажем, Руденко во время процесса в Дружков-

ке. Так сказать, проявил «гибкость», не отрицал, что его преступной деятельностью по большому счету руководили из ЦРУ. Суд удовлетворил требование прокурора.

Так очень прозаически оборачиваются в залах судов инструкции ЦРУ, та самая доктрина «правдоподобного отрицания», разработанная за океаном в тиши и безопасности кабинетов экспертами по ведению «психологической войны». Иное дело в западной пропаганде, по-прежнему утверждающей, что законные в СССР меры по пресечению преступной работы являются «зловещими». К сожалению, эту точку зрения в США поддерживают не только штатные пропагандисты, но и лица, причисляющие себя к «ученым». Вероятно, чтобы произвести большее впечатление на обывателя, ибо такого рода люди обычно щеголяют своей интеллектуальной «независимостью». Уже упоминавшийся американский историк из Принстонского университета С. Кoen в цитированном сборнике «Здравый смысл в американо-советских отношениях» считает в ладах с этим смыслом утверждать: «Самое зловещее в недавней советской реакции (на преступления Гинзбурга и иных. – **Н. Я.**)... – официальная советская кампания, связывающая диссидентов и потенциально любого реформатора с действиями американского правительства и особенно ЦРУ. Несостоятельность этого обвинения можно сравнить только с мрачным возрождением самого худшего сталинистского прошлого».

Написал это г-н Кoen и, несомненно, возрадовался: сво-

бодно мыслящий американский интеллигент из почтенного университета излил переполнявшее его душу. Писал-то ведь не в какой-нибудь антисоветский листок, а в сборник, составленный из статей уважаемых ученых. Во введении к нему бывший сенатор Д. Фулбрайт предупредил: «Статьи в этой книге написаны... не экстремистами. Авторы – эксперты и выдающиеся знатоки американо-советских отношений. Их громадный опыт в этом отношении, отразившийся в статьях, дает понимание проблемы, перспективы и обнаруживает здравый смысл... Они заслуживают внимания самой широкой аудитории как в США, так и в СССР»²³⁵. Подписано – апрель 1978 года.

В том же апреле, точнее, 12 апреля 1978 – года исполком НТС выступил с заявлением по поводу осуждения в Ленинграде за измену Родине некоего Лубмана. Вся вина этого человека, объявил НТС, заключается в том, что он-де написал книгу об экономических проблемах и попросил итальянскую славистку Габриелли «вывезти его труд для издания за границей... НТС обращает внимание на то, что власть снова возвращается к методам, излюбленным ею в сталинские годы, когда в „шпионы“ записывали всех... НТС идет в СССР не с пистолетом и микрофоном, фотокамерой, а с книгой, брошюрой, журналом». Поразительное совпадение как мысли, так и времени выступления г-на Коена и диверсантов НТС, служащих в ЦРУ.

²³⁵ «Common Sense in» the U. S. – Soviet Relations», pp. 1, 24.

Мы далеки от того, чтобы обвинять в злоумышленных замыслах Коена, но все же нужно знать, о чем пишешь, когда садишься за пишущую машинку. А дело состоит в том, что Лубман был связан с НТС. Габриелли – связная организации, у нее действительно была изъята рукопись Лубмана на 248 листах при таможенном досмотре в Шереметьеве. Предприимчивую даму отпустили, а автора привлекли к уголовной ответственности по той причине, что писал он не об «экономических проблемах».

Пухлый труд носил впечатляющий заголовок «Экспромт для ведомства г-на Тэрнера, ЦРУ». Лубман, уже оказавший кое-какие услуги западным спецслужбам, теперь уведомлял директора ЦРУ Тэрнера, которому набивался в сердечные друзья: «Я не хотел бы сидеть сложа руки», ибо США должны поторопиться уничтожить СССР «с использованием любых доступных цивилизации средств».

По не зависящим от автора обстоятельствам обращение рассмотрел не адресат – адмирал С. Тэрнер, а прокуратура Ленинграда, сжато отрецензировав труд Лубмана в обвинительном заключении по его делу: «Направил в ЦРУ США изготовленные им в 1976 – 1977 гг. документы, в которых сообщил сведения, составляющие военную тайну, высказал рекомендации по активизации подрывной работы против СССР путем проведения шпионажа, террора, диверсий и радио-пропаганды». Для чего и потребовалось 248 листов! Плод раздумий Лубмана подшили к уголовному делу в качестве

вещественного доказательства, а автора Ленинградский городской суд осудил по пункту «а» ст. 64 УК РСФСР и отправил додумывать в исправительно-трудовую колонию, предоставив ему на благое дело вполне достаточный срок. Может, одумается?

Так на практике выглядят «правозащитники», таков их конец, когда они таскают каштаны из огня в интересах «психологической войны» ЦРУ против Советского Союза. И все же и все же: насколько искренни те в США, кто берет под свою защиту пресловутых «правозащитников» в СССР? Что они, эти радетели, говорят от души или, по крайней мере, не ведают, что творят?

В выпуске трудов Американской академии политических наук, изданном в 1978 году, собран ряд статей о современном положении в мире. Сборник этот выпущен отдельной книгой под заголовком «Советская угроза: миф или реальность», разумеется, для специалистов. Директор отдела исследований СССР центра по изучению стратегических и международных вопросов Джорджтаунского университета Д. Симс в служебных целях указал на громадный разрыв между деяниями выступающих против советского строя и представлением, создаваемым о них на Западе. В качестве самого яркого, примера он привел подрывную работу Орлова и его сообщников.

«Американские средства массовой информации, – пишет он, – придерживаются мнения, что группа была создана для

наблюдения за соблюдением Советским Союзом условий Заключительного акта, принятого в Хельсинки, и ее члены подверглись несправедливому преследованию за законную деятельность. Факты, однако, несколько иные. Во-первых, члены группы почти целиком вышли из рядов диссидентов. Во-вторых, группа не проявила решительно никакого интереса к наблюдению за соблюдением положений первой и второй „корзин“, касающихся безопасности и экономических вопросов, в чем особенно заинтересовано Советское правительство. Как и подобает диссидентам, ее члены занялись только третьей „корзиной“. В-третьих, ряд заявлений группы показывает – ее цель отнюдь не только в том, чтобы содействовать выполнению Заключительного акта, а в том, чтобы дискредитировать за рубежом советский режим. Больше того, тон заявления документов группы был в ряде случаев полемическим и враждебным к власти...

Отнюдь не бесполезно спросить, как бы реагировало большинство американцев, если бы в США объявилась группа диссидентов, притворяющихся, что заняты-де наблюдением за соблюдением Заключительного акта, а ограничили свою деятельность только нарушениями прав человека в США, взяв на вооружение в качестве основного метода работы обращение к иностранным правительствам, включая недружественные. Члены такой группы встретились бы с крайней враждебностью в США. Некоторые из них стали бы объектом тщательного расследования со стороны ФБР и столкну-

лись бы с трудностями, если бы попытались поступить в государственные учреждения...

Итак, в действительности группу наблюдения за соблюдением Хельсинкских соглашений в СССР привлекли к ответственности отнюдь не за эту деятельность. Учитывая состав группы и характер ее заявлений, следует указать – ее цели были много шире. На деле группа стремилась подорвать позиции СССР на международной арене. Диссиденты бросили вызов коренным устоям советского строя»²³⁶.

Я никак не предполагал, что упоминание и цитирование Симса вызовет грызню среди антисоветского охвостья на Западе. Мне и в голову не приходило, да и не обязан я знать, что под фамилией Симе скрывается выехавший по израильской визе из СССР некий Д. К. Симес. Судя по тому, что подвизается в Джорджтаунском университете, он пришелся ко двору в антисоветском гадючнике. Вероятно, оказался полезным для тамошних спецслужб, трудоустроивших его. Несомненно, в их интересах он и сделал приведенный анализ деяний Орлова и его сообщников в СССР.

Матерые антисоветчики, однако, взъелись на Симеса по причинам, не составляющим секрета. Во-первых, они не в состоянии постигнуть логику американской «психологической войны», хотя сами являются грубым орудием в руках западных служб. Во-вторых, черная зависть соперников. Они из кожи вылезли, поливая грязью Советский Союз, и

²³⁶ «Soviet Threat. Myths and realities», N. Y., 1978, pp. 140 – 141.

на тебе! Оказывается, отъявленная брань оплачивается кое-как, живут впроголодь, а Симеса взяли в университет. В-третьих, решили на моем примере раскрыть сатанинские замыслы советской «пропаганды».

Посему 18 сентября 1980 года редактор жалкого «Континента» Максимов в не менее жалкой газете «Русская мысль», что издается в Париже, тиснул статейку под гневным заголовком «Как вас теперь называть, господин Симес?». Воспроизведя рассуждения Симеса, приведенные мною, Максимов ядовито спросил: «Откуда это? Из „Правды“? „Литературной газеты“? „Коммуниста“? Нет, дорогой читатель, это из сборника „Советская угроза: миф или реальность“, выпущенного Американской академией политических наук. Автор – новый эмигрант из России Д. Симес, директор отдела исследований СССР центра по изучению стратегических и международных вопросов Джорджтаунского университета. Во всяком случае, так его рекомендует известный погромщик Н. Яковлев (неоднократно шельмовавший в советской печати Сахарова и Солженицына) в своей книге „ЦРУ против СССР“, опубликованной в минувшем году издательством „Молодая гвардия“. „Товарищ Яковлев“ делает вид, будто ему неизвестно, что упомянутый Симес по железным советским стандартам является „отщепенцем“, „сионистом“, „предателем Родины“, покинувшим страну по израильской визе. „Товарищ Яковлев“ цитирует „господина Симеса“ как солидного американского ученого... Меня не удивляет нали-

чие подобного рода „советологов“ в среде нашей эмиграции (выглядело бы странным, если бы их не было), меня удивляет только, почему в „самой свободной прессе мира“ так велик спрос именно на эту публику, откровенно представляющую за рубежом „товарищей Яковлевых“?»

Нет, не сообразил, определенно не сообразил Максимов, издающий на деньги ЦРУ тот же «Континент», в чем различие задач, которые ставят американские спецслужбы перед ним и Симесом. От «Континента» или «Русской мысли» американские хозяева ждут только злобы и клеветы в адрес Советского Союза. Симес же трудился не для широкой прессы, а, что я особо выделил, «в служебных целях», ибо для ведения подрывной работы клевета, то есть злоумышленное извращение советской действительности, совершенно бесполезна. В самом деле, нельзя же, посылая какого-нибудь тайного агента в социалистические страны, вооружать его «познаниями» о нашей действительности по максимовским писаниям. Провал будет неизбежен, стоит ему ступить на советскую землю.

Грызня в эмигрантском гадючнике привела к забавной перепалке. Восстановить «доброе имя» Симеса как ярого антисоветчика взялась его мама, направившая письмо в «Русскую мысль» с протестом против «выпада Максимова». Газета, естественно, отказалась напечатать письмо мамы, адвоката Д. Каминской. В СССР она специализировалась на защите «диссидентов» и, естественно, о сынке судит не только

с материнской гордостью, но и профессионально. Получилась снова накладка – функция, определенная официально спецслужбами для Симеса, не оголтелый клеветник, а «аналитик». Когда же он выступает в роли клеветника (например, внештатным корреспондентом в Вашингтоне, радио «Свобода»), то загаживает эфир под псевдонимом.

Последнее сообщил тот же «Континент» в № 33, вышедшем во второй половине 1982 года. Журнал, надо думать, после внушений ЦРУ прекратить эмигрантскую бестолковщину снизил накал обвинений Симесу. Теперь Максимов в качестве редактора журнала удовлетворился тем, что укорил Симса (не Симеса!!): написанное им нашло место «в документированном труде Н. Яковлева „ЦРУ против СССР“... Д. Симс явно потрафил Яковлеву». Чем? Симс, конечно, не очень виновен, писал «в служебных целях», а вот «массовую аудиторию Д. Симсу обеспечил Яковлев. Тираж второго издания его книги – сто тысяч экземпляров. Но цитаты из доктора Симса можно видеть и в „Известиях“ и в „Крокодиле“ А там тиражи многомиллионные».

Но наделенный интеллектом и упрямством носорога Максимов все же не успокоился. Поэтому в другой статье, помещенной в том же номере, мстительно заявлено: «Четыре года назад в своей гарвардской речи А. И. Солженицын напомнил американцам, что их государственные служащие могли бы добровольно взять на себя и еще одно обязательство – не выдавать открытых им государственных секретов.

Несколько месяцев назад американский президент Рональд Рейган сделал первую ступень к реализации сказанного А. И. Солженицыным: запретил правительственным служащим выбалтывать государственные секреты в интервью прессе. И лишь услышали мы в ответ: „Не запоздала ли акция? Почему же раньше не ввели запрещение?“

Не мытьем, так катаньем добьемся «правды» у американских хозяев! Обрушим на Симеса самого президента Рейгана!! Быть может, он заставит ЦРУ действовать по указке «Континента»!!!

Ладно, пусть склочничают. Из всей этой трагикомической истории высветилось небесполезное признание: радетели «инакомыслящих» на Западе отлично понимают, что их допечные получают по заслугам за участие в подрывной работе.

11

А как изъясняются пресловутые правозащитники в Советском Союзе в «своем кругу» и со своими сообщниками и начальством на Западе? Американские и иные западные средства массовых коммуникаций рисуют волнительные образы любого, кто занялся подрывной работой в Советском Союзе. Если верить западной печати, радио, телевидению, то речь идет о людях без страха и упрека, абсолютно бескорыстных, которые так, по побуждению совести, выступают

за «права человека» и прочие прекрасные вещи. Ну прямо идеалисты чистой воды.

Советские суды, руководствующиеся законом, никак не могут разделить этих восторгов. По той основательной причине, что на скамье подсудимых оказываются люди, виновные в совершенно конкретных государственных преступлениях, за что им воздается по заслугам. Суровы или нет приговоры, об этом речь дальше, а пока посмотрим, что вскрывается в ходе судебных заседаний.

Возьмем некую Великанову, которая самостоятельно и с другими лицами систематически изготовляла, размножала, хранила и распространяла на территории СССР материалы с клеветническими измышлениями, порочащими советский общественный и государственный строй. Какие только небывлицы она не сочиняла о своей Родине! Она поставляла эту мерзость на Запад для широчайшего распространения по радио, в прессе. И так десять лет, с 1969 года. Великанову неоднократно предупреждали, предостерегали, но она полагала, что стоит выше советских законов, так сказать, «правозащитница» мирового класса. Кончилось это тем, чем должно было кончиться, – 1 ноября 1979 года Великанову привлекли к ответственности по ч. 1 ст. 70 УК РСФСР за ведение антисоветской агитации и пропаганды.

Немедленно на Западе раздалась вопли – под стражей дама-идеалистка. НТС, который по роду своей работы поближе к делам «правозащитников» в СССР, нашел: нет человека

«более самоотверженного и более скромного, более бескорыстного и более деликатного, более храброго и более правдивого. Она не скажет неправды даже ради собственного спасения». На суде она надменно молчала, но по причине, не предвиденной НТС, – говорить-то было нечего.

Заговорили материалы и свидетели. Почитая себя личностью исторической, она бережно хранила каждый листок удивительной переписки со своими единомышленниками на Западе. Гора писем туда и оттуда осветила не только ее внутренний духовный мир (что, быть может, интересно психоаналитикам), но и конкретные дела (входящие в компетенцию суда).

В распоряжении суда оказались «деловые» письма, касавшиеся финансирования подрывной работы в СССР. Эзоповским, точнее, конспиративным языком, и все о Деньгах. Вот письмо Великановой сообщнику в США М. от 29 октября 1979 года. Довольно склочного содержания. Речь идет о способах пересылки денег в СССР для поддержания «дела», которым была занята Великанова, – подрывной работы. Письмо подлежало пересылке конспиративными каналами.

«И по почте письма, – пишет она, – ты уж если дела какие записывай себе куда-нибудь, чтобы не путать. А то в письме июльском (м. б., начало августа, даты нет) ты пишешь: „Звонил Григорий, спросил чтоб он поискал там у себя еще открыток 12 штук. 2 отдай маме“ (цитирую буквально) 15/VIII ты пишешь, что послал ей ко дню рождения подарок. „Если

ты ей еще не передала два пакетика из семи (?!), то отдавая скажи, что это те самые“. А 27/VIII: „Рад, что тебе понравились открытки. Мне сегодня звонил Алик и мы решили послать сообща побольше 4 пачки по 32 штуки в каждой. Но тебе столько не нужно. Все не разошлешь, так что поделись с Арин и др.“.

На первый взгляд безобидно – идет разговор об «открытках», может быть, даже с живописными видами. На деле конспирация. «Потому я и взяла 1200 рублей, – продолжает Великанова. – Раньше я их не получала, так что твои слова: „Рад, что тебе понравились открытки“ – не знаю, что обозначают. Сейчас я просила еще 3200. Ну, а еще 3 раза по 3200 (4 пачки). Там, видимо, не будет. Там остается кажется еще 5 – 6 тысяч. И я думаю, что не надо пока больше торопиться. Это не уйдет. В фонде деньги есть. И все время ходят слухи о денежной реформе, так что мы боимся, что сов. деньги на книжках (тем более не на книжках) могут пропасть... А в дальнейшем разговор о деньгах давай вести проще. Напиши, чтоб я сделала Кольке от тебя подарок рублей на... Цифра пусть будет тоже на два порядка меньше и лучше круглая (пусть не круглая будет у тебя и долларах). И маме проси также сделать подарок на такую-то сумму. А я сложу эти цифры и прибавлю два нуля. А если в фонд – скажи, что посылаешь для меня и моих родственников посылку на такую-то сумму (цифра означает сов. деньги двумя порядками меньше). И скажи, какую часть посылки с Колей мы мо-

жем забрать себе. Ты нас обеспечил на год, наверное. (Чеки шли. Они, надеюсь, не пропадут с реформой и иногда бывают очень нужны...) Если бы ты мог достать Цветаеву! И книги по иглотерапии и массажу! Цветаева здесь на черном рынке стоит 120 рублей. Если бы удалось, присылай лучше с оказией».

Вот по поводу всего этого Великанова в суде и молчала. Пришлось судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда в приговоре по ее делу 23 августа 1980 года записать: «Подсудимая Великанова Т. М. в судебном заседании отказалась дать показания по существу предъявленного ей обвинения. Судебная коллегия считает, что предъявленное ей обвинение нашло подтверждение в судебном заседании и Великанова Т. М. виновна в совершенных преступлениях». И в приговоре содержится перечень ее преступных деяний, который занял почти 10 убористых страниц. Преступных деяний, совершенных по собственному почину и в тесном контакте с теми, кто занят подрывной работой на Западе против СССР. В подробном письме-инструкции выдворенная из пределов СССР Алексеева объясняет Великановой:

«Самое главное: мы имеем корни внутри страны – это вы. Наша связь, наша взаимопомощь, тот факт, что в стране есть движение, и мы его часть – придает нашим словам такой вес, которого не было ни у первой, ни у второй эмиграции». (Имеются в виду бежавшие из нашей страны после револю-

ции и гражданской войны, во время и после второй мировой войны.) На деле «движения»-то нет, а было бесперебойное сочинение разного рода клеветнических материалов, чем занималась Великанова и другие. Именно в интересах создания видимости некоего «движения», что для Алексеевой покоилось на сообщениях из Москвы Великановой.

Она инструктирует сообщницу: «В день отправки слать мне телеграмму за подписью „Клара“. Любого содержания – подпись будет означать, что день отправки телеграммы – день отправки очередного клеветнического материала. „А я могу слать на любой сообщенный тобой адрес телеграмму за подписью, скажем, Катя, в день получения“. А дальше? Дальше пасквиль поступает на радиостанции ЦРУ и передается на Советский Союз. Как сообщает Алексеева: „Слышно ли сейчас „Свободу“ в Москве? Это очень важно мне знать, потому что здесь никаких проблем – что просим, тут же передают без проволочек и всяких формальностей относительно источника материала“. Какие могут быть „проволочки“ – Алексеева работает в штате радиостанции „Свобода“, то есть в учреждении ЦРУ! На деньги от ЦРУ (она жалуется Великановой – „гроши“, 400 долларов в месяц) она и существует на Западе. Да, такса оплаты предателей – в СССР и тех, кто уже попал на Запад, – в ЦРУ различна. Великанова и Алексеева – тому поучительный пример.

Лица, прошедшие перед советским судом в 1980 году по обвинению в преступлениях по ст. 70 УК РСФСР, на деле

оказались платной агентурой ЦРУ, что было доказано документально и свидетельскими показаниями. Причем среди своих «правозащитники» понимают, что служат делу, организованному западными спецслужбами. В письме Литвинова Великановой из США вырвалось: «Это для Вас только, для остальных, если захотите, но без ссылки на меня, в том, что говорит КГБ о всеобщей на Западе переплетенности организованности из одного центра, – много правды. Все это гораздо мягче и культурней, но вполне эффективно, и большинство эмигрантов на это клюет, благо они бедны, а тут всякие симпатичные люди, желающие вроде бы того же самого, охотно им помогают, печатают и т. д. Вся эта эмигрантская деятельность стала частью западного истеблишмента, скажем, интеллигенции понятно давно, и она знает, кто скажет по какому поводу».

Вот насчет «гораздо мягче и культурней» далеко не так. Алексеева ставила перед Великановой оперативную задачу – при подготовке очередных клеветнических материалов «хорошо бы затрагивать профсоюзную тематику при удобных случаях и, может быть, даже поискать ее. Это важнейшая сейчас задача... Сейчас очень ценен и каждый рабочий, эмигрировавший на Запад. Иванова мы использовали в Италии и здесь тоже постараемся подключить к профсоюзам и к „Свободе“ и т. д.

Что из этого получилось, слишком хорошо известно от того же Иванова, выехавшего из СССР в США в середине 1978

года. В письме из США в «Литературную газету» (20 августа 1980 года) он рассказал, как его сначала встретили там с распростертыми объятиями и немедленно включили в подрывную работу против Советского Союза. Но у Иванова быстро спала пелена с глаз, западная действительность оказалась отнюдь не такой, какой он ее представлял на основе «радиоголосов». «У меня создалось впечатление, что вся эта диссидентская капитель входит составной частью в какой-то мощный механизм чуть ли не глобального характера». За прозрением пришли действия, когда на одном из антисоветских дебошей к нему «подошла Алексеева и, немного помявшись, сказала: „К вам подойдут люди, и вы должны рассказать“. Я ответил, что никому не должен и пусть лучше не подходят».

Он дал отпор и другим, включая представителей НТС, радио «Свобода». Результаты не замедлили сказаться – Иванова, по профессии электромонтажника, уволили с завода «Эдисон прайс», где его было устроили. Последнее событие в его жизни, о котором он сообщил «Литературной газете»: один из вербовщиков в различные антисоветские организации, некто Ю. Машков, «прислал письмо. Письмо длинное и вежливое, но в нем есть фраза: „А ты все-таки относишься к разряду тех, кого могут убить не только грабители“. Комментариев, вероятно, не нужно.

Вернемся к тем, кто понес в 1980 году наказание по приговорам советских судов. Великанова была приговорена к четырем годам лишения свободы, суд принял во внимание ее

возраст и состояние здоровья. Некоторые, привлеченные к ответственности за антисоветскую агитацию и пропаганду, раскаялись в содеянном и были осуждены условно. Таковы, например, Ригельсон и Капитанчук, занимавшиеся изготовлением и распространением материалов о мнимых притеснениях верующих в СССР. В суде они признали, что по указке западных спецслужб, в первую очередь ЦРУ, занимались этим, чтобы осложнить положение СССР на международной арене. Как ответил Капитанчук на вопрос прокурора о целях изготовления им антисоветских материалов, «цель всех этих документов – вызвать давление Запада на СССР для изменения его политики».

Важно помнить, что в открытых процессах были оглашены по понятным причинам не все факты, установленные в ходе расследования соответствующих дел о руководстве и финансировании ЦРУ подрывной работы против СССР. Со временем об этом, разумеется, будет сказано, а пока нет никакой необходимости просвещать наших противников, что известно компетентным органам в Советском Союзе.

И последний вопрос – о мере наказания, избранной для лиц, совершающих описанные преступления. По всей вероятности, в этой связи уместно вернуться к цитированной выше статье советского юриста А. Трайнина. В сентябре 1978 года он писал:

«Минувшие процессы над Орловым и Гинзбургом дают много пищи для размышлений, они были осуждены по ст.

70 УК РСФСР. Думается, что суд избрал, особенно для Гинзбурга, минимально возможное наказание. Материалами предварительного и судебного следствия установлено, что цель пресловутого „фонда“, распорядителем которого был Гинзбург, заключалась, помимо прочего, в вербовке лиц для продолжения ими антигосударственной деятельности.

Свидетель К. показал: «Я пришел к твердому убеждению, что так называемый „фонд помощи политзаключенным“ предназначен для поддержки тех лиц, которые стоят на антисоветских позициях, проводят в той или иной форме враждебную по отношению к существующему в СССР строю деятельность или готовятся к ней, либо способны, по крайней мере при определенной ситуации, пойти на такие действия».

Свидетель И. показал: «Все, кто получал помощь из „фонда Солженицына“, должны были твердо стоять на антисоветских позициях и как-либо „проявлять себя“ в этом качестве, то есть вести антисоветскую деятельность, участвовать в „мероприятиях“, осуществляемых Гинзбургом и его соратниками».

Можно умножить подобные примеры. Некоторые лица после бесед с Гинзбургом и получения помощи из «фонда» совершили особо опасные государственные преступления и были осуждены. Таким образом, в деятельности Гинзбурга нельзя не усмотреть признаков преступления, подпадающего под ст. 64 УК РСФСР, – измена Родине. Заглянем в Уго-

ловный кодекс РСФСР. В ст. 64 указывается, что в состав преступления измена Родине входит «оказание иностранному государству помощи в проведении враждебной деятельности против СССР».

«Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР» (Москва, 1971 г., с. 159) гласит: «Оказание иностранному государству помощи в проведении враждебной деятельности против СССР означает совершение гражданином СССР по заданию разведывательного или иного заинтересованного органа или представителя иностранного государства либо по собственной инициативе каких-либо действий, способствующих осуществлению проводимой иностранным государством деятельности, направленной на подрыв или ослабление Советского государства. Эти действия могут заключаться в вербовке лиц для проведения ими враждебной деятельности против СССР, в том числе для совершения особо опасных государственных преступлений...»

Комментарии к «Комментарию» излишни. Суд имел все основания квалифицировать описанные преступления Гинзбурга по ст. 64 УК РСФСР со всеми вытекающими последствиями в отношении санкций. Не пойдя на это в случае с Гинзбургом, да и Орловым, советский суд проявил завидное терпение, но оно имеет пределы. Посмотрим, как будут развиваться события дальше, точнее, умерят или нет западные, в первую очередь американские, спецслужбы свое рвение в подрывной работе против СССР.

Когда дела Орлова, Гинзбурга и Щаранского были в процессе расследования и они уже содержались под стражей, в Соединенных Штатах вышла книга высокопоставленного в прошлом сотрудника ЦРУ Г. Розицкого «Тайные операции ЦРУ». Цель этих операций, сказано в книге, – «бороться с коммунистическими режимами на их собственной территории, оказывая помощь движению сопротивления там и ослабляя лояльность граждан передачами по радио, листовками и западной литературой». Все это, подчеркивает Розицкий, и входит в понятие «психологическая война», которая ведется против нашей страны. «Вероятно, самыми ощутимыми результатами психологической войны было налаживание американских контактов с диссидентами в Советском Союзе... Началась публикация советских подпольных материалов на Западе, и во многих случаях их тайком провозят назад в Советский Союз для более широкого распространения. Сбор и публикация рукописей из Советского Союза к настоящему времени стали крупным бизнесом со многими участниками, известными и тайными.

Действия в этой сфере Розицкий относит к «тайным операциям», проведение которых Вашингтон неизменно отрицает и вот почему: «Предпринимая те или иные действия, но не беря за них официально ответственность, правительство США руководствуется доктриной „правдоподобного отрицания“. Эта доктрина требует, чтобы ни одну тайную операцию нельзя было проследить к правительству США, Белому

дому, государственному департаменту, министерству обороны или Центральному разведывательному управлению. Это означает, что, когда данная операция проваливается, следует опровержение – она-де не была официально санкционирована, что дает возможность правительству избежать разоблачения в прямой лжи.

Доктрина «правдоподобного отрицания» проводится различными методами. Иностранцы получают средства через тайные каналы. Создаются private организации как в США, так и за рубежом, якобы частными лицами на их деньги, а средства им идут от фальшивых фондов (вспомним «фонд Солженицына». – Авт.) и мнимых благотворителей. Американские должностные лица участвуют в «неофициальных» действиях как частные граждане. Когда планируются тайные операции, всегда создаются легенды, дающие им невинное объяснение. Неизменная цель – найти подставных лиц».

Выражаем благодарность говорливому пенсионеру г-ну Розецкому, который весьма своевременно – в середине 1977 года – напомнил о механизме «тайных операций» ЦРУ. По этой схеме, конкретизированной предварительным и судебным следствием по делам Орлова, Гинзбурга и Щаранского, и проходила их преступная деятельность. Операция «Права человека» была задумана в недрах ЦРУ, наверняка получила благословение свыше (иначе почему столь громогласны «правдоподобные отрицания», которые мы слышим сейчас,

после осуждения преступников?), а за руку с поличным были пойманы пресловутые «подставные лица». Советский суд расшифровал их как платную агентуру ЦРУ, и справедливость восторжествовала».

12

Если уж речь пошла «про шпионов», решил и я попробовать свои силы на поприще юриста Трайнина и рассказать одну историю. Конечно, вооружение у меня, историка, не то – не по зубам вникать в юридические тонкости, но все же рискну.

Автор обычно вступает в обратную связь с читателем. По ту сторону наших границ, как мы видели, на мою книгу посыпалась отборная и глупая брань, а у нас я приобрел друга – ленинградского журналиста. Человек он застенчивый, пишет все больше о непонятных явлениях природы. Прочел первое издание этой книги и в один из наездов в Москву разыскал меня. Познакомились. Помимо прочего, стали рассуждать о людях таинственных и непонятных. У Юры, так назовем его, есть хобби – детективная литература.

Попалась нам статейка детективного жанра под названием «Про шпионов», написанная двумя бывалыми людьми. Оба в свое время потрудились в СССР во славу международного империализма, заработали сроки заключения, соразмерные содеянному, отбыли наказание и подались на Запад. Ниче-

му не научились, ибо добывают ныне хлеб насущный клеветой на нашу страну. В этой, прямо скажем, сердитой статейке они задали жару западным спецслужбам (вероятно, и по собственному опыту) за каменное равнодушие к их агентуре, отловленной в СССР, и привели конкретные примеры по личным впечатлениям от встреч с этой публикой, находящейся в местах, для нее предназначенных.

Один из описанных в статье, некий Храмцев, много лет назад дезертировал из Советской Армии и сбежал в Западную Германию. «В ФРГ, – по словам сердитых авторов, – он окончил американскую разведшколу и в 1953 году получил задание проникнуть на территорию СССР и, кажется, в районе Северного Урала определить расположение атомных объектов. До эпохи искусственных спутников такую информацию добывали методом „камикадзе“ – засылкой агентов внутрь страны». Сразу после тайной высадки с моря Храмцев попался и был осужден.

Храмцев, продолжают писаки, все твердил: «Я – американский гражданин». В скобках отметим, что никаких реальных выгод от служения богатой и могучей державе он никогда не имел. О нем, видимо, забыли те, кто когда-то послал его на смерть. Когда в 1972 году президент Никсон нагрянул в Москву, друзья на воле передали в американское посольство просьбу о помощи Храмцеву. Посольство долго наводило всяческие справки, потом пришел ответ: «Посольство США радо узнать, что мистер Храмцев жив». И все...

Тяжка участь «американского гражданина» – навалилась на него чугунным задом страна его предков, отвернулась, забыла легкомысленная страна его мечты».

Просто жуть берет, когда читаешь о том, что случилось в конце концов с «мистером Храмцевым», – освободили по отбытии наказания, «поселился в сотне миль от Москвы?», в одном городе, и что же? «Уповал на помощь богатейшей державы и остался в конце концов нищ и гол, словно Иов». Пристыдили, значит, ЦРУ ссылкой на библию и указанием расстояния в милях от Москвы, может, поймут, «страдалец» под боком...

Мыкаются за решеткой два отпетых прохвоста – Григорян и Капоян. Отец Григоряна – матерый мошенник. Прочно сел по уголовному делу. Сын надулся и пошел «мстить» – собирать и продавать через Капояна секретную информацию в ЦРУ. Продолжалось это дело, сообщают сердитые авторы, «бесперебойно около полутора лет. Однажды Капоян привез компаньону приятную новость: президент США выразил им личную благодарность за ценные сведения». Финал закономерен. На следствии предъявили неопровержимые улики – шпионские донесения. «Кстати говоря, – всплакнули авторы, – хитроумная бумага, на которой он писал свои донесения, оказалась вполне читабельной, хотя американцы клялись, что ГБ ни в жизнь не одолеет эту премудростью. За шпионаж суд определил положенные сроки.

Авторы сокрушаются: «Одного из нас Капоян просил,

прощаясь: „Напишите обо мне американцам. Может, они что-то смогут сделать для меня. Я честно на них работал и ни в чем не подвел. Все-таки их президент вынес нам личную благодарность – может, они об этом вспомнят“.

Мы пытались напомнить устно – безуспешно, Мы написали – безответно».

Не ответили, и кому! Как они считали, своим людям в ЦРУ. Написали эту разгневанную статейку, тиснули ее в журнале «Континент» (№ 29 за 1981 год), укоряя ЦРУ со страниц подведомственного ему органа: «Поскольку речь идет о людях в беде, мы позволили себе уклониться от морализирования на деликатную тему: о сотрудничестве с иностранной разведкой. Вместе с тем мы полагали, что:

1. Советская система в состоянии войны с демократическим миром, а потому разведывательные операции против нее не только оправданы, но и жизненно необходимы.

2. Агент разведки имеет право на защиту государства, ради которого он рискует столь многим» и т. д.

Мой ленинградский приятель прочитал статью и задумался. Потом встрепнулся и высказался в том смысле, что фамилии этих двух шпионов он где-то слышал. И решительно закончил – в Ленинграде наведу справки. Я не стал расспрашивать, Юра прирожденный журналист, которого хлебом не корми, а дай только пойти по следу чего-то таинственного. Приехал он в Москву весной этого года и, придя ко мне, молча положил на стол визитную карточку. На ней скромно,

но со вкусом напечатано: «Ленинградский рабочий. Репин Валерий Тимофеевич. Выпускающий еженедельника». И все потребное – телефоны, адреса. Я вскинул глаза на Юру – к чему это?

А вот Репин, скромно объяснил Юра, ныне опекает этих самых пойманных шпионов – Григоряна и Капояна! От него Юра и слышал как-то о них. И поведал мне историю поистине фантастическую, имеющую прямое отношение к сюжетам этой книги. Было трудно сначала поверить, но факты вещь упрямая. Оказалось, что радетель шпионов Репин еще находится в душевных отношениях с неким Любарским. Расстояние не помеха, в середине семидесятых годов Любарский выехал из СССР и ныне обитает в ФРГ, в Мюнхене. Кто такой Любарский? Юра вручил мне вырезку из газеты «Голос Родины», которая в феврале 1980 года напечатала статью В. Неймана. Вот часть ее, касающаяся Любарского:

«Вздор, вздор, вздор – мерно стучит американская пропагандистская машина, печатающая в двух красках: розовой – о Западе, черной – о Советском Союзе. Хотя в США есть немало емкостей для указанных красок, тамошние дельцы от пропаганды весьма ценят особо мрачный колер, секрет производства которого ревниво хранили отщепенцы, заявлявшие в нашей стране о ненависти к советскому строю. Этот импортный товар с великими предосторожностями контрабандой тащили через советскую границу и приправляли им западные небылицы о Советском Союзе. В обмен, как по-

добает в бизнесе, поставленном на широкую ногу, шли вознаграждения: небольшие денежные суммы, иностранное барахло и пр. Главное – тусторонние средства массовой информации создавали отщепенцам ореол „мучеников“, „правоборцев“ и т. д.

В Советском Союзе с завидным терпением пытались разъяснить этим людям, что не делом они занялись, негоже, живя на советском хлебе, клеветать на собственную страну. Куда там! Подбадриваемые эмиссарами из США, оглушенные голосами по радио, они закусили удила.

Мы за гуманизм, и коль скоро «мученики» заверяли своих американских радетелей, что им душно и тошно на Родине, а на Западе-де рай, то отпустили несчастных в те самые райские кущи. Да и вошли в положение руководителей американской пропаганды, опять же только в интересах гуманизма избавили их от утомительных хлопот по доставке идеологической контрабанды из СССР, так сказать, воссоединили источники «информации» с потребителями. Наверное, очень своевременно, ведь в США ужасно много хлопочут о разного рода «воссоединениях», и мы пошли навстречу.

Если судить по гласным откликам с Запада, то «мученики» там обрели покой и довольство. Мы на них злобы не таим, а посему решили: вот и славно, от всей души помогли людям. Но очень скоро от лиц, знавших «правоборцев» в СССР, пополз слухок – неважно живет в раю. Нашей первой реакцией было крайнее недоумение: как же так? За-

тем даже сомнение – может быть, злые языки. Все это рассеялось как дым, когда следственные органы нам предъявили несколько писем, адресованных тем в СССР, кого знали отставные «мученики» и кому доверяют. В них-то они и излили душу...

На дармовщину на Западе располагал Любарский, который в СССР вместо своей специальности астрофизика давно переквалифицировался в профессионального антисоветчика. Тогда он вертелся вокруг небезызвестного «фонда Солженицына», распорядителем которого по воле западных спецслужб был рецидивист Гинзбург. Они неплохо погрели руки около денег «фонда», а когда распорядителя власть разлучила с «фондом», для Любарского настали золотые деньки. Один из очевидцев так описывал времена, когда Любарский воцарился в бывшем доме Гинзбурга в Тарусе: «Диссидентские» ходоки буквально полонили Тарусу. Любарский делил их на значимых и незначимых, принимая первых с царской роскошью, не жалея иностранных деликатесов, других угощая стаканом чая... Жадные, корыстные, подлые, лицемерные – все это подходит к личностям «диссидентов», и я видел их именно такими, снявшими «маски» после ареста Гинзбурга... «Фондовый пирог» глотали не жевавши, отталкивая друг друга как свиньи от корыта... Доедая и проживая «фонд», они знали, что новых поступлений не будет, и все решили улизнуть за границу». Значит, к самому источнику благ.

Оказавшись у источника, Любарский впал в недоумение и теперь скулит в письме: «Большая, конечно, проблема для нас, эмигрантов, – это работа. Все блага жизни здесь в общем-то даются при единственном серьезном условии: надо работать не за страх, а за совесть, так, как мы... работать не умеем. Синекур тут нет... Мы не умеем так работать, темп, интенсивность не выдерживаются... В большинстве случаев наши эмигранты начинают жаловаться на неуверенность в будущем. Это, однако, их вина (точнее, их беда), ибо, получая что-то, надо уметь и давать. В Европе это еще не так остро. В Америке чувствуется сильнее. Места есть. Проблема – как занять их».

А как их займешь, когда тот же Любарский давным-давно отвык от любого труда. Ведь для него, по уши погрязшего в антисоветской болтовне, как следует из письма, «профессиональная работа уже не существует». Да даже если бы и существовала, перспективы найти понимание, скажем, в Австрии или Италии равны нулю. По причине очень основательной: оглянувшись по сторонам, он заключил: «Своим хамством, рвачеством, вымоганием денег, воровством в отелях, жульничеством, грязью за несколько лет наша братия довела... венцев и римлян до состояния тихой ненависти к нам».

А на что тогда «астрофизик» живет? Он обнаружил, что «фонды» существовали для него и подобных только тогда, когда он мучил воду в СССР. Теперь же приходится отрабатывать каждый грош, мотаясь по разным странам с языком

на плече – произносятся антисоветские речи на различных собраниях. За что и кормят.

Конечно, эта публика быстро уяснила, что, мягко говоря, было бы неосмотрительно покушаться на руку, дающую корм. Поэтому публично они помалкивают, кланяются и благодарят. Но в письмах-то сдерживать раздражения не могут – катили на Запад, надеясь стать не меньше как оракулами, а на деле оказались ничтожными винтиками в громадном механизме антикоммунистической пропаганды. Что до их «переживаний», то никому до них дел нет. Как сообщил Любарский, «бороться за тебя ради тебя никто не будет».

Да, при ближайшем рассмотрении перехваленная американская цивилизация предстала перед разинувшими было рот на чужое совершенно иной. Вот и жалуются они тайком от «гостеприимных хозяев» в письмах друзьям в СССР. «В ужас привел Нью-Йорк, – сообщает Любарский. – Нигде я не видел такой грязи, неустроенности, подавленности какой-то, как в Нью-Йорке».

Посему, высказал догадку Юра, и поселился в Мюнхене, где тоже свили гнездо западные спецслужбы, в первую очередь агентура ЦРУ. Отсюда Любарский, как видим, специалист по «фондам», какими-то тайными путями достал Репина. Итоги их договоренности Юра видел собственными глазами, скромнейший выпускающий еженедельника стал сорить деньгами.

Суетная гордыня иной раз не знает пределов, а если свое

место в жизни человек еще определяет числом денежных знаков (неважно, как полученных) в своих карманах, его буквально распирает желание доказать всем, всем, всем собственное величие над простыми смертными. С большой серьезностью Репин навязался Юре (надо думать, не ему одному) с рассказами о том, что он «деятель» международной значимости, распорядитель «фонда Солженицына» по Питеру. Ошарашенный журналист (а как бы вы почувствовали себя на его месте?) отнес сказанное за счет безудержной фантазии. В ответ Репин вытащил из тайника внушительную пачку денег, многозначительно заявив – «тепленькая». Только что получил от какого-то иностранца. Юра онемел, а Репин закусил удила. Его понесло.

Посыпались имена, всяческие подробности. Вот тут и всплыли те два шпиона. Покопавшись в бумагах, Репин извлек картотеку «политических заключенных» в СССР. В числе самых «выдающихся» он и назвал этих шпионов. На карточке Григоряна значилась пометка Репина: «Отказался во время своих действий, направленных на подрыв коммунистического строя, от платного вознаграждения, когда ему представители свободного мира предлагали за доставленную информацию. Пользуется среди многих заключенных репутацией осторожного, не весьма приятного человека, хотя существует и противоположное мнение». О Капояне – «замкнутый». Эти курьезы, с сохранением орфографии Репина, Юра с его разрешения и списал, как и заключительную

аналогичную фразу на обеих «объективках», – «нуждается в материальной и моральной поддержке».

Памятуя о том, что ЦРУ отступилось от них, Юра подступил к Репину с вопросами: что за чертовщина, он что, с ума сошел, объявляя себя покровителем шпионов? Да и не делая из этого особого секрета, Юра предрек ему неизбежное столкновение с законом. Надув щеки и не пряча блудливых глаз, Репин изрек нечто непонятное о «гуманизме» и понес окоlesiцу насчет «узников совести» и прочего. Где эти «узники совести», взъярился Юра. Здесь, хлопнул по пухлой картотеке Репин.

Да, компания впечатляющая: Б. осужден за измену Родине. Семья порвала с ним. Пометка Репина: «Нуждается в моральной поддержке, и желательно добиться, чтобы на его имя посылала от себя письма его дочь» (между прочим, 1967 года рождения). Б. Убийца. Пометка Репина: «Мало развит. Требуется моральной и материальной поддержки, так как тяжело переживает свою отсидку. Желательна переписка внутренне-воспитательного характера для приобретения уверенности и моральных истин». В. осужден за измену Родине, пометка: «Помочь развить обширную переписку с земляками». Г. уголовник-рецидивист, под кличкой Люцифер. Пометка: «Помогать». Е. пытался наняться в агенты ЦРУ. «Ввиду своей стойкой позиции и участия в правозащитной борьбе... нуждается в усиленной моральной поддержке. Также материальной». В. бывший полицей, уголовник. «Плохих откло-

нений от лагерной морали не замечено. Вроде порядочный (уточнить). Нуждается в материальной поддержке?»

Д. осужден за попытку гнусного дебоша. Пометка: «Нуждается в ненавязчивой морально-материальной поддержке». З. осужден за попытку угона самолета. Пометка; «Занимался гомосексуализмом. Аполитичен. Нуждается в сильном моральном воздействии посредством писем». К. осужден за шпионаж. Пометка: «Убежденный антикоммунист. Встал на путь борьбы с целью помочь свободному миру. Нуждается в усиленной моральной и материальной поддержке».

Картина ясна. Репин по различным каналам выяснял контингент заключенных в лагерях. Он, вероятно, не один выносил суждение о том, кому нужна пресловутая «поддержка». Но не все шпионы, убийцы, бандиты и прочие достаивались ее. А только те, кто принимал участие в «акциях», то есть: пытался и в местах заключения демонстрировать свою лютую злобу ко всему советскому. Будь ты хоть шпион из шпионов, но если осужденный раскаялся и встал на путь исправления, на карточке значилось – «гнилой», и соответственно «помощи» не жди.

Большой изобретательности нет, повторение до точки гинзбургской затеи с «фондом Солженицына». Битая схема – ЦРУ от имени экс-«страдальца» нелегально переправляет деньги нынешним «страдальцам».

Все до тошноты знакомо. «Помощь» оказывается не за так, а в оплату за услуги – подрывную работу, которую надле-

жит не прерывать, даже отбывая наказание. Коль скоро шпионить, грабить, убивать по понятным причинам под караулом нельзя, принимай участие в «акциях» против администрации мест заключения, изображай из себя «узника совести». За что и получишь пресловутую помощь – десятку-другую в год, да не всегда, зато слова ободрения шепотком. Они много не стоят. Впрочем, и ободрение не всегда, ибо в цепочке радетелей – ЦРУ, НТС, Любарский, Репин, неизвестные посредники – помыслы устремлены в другом направлении. Пока наверняка очень скромная сумма, выписанная в ЦРУ на «благое дело», дойдет до «страдальца», на каждом звене цепочки она, пустяковая с самого начала, истает, каждый служитель «святого дела» торопится собственной рукой вознаградить себя за труды. Проще говоря, ворует, следуя примеру «основоположника» дела – мошенника Гинзбурга.

В одном из конспиративных писем из-за кордона «дорогого друга» Репина озадачили сбором сведений, составляющих государственную тайну. Помимо этого, разумеется, приказ сообщать о том, как ведут себя лица, подобные перечисленным в картотеке Репина. И раздраженный выговор по поводу сведений, посланных на Запад о Лубмане (помните того авантюриста, который попытался было поступить в агенты ЦРУ?): «Описание „дела Лубмана“ составлено плохо. Каша эмоций, а ни дела, ни биографии нет. Эту кашу просто невозможно использовать». Оно и понятно, в картотеке Репина значился и Лубман, содержание дела которого излага-

лось так: «Лубман советовал западным радиостанциям заботиться о точности и правдивости сообщений, шире использовать критические материалы из сов. прессы, дополняя информации на эту же тему».

Мы уже видели, за что Лубман был привлечен к уголовной ответственности, отнюдь не за благие пожелания, а конкретные, тяжкие преступления. Гнев ЦРУ – НТС в этом случае на своего платного горе-информатора Репина, однако, понятен. Он проявил нерасторопность, переслал на Запад «легенду», которую распространяет, видимо, сам Лубман о себе, пытаясь предстать «невинно» пострадавшим агнцем. А по новейшим воззрениям ЦРУ, нужно хвастать иным – подрывной работой против нашего государства и народа.

Скучная и противная история с банальным началом и концом. Летом 1982 года обнаглевшего Репина арестовали. Итак, пресечена еще одна попытка ЦРУ организовать силы, враждебные нашему государству. Не хилых «правозащитников», оказавшихся в полной изоляции в нашем обществе, а людей, по мнению ЦРУ, покрепче. Один из вопросников, присланных Репину от ЦРУ через НТС (10 страниц убористой печати, 68 вопросов и многие десятки подвопросов), бесподобен: кадры для нечестивого воинства надлежит подбирать среди лиц, столкнувшихся с уголовным кодексом.

Судите сами. «Вопрос 15. Примерное процентное соотношение заключенных лагеря (тюрьмы) по видам совершенных преступлений: а) хулиганство, б) грабеж, в) кража, г)

хищение государственного или общественного имущества, д) убийства, е) изнасилования, ж) политические – с расшифровкой статьи УК, по которой осужден, и краткая характеристика дела, з) прочие преступления».

Так называемые «узники совести» имеют все основания считать себя кровно обиженными. Коль скоро они не успели получить хоть какую-нибудь поддержку, их задвинули. По значимости поставили в строю ЦРУ в затылок за сексманьяками и перед уголовной шпаной, а в гвардию ЦРУ собирается набирать хулиганов, грабителей, воров и убийц! Какой же иной вывод можно сделать из этого?

Собственно, о том же пишет и орган НТС «Посев». Что-то участились в последнее время в нем рецепты уголовного пошиба. В октябре 1981 года, рассуждая о способах финансирования «подпольной, конспиративной войны» (в статье под заголовком «Кое-что о добывании средств»), бандитский орган рекомендует спекулировать автомашинами, дублинками и вообще «дефицитом». Многоопытные в этих делах сотрудники журнала дают очень подробные советы, как проворачивать надлежащие преступные операции. Вообще, подчеркивается в редакционной статье в этом же номере, нужно подыскивать в уголовном мире «надежных» людей. И далее, «вся эта работа, разумеется, требует закрытых методов, а не таких, какие использовались правозащитным движением».

В мартовском номере за 1982 год «Посев» разъясняет: «Демократическое движение свои задачи уже выполнило.

Сейчас на повестке дня создание народной революционной организации, которая будет готовить Россию к будущей великой революции». Эка хватило! Эпитеты высокие, а на деле признание очевидного – провала отщепенцев и ставка на людей, которых по заданию ЦРУ выискивал, например, Репин. О «величии» той революции и качествах той «организации» свидетельствует классификация кадров, которые пытались собрать ЦРУ хотя бы его руками. Уголовники – вот на кого ныне надеется опереться ЦРУ!

13

Теперь о том, кто нашими врагами на Западе провозглашен чуть ли не пророком, о Сахарове. Считается просто неприличным бросить даже слово упрека или подвергнуть Сахарова любой критике. Пророк, и все!

Если посмотреть по существу, то даже среди врагов Советского Союза (точнее, между ними, «своими») Сахаров предстает совершенно иным. Однодумец священника Дудко, привлеченного в 1980 году в СССР к ответственности за подрывную работу, некто Тетенко писал Дудко из США 7 января 1979 года: «Позицию, занятую Сахаровым, я не разделяю. Вот если помните, здесь Эндрю Янг (черный посол в ООН) заявил, что в США есть политзаключенные, так на него набросились вес в Белом доме, даже Вэнс обругал его. Потом, когда второй ран он встретился с палестинцами, его

засекли евреи и вытурили с поста в ООН. Как видите, свобода высказываний в США сопряжена с определенными обязательствами, а точнее, ругать можно СССР. А Сахаров ведет себя так, будто он посвящен в военные секреты, зная наперед планы. Со стороны его это в лучшем случае провокация, а в хорошем работа на Запад. Неужели Сахаров такой простофиля, что не может уловить дух народа, его корни, историю, культуру!»

Немало аналогичных оценок содержится в «служебных» документах «правозащитников». Что касается приведенного и других писем к Дудко, то, быть может, они сыграли какую-то роль в том, что он осознал преступность дела, за которое взялся, помимо прочего не подобающего его сану, и, как известно, публично раскаялся.

Те, кто ведет подрывную работу против Советского Союза, поднимают оглушительный шум по поводу Сахарова, документируя каждый его шаг. Они в штыки встречают объективную оценку в СССР деятельности Сахарова. Тот самый «Посев» преподнес как сенсацию: «Горьковская правда» (12.6.1980 г.) опубликовала статью Н. Яковлева «Предатели» с грубыми нападками на А. Сахарова и А. Солженицына. Автор статьи утверждает, что в СССР не хватает продуктов потому, что Сахаров призвал Запад к торговому бойкоту СССР, а также «оправдывает гонку вооружений». Орган Горьковского обкома ВЛКСМ (22.6.1980 г.) «по просьбе читателей» перепечатал из «Известий» от 15.2.1980 г. ста-

тью «Цезарь не состоялся», содержащую клевету и грубые нападки на Сахарова».

Коль скоро речь пошла обо мне, то все же нужно уточнить. Статья «Предатели» отнюдь не написана в 1980 году, а является перепечаткой части моей статьи «Продавшийся и простак», появившейся в феврале 1974 года в издании Советского комитета по культурным связям с соотечественниками за рубежом «Голос Родины». Что касается второй упомянутой статьи «Цезарь не состоялся», то это перепечатка статьи, появившейся не в «Известиях», а в «Комсомольской правде». Она принадлежит перу советских журналистов А. Ефремова и А. Петрова.

Ни в моей статье, ни в статье этих авторов, разумеется, нет и намека на «клевету», а содержится разбор взглядов Сахарова и разъясняются цели и методы его подрывной работы против СССР. Впрочем, не будем рассуждать вообще, а посмотрим на обе статьи. (С большим удовлетворением я увидел, что нет необходимости менять и запятую в моем материале, написанном почти десять лет назад.) Итак, пусть читатель рассудит. Вот выдержка из статьи «Продавшийся и простак»:

«Отбросы научно-технического прогресса .

Наша эпоха научно-технической революции ставит перед человечеством и серьезные социальные задачи. Восторг перед возможностями науки и техники Запада зачастую пере-

ходит в глубокий пессимизм, когда начинают размышлять, какие беды могут сотворить чудеса XX века в руках людей нравственно ущербных. Как организовать общество, как интегрировать величайшие научно-технические свершения в жизнь человечества, не лишив его жизни? На этой почве расцветают различные теории «технократии», когда ставится знак равенства между знанием техники и способностью управлять обществом.

Безмерные претензии сторонников «технократии» – предмет исследования футурологов и объект постоянных насмешек подлинной научной фантастики. Один из основоположников этого жанра – итальянский писатель Лино Альдо-ни – вложил в уста героя маленького рассказа «Абсолютная технократия» поучительные рассуждения:

«Стив предался размышлениям о технократии... Во время оно человеческое общество было крайне неорганизовано, на руководящие посты назначали самых неопытных, в то время как люди высокого интеллекта всю свою жизнь могли занимать весьма жалкое положение. Так во всяком случае было написано в учебниках. В двадцатом веке все еще процветал варварский строй. У власти стояли не техники-специалисты, а политиканы; эта порода людей, страдающих манией величия и излишней горячностью, исчезла с наступлением эры технократии... Стив даже не понимал толком, что так ценно в этой абсолютной технократии. Он знал лишь одно – абсолютная технократия считается настоящим благом

для всего человечества. Он рос в религиозном почитании социальных законов, принимая их с той же непосредственностью, с какой в детстве учатся говорить»²³⁷.

Вымышленный человек будущего, Стив думает об этом в драматически-юмористической ситуации – при сдаче экзаменов, включающих неевклидову геометрию и теорию относительности, для занятия должности подметальщика улиц второго разряда. Альдони приглашает читателей своего рассказа посмеяться над эксцессами логического завершения теорий «технократии». Действительно смешно, хотя не очень весело.

Герои нашего рассказа – люди куда как серьезные в отличие от простака Стива, они точно знают, в чем состоят блага «технократии». Правда, математик по образованию Солженицын и физик Сахаров принимают свою неосведомленность за уровень развития гуманитарных наук. Не знают они и о другом – в свое время промышленная революция породила анархизм, а научно-техническая революция также имеет свои издержки – иные никак не могут подыскать себе подобающего, по их мнению, места в обществе. Но это их не смущает. В развязном письме на имя руководителей партии и правительства от 19 марта 1970 г. Сахаров, коснувшись сложнейших вопросов общественной жизни, пытается анализировать их, по его профессиональному выражению,

²³⁷ Луна двадцати рук. Сборник фантастических рассказов. Перевод с итальянского. М., 1967, с. 52 – 53.

«в первом приближении» или оговариваясь «важно, как говорят математики, доказать „теорему существования решения“. Видимо, тоже метил заявить о себе.

Вооруженные столь точным и уместным методом, они строят модель идеального общества. Первый приступ к решению многотрудной задачи Солженицын сделал еще в «Августе Четырнадцатого», заставив своих положительных героев пуститься в рассуждения, как благодетельствовать человечество, внося должный порядок в его неустроенность. Удачливый делец Архангородский веско изрекает революционерам: «Вас тысячи. И никто давно не работает. И спрашивать не принято. И вы – не эксплуататоры. А национальный продукт потребляете да потребляете. Мол, в революцию все окупится» (стр. 534). Сей муж, наделенный проницательностью необыкновенной, отрицает известные формы организации общества: «Не думайте, что республика – это пирог, объединение. Соберутся сто честолюбивых адвокатов – а кто же еще говоруны? – и будут друг друга переговаривать. Сам собою народ управлять все равно никогда не будет» (стр. 536).

Начатки солженицынской азбуки, следовательно, состоят в том, что политика, политические партии – груз для человечества излишний. Промахнулись «сто честолюбивых адвокатов» (а столько их и заседает в сенате США!), явно промахнулись. Они, расточая средства налогоплательщиков на содержание подрывных радиостанций, засоряющих эфир злобным бредом Солженицына, не усмотрели, что он уже списал

почтенных сенаторов со счетов как лиц, совершенно бесполезных. Но это их забота. Пойдем дальше.

Другой мудрец, любовно выписанный в книге и наделенный титулом инженера, добавляет: «Я считаю – Союз инженеров мог бы легко стать одной из ведущих сил России. И поважней и поплодотворней любой политической партии... Деловые умные люди не властвуют, а созидают и преобразуют, власть – это мертвая жаба. Но если власть будет мешать развитию страны, – ну, может, пришлось бы ее и занять» (стр. 527). Не пришлось – в России свершилась Октябрьская революция, и в «Архипелаге Гулаг» Солженицын возвращается к этим же планам, но уже от своего имени.

Грубо фальсифицируя историю, он утверждает, что диктатура пролетариата якобы направлена против технической интеллигенции. И тут же демагогия – сознательно смешивается политическое понятие диктатуры пролетариата и конкретное руководство экономикой. Октябрьская революция открыла широчайший простор для взлета научно-технической мысли, по Солженицыну, дело обстояло наоборот. «Как могли инженеры воспринять диктатуру рабочих – этих своих подсобников в промышленности, малоквалифицированных, не охватывающих ни физических, ни экономических законов производства, – но вот занявших главные столы, чтобы руководить инженерами?» (стр. 392). Где это видел Солженицын, разве в декларациях «рабочей оппозиции», бескомпромиссно осужденных партией? Все эти нелепости не за-

служивали бы внимания, если бы они не проясняли сверхидею Солженицына – в обществе должна господствовать «технократия».

Уровень интеллектуального свершения Солженицына, достигнутого посильной ему умственной работой, можно сопоставить разве с приведенными рассуждениями героя рассказа итальянского фантаста, включая текстуальное совпадение. Итак, откровение Солженицына: «Почему инженерам не считать более естественным такое построение общества, когда его возглавляют те, кто может разумно направить его деятельность? (И обходя лишь нравственное руководство обществом, – разве не к этому ведет сегодня вся социальная кибернетика? Разве профессиональные политики – не чирьи на шее общества, мешающие ему свободно вращать головой и двигать руками?) И почему инженерам не иметь политических взглядов? Ведь политика – это даже не род науки, это эмпирическая область, не описываемая никаким математическим аппаратом да еще подверженная человеческому эгоизму и слепым страстям» (стр. 392 – 393).

Вот и докопались до сути дела, которое, как мы видели, прекрасно уместилось в крошечном сатирическом рассказе фантаста. А тут то же вещается с напыщенным видом пророка, размазывается на полотне романа в многие сотни страниц.

Коль скоро Солженицын помянул неведомую «социальную кибернетику» и тем обнаружил свою ученость, до-

смотрим, как относился к проблеме осчастливить математическими методами, кибернетикой и прочим общественное устройство сам Н. Винер. При известной широте взглядов, страстной приверженности к новым гипотезам основатель кибернетики твердо знал: «Гуманитарные науки – убогое поприще для новых математических методов». «Нравится это нам или нет, но многое мы должны предоставить „ненаучному“, повествовательному методу Профессионального историка»²³⁸. В интереснейшей книге «Акционерное общество Бог и Голем» он заклинал: «Отдайте же человеку – человеческое, а вычислительной машине – машинное»²³⁹.

Появление кибернетики в свое время свело с ума адептов «технократии» разных мастей. Задолго до Солженицына они успели выпалить все возможные доводы в пользу великого значения точных наук для общественной жизни. Н. Винер, наблюдая потуги воскресших лапутян, сказал о «напрасных надеждах», которые возлагаются на новые методы точных наук. Такие люди «убеждены, что наша способность управлять окружающей нас материальной средой намного обогнала нашу способность управлять окружающей нас общественной средой и понимать ее. Поэтому они считают, что основная задача ближайшего будущего – распространить на области антропологии, социологии и экономики методы естественных наук, с целью достижения таких же успехов в со-

²³⁸ Н. Винер. Кибернетика. М 1967, с. 74, 238.

²³⁹ Н. Винер. Творец и робот. М., 1966, с. 82 – 83.

циальных областях. От убеждения в том, что это необходимо, они переходят к убеждению в том, что это возможно. Я утверждаю, что в этом отношении они обнаруживают чрезмерный оптимизм и непонимание сущности всякого научного достижения».

А чтобы пояснить свою мысль в общетеоретическом плане, Н. Винер шутливо написал: «Мы не можем придавать слишком большого значения этому направлению мыслей, подсказанному желанием. Их мысли – это мысли мышей из басни, захотевших повесить колокол на шею кошке, чтобы знать о ее приближении. Без сомнения, было бы очень приятно для нас, мышей, если бы хищные кошки мира сего носили такие колокола; но кто возьмется это сделать? Кто гарантирует нам, что власть не попадет снова в руки тех, кто больше всего жаждет ее?»²⁴⁰. Винер прекрасно понимал, что водятся и злонамеренные ученые мыши. Что дело обстоит именно так, убеждает ознакомление не только с пасквилями Солженицына (с которого в области науки и спрашивать нечего), но и с маршрутами прогулок в страну Политика просвещенного академика Сахарова.

Если Солженицыну для выражения своих мыслей потребовались многие тысячи страниц, которые он с графоманским упрямством грозитя дополнить еще новыми «узлами» и «частями», то академик похвально лаконичен. Брошюра в 38 страниц «Размышления о прогрессе, мирном сосуще-

²⁴⁰ Н. Винер. Кибернетика с. 235 – 236.

ствовании и интеллектуальной свободе» вобрала без остатка все идеи Сахарова. С момента сочинения в 1968 г. академик не дополнял свое бесподобное откровение. Отправляясь в незнакомую для него страну, Сахаров, как и подобает ученому, естественно, помянул того, кто служит ему маяком, – «выдающегося писателя А. Солженицына» (стр. 22). Почерпнув «мудрость» в этом зловонном источнике, академик понес околесицу и сущий вздор, занявшись описанием идеального, на его взгляд, общества, ибо Советское государство Сахарова не устраивает.

Он даже не стоит, а лежит на антисоветской платформе. Эпитет «позор» Сахаров без конца применяет к нашей стране. Почему, собственно? Вот почему, разъясняет Сахаров, нет «демократизации» и не учитывается мнение умников (нетрудно догадаться – академика и его единомышленников). Назойливые рассуждения на эту тему играют у Сахарова ту же функциональную роль, что и разглагольствования Солженицына о нарушениях социалистической законности – это целлофановая упаковка сути его взглядов. Походя заметим – упаковка, порядком поношенная. В ней в свое время пытались всучить простакам свое кредо кадеты.

Это они именовали себя «мозгом нации» и на этом основании взывали к поддержке масс. Это они бурной осенью 1917 года оклеили города России призывами голосовать на выборах в Учредительное собрание за список № 1 (кадетов или партии Народной свободы). Стандартный текст под

плакатом-обращением тех времен гласил: «Партия Народной свободы всегда требовала власти народа... Партия свободы всегда выдвигала людей государственных и житейского опыта и знаний». Известно, что в России тогда прекрасно разобрались в намерениях причисливших себя к самым умным. Воззрения Сахарова, вне всякого сомнения, – рецидив кадетских взглядов с поправкой на научно-техническую революцию. Ибо он единодушен с кадетами в главном – власть должна принадлежать капиталу.

Он требует поглощения социализма в рамках капитализма, ибо капиталистический строй якобы более совершенен. В самом деле, какая прекрасная страна – «наличие в США миллионеров не является слишком серьезным экономическим бременем в силу их малочисленности. Суммарное потребление „богачей“ меньше 20 процентов, то есть меньше, чем суммарный прирост народного потребления за 5 лет. С этой точки зрения, революция, которая приостанавливает экономическое развитие более чем на 5 лет, не может считаться экономически выгодным для трудящихся делом» (стр. 29).

Загвоздка одна – как же распространить великолепный строй на все человечество? На помощь, конечно, придет наука, «международная политика должна быть всецело пропитана научной методологией» (стр. 8). Нужно только покончить с малым – марксизмом, встать на позиции «реализма», и вот оно, чудо из чудес, – к 2000 году на земле возник-

нет мировое правительство! О нем давно тоскуют все «технократы». Они пытаются записать в сторонники своей драгоценной химеры людей, ни сном ни духом не ведавших о ней. Американский физик, пресловутый «отец» заокеанской ядерной бомбы Э. Теллер с серьезнейшим видом изрек: «Я никак не могу отделаться от мысли, что президент Рузвельт мог планировать использовать атомную бомбу в качестве могучего средства в пользу мирового правительства»²⁴¹. При жизни Рузвельта атомного оружия еще не было, а рассуждения типа Теллера, заметил американский историк проф. В. Вильямс, не поддаются проверке, ибо «обвинения, выдвинутые впоследствии, что Рузвельту следовало бы заглянуть на три месяца вперед в область ядерной физики, чистейший абсурд»²⁴².

Идея мирового правительства одно время овладела и великим физиком А. Эйнштейном. Когда после второй мировой войны он заговорил об этом, советские ученые сочли необходимым откровенно высказать свое мнение по поводу этого. В письме академиков Вавилова, Иоффе, Семенова, Фрумкина «О некоторых заблуждениях профессора Альберта Эйнштейна» («Новое время», 26 ноября 1947 г.) воздавалось должное деятельности Эйнштейна, который «неоднократно поднимал голос против гитлеровских варваров, а в послевоенный период против опасности новой войны,

²⁴¹ E. Teller, A. Brown. The Legacy of Hiroshima, N. Y., 1962, p. 24.

²⁴² W. Williams. American – Russian Relations, 1781-1947, N. Y., 1952, p. 277.

против стремления американских монополистов полностью подчинить себе американскую политику. Советские ученые, как и вся советская общественность, приветствуют эту деятельность ученого, движимую искренним гуманизмом».

Но разговоры о мировом правительстве, констатировали Вавилов, Иоффе, Семенов и Фрумкин, «представляются нам не только неверными, но и опасными для дела мира, за которое хочет бороться Эйнштейн». И далее объяснялось, что означает лозунг мирового правительства в современных условиях: «Лозунг наднационального сверхгосударства прикрывает громко звучащей вывеской мировое господство капиталистических монополий... Ирония судьбы привела Эйнштейна к фактической поддержке планов и устремлений злейших врагов мира и международного сотрудничества. Именно потому, что мы так высоко ценим Эйнштейна и как крупнейшего ученого, и как общественно-го деятеля, мы считаем своим долгом сказать это с полной откровенностью, без всяких дипломатических прикрас...»²⁴³. Физику Сахарову полезно бы перечитать сейчас это письмо своих старших коллег.

В самом деле, какие же блага принесет «мировое правительство» человечеству, помимо железной пяты монополистического капитала США? Очень многое, заверяет Сахаров. Сославшись на опасности «технократии», о которой упоминает Н. Винер и в книге «Кибернетика», и помянув

²⁴³ «Новое Время», 1947, 26 ноября, с. 18.

его книгу, открестившись от желания превращать людей «в куриц или крыс» с вживленными в мозг электродами для контроля над их поведением (стр. 20 – 21), Сахаров открывает именно такие перспективы перед всеми людьми. Вот как сказано черным по белому: у мирового правительства будет множество возможностей, ибо с момента его создания «успехи биологических наук (в этот и последующие периоды) дадут возможность эффективно контролировать и направлять все жизненные процессы на биохимическом, клеточном, организменном, экологическом и социальном уровнях, от рождаемости и старения до психических процессов и наследственности включительно» (стр. 35).

Веселенькую перспективу готовят «технократы»! Вот куда выводит кадетская идеология в эпоху научно-технической революции! Мир живых роботов под бдительным оком и надзором олигархии денежного мешка. Но для этого нужны стальные нервы, по крайней мере, у зачинателей бесчеловечного образа действия. Обладают ли ими «диссиденты»? Солженицын успокаивает: мы люди решительные. В «Архипелаге Гулаг» он заверил, что со своими единомышленниками готов на все. «Один и тот же человек, – учит Солженицын, – бывает в свои разные возрасты, в разных жизненных положениях совсем разным человеком. То к дьяволу близко. То и к святому. А имя – не меняется, и ему мы приписываем все...

А кликнул бы Малюта Скуратов нас – пожалуй, и мы б не

оплошали» (стр. 176).

Солженицына, человека с определенно преступной психологией, легко представить себе в этой роли, но едва ли она подходит для Сахарова. При всей нелепости его суждений они все же подходят под категорию благоглупостей «технократа», и осмеять их – достаточное воздаяние. Вероятно, ему нужно посоветовать то, что является предпосылкой любого научного поиска, – критически взглянуть на себя. Хотя бы в зеркало. Тогда многое прояснится. Наряд заплечных дел мастера, пособника Малюты Скуратова, ему определенно не к лицу.

Описанное теоретическое кредо «диссидентов» лежит в основе их практики – подрывной работы против Родины. Приемы и методы ее разнообразны, но превалируют в последнее время прямые обращения к руководящим кругам Запада с почтительной просьбой усилить давление на Советскую страну по всем линиям. Страдающий политической маниловщиной, простак Сахаров просит конгресс США не допустить предоставления СССР режима наибольшего благоприятствования в торговле. Солженицын, конечно, злоумышленно настаивает, что деловые контакты с нашей страной – это «новый Мюнхен» и т. д. Коротко говоря, они стремятся сорвать разрядку международной напряженности, будучи уверены, что на путях «холодной войны» удастся нанести поражение социализму.

«Диссиденты» воюют против «коммунизма», но наносят

ущерб всем нам, до последнего человека. Ибо от разрядки напряженности, расширения торговли выиграла бы каждая семья. Вот как оборачивается забота «радетелей» о народе.

Усилия «диссидентов» по достоинству оцениваются реакционными кругами Запада, ибо рекомендуемый ими образ действия совпадает с большой стратегией антикоммунизма на современном этапе. Ученый Сахаров мог бы сделать должные выводы из этих очевидных фактов.

Империализм наращивает вооруженную мощь, военный бюджет США приближается к 100 млрд. долларов. Это неизбежно отвлекает и средства Советского государства на цели обороны. Крайние сторонники этого образа действия на Западе, который можно именовать теорией «изматывания», надеются затруднить созидательное строительство в нашей стране, вызвать определенные нехватки, что окажет свое воздействие на моральный дух советского народа.

Вероятно, под этим углом зрения они рассматривают деятельность «диссидентов», смотрите, уже находятся лица, выступающие за капитуляцию перед империализмом! Здесь они усматривают обнадеживающее начало для применения изощренных методов сокрушения Советского Союза, ибо чисто военное решение вопроса не дает никаких шансов на успех.

Еще в конце пятидесятых годов в Англии вышла книга военного теоретика У. Джэксона «Семь дорог в Москву». Он дал обзор нашествий на Россию с древнейших времен, на-

считал их семь и заключил:

«Вооруженные походы на нее всегда терпели неудачу, как доказали вторжения шведов, французов и немцев. Больше того, размеры катастроф прогрессивно увеличивались с каждым последующим нашествием. Единственная надежная дорога в Москву – путь викингов, давших конструктивные услуги, которые хотел и просил сам русский народ. Будем надеяться же, что никто никогда не соблазнится имитировать Карла XII, Наполеона или Гитлера, попытавшись осуществить вооруженное решение, которое, как учит история, потерпит неудачу и может повлечь за собой ядерное уничтожение человечества»²⁴⁴.

К этому, в сущности, зовут «диссиденты» – приходите, владейте нами, мы по крайней мере поможем. Параноидный характер этих замыслов, как и самой концепции о «викингах», у нас, советских людей, сомнений не вызывает. Но работа «диссидентов» очень ободряет определенные круги на Западе; в великой стране якобы существуют внутренние разногласия, СССР-де – колосс на глиняных ногах. Значит, наконец достигнуто то, на что веками надеялись враги нашей страны: подорвано единство народа. Разве не учил К. Клаузевиц на примере похода Наполеона на Россию:

«Россия не такая страна, которую можно действительно завоевать, т. е. оккупировать; по крайней мере этого нельзя сделать ни силами современных европейских государств,

²⁴⁴ W. Jackson. Seven Roads to Moscow. London, 1957, p. 319.

ни теми 500 000 человек, которых для этого привел Бонапарт. Такая страна может быть побеждена лишь собственной слабостью и действием внутренних раздоров. Достигнуть же этих слабых мест политического бытия можно лишь путем потрясения, которое проникло бы до самого сердца страны... Поход 1812 г. не удался потому, что неприятельское правительство оказалось твердым, а народ остался верным и стойким, т. е. потому, что он не мог удалиться»²⁴⁵.

Стратеги Пентагона в обучении американского офицерского корпуса на опыте второй мировой войны постоянно цитируют это место из трудов Клаузевица, не уставая повторять: «Поймите, как дорого заплатили немцы за игнорирование этого ключевого совета Клаузевица»²⁴⁶.

Деятельность «диссидентов» в современных условиях – явная попытка исправить промахи врагов нашей страны, приглашение проводить самый жесткий курс претив Советского Союза. Солженицын и иные – грязные провокаторы, готовые способствовать даже развязыванию войны ради достижения своих бредовых антикоммунистических целей. Конечно, эти люди замахнулись на недостижимое, однако своим подстрекательством, клеветой на Советское государство они осложняют международную обстановку, подрывают упрочение мира во всем мире, ибо дают повод для проведения все новых антисоветских кампаний. Другими словами,

²⁴⁵ К. Клаузевиц. О войне, т. 3. М., 1932, с. 127, 129.

²⁴⁶ «The German Campaign in Russia (1940 – 1942)». Washington, 1955, p. 111.

они дают фиговый листок для прикрытия замыслов самых агрессивных кругов международной реакции».

* * *

Написал я это, повторяю, около десяти лет тому назад. Еще раз повторяю – в этой статье не убавлено, не прибавлено ни одного слова или знака препинания – она выдержала проверку временем, дальнейшие события полностью подтвердили ее правоту. Взять хотя бы фантастическое наращивание военных расходов Соединенными Штатами и их союзниками по НАТО. То, о чем я писал тогда, – курс на «изматывание» Советского Союза рационализировался в самых общих терминах. Откуда я мог знать, как именно в год опубликования этой статьи – 1974-й – формулировалась эта политика за стенами Белого дома. На совещании Никсона с лидерами конгресса он, дав обзор отношений с СССР, подчеркнул:

«– Мы вполне в состоянии пустить русских по миру с голым задом.

– Куда пустить? – осведомился тугой на ухо сенатор Стеннис.

– С голым задом! С голым задом! – заорал президент. Смешки.

– Поэтому, Джон, валяй, ты должен ассигновать все боль-

ше денег на вооружение в своем комитете»²⁴⁷.

В таких выражениях в Белом доме раскрывалось намерение США разорить нас на путях гонки вооружений. Времена изменились за это время разве в том, что политика «намазывания» теперь – кредо Белого дома. Об этом в США ныне твердят на каждом шагу как об альфе и омеге американской политики в отношении Советского Союза. Конечно, без словесных излишеств Никсона...

Теперь что написали мои коллеги А. Ефремов и А. Петров в «Комсомольской правде» 15 февраля 1980 года:

«Цезарь не состоялся.

Я в последние годы, к сожалению, не был удовлетворен своей производительностью в области научной работы... Для физика-теоретика я очень стар. 1974 г.

Я полностью осознаю свою некомпетентность в сложных вопросах общественной жизни. 1975 г.

Я давным-давно не был в кино. Я читаю очень мало. У меня нет ни времени, ни сил для этого. Изредка на сон грядущий я читаю детективные романы на английском языке. 1977 г.

Я с величайшим трудом несу бремя всемирной славы. 1977 г.

Этот эпитафия, в сущности, эпитафия, произнесенная в последние годы Сахаровым по академику А. Д. Сахарову.

²⁴⁷ В. Woodward, С. Bernstein. The Final Days, N. Y., 1976, p. 237.

Все в прошлом. Настоящая жизнь ушла со всеми ее реальными заботами и свершениями. И, как могильная плита, лежит на нем «бремя всемирной славы» – известность на Западе за содеянное после того, как оборвался путь ученого.

К сожалению, конец логичен. Путь, приведший к общественному и интеллектуальному краху, начался в пресловутой башне из слоновой кости, башне, в которой он замкнулся от большой жизни своей страны. Детство и юность Сахарова – благополучного сына почтенного профессора математики – пали на двадцатые и тридцатые годы. Родителей, конечно, не выбирают, но семьи выбирают свой путь – в те бурные десятилетия семья профессора плотно закапсулировалась. От старого мира Сахарову-подростку достались немка-гувернантка и вздохи об утраченном буржуазном достатке.

Ему представлялось, что выбранная профессия – физика и математика – надежно оградит от немилостивой действительности. Поначалу расчет вроде бы оправдался, буря Великой Отечественной стороной обошла Сахарова, которому исполнилось 20 лет в 1941 году, том году, в котором оборвались бесчисленные жизни его сверстников. Как бы то ни было, он внес личный вклад в те годы – завершил образование в МГУ и приступил к научной работе.

Она протекала успешно в коллективе талантливых советских физиков, среди которых Сахаров занял немаловажное место. Вместе с коллегами он был отмечен советскими пра-

вительственными наградами, его достижения были щедро признаны. Много лет спустя на Западе была создана легенда о Сахарове-сверхученом. Легенда вызвала немалое удивление среди работавших с ним. С их мнением, по причинам, о которых мы расскажем далее, он не мог не считаться, а по-сему выдал из себя: «В западной печати меня часто называют „отцом водородной бомбы“. Эта характеристика в высшей степени неверно отражает истинные (и сложные) обстоятельства коллективного изобретения, но об этом я подробно говорить не буду».

Гигантская мощь термоядерного оружия общеизвестна, она глубоко поразила Сахарова, создав у него определенный синдром (навязчивую идею). В известной мере синдром Сахарова схож с «синдромом инженера Гарина» (вспомним роман А. Н. Толстого «Гиперболоид инженера Гарина»). Он как-то не мог провести грань между своим участием в изобретении и желанием единоличного обладания ядерной бомбой. Вероятно, здесь и заложена первопричина процесса, погубившего физика-теоретика и породившего того Сахарова, каким он теперь известен. Впрочем, скажем его словами: «Были созданы средства тотального разрушения, способные потенциально уничтожить человеческую цивилизацию. Но я заметил, что рычаги контроля находились в руках других». Сам Сахаров, по всей видимости, считал, что в награду за разработку ядерного оружия государство должно вручить ему те самые «рычаги контроля». В каких целях?

Об этом он поведал в брошюре в 1968 году.

Далеко не скромным предприятием была эта брошюра под внешне невинным названием «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе». Это была заявка на лидерство, манифест воинствующей «технократии». Ей Сахаров предлагал вручить всю власть над человечеством, обещая к 2000 году создать «мировое правительство». Не так уж трудно сделать вывод, что за собой автор блистательной идеи резервировал надлежащее место, быть может, даже вселенского Цезаря. Напрочь забросив научные занятия, последующие пять лет Сахаров посвятил все свое время без остатка попытке сколотить могучую коалицию в свою поддержку. Поначалу он предполагал, что коллеги, следуя его примеру, оставят науку и выстроятся за ним. Отсюда отмеченная выше сдержанность в оценке своего вклада в фундаментальные исследования при необъятных претензиях на власть. Уже по тактическим соображениям ловцу душ надлежало быть скромным...

Получился конфуз. Ученые, а некоторым за эти пять лет он порядком досаждал, не выразили желания покинуть свои лаборатории. Они подивились призыву академика и не соблазнились открытыми им перспективами: если будет создано «мировое правительство», то, внушал Сахаров, «успехи в биологических науках (в этот и последующие периоды) дадут возможность эффективно контролировать и направлять все жизненные процессы на биохимическом, клеточ-

ном, организменном, экологическом и социальном уровнях, от рождаемости и старения до психических процессов и наследственности включительно... Такая революция возможна и безопасна лишь при очень „интеллигентном“, в широком смысле, общемировом правительстве». От идеи пахивало авторитаризмом и фашизмом: мрачный мир людей-роботов с Сахаровыми во главе. «Технократические?» бредни были сочтены тем, чем они и были, – сумасбродством, а за Сахаровым прочно закрепилась репутация чудака. Тем бы и дело кончилось, если бы у Сахарова не объявились «друзья». На Западе.

Хотя в то пятилетие Сахаров подчеркнуто искал себе сторонников только в пределах СССР, его усилия были оценены теми, с кем тогда он прямо не общался, – крайними антикоммунистами и западными спецслужбами. Они обратили внимание на то, что честолюбивый устроитель дел человеческих зовет к поглощению социализма капитализмом, а о последнем отзывается с величайшей похвалой. По этой причине с точки зрения классовых интересов правящих кругов Запада Сахаров заслуживал всяческого поощрения и поддержки.

Манифест Сахарова, который он тайком распространял в СССР, почти сразу же был широко распечатан на Западе. Немедленно Г. Киссинджер, вознесенный тогда на пост помощника президента по вопросам национальной безопасности, следовательно, шеф ЦРУ и КО, изрек: «Документ Сахарова – это один из самых важных документе по коммунисти-

ческим делам в последние годы». Дело в том, что описанный манифест уже содержал в зародыше все демагогические приемы и клеветнические вымыслы, которые будут позже положены в основу провокационной кампании «прав человека».

Возьмем весьма авторитетный «Справочник мировой истории. Концепции и проблемы» под редакцией проф. Д. Даннера, изданный в Нью-Йорке в 1967 году. В его составлении приняли участие 100 ведущих американских историков и политологов. Вот что было сочтено нужным сказать в статье «о правах человека» в этом справочном издании: «Термин недавнего происхождения... Ввиду своей расплывчатости термин „права человека“ имеет ничтожное значение».

Откроем другой американский толковый словарь – «Новый язык политики». Даже в издании 1972 года термин «права человека» отдельно не значился, а объяснялся в статье «гражданские права»: «также употребляется произвольный термин „права человека“; зачастую теми, кто хочет выразить благочестивую заботу об индивидуальных правах, но при этом не прослыть сторонником негров». И все! О «правах человека» Вашингтон стал твердить тогда, когда потребовался предлог для вмешательства в дела СССР с целью подрыва советского общественного и государственного строя. У истоков этого процесса – Сахаров.

Это был второй ход Сахарова – политического авантюриста и антисоветчика. После провала попытки создать движение в пользу предоставления власти «технократам» Саха-

ров решил основать широкую организацию вокруг «правозащитников». Функциональная роль Запада по его замыслу сводилась к обеспечению иммунитета в СССР для лиц, занятых подрывной работой. Во главе движения, разумеется, Сахаров, руководящий не только «правоборцами», но и Вашингтоном. Итак, путь иной, но цель та же – стать Цезарем.

В штаб-квартирах западных спецслужб, надо думать, немало посмеялись над претензиями академика и не приняли их всерьез. Но предложенные им методы стали использовать для практической подрывной работы против Советского Союза. В результате Сахаров оказался не больше чем пешкой в руках самых лютых врагов Советского Союза. С лета 1973 года Сахаров вступает в преступные контакты с иностранцами в Москве – раздает направо и налево антисоветские интервью, вручает различные «протесты», обивает пороги западных посольств. Коль скоро он отдался на милость Запада, тамошние спецслужбы поторопились извлечь из него то, что никак не относилось к «правам человека», – сведения, составляющие государственную тайну. Иностранные разведчики, уподобившись крыловской лисице в сношениях с вороной, взгромоздившейся на ель, безмерно льстили разинувшему рот Сахарову. Итог: в августе 1973 года Сахарова пригласили в Прокуратуру СССР и предупредили, что его используют не только силы, враждебные нашей стране, но и иностранные разведки.

Побывав у прокурора, он стал осмотрительнее на пово-

ротах, но нисколько не убавил пыл по сколачиванию анти-советского движения. Для этого нужны деньги, их он и выпрашивает у иностранцев. Сам-то Сахаров не мог жаловаться на скудость средств – он получал от государства все, что положено человеку, числящемуся в АН СССР. Но ему нужна и валюта. Она вручается Сахарову в 1975 году под «приличным» предлогом – Нобелевской премии. Но просьбы о подаяниях продолжают. Весной 1977 года Сахарова посещает некая американка Мэрфи и «обнаруживает», что живет-де он в «ужасной бедности». Сердобольная дама взывает через провинциальную американскую газету «Мейн лайн таймс» помочь «правоборцам». Как? Американцы, едущие в Россию, учит она, должны везти с собой то, что можно продать, – джинсы, колготы, шариковые ручки, которые «диссиденты» реализуют. За эти товары Сахаров «достойно» вознаградил свою посетительницу. Возвращаясь в США, она спрятала под одеждой антисоветские пасквили.

Совет округа в штате Делавэр, где проживает авантюристка, восхвалил ее, так сказать, по месту жительства, приняв резолюцию с одобрением «акта чрезвычайного мужества, с которым она вывезла письма Андрея Сахарова из Советского Союза». Резолюция эта, однако, свидетельствует о высокой нравственности советских таможенников, которые исходят из презумпции порядочности лиц, приезжающих в СССР, и не шарят под дамским бельем.

Но не только доходами от спекуляции джинсами, колго-

тами, шариковыми ручками живут единомышленники Сахарова, ведущие вместе с ним подрывную работу против нашей страны. В дело идут куда более крупные суммы от западных спецслужб, часть которых непосредственно распределяет сам Сахаров. В интервью французской газете «Франсуар» 23 февраля 1977 года он пожаловался на свое тяжелое материальное положение, необходимость «постоянно помогать нашим друзьям, знакомым и незнакомым лицам».

Круг знакомых, кормящихся у раздаточной Сахарова, весьма значителен, и среди них немало лиц с темным прошлым и настоящим. Он как магнит притягивает к себе уголовные, антиобщественные элементы. Он буквально избрал своей новой профессией роль «благодетеля». Больше того. Он назойливо приглашает руководителей западных держав объединить с ним усилия на этом поприще. Он постоянно в переписке с президентами и премьер-министрами по этим делам. Как правило – односторонней, но случаются и ответы. Так, например, поводом для обмена посланиями между Сахаровым и президентом США Д. Картером послужило осуждение Черниговским областным судом за хищение государственной собственности рецидивиста Рубана. Он воровал материалы, делал сувениры и сбывал их. «Действительная причина (осуждения), – растолковал провокатор Сахаров Картеру, – состоит в том, что он изготовил подарок американскому народу к 200-летнему юбилею США: обложку для книги с изображением статуи Свободы». Не за это, ко-

нечно, привлекли Рубана к ответственности. Да, был такой «сувенир», но были и сотни других, включая куда менее приличные изображения, изготовленные из ворованных материалов и сбытые из-под полы. И кто мог подумать! Президент США официально заверил Сахарова: «Будьте уверены, американский народ и наше правительство будут твердо выполнять свое обязательство содействовать уважению к правам человека не только в нашей стране, но и во всем мире». Иными словами, ворюги и спекулянты, вы можете смело возлагать свои надежды на дуэт «Картер-Сахаров».

Но «охрана» с помощью Запада своего охвостья, которое постоянно не в ладах с законом, точнее, теми статьями УК, которые трактуют о хищениях и воровстве, лишь часть забот академика. По всей вероятности, он рано понял, что с таким «войском» много не навоюешь. Роль радетеля уголовников для Сахарова приятная, но не главная. Главная – провокаторская, предательская. Он неустанно призывает капиталистический мир обрушиться на Советский Союз. Как и подобает теоретика, он начертил «оптимальный» вариант отношений Запада с СССР, рассчитанный на то, что у США «будут силы, в 2 – 3 раза превосходящие советские». В брошюре «Моя страна и мир» в 1975 году Сахаров подробно изложил стратегию, которой должен следовать Запад для достижения такого положения. Итак:

«– Только сильнейшее давление, к которому так уязвимы советские власти, имеет шансы на успех.

– Самое важное: единство западных держав, единая стратегия при подходе к все расширяющимся проблемам в отношениях с социалистическими странами.

– Единство требует лидера. Таким лидером как по праву, так и в силу своей величайшей ответственности являются Соединенные Штаты.

– Я опасаюсь, что в настоящее время западные страны не оказывают достаточного давления на социалистические страны».

Какие же формы должно носить это «давление»? В беседе с сенатором Бакли в конце 1974 года (а она и побудила Сахарова написать упоминавшуюся брошюру) он внушал заезжему архиреакционеру: «Страны Запада должны быть готовы на определенные жертвы для достижения задач, которые поставила перед ними история, в особенности глобальный вызов социализма. Давить на СССР, ограничивая его в импорте продовольствия, давить в политике цен... Необходимо использовать всевозможные рычаги воздействия – тайную и явную дипломатию, прессу, демонстрации, другие действенные средства: временный отказ от сотрудничества в той или иной области, законодательные ограничения торговли и контактов».

Эту формулу, высказанную в беседе с Бакли, он повторяет как заклинание, причем почти буквально. В книге «Тревоги и надежды», вышедшей в США в 1978 году, он призывает: «Нужно использовать всевозможные средства давления –

тайную и явную дипломатию, прессу, демонстрации и другие методы с целью подрыва престижа, бойкот, отказ от сотрудничества в той или иной области, законодательные ограничения на торговлю и контакты».

Ради чего это нужно делать? В брошюре «Моя страна и мир» «великий стратег» объясняет, чего же добьется Запад:

«Я считаю, что цели социалистических стран (в особенности послевоенное закрепление границ) не соответствуют полностью интересам будущего Европы». Итак, он замахнулся на то, что было оплачено кровью советских воинов и закреплено послевоенными межгосударственными договорами, – Сахаров требует ревизии нынешних границ в Европе! Чего не удалось гитлеровской Германии с ее сателлитами, Запад теперь, по Сахарову, добьется пресловутым «давлением»!

Что касается Советского Союза, то реформы, которые собирается осуществить цезарь Сахаров, дорвавшись до власти, означают, по существу, установление капиталистических порядков:

«Частичная денационализация всех видов деятельности, может быть, исключая тяжелую промышленность, главные виды транспорта и связи... Частичная деколлективизация... Ограничение монополии внешней торговли...» Вот так!

Сахаров требует полного отказа от того, что дал нашей стране Великий Октябрь, силится повернуть усилиями Запада стрелки часов истории до 1917 года. Он полагает все

еще возможным достичь того, чего не смог добиться международный империализм в годы гражданской войны и вооруженной интервенции против Республики Советов. Он посягает на то, что мы отстояли в величайшей из войн против озверелого фашизма. Он нагло и цинично заявляет себя классовым союзником тех, кто убивал советских людей. Да, союзником убийц. Отнюдь не случайно он умолял американские власти не возвращать в СССР преступников Бразинских, убивших бортпроводницу советского самолета. Недаром он защищал мерзавца Затикяна и его сообщников, подложивших бомбу в Московском метро, в результате взрыва которой были убиты женщины и дети. Его «гуманизм» не просто фальшив. Он патологически бесчеловечен. «Судьба несчастного Гесса, – взывает Сахаров, – не может не потрясать. Я пишу о Гессе, зная о его соучастии в создании преступной системы нацизма».

Сахаров приветствовал реакцию, где бы она ни поднимала голову в мире, восхищаясь, например, кровавым приходом к власти клики Пиночета в Чили. И в то же время не скрывал своей ярости по поводу побед сил демократии и мира. Стоило народу Вьетнама победить в длительной, архитяжелой войне против американского империализма, как Сахаров осенью 1975 года обрушивается с горькими упреками на Вашингтон. Он пишет: «Я считаю, что это трагическое развитие событий (то есть победа вьетнамского народа. – *Авт.*) можно было бы предотвратить, если бы Со-

единенные Штаты действовали более решительно в военной и особенно политической сферах. Политическое давление на СССР, чтобы он прекратил поставки оружия Северному Вьетнаму, быстрая отправка больших экспедиционных сил, включая ООН, более эффективная экономическая помощь, вовлечение других стран Азии и Европы – все это могло бы повлиять на ход событий». Ему мало, что США бросили против вьетнамского народа войска общей численностью до 600 тысяч человек, убили многие сотни тысяч мирных жителей, разорили прекрасную страну! Какой же ненавистью к социализму проникнут Сахаров, если он, не дрогнув, пишет эти каннибальские строки.

Духовный отщепенец, провокатор Сахаров всеми своими подрывными действиями давно поставил себя в положение предателя своего народа и государства.

То, что проделывал Сахаров против своей Родины, злоупотребляя терпением советского народа, по законам любой современной страны является тяжким преступлением. Возьмем, например, уголовный кодекс США. Статья 2385 раздела 18 этого кодекса гласит: «Умышленные или сознательные призывы, поощрение, советы или проповедь необходимости, обязанности, желательности или целесообразности свержения или уничтожения правительства США или правительства любого штата... или... с намерением добиться свержения или уничтожения любого такого правительства, печатание, публикация, редактирование, распростра-

нение или предание публичному обозрению любого печатного материала, призывающего, советующего или проповедующего необходимость, обязанность, Желательность или целесообразность свержения или уничтожения любого правительства в США силой или бесчинствами или попытки к этому... караются штрафом до 20 тыс. долларов, или тюремным заключением до 20 лет, или обоими видами наказания». Нет сомнения, что, если бы Сахаров был гражданином США и занимался такой деятельностью, он неизбежно оказался бы за решеткой.

Сахаров метил в цезари, а встал на преступный путь.

Административные меры, принятые в отношении Сахарова, направлены к тому, чтобы пресечь его подрывную деятельность. Эти меры полностью одобрены советской общественностью. Они, без сомнения, могут оказаться полезными и для самого Сахарова, если он найдет возможность критически оценить свое падение.

Западная пропаганда пытается сконструировать некую проблему Сахарова». Но такой проблемы просто нет. Во всяком случае, ее нет для советского народа. А заботы тех, кто руководил Сахаровым из-за рубежа, – это заботы нечистоплотного свойства».

На мой взгляд, этими двумя статьями в основном ограничивается в нашей печати разбор воззрений Сахарова и дается оценка его роли в подрывной работе против СССР.

Какие бы гневные слова ни произносились, и вполне заслуженно, в адрес Сахарова, по-человечески его жалко. Он нанес и продолжает наносить ущерб нашему народу и государству. Но далеко не все следует относить за счет только его злой воли, хотя она налицо. Сахаров и жертва тех интриг, которые сплели и плетут вокруг его имени западные спецслужбы. Используя особенности его личной жизни примерно за полтора десятка последних лет (о чем дальше), провокаторы из подрывных ведомств толкнули и толкают этого душевно неуравновешенного человека на поступки, противоречащие облику Сахарова-ученого.

Мы видели, какой ослепительный ореол создала западная пропаганда по указке спецслужб Сахарову. В тысячах и тысячах материалов внушается, что он-де лучше понимает проблемы современного мира и учит, как нужно Западу вести себя в отношении Советского Союза. Попытаемся, однако, выяснить, как смотрят на Сахарова «изнутри», то есть какую оценку его концепциям общественного устройства, ведения политики дают в служебных целях те же люди, что и руководят пропагандистской кампанией по его возвеличиванию.

В 1981 году американский профессор Р. Пайпс с большой поспешностью издал сборник своих статей, относящихся к

1976 – 1980 годам. Его торопливость понятна – с приходом к власти администрации Р. Рейгана Папса взяли на ответственный пост в аппарате Совета национальной безопасности. Он был среди тех, кто теоретически обосновывал курс Вашингтона в отношении Советского Союза, включая подрывную работу. Разумеется, ему хочется прослыть провидцем, и коль скоро ЦРУ и К° сочли, что шашни с уголовниками в СССР – лучшая надежда на подрыв советского строя изнутри, Пайпс поторопился показать – он давно узрел, что кумир пресловутых «правозащитников» Сахаров малополезен для подрывной работы.

Несомненно, руководствуясь этими соображениями, Пайпс и напечатал в этом сборнике в 1981 году свое интервью 1976 года, которое тогда не было опубликовано. Теперь Пайпс как бы говорит – смотрите, уже в 1976 году, когда о Сахарове говорили взхлеб, я среди своих указывал – его концепции вздор и серьезно к нему относиться нельзя. Откровения эти стали возможны, конечно, и потому, что полезность «правозащитников» как реальной силы с точки зрения ЦРУ из-за их банкротства исчерпана. Пропагандистское использование – другое дело. Так вот что говорил Пайпс в этом интервью:

«Технари не ученые, хотя Сахаров уникален... Такие люди либо аполитичны, либо послушны в политическом отношении, и, несмотря на весь шум, поднятый нашими интеллектуалами в США, я не нахожу, чтобы они были даже муже-

ственными... На мой взгляд, единственный результат перенесения научной методологии из науки в дела человеческие – высокомерие. Большинство ученых, которых я знаю, а среди них были и нобелевские лауреаты, получившие отличия за исследования в своих областях, сумев строжайшим образом соотнести выводы с фактами, отступают от этого принципа, стоит им вторгнуться в иные сферы. Они вламываются в политику и экономику, пребывая в жалком невежестве о сути вещей, о которых они берутся рассуждать. Какова психология этого высокомерия? Случается следующее: ученые, разрешив проблему в какой-нибудь очень сложной области науки, приходят к мысли, что они способны в мгновение ока разрешить, на их взгляд, другие, куда более простые проблемы. „Дела человеческие, – заявляют они, – ничто по сравнению, скажем, с молекулами и генетическими структурами, тут все просто“. Ученые считают, что мы шайка юристов, которые надумывают проблемы, где их нет. Вне всяких сомнений – я не знаю ни одного случая, когда бы ученый, экстраполировав научную методологию в философию дел человеческих, преуспел в создании таковой»²⁴⁸.

Хотя и с пропагандистскими реверансами в сторону Сахарова, Пайпс не исключил его из этой общей оценки роли ученого в политике, как понимают ее в Вашингтоне.

Другой пример. В июльском номере «Форейн Аффферс» за

²⁴⁸ R. Pipes. U. S. – Soviet Relations in the Era of Detente. Boulder, 1981, pp. 127 – 129.

1983 год напечатана статья Сахарова, в которой он до точки поддержал размещение американских ракет «Першинг» и крылатых ракет в Западной Европе. Помимо того, он выступил сторонником усугубления гонки вооружений США и их союзниками, взвинчивания военных расходов НАТО и т. д. Все в тех же целях оказания «давлениям на СССР. Статья эта была поднята на щит антисоветской пропагандой, на все лады превозносившей новые „откровения“ Сахарова. Но весьма примечательно, что журнал отмежевался от того, что несомненно своего рода „отсебятина“ Сахарова.

Заключая статью, он вновь заявил, что верит в «конвергенцию». Сразу за статьей Сахарова журнал поместил статью сенатора Ч. Мэтиаса. В первых же абзацах ее сказано: «Глупо возрождать... конвергенцию, теорию, которая более известна, но не больше чем наивный вздор»²⁴⁹. Вот так! Пока Сахаров идет в ногу с самыми агрессивными кругами Запада, прекрасно!! Но стоит ему на йоту отклониться от указанного курса, как следует «разъяснение», перечеркиваются драгоценные его сердцу «теории».

Вот такой аттестат и выдан «мыслителю» Сахарову теми, кто сумел объективно поставить его на службу интересам империализма. Как? Для этого придется вторгнуться в личную жизнь Сахарова.

...Все старо как мир – в дом Сахарова после смерти жены пришла мачеха и вышвырнула детей. Во все времена и у всех

²⁴⁹ «Foreign Affairs», Summer 1983, p. 1018.

народов деяние никак не похвальное. Устная, да и письменная память человечества изобилует страшными сказками на этот счет. Наглое попрание общечеловеческой морали никак нельзя понять в ее рамках, отсюда попки тусторонних объяснений, обычно говорят о такой мачехе – ведьма. А в доказательство приводят, помимо прочего, «нравственные» качества тех, кого она приводит под крышу вдовца, – своего отродья. Недаром народная мудрость гласит – от яблони яблочко, от ели шишка. Глубоко правильна народная мудрость.

Вдовец Сахаров познакомился с некой женщиной. В молодости распущенная девица отбила мужа у больной подруги, доведя ее шантажом, телефонными сообщениями с гадостными подробностями до смерти. Разочарование – он погиб на войне. Постепенно, с годами пришел опыт, она достигла почти профессионализма в соблазнении и последующем обирании пожилых и, следовательно, с положением мужчин. Дело известное, но всегда осложнявшееся тем, что, как правило, у любого мужчины в больших летах есть близкая женщина, обычно жена. Значит, ее нужно убрать. Как?

Она затеяла пылкий роман с крупным инженером Моисеем Злотником. Но опять рядом досадная помеха – жена! Инженер убрал ее, попросту убил и на долгие годы отправился в заключение. Очень шумное дело побудило известного в те годы советского криминалиста и публициста Льва Шейнина написать рассказ «Исчезновение», в котором сожительница Злотника фигурировала под именем «Люси Б.». Время было

военное, и, понятно, напуганная бойкая «Люся Б.» укрывшись санитаркой в госпитальном поезде. На колесах раскручивается знакомая история – связь с начальником поезда Владимиром Дорфманом, которому санитарка годилась разве что в дочери. Финал очень частый в таких случаях: авантюристку прогнали, списали с поезда.

В 1948 году еще роман, с крупным хозяйственником Яковом Киссельманом, человеком состоятельным и, естественно, весьма немолодым. «Роковая» женщина к этому времени сумела поступить в медицинский институт. Там она считалась не из последних – направо и налево рассказывает о своих «подвигах» в санитарном поезде, осмотрительно умалчивая об их финале. Внешне она не очень выделялась на фоне послевоенных студентов и студенток.

Что радости в Киссельмане, жил он на Сахалине и в Центре бывал наездами, а рядом однокурсник Иван Семенов, и с ним она вступает в понятные отношения. В марте 1950 года у нее родилась дочь Татьяна. Мать поздравила обоих – Киссельмана и Семенова со счастливым отцовством. На следующий год Киссельман оформил отношения с матерью «дочери», а через два года связался с ней узами брака и Семенов. Последующие девять лет она пребывала в законном браке одновременно с двумя супругами, а Татьяна с младых ногтей имела двух отцов – «папу Якова» и «папу Ивана». Научилась и различать их – от «папы Якова» деньги, от «папы Ивана» отеческое внимание. Девчонка оказалась смышленной не по-

детски и никогда не огорчала ни одного из отцов сообщением, что есть другой. Надо думать, слушалась прежде всего маму. Весомые денежные переводы с Сахалина на первых порах обеспечили жизнь двух «бедных студентов».

В 1955 году «героиня» нашего рассказа, назовем наконец ее – Елена Боннэр, родила сына Алешу. Так и существовала в те времена гражданка Киссельман-Семенова-Боннэр, ведя развеселую жизнь и попутно воспитывая себе подобных – Татьяну и Алексея. Моисей Злотник, отбывший заключение, терзаемый угрызениями совести, вышел на свободу в середине пятидесятых годов. Встретив случайно ту, кого считал виновницей своей страшной судьбы, он в ужасе отшатнулся, она гордо молча прошла мимо – новые знакомые, новые связи, новые надежды...

В конце шестидесятых годов Боннэр наконец вышла на «крупного зверя» – вдовца, академика А. Д. Сахарова, Но, увы, у него трое детей – Татьяна, Люба и Дима. Боннэр поклялась в вечной любви к академику и для начала выбросила из семейного гнезда Таню, Любу и Диму, куда водворила собственных – Татьяну и Алексея. С изменением семейного положения Сахарова изменился фокус его интересов в жизни. Теоретик по совместительству занялся политикой, стал встречаться с теми, кто скоро получил кличку «правозащитников». Боннэр свела Сахарова с ними, попутно повелев супругу вместо своих детей возлюбить ее, ибо они будут большим подспорьем в затеянном ею честолюбивом предприя-

тии – стать вождем (или вождями?) «инакомыслящих» в Советском Союзе.

Коль скоро таковых, в общем, оказалось считанные единицы, вновь объявившиеся «дети» академика Сахарова в числе двух человек, с его точки зрения, оказались неким подкреплением. Громкие стенания Сахарова по поводу попрания «прав» в СССР, несомненно, по подстрекательству Боннэр шли, так сказать, на двух уровнях – своего рода «вообще» и конкретно на примере «притеснений» вновь обретенных «детей». Что же с ними случилось? Семейка Боннэр расширила свои ряды – сначала на одну единицу за счет Янкелевича, бракосочетавшегося с Татьяной Киссельман-Семеновой-Боннэр, а затем еще на одну – Алексей бракосочетался с Ольгой Левшиной. Все они под водительством Боннэр занялись «политикой». И для начала вступили в конфликт с нашей системой образования – проще говоря, оказались лодырями и бездельниками. На этом веском основании они поторопились объявить себя «гонимыми» из-за своего «отца», то есть А. Д. Сахарова, о чем через надлежащие каналы и, к сожалению, с его благословения было доведено до сведения Запада.

Настоящие дети академика сделали было попытку защитить свое доброе имя. Татьяна Андреевна Сахарова, узнав о том, что у отца объявилась еще «дочь» (да еще с тем же именем), которая козыряет им направо и налево, попыталась урезонить самозванку. И вот что произошло, по ее словам:

«Однажды я сама услышала, как Семенова представлялась журналистам как Татьяна Сахарова, дочь академика. Я потребовала, чтобы она прекратила это. Вы знаете, что она мне ответила? „Если вы хотите избежать недоразумений между нами, измените свою фамилию“. Ну что можно поделаться с таким проворством! Ведь к этому времени дочь Боннэр успела выйти замуж за Янкелевича, студента-недоучку.

Татьяна Боннэр, унаследовавшая отвращение матушки к учению, никак не могла осилить науку на факультете журналистики МГУ. Тогда на боннэровской секции семейного совета порешили превратить ее к «производительнице». Мать Янкелевича Тамара Самойловна Фейгина, заведующая цехом Мечниковского института в Красногорске, фиктивно приняла ее в конце 1974 года лаборанткой в свой цех, где она и числилась около двух лет, получая заработную плату и справки «с места работы для представления на вечернее отделение факультета журналистики МГУ. В конце концов обман раскрылся» и мнимую лаборантку изгнали. Тут и заголосили «дети» академика Сахарова – хотим на «свободу», на Запад!

Почему именно в это время? Мошенничество Татьяны Боннэр не все объясняет. Потеря зарплаты лаборантки не бог весть какой ущерб. Все деньги Сахарова в СССР Боннэр давно прибрала. Главное было в другом: Сахарову выдали за антисоветскую работу Нобелевскую премию, на его зарубежных счетах накапливалась валюта за различные пасквили в

адрес нашей страны. Доллары! Разве можно их истратить у нас? Жизнь с долларами там, на Западе, представлялась безоблачной, не нужно ни работать, ни, что еще страшнее для тунеядствующих отпрысков Боннэр, учиться. К тому же подоспели новые осложнения. Алексей при жене привел в дом любовницу Елизавету, каковую после криминального аборта стараниями Боннэр пристроили прислугой в семье.

Итак, раздался пронзительный визг, положенный различными «радиоголосами» на басовые ноты, – свободу «детям академика Сахарова!». Вступился за них и «отец», Сахаров. Близко знавшие «семью» без труда сообразили почему. Боннэр в качестве методы убеждения супруга поступить так-то взяла в обычай бить его чем попало. Затрещинами приучала интеллигентного ученого прибегать к привычному для нее жаргону – проще говоря, вставлять в «обличительные» речи непечатные словечки. Под градом ударов бедняга кое-как научился выговаривать их, хотя так и не поднялся до высот сквернословия Боннэр. Что тут делать! Вмешаться? Нельзя, личная жизнь, ведь жалоб потерпевший не заявляет. С другой стороны, оставить как есть – забьет академика. Теперь ведь речь шла не об обучении брани, а об овладении сахаровскими долларами на Западе. Плюнули и выручили дичавшего на глазах ученого – свободу так свободу «детям».

Янкелевич с Татьяной и Алексей Боннэр с Ольгой в 1977 году укатили в Израиль, а затем перебрались в Соединенные Штаты. Янкелевич оказался весьма предусмотрительным – у

академика он отобрал доверенность на ведение всех его денежных дел на Западе, то есть бесконтрольное распоряжение всем, что платят Сахарову за его антисоветские дела.

Он, лоботряс и недоучка, оказался оборотистым парнем – купил под Бостоном трехэтажный дом, неплохо обставился, обзавелся автомашинами и т. д. Пустил на распыл Нобелевскую премию и гонорары Сахарова. По всей вероятности, прожорливые боннэровские детки быстро подъели сахаровские капиталы, а жить-то надо! Тут еще инфляция, нравы общества «потребления», деньги так и тают. Где и как заработать? Они и принялись там, на Западе, искать радетелей, которые помогут горемычным «детям» академика Сахарова. Тамошнему обывателю, разумеется, невдомек, что в СССР спокойно живут, работают и учатся подлинные трое детей А. Д. Сахарова. Со страниц газет, по радио и телевидению бойко вещает фирма «Янкелевич и Ко», требующая внимания к «детям» академика Сахарова.

В 1978 году в Венеции шумный антисоветский спектакль. Униатский кардинал Слипый благословил «внука» академика Сахарова Матвея. Кардинал – военный преступник, отвергнутый верующими в западных областях Украины, палач львовского гетто. Мальчик, голову которого подсунули под благословение палача в сутане, – сын Янкелевича и Татьяны Киссельман-Семеновой-Боннэр, называемый в семье Янкелевичей по-простому – Мотя.

В мае 1983 года крикливая антисоветская церемония в са-

мом Белом доме. Президент Р. Рейган подписывает прокламацию, объявляющую 21 мая в США «днем Андрея Сахарова». Столичная «Вашингтон пост» сообщает:

«На этой церемонии присутствовали члены конгресса и дочь Сахарова Татьяна Янкелевич»²⁵⁰. «Дочь» и все тут! Как-то даже непристойно, этой женщине было много больше, двадцати лет, когда она обрела очередного «папу»...

Плотно засидели имя советского академика детки Боннэр. На Западе они выступают с бесконечными заявлениями о жутких гонениях в СССР мнимых «правозащитников», присутствуют на антисоветских шабашах, вещают по радио, телевидению. Правды ради нужно отметить – особой воли им не дают, трибуну они получают главным образом в разного рода антисоветских кампаниях, значимость которых раздувается вне всяких пропорций в передачах на страны социализма. Что до западной аудитории, то у нее своих забот хватает. Да и платят «детям» академика Сахарова не густо, буржуа разобрались что они сущая бездарь даже в своем грязном деле.

Режиссер постановки шумного балагана «Дети академика Сахарова» – Елена Боннэр. Это она объявила своих великовозрастных тунеядцев его «детьми», это она провернула их денежные дела за счет нечистоплотных доходов очередного мужа, а когда средства для разгульной жизни на Западе стали иссякать, подняла вой о «воссоединении» семьи, по-

²⁵⁰ «The Washington Post», May 19, 1983.

требовав отпустить на Запад «невесту» своего сына Елизавету, пребывавшую при Боннэр прислугой. «Невестой» она стала по той простой причине, что Алексей, попав на Запад, расторг брак с женой Ольгой Левшиной, которую с большим скандалом увез в западный «рай».

Сахаров под градом ударов Боннэр также стал выступать за «воссоединение» семьи. Ему, видимо, было невдомек, что «воссоединение» затеяно было Боннэр как повод напомнить о «семье» Сахарова в надежде извлечь из этого и материальные дивиденды. На этот раз она заставила Сахарова еще и объявить голодовку. Но ведь живет Сахаров не в благословенном оплоте западной «демократии», скажем в Англии, где свободе воли не ставится препятствий, – хочешь голодать в знак протеста и умирать, никто не пошевелит пальцем. «Демократия»! Большого ребенка, каким все же является Сахаров, взяли в больницу, подлечили, подкормили. Он все стоял на своем, Боннэр отправилась в больницу вместе с ним, правда, при персонале не давала воли рукам. И отпустили за кордон их домработницу, побудив тем самым чудачка возобновить нормальный прием пищи,

Газета «Русский голос», выходящая в Нью-Йорке, еще в 1976 году закончила обширную статью «Мадам Боннэр – „злой гений“ Сахарова?» ссылкой на «учеников» физика, которые говорили зарубежным корреспондентам: «Он сам лишен самых элементарных прав в своей собственной семье». Один из них, с болью выдавливая слова, добавляет: «Похоже

на то, что академик Сахаров стал „заложником“ сионистов, которые через посредничество вздорной и неуравновешенной Боннэр диктуют ему свои условия». Что же, «ученикам» виднее, среди них не был, не знаю. Но верю.

Живет поныне в городе Горьком на Волге в четырехкомнатной квартире Сахаров. Замечены регулярные перепады в его настроении. Спокойные периоды, когда Боннэр, оставив его, уезжает в Москву, и депрессивные – когда она наезжает из столицы к супругу. Приезжает, побывав в Москве в посольстве США, встретившись с кем-то, аккуратно получив за него академическую заработную плату. Засим следует коллективное сочинение супругами какого-нибудь пасквиля, иногда прерываемое бурной сцепной с побоями. Страдающая сторона – Сахаров. К тому же он понимает, что он боль и горе наше. И куражится.

Вот на этом фоне я бы рассматривал очередные «откровения» от имени Сахарова, передаваемые западными радиоголосами. Почему «от имени»? Подвергнув тщательному, если угодно, текстологическому анализу его статьи и прочее (благо по объему не очень много), не могу избавиться от ощущения, что немало написано под диктовку или под давлением чужой воли.

Подведем итоги: старое в новом

Администрация Рональда Рейгана выступила в «крестовый поход» против Советского Союза, против социализма. Выступила в буквальном смысле, выдвинув против нас, помимо прочего, этические и иные нормы христианства. Выступает под идеологическим штандартом, на котором начертано имя бога. В чадку антикоммунизма нынешние правители в Вашингтоне упустили из виду – сама американская конституция, по которой им бы хотелось заставить жить весь мир, подчеркнуто указывает: «Конгресс не должен издавать каких-либо законов, устанавливающих какую-либо религию или запрещающих ее свободное исповедание». Так гласит первая поправка к конституции США.

Евангелизм внешней политики администрации Дж. Картера, многократно усиленный религиозными восторгами рейгановцев, поставил в тупик американских знатоков вопроса. Профессор церковной истории лютеранского колледжа в Чикаго Дж. Шерер выступил в 1981 году на конференции церковных лидеров. Он многозначительно для посвященных назвал свою квалифицированную речь «Когда церковь и государство отправляются за рубеж». Профессор-теолог указал, что со всей силой на первый план снова выдвигается вопрос об отделении церкви от государства». Шерер добавил: «Только тщательно рассмотрев непоследовательность

и противоречия между теорией и практикой на протяжении более чем двухсотлетней истории, можно надеяться должным образом оценить нынешнюю политику». Профессор нашел, говоря его словами, «немало наглых нарушений первой поправки» в прошлом, то есть когда правительство США использовало церковь как свое орудие во внешних делах.

Установив эти обстоятельства, никак не вяжущиеся с официальными американскими утверждениями о «свободе» вероисповедания, профессор предрек: «В зависимости от силы братских уз, связывающих американские церкви и их партнеров за рубежом, ценностной ориентации, этнического идеализма, теологических привязанностей возникают конфликты интересов между американскими церквями и правительством США, между американскими церквями и иностранными государствами, связавшими себя с политикой правительства США. Коротко говоря, церкви должны будут вынести мучительное решение быть верными светскому царству или царству божьему»²⁵¹.

Глубоко обоснованная озабоченность, которую разделяет всякий и каждый добрый пастырь, пекущийся о духовном здравии своих пасомых. То, что определенно сокрушает сердце профессора-теолога, пустяки для расплодившихся в США в последние годы лидеров фундаменталистов. Вероятно, самый известный из них, лидер аморального большин-

²⁵¹ Y. Scherer. When Church and State go abroad, «World View», February 1982, pp. 5, 8.

ства», друг и почитатель Р. Рейгана преподобный Дж. Фолвелл изрек: «Что там религия и политика. Проблема проста и сводится к следующему: отцы-основатели, написавшие конституцию, не имели на уме отделение бога и государства, а думали только об отделении религии и государства»²⁵². Суждение, на взгляд Фолвелла, вероятно, безупречное, только к любым его словам предложил относиться, мягко говоря, осторожно не кто другой, как бывший президент Дж. Картер. В своих мемуарах, вышедших в ноябре 1982 года, он предостерег: «Джерри Фолвелл, руководитель морального большинства, один из самых худших консервативных религиозных лидеров, ибо он имеет массовую аудиторию и беспардонно относится к истине»²⁵³.

То, что пытаются ныне насаждать в духовной области, находится в кричащем противоречии с исторически известной доктриной христианства. В конце 1982 года верующим в США предложили сокращенное издание библии, ветхий завет сокращен наполовину, евангелие на одну четверть. Пионеры предприятия, издательство «Ридерз Дайджест» объявило, что цель сокращений – заманить читателей, ибо в США немало людей, не «открывавших библию, теперь они смогут прочитать ее до конца»²⁵⁴. Или другое предприятие – на основе библии ныне изданы руководства в области сек-

²⁵² Penthouse Interview Reverend Jerry Falwell, «Penthouse». March 1981, p. 152.

²⁵³ Keeping Faith. Memoirs of a President Jimmy Carter. N. Y., 1982, p. 562.

²⁵⁴ Bringing down the Bible, «Time», October 4, 1982, p. 85.

са. Б. Лехей, входящий в руководство «морального большинства», настаивает, что эти книги весьма полезны, христиане, послушные богу, «обычно испытывают большее удовольствие, чем нехристиане», и т. д.²⁵⁵

По поводу всех этих нововведений американским профессиональным теологам есть что сказать. Они изумлены сокращением священного писания и введением библии в супружескую спальню. Больше того, разгневаны. И поистине не могут найти слов, чтобы осудить циничное использование веры, злоупотребление верующими в политических целях.

Д-р Джеймс Стюарт из первой христианской церкви, что в Глендора, штат Калифорния, написал летом 1982 года в журнал «Плейбой»: «В последние месяцы вы напечатали немало критических материалов в отношении морального большинства и прочих принадлежащих к „новым правым“, и по большей части у вас были все основания критиковать их. Хочу указать, однако, вашим читателям, что сотни тысяч убежденных христиан, посещающих храмы, не поддерживают фанатизм Джерри Фолвелла и ему подобных. Истина, благодарение богу, состоит в том, что подавляющее большинство христиан не разделяют этико-политическое кредо этих групп.

Меня, профессионального теолога, изучающего Библию, очень заинтересовали все эти опоры. Я верю – не кто иной, как сам Иисус Христос, обрушился бы на «новых правых»,

²⁵⁵ The Bible in the Bedroom, «Newsweek», February 1, 1982, p. 39.

ибо они суть современные фарисеи. Главной отличительной чертой фарисеев был их легалистический ригоризм... Фарисеи в своих целях смешивали политику и религию, и постепенно расширилась пропасть между главарями фарисеев и основной массой верующих. Со временем фарисеи столкнулись с обратной реакцией, похожей на ту, которую испытывают «новые правые», и утратили в конце концов свое влияние. Меня лично, однако, тревожит значительный ущерб, который «новые правые» наносят телу Христову, известному как церковь»²⁵⁶.

Да, верующие, и не они одни, столкнулись с неслыханным – фарисеи и сектанты пытаются выдать свои взгляды за традиционные догматы веры. А иначе они, несомненно, не могут, ибо силятся освятить авторитетом религии насаждение ненависти в мире, войны и, конечно, подрывную работу. Религиозная «свобода», о которой трещат рейгановцы, оборачивается попытками обеспечить свободу для деяний, которые, безусловно, осуждало и осуждает христианство.

Мы видим, хотя и в самых общих чертах, какой «религиозной» доктрине ныне отдает предпочтение официальный Вашингтон. Американские фарисеи считают ее пригодной для своих неприглядных целей. Прежде всего использование религии в качестве оружия психологической войны, причем очень грубого оружия.

²⁵⁶ «Playboy», June 1982, pp. 72, 74.

Вот эти фарисеи и сектанты селятся превратить и религию в огненный фронт, выдвинув его в пределы социалистических стран. Естественно, умалчивая о том, что их доктрины далеки от признания на Западе, они пытаются превратить и религию в клин для раскола общества в социалистических странах. Кредо русской православной церкви известно. Как сказал митрополит Московский Филарет, «тот, кто не может быть гражданином своего государства, тот непригоден и для царствования божия». Патриарх Московский и всея Руси Пимен безоговорочно указал: «Сущность русской православной церкви наиболее полно проявляется... в патриотической, миротворческой и экуменической деятельности».

В религиозной оболочке враги социализма пытаются протолкнуть восхваление и принятие капитализма в его самой грубой и зверской форме. Можно, конечно, напомнить по поводу этих усилий о том, как Христос бичом изгонял из храма. Притча известная. Но дело куда более земное, чем толкование священного писания, и оно поручено в последние годы в основном НТС.

С 1977 года НТС затеял издание сборников «Надежда», которые представлялись малосведущим людям как собрание религиозных материалов. Особую привлекательность предприятия в глазах НТС – ЦРУ представляло то, что подготовку материалов (по крайней мере, частично) взяла на себя некая З. Крахмальникова, проживающая в СССР. Здесь она трудилась на избранной ниве, передавая собранное неле-

гально на Запад, где оно типографски оформлялось. Затем следовали попытки контрабандой перебросить все это в СССР.

В августе 1982 года кипучей деятельности Крахмальниковой, включавшей в себя преступную связь с агентурой западных спецслужб, был положен предел. Немедленно последовал исступленный вопль Антония, архиепископа Женевского и Западноевропейского: «Преследуя составителей сборника, власти еще раз продемонстрировали свою богоборческую сущность. НТС еще сообщил: „То, что произошло сегодня, свидетельство открытого, откровенного преследования, гонения за веру, за Христа“. Сетования, мягко говоря, ханжеские. Да кто протестует? НТС! И не по причинам попрания веры, но куда более конкретным. Ибо было сказано в № 1 этого сборника в 1977 году: „Всю техническую сторону издания, защиту авторских прав участников сборника, коммерческое его распространение за границей и, по возможности, пересылку части тиража в Россию согласилось взять на себя издательство „Посев“. Мы уже имели возможность неоднократно видеть, что за «христиане?» укрываются под крышей этой фабрики макулатуры. Естественно, они разъярены – сорвалась еще одна акция в подрывной работе.

В том, что издание и попытки распространения сборника носили именно такой характер, убеждает его содержание. «Религиозные» тексты в нем нередко несли семантическую нагрузку, мало отвечавшую чистой вере. Тон им задавала ста-

тья в № 1 анонимного священнослужителя, помещенная, вероятно, как пример, достойный подражания. Это человек, с точки зрения православного, несет лютеранскую ересь, определенно меняет совесть христианина на еретическую валюту (наверное, доллары). Итак, послушаем: «Мир принадлежал, принадлежит и будет принадлежать лишь богу, какие бы силы ни хозяйничали временно в мире. Неужели это значит, что у человека нет никакой собственности и быть не может? Наоборот, собственность человеческая имеет свое непреложное основание в том, что есть собственность вообще. Значит, собственность может быть дана, если есть истинный хозяин. Какой простор, какое глубокое основание истинного владения... Собственность есть проводник любви божией и человеческой».

Эта проповедь обращена к людям в стране, где была совершена революция, ликвидировавшая частную собственность, положившая конец эксплуатации человека человеком. Вот какие «христианские» истины взялись проповедовать в «Надежде»! Кто же прислушается к ним и кто Одолжен превращать слова в дела? «Христианские» слова в «Надежде» переплетаются с весьма конкретными усилиями в подрывной работе западных спецслужб, обнаруживших тех, кто, на их взгляд, вооружится ими. Весь 1982 год в НТС идет дискуссия об экономических проблемах в СССР, точнее, как гальванизировать, если это вообще возможно, капиталистические элементы.

Но даже в кругах НТС потуги воссоздать капитализм в нашей стране через «левака» представляются смехотворными. Активистка НТС Оболенская остудила пыл своих единомышленников: «Частное предпринимательство в целом и особенно черный рынок в настоящее время вызывает крайне негативное отношение к себе со стороны населения, особенно у русских. Это происходит потому, что человек обычно встречается... чаще всего с расхитителями так называемой „социалистической собственности“. Такой человек, идущий на риск ради наживы, обладает специфическими данными. Это лицо „нового предпринимателя“ вызывает протест и раздражение у потребителя, поневоле прибегающего к его услугам... Их можно отнести к городскому „люмпен-пролетариату“, но делать на них ставку политическую или экономическую не следует».

Заколдованный круг для «теоретиков» НТС, обслуживающих ЦРУ! Если принять в соображение эту дискуссию (прямо скажем, с нашей стороны выглядевшую пустопорожней, но вполне реальной для спецслужб), тогда проясняется функциональная роль их упражнений на религиозном поприще. Энтээсовская «Надежда» подавала надежду как-то решить квадратуру круга – освятить идеями христианства пошлую, плоскую наживу и во имя ее подрыв экономических основ социализма. Впрочем, живя на Западе, можно уверовать, что это возможно. Разве эксплуатация человека человеком в западной цивилизации по нормам тамошней ре-

лигии и этики не признается естественным состоянием общества? Богачи и сверхбогачи, верховодящие в ЦРУ, с их точки зрения, предъявляют к НТС вполне выполнимые требования.

Буквально за каждой кампанией на Западе по поводу «притеснений» верующих при ближайшем рассмотрении вскрывается уголовщина. По весне 1982 года западные «радиоголоса» со слезой объявили о том, что в Москве привлечены к ответственности пылкие «христиане». Новые гонения за убеждения! На деле речь шла отнюдь не об «убеждениях», а о том, что в 1979 – 1982 годах несколько лиц во главе с неким Бурдюгой, в основном не имеющих определенных занятий, занялись в целях наживы нелегальным промыслом, избрав для этого издание литературы религиозного содержания. Расследование дела, по необходимости очень трудоемкое, показало, что они сами получили наживы 43 600 рублей, а за использование рабочей силы выплатили около 164 тысяч рублей. Крупная афера привела к осуждению преступников в декабре 1982 года по ч. II ст. 162 УК РСФСР. Никакой «политики», заурядная уголовщина. Да один из привлеченных к судебной ответственности, Розанов, был еще осужден по ст. 88 УК РСФСР, трактующей о нарушении правил валютных операций.

Особое внимание западные ревнителы «свободы» вероисповедания уделяют тем, кто по их прикидкам мог бы конкурировать в нашей стране с русской православной церковью.

Небезызвестный кардинал Слипый носится с затеей создания «Киевско-Галицкого католического патриархата», с распространением его юрисдикции на всю Украину. Этот военный преступник, в свое время благословлявший создание дивизии СС «Галичина», никак не может смириться с решением Львовского церковного собора 1946 года, упразднившим Брестскую церковную унию, в результате чего прекратила существование униатская греко-католическая церковь на Украине.

Слипый посылает эмиссаров в нашу страну. Один из случаев поучителен. 30 мая 1979 года на КПП «Шегиня» Львовской области был задержан черный «мерседес». Восседавший за рулем итальянский священник Бернардо Винченцо был арестован. Ему было предъявлено обвинение по ст. 70 УК УССР – контрабанда. Малодостойный служитель бога ехал в СССР в четвертый раз, в предшествующие поездки он тайком провозил и передавал неким лицам крупные суммы советских денег. На этот раз у него было изъято около 13 тысяч рублей из искусно сделанного тайника и несколько чемоданов с женскими вещами.

Перед реальной перспективой тюремного срока за контрабанду Винченцо покался следствию. Оказалось, То он ехал в СССР для сбора фактов о «притеснении» их, кто поддерживает униатскую церковь. Поручение, по словам Винченцо, ему дал кардинал Слипый. Связи последнего с ЦРУ сомнений не вызывают. От кардинала он надеялся получить

«какое-нибудь вознаграждение». Вот и вся хитрость.

Винченцо, как видим, не выполнил задания. Покаявшись перед следствием, он обратился в Президиум Верховного Совета СССР с просьбой о помиловании. «Я готов стать на колени, – писал он, – перед любимым и просить прощения за все, что я совершил во Львове». Естественно, во время предшествовавших поездок. И еще пустил слезу: «Я мог бы понять, что такое коммунизм, если получу помилование и освобождение. Возможно, пойму, что коммунизм более справедлив и гуманен, чем другая политическая система и сама католическая церковь».

На пресс-конференции, материалы которой были напечатаны во «Львовской правде» 3 ноября 1979 года, Винченцо говорил: «Мне была предоставлена возможность ознакомиться с документальными доказательствами, в том числе с кинодокументами второй мировой войны, свидетельствующими о тесном сотрудничестве Иосифа Слипыго и других униатских священников с нацистами и лидерами буржуазных украинских националистов. Я увидел, как при их поддержке и благословении гитлеровцы и националисты терроризировали население Украины, убивали мирных жителей, в том числе детей, женщин, стариков... Я понял, что меня втянули в политическую акцию, дух и цели которой находятся в полном противоречии с моими убеждениями человека и священника. Я не только не оправдываю антисоветских действий Слипыго и Ортынского (непосредственно снаряжав-

шего его в поездку. – **Н. Я.**), но и возмущен тем, что они использовали меня как орудие для осуществления такого грязного дела, как контрабанда, в том числе политическая. Я переживаю упреки совести и раскаяния за то, что действовал во вред интересам Советского государства.

Что же, лучше поздно, чем никогда. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 октября 1979 года Винченцо освободили от уголовной ответственности и выдворили из пределов СССР.

Ныне среди тех, кто стоит за униатскую церковь (а их-то и пытался в данном случае нащупать эмиссар Слипыго и ЦРУ), изуверы-сектанты. На следующий год после описанного неудачного вояжа итальянского священника прокуратура Дрогобыча, то есть города поблизости от Львова, возбудила уголовное дело по беспримерному факту. Сектанты, именующие себя покутниками, в зимнюю ночь 19 января четырнадцать часов водили 26-летнюю продавщицу местного магазина К. босиком по снегу, а затем устроили ей «водное крещением – силой держали в ледяной воде речки Тисменица. Результат – К. пришлось ампутировать обе обмороженные ноги. От потерпевшей разумного рассказа добиться не удалось, после пережитого она находилась в состоянии реактивного психоза. Но постепенно клубок распутался, выявился один из главарей сектантов, некто Скалыч, 1920 года рождения, с образованием четыре класса. Человек без определенных занятий, бродяга, уже отбывавший длительное тю-

ремное заключение за антисоветскую деятельность.

Среди малограмотных людей он проповедовал точно по «Инструкции» руководителей секты: «Если наши враги скажут, мы против власти, должно отвечать: мы подчиняемся власти, стоящей над нами, а над нами власть одной державы, одной силы, господа нашего Христа... Спросят, где прописаны, отвечай – прописаны в книге Христа, спросят паспорт, отвечай – не советского подданства, а живу в религиозных размышлениях. Отцы мои не имели спорта, а все мы носим на груди святой крест. Паспорта для лошадей, я не конь, я не кобыла, что меня спрашивать паспорт. У меня паспорт Христа». Изуверство? Темнота? Конечно! Но униатские ходоки ищут именно таких ибо они могут послужить самым грязным целям.

Исследовали «мировоззрения» Скалыча. Открылась злобонная клоака – восхваление украинских буржуазных националистов, кровавых деяний их банд в годы войны, упреки по адресу фашистов, не «переборовших» Советский Союз, надежды на новую войну и т. д. Как особо опасного рецидивиста, Львовский областной суд приговорил Скалыча в августе 1980 года к длительному заключению. Что, пострадал за «веру»?

Для «доказательства» мнимых «гонений» за веру адрес различных международных организаций, например ООН, секретариата Мадридской встречи, подкидываются списки лиц, будто бы рвущихся осуществить «свободу» вероиспо-

ведения на Западе. В конце 1982 года пришлось выборочно проверить на местах новые «заявления», фигурирующие на международных форумах. Жительница села Квитнево на Львовщине, баптистка А. И. Стрелкова с изумлением узрела себя в списке «гонимых». В заявлении в сельсовет 7 декабря 1982 года она возмутилась по поводу приписанных ей документов. «Я вижу их впервые, – писала она. – Подпись под этим документом также не моя, и кто ее поставил, мне неизвестно. Я хотела бы, чтобы автора, злоумышленника и фальсификатора, разыскали и привлекли к ответственности». Другая баптистка, Пищак Л. Н., проживающая в том же селе, писала в тот же день: «Каких-либо ущемлений своих прав как верующая я не испытываю. Предъявленный текст, в котором говорится о выезде за пределы СССР, вижу впервые». Супруги Серафинчани, живущие на Черниговщине, 12 декабря 1982 года назвали просьбу, направленную якобы от их имени, клеветой и просят «найти человека, который от нашего имени клеветает на наше государство – СССР».

Подобные примеры можно было бы умножить без труда. Мораль проста – перед нами топорная работа агентуры западных служб, которая тужится фальсификацией и глупейшими баснями опорочить свободу вероисповедания в Советском Союзе. Коротко говоря, перед нами Большая Ложь.

Каким же беспредельным цинизмом проникнуты эти люди, которые делают черное дело, не уставая призывать в свидетели «чистоты» своих помыслов Иисуса Христа! Впрочем,

чего иного ожидать от американских фарисеев?

Что касается нравственного облика тех, кто у нас ведет тайные шашни через западные спецслужбы с заокеанскими фарисеями, то диссидентствующий клирик русской православной церкви иеродиакон Варсонофий в конце 1982 года выдал из себя: «Факты говорят, что в нас самих, называющих себя христианами, нет даже приближения к тому, чем должно быть христианство».

Напечатано в одном из эмигрантских изданий.

Описанная подрывная работа, отравляющая международные и советско-американские отношения, все же не больше чем действия авангардных сил империализма. За ними – ракетно-ядерная мощь Соединенных Штатов. Как было определено директивами СНБ еще во второй половине сороковых годов и неоднократно подтверждалось с тех пор, она будет введена в действие, если и когда общее соотношение сил склонится в пользу империализма. Обнародованные программы военного строительства администрации Р. Рейгана не оставляют никаких сомнений на этот счет, ибо они рассчитаны прежде всего на слом стратегического паритета.

Коль скоро это является официально декларированной целью Вашингтона в настоящее время, иные занятые подрывной работой против СССР почувствовали себя недужными. В самом деле, что толку тратить силы на «подрыв» СССР изнутри, если американский империализм готов решить ис-

торический спор между двумя противоположными социальными системами физическим истреблением народов Советского Союза. Во всяком случае, такой вывод сделал, например, остающийся ярым антисоветчиком Солженицын. В мае 1982 года он не пошел на обед в Белый дом к Рейгану, куда президент зазвал именитых отщепенцев. Выразил, значит, «протест».

Бунт на коленях господ правящие в США едва ли заметят. Некий предатель, подвизающийся на радио «Свобода», жаловался, что отношение американских хозяев к ренегатам как к «троглодитам». А вообще что-либо доказывать американскому начальству, поглощенному собственными планами, совершенно бесполезно. Отношение «сверху» к мельтешущим у ног господ отщепенцам «напоминает, – расплакался он, – описанное Джорджем Оруэллом в романе „Бирманские обычаи“ отношение англичан к туземцам: „Даже знать, кто прав и кто не прав в споре между туземцами, – это уже потеря лица!“.

Тем не менее, ЦРУ сделало выводы в отношении Солженицына. В сентябре 1982 года его выпустили в первую поездку из США со времен катастрофического турне по Европе в 1976 году. Выпустили под конвоем – шесть человек охранников, примерно трехнедельное пребывание в Японии под чужим именем – шведа Александра Фосса. О том, что Солженицын в стране, японцы узнали из объявления на пресс-конференции, проведенной к концу его поездки, причем он на

ней не присутствовал! ²⁵⁷ Разумеется, и в дальнейшем ЦРУ будет использовать его имя, но будет продолжать держать сочинителя на коротком поводке. Вот таково-то реальное положение того, кто одно время располагал получить на Западе высокую трибуну.

Оно и понятно. ЦРУ – классовая организация, созданная и работающая в интересах только крупного капитала, а руководят им его избранные представители. Они внесли в Работу ЦРУ нравы денежной элиты. Не надуманные этические нормы, приверженность к христианству и прочим высоким принципам определяет поведение в деловой деятельности, а патологическая страсть к наживе, сохранение, охрана и умножение своих капиталов. С такой же страстью, движимое очень нечистыми мотивами, ведет подрывную работу по всему миру руководство ЦРУ. Подлые цели предопределяют не менее подлые методы.

Обо всем этом заявить публично совершенно невозможно. Отсюда секретность, окружающая работу ЦРУ, которая при администрации Р. Рейгана нарастает в геометрической прогрессии. А на случай очередного провала вступает в дело доктрина «правдоподобного отрицания». В новом уставе ЦРУ, утвержденном Рейганом 4 декабря 1981 года, она вписана целиком, а именно: «Специальные операции означают действия, проводимые в поддержку целей государственной внешней политики, которые планируются и выполняются та-

²⁵⁷ «The Japan Times», October 12, 1982.

ким образом, что роль правительства США не видна и публично не признается»²⁵⁸.

Официальная позиция Вашингтона, открыто подтверждающего фарисейство и ложь, – основа государственной политики. Отсюда неизбежен вывод: нужно судить всегда и везде только по делам, но никак не по словам правящих в США. Но чтобы сделать правильные выводы, нужна бдительность и еще раз бдительность. Это испытанное оружие нашей партии, нашего народа. В прошлом бдительность была неизменно предпосылкой наших успехов и побед. Так будет и в будущем.

²⁵⁸ «The New York Times», December 5, 1981.

ПОД ЖЕЛЕЗНОЙ ПЯТОЙ

Американские политические деятели и дипломаты свое второе ремесло – проповедовать направо и налево – за плечами не носят. В зависимости от обстоятельств, личных склонностей и многого другого ремесло это иной раз превращается в специальность отнюдь не побочную. Со времен основания республики излюбленная тема их ораторских упражнений – соотношение идеологии и реальных, скорее материальных, интересов в американской внешней политике, или «идеализма» и «реализма». С замечательным постоянством утверждается, что Америка может предложить миру нечто особенное, возвышенное, хотя трактовка этого «дара» или «вклада» в устах каждого нового поколения адептов американизма иная.

Когда-то американские посланники и посланцы, прибывшие в Европу, сдержанно восхищались архитектурным совершенством европейских столиц по той причине, что, по их словам, им милее была республиканская простота провинциального Вашингтона по сравнению с Северной Пальмирой или Лондоном и Римом. Больше того, дворцовая пышность Европы возбуждала даже негодование тонкогубых квакеров – вот она, бессмысленная расточительность, верный признак загнивания Старого Света! С тех пор много воды прошло под мостами на Потомаке и Гудзоне, Сене и Тибре. С бес-

смысленной роскошью обстроились американские магнаты, и республиканскую простоту теперь, пожалуй, уместнее искать не в Новом Свете. Но это не оказало решительно никакого воздействия на американские рассуждения об имманентных преимуществах США, просто заокеанские риторы сменили сюжеты, оставив в неприкосновенности основное – Соединенные Штаты-де и ныне служат неким высшим идеалам.

Эта официальная риторика хорошо известна как миру, так и американским специалистам в области международных отношений. Последние в научных сочинениях давным-давно высмеяли попытки изобразить цели США в мире в традиционных терминах и концепциях. Многоумные специалисты даже бросали вызов – попытка, скажем, написать историю внешней политики США на основе официальных заявлений приведет к таким результатам, которые можно сопоставить только с абсурдностью самого метода. Вероятно, профессор Г. Киссинджер прекрасно знает все это, тем не менее в последние недели пребывания на посту государственного секретаря в 1976 году он изрек в статейке теоретической значимости следующее: «С самого начала американцы считали, что США имеют моральный вес, который превосходит их военную или экономическую мощь. США уникальны среди всех стран мира в том смысле, что они были основаны людьми, преданными ряду политических и этических принципов, которые, по их мнению, носили универсальный ха-

рактик. Нет ничего удивительного в том, что Сантаяна заключил: „Быть американцем само по себе моральная категория“.

Растолковав с этих позиций американское прошлое, Киссинджер бросил взгляд в будущее (менее чем через месяц кончалось пребывание у власти администрации Форда): «Как величайшая демократия в мире, Америка служит напоминанием всем, что есть альтернатива тирании и угнетению. Революция, начавшаяся два столетия тому назад, продолжается, ибо в большей части мира все еще стремятся добиться свободы и достоинства личности, святости законов, то есть того, что никогда не переставали искать США, наслаждаться этим и совершенствовать это». Определенно памятуя о том, что 20 января 1977 года в Белый дом въедет Дж. Картер с тяжелым идеологическим багажом, уходящий государственный секретарь уточнил: «Мы должны защищать права и достоинства человека... У нас как моральные, так и практические обязательства защищать наши ценности и бороться с несправедливостью. Те, кто выступает за свободу и разоблачает несправедливости репрессивных режимов, поступают в лучших американских традициях»²⁵⁹. Надо думать, что, помимо прочих соображений, изречь эти истины оракула побудили размышления чисто практического свойства. Тогда ему было 52 года – в этом возрасте не хочется уходить от дел

²⁵⁹ Н. Kissinger. *America and the World: Principle and Pragmatism*. – «Time», December 27, 1976, pp. 41 – 43.

по простой причине смены администрации.

Профессор Киссинджер, конечно, великий моралист-теоретик, а в период Уотергейта было показано, что он, помимо прочего, и моралист-практик. Выяснилось, например, что в заботах о правах человека ему ничего не стоило отдать указание компетентным американским органам подслушивать телефонные разговоры ближайших сотрудников и коллег, а также установить, в какой мере это соответствует лучшим американским традициям. На пресс-конференции 23 августа 1973 года Киссинджер в качестве общего принципа государственной деятельности положил такую мысль: «Любое правительство должно устанавливать тонкое и точное соотношение между потребностями национальной безопасности и гарантиями индивидуальной свободы. Следует надеяться, что конкретные решения можно будет оправдать с точки зрения их необходимости»²⁶⁰. По осени 1974 года госсекретарь во время встречи с группой сенаторов в ответ на их вопросы, почему он не считается с государственным департаментом, отрезал: «Бывают времена, когда национальные интересы превыше законов»²⁶¹.

То, что на языке государственного секретаря именуется «национальными интересами», несомненно, имеет другое, куда более точное название – классовые интересы правящей

²⁶⁰ Presidential Documents, Richard Nixon. 1973, p. 1028.

²⁶¹ L. Gelb. The Kissinger Legacy. – «The New York Times Magazine», October 31, 1976, p. 13.

в США олигархии. Руководствуясь неизменно этим компасом, Вашингтон на нынешнем этапе счел своей обязанностью сделать акцент на «правах человека». Что это, собственно, означает?

Американская риторика на этот счет, восходящая к Декларации независимости, хорошо известна – «все люди созданы равными». Многие годы эта звонкая фраза повторяется американскими официальными лицами и пропагандистами. Легковерные склонны принимать ее всерьез. Но между расхожим представлением и сутью дела дистанция громадного размера. То, что незыблемо как пропагандистское клише, никогда не принималось всерьез теми, кто понимает смысл, вложенный отцами-основателями в эту формулу. Пример тому – академическая община, где среди своих вещи называются своими именами.

Видный американский профессор Дж. Грин в начале 1976 года выступил в Оксфордском университете с лекцией «Все люди созданы равными», организованной в рамках празднования 200-летнего юбилея США. Снобистская речь в изысканной аудитории – в Оксфорде, оплоте аристократического образования в Англии. Собравшиеся услышали то, что хотели услышать. Заокеанский оракул, вернувшись к событиям 200-летней давности, подчеркнул: «Занимавшиеся историей далеко не отдавали себе отчет в том, о чем я хочу сказать, – глубокая и истовая приверженность поколения руководителей революции к политическому неравенству решительным

образом сузила качество и размах социально-политических изменений во время (американской) революции».

Отправляясь от этого положения, Дж. Грин показал, что «равенство возможностей для революционного поколения означало обеспечение равного права для индивидуума завладеть максимально большой собственностью, добиваться для себя наилучшей жизни в зависимости от своих способностей, средств и обстоятельств. Каждому предоставлялось равное право становиться более неравным». Под знаком доктрины «равные права на свои права», говорил Грин, и развиваются с тех пор Соединенные Штаты. Вероятно, американский профессор довольно точно описал обратную сторону медали, на которой отчеканено: «права человека»²⁶².

Доктрина эта полностью удовлетворяет правящую элиту Соединенных Штатов и в то же время в упрощенном пропагандистском варианте удобна для улавливания душ простаков. Так было всегда.

И все же отчего именно в середине семидесятых годов Вашингтон столь назойливо стал поднимать вопрос о правах человека? На рубеже шестидесятых и семидесятых годов описанная доктрина по многим причинам дала серьезную трещину в США. Обнаружилось, что сладкие песни об обеспечении прав человека в заокеанской «демократии» пе-

²⁶² All Men are created equal. An Inaugural lecture delivered before the University of Oxford on 10 February 1976 by Jack P. Greene. Oxford 1976, pp. 4, 8 – 9, 11.

рестали удовлетворять миллионы американцев. Что, усмотрел официальный Вашингтон, чревато неисчислимыми последствиями при существовании в мире двух противоположных социально-политических систем.

3. Бжезинский, разбирая перспективы американо-советских отношений, заметил, что одержит верх та система, которая окажется прочнее, иными словами, исход дела решит внутреннее положение в каждой стране. Что касается Соединенных Штатов, то, на взгляд Бжезинского, их отнюдь не отличает большая стабильность. Как заметил он в теоретической статье, увидевшей свет в начале семидесятых годов и претендовавшей на прогнозирование ближайших событий, «в Америке совершенно очевидно широкое социальное волнение, которое имеет далеко идущие конституционные и политические последствия... В Америке проявляется новый феномен, который, вероятно, будет господствовать в семидесятые годы: осознание того, что человек, одержавший верх над своим окружением, должен серьезно поразмыслить и дать ответ – прежде всего в социальной области – на коренные вопросы о целях социального существования. Это пронизывает все усиливающиеся национальные споры относительно характера общества и роли науки, споры, носящие как политический, так и философский характер.

Все эти тенденции враждебны стабильности, признанным ценностям и перспективам. Это уже способствовало распаду национальной целеустремленности, широкому распростра-

нению пессимизма среди американских интеллектуалов и неуверенности в будущем среди той части американского общества, из которой традиционно выходит руководство страной...

Что же случится, если волнение в США выйдет из рамок?... Достаточно указать на то, что в этом волнении в потенции заложена возможность распространения социальной анархии, которая приобретет еще более ожесточенный характер в результате расового конфликта, включая постепенную ликвидацию действенной системы правления, особенно в том случае, если национальное руководство, как политическое, так и социальное, распадется и станет деморализованным»²⁶³.

Глубокая тревога за будущее строя, существующего в США, подспудно бьется в этих академических, обтекаемых фразах американского теоретика. Что предпринять? Несомненно, внутренняя обстановка в США, помимо прочего, дала толчок пропагандистской кампании о «правах человека». Но едва ли сам Вашингтон верит, что эта кампания окажется действенной по большому счету.

Вспомним классика американской литературы Джека Лондона. В самом начале века он напряженно размышлял о дальнейших путях развития своей страны. В 1908 году в статье «Революция» он высмеял идеологический арсенал аме-

²⁶³ Z. Brzezinski. U. S. – Soviet Relations. The Next Phase in Foreign Policy. Washington, 1973, pp. 114 – 115, 117.

риканского правящего класса. «Правда, водятся у него и кое-какие идейки, – писал Дж. Лондон, – верно служившие ему встарь, но они давно выдохлись и потеряли силу. Свободы от Четвертого июля (1776 года, день основания США. – **Н. Я.**) по образцу «Декларации независимости» и Французских энциклопедистов сегодня едва ли кого удовлетворят... Хваленая конституция США тоже сильно слиняла в глазах рабочего... «К чертям такую конституцию!» – скажет он»²⁶⁴.

Не в идеологии сила американской буржуазии, настаивал Дж. Лондон. Ее классовое господство покоится на насилии, и если ему будет брошен серьезный вызов, предупредил писатель, то Собственник ответит установлением Железной пяты. В одноименном фантастическом романе Дж. Лондон показал ужасающий строй, который, как представлялось ему, грядет в Америке. Основа его – голос насилия.

Приход Железной пяты Дж. Лондон писал с натуры – творческое воображение писателя поражали процессы, происходившие уже тогда, в первом десятилетии XX века, в Соединенных Штатах. ФБР и ЦРУ не было, но уже был развитый политический сыск, разветвленная сеть карательных органов.

Великий Октябрь пресек ту тенденцию, которая, по Дж. Лондону, должна была охватить весь мир. Социализм, как щит, прикрыл человечество от Железной пяты, сузил возможности реакции и в самих Соединенных Штатах. Однако

²⁶⁴ Джек Лондон. Собр. соч. в 14-ти томах, т. 6, М., 1961. с. 87.

она не сложила оружия, усовершенствовав с годами методы расправы с инакомыслящими. Как и против чего направлено острие карательных органов в США? Какое место занимают они в политической структуре США? Попробуем ответить на эти вопросы, это даст возможность и определить параметры так называемых прав человека и индивидуальных свобод в самой Америке.

Одновременно прояснится и другое. Чем туже затягивается петля политического сыска на шее американцев, тем громче звучат в Вашингтоне слова о нарушениях «прав человека» везде, только не в самих США. Подняв спекулятивную кампанию в защиту «прав человекам за пределами американских границ, официальный Вашингтон пытается отвлечь внимание от того, что США ныне, в сущности, являются полицейским государством.

Этот жестокий, жестокий мир секретных служб

1

В 1905 году маститый царский сановник С. Ю. Витте побывал в Соединенных Штатах. Он приехал сюда из России, страны, где высоко взметнулась революционная волна. Понятно, с какой завистью взирал посланец российского монарха на тишину, царившую в США. Она ему была особенно необходима: ведь он прибыл на американский континент не для беззаботного времяпрепровождения, а для ведения переговоров о мире с японскими представителями.

Очень скоро, однако, Витте обнаружил, что закон и порядок в заокеанской стране, несомненно, дорого обходятся власть предержащим, что они не следствие имманентных свойств американцев; а скорее результат усилий широко разветвленной тайной полиции. О ее действиях Витте мог легко судить, пользуясь своим положением гостя американского президента. Позднее в своих мемуарах он неоднократно обращается к этому феномену Североамериканского государства и приходит в конце концов к выводу, что функции тайной полиции здесь гораздо шире, чем в тех странах, которые великие американские демократы именовали «тирани-

ческими». К удивлению Витте, американская публика уже настолько привыкла к широким полномочиям «чистейших джентльменов» (агентов охранной полиции), что воспринимала их акции как нечто должное²⁶⁵.

Свидетельство Витте, относящееся к началу XX века, в высшей степени показательно – в то время в Соединенных Штатах не существовало не только пресловутого ЦРУ, но даже ФБР, а надлежащий психологический климат – уважение и почитание полицейской дубинки и филера – уже сложился. Как же это произошло в стране, которая кичится своими «демократическими» традициями? Очевидно, в процессе той повседневной американской политики, которая немыслима без этих двух категорий: «закон» и «порядок». Разумеется, в американском их понимании.

Советский исследователь В. Э. Петровский, занимаясь генезисом суда Линча на американской земле, нашел, что хваленое-перехваленое «народоправие» в этой стране и создаст культ политического сыска, сурового преследования инакомыслящих и обожествления органов государства, занятых этим делом. «Американцы усвоили сознание одномерное, сознание узкое и жесткое, как луч лазера, сознание сугубо утилитарное, функционально экономное и лаконичное, как промышленный „дизайн“... Психические состояния гуманистической личности: так называемая „мировая скорбь“, мука за человечество, тягостное раздумье над его судьбами (гоге-

²⁶⁵ С. Ю. Витте. Воспоминания. т. 2. М., 1960, с. 448 – 449.

новское: „Откуда мы? Кто мы? Куда мы идем?“), праведный гнев, благородное негодование, страсть обличения и вдохновение пророка – такие состояния чужды умонастроению традиционного янки. Это личность сугубо прагматическая»²⁶⁶.

Когда Уотергейт показал, что на вершине пирамиды власти определенно неблагополучно, в том числе и с политическим сыском, это вызвало недоумение и горечь среди правоверных, истово исповедующих кредо американизма. Экцессы сыщиков и их покровителей были налицо. В воспаленном воображении правоверных сложилась жуткая картина: освященных коров» – ЦРУ, ФБР и других – ведут на политическую бойню. Скорые на выводы джентльмены были готовы представить говорливых конгрессменов политическими мясниками. Сама мысль о том, что некие зловещие силы уготовили американцам жалкий жребий – жить без опеки тайной полиции, – вызвала в печати поток негодующих статей.

В самом конце 1974 года бывший сенатор Д. Фулбрайт в интервью, удачно названном при публикации «Фулбрайт разочарован вконец», довольно точно отразил психологию соотечественников: «Никто, конечно, не одобряет подслушивание телефонов, которое продолжается вот уже пятьдесят лет, но мы все знаем, что оно продолжается, и все согласны с этим и многими аналогичными деяниями. Теоре-

²⁶⁶ В. Э. Петровский. Суд Линча. Очерк истории терроризма и нетерпимости в США. М., 1967, с. 211.

тически люди не одобряют тайные действия ЦРУ, однако большинство говорит – мы должны заниматься этим, ибо и другие поступают таким же образом»²⁶⁷. Буря, пронесшаяся по страницам американских газет, почти по всея пунктам подтвердила высказывание отставного сенатора. Видимо, он действительно хорошо представляет родимые порядки.

Газета «Нью-Йорк таймс» от 22 декабря 1974 года выдала свое возмущение расцветшим в Соединенных Штатах политическим сыском. О действительных причинах такого шага мы скажем ниже, а пока заметим, что только газета с хорошей финансовой базой могла позволить себе роскошь выступить с собственным мнением, которое, однако, не очень заметно разошлось с обыденной мудростью американского обывателя, славного своим конформизмом.

В газетной статье (автор С. Херш) указывалось, что ЦРУ «при администрации Никсона проводило массированные незаконные сыскные операции внутри страны против антивоенного движения и других групп диссидентов». Сверхтайное подразделение ЦРУ завело досье на 10 тысяч американских граждан, среди которых был по крайней мере один конгрессмен, высказавшийся против войны во Вьетнаме.

Начиная с пятидесятих годов ЦРУ провело множество незаконных операций, включая «проникновение в жилища, подслушивание телефонов, вскрытие корреспонден-

²⁶⁷ D. Yergin. Fulbright's Last Frustration. – «The New York Times Magazine», November 24, 1974.

ции». Одновременно газета, ссылаясь на только ей ведомые источники, утверждала, что этим незаконным операциям уже положен конец, да и сами они проводились в связи с работой иностранных разведывательных служб в США, а не с выступлениями собственно американских диссидентов²⁶⁸.

Едва просохла типографская краска на свежих номерах «Нью-Йорк таймс», как последовало категорическое опровержение от темпераментного американского посла в Иране Р. Хелмса. Из Тегерана он телеграфировал, что в бытность его директором ЦРУ, в первый срок президента Никсона, «незаконных сыскных операций против активистов антивоенного движения или диссидентов» в США не было²⁶⁹. Не было, и все тут, а официальным лицам в США полагается верить на слово. Против «диссидентствующей» «Нью-Йорк таймс» дружно выступили американские газеты второго разбора, для которых верность кондовым святыням – источник существования. Передовица одной из них – «Манчестер юнион лидер» (Манчестер, Нью-Хэмпшир), – самозабвенно ринувшейся на защиту дорогих святынь Америки, взяла высокий тон:

«В конце прошлой недели „Нью-Йорк таймс“, наивные редакторы и владельцы которой не понимают, что их газету используют хитрецы для разрушения системы свободного предпринимательства и безопасности страны, выступила с

²⁶⁸ . «The New York Times», December 22, 1974.

²⁶⁹ The CIA and the Security Debates: 1971 – 1975. Ed. by Y. Buncher, p. 11.

передовой, которая вне всяких пропорций раздула одну историю. Суть ее в том (о ужас!), что ЦРУ занималось шпионажем и другой разведывательной деятельностью в различных американских революционных организациях, которые „Таймс“ из вежливости назвала „диссидентскими“... Президент Форд, реагирующий, как марионетка, на любой вздор, который несут либеральные средства массовой информации, немедленно и взволнованно обратился с борта своего самолета (он летел в отпуск на Запад покататься на лыжах) к директору ЦРУ прекратить любые расследования такого рода в отношении подрывных организаций в США, которые проводились ЦРУ. Форд затем благочестиво заверил, что пока он у власти такие действия будут запрещены!

Если так, то наша газета спрашивает «Нью-Йорк таймс» – на чьей вы стороне? Нам бы также хотелось спросить президента Форда, почему он не понимает реального положения вещей и того, что происходит в мире в наши дни»²⁷⁰. Для вящего впечатления вопросы были набраны жирным шрифтом...

«Бирмингем ньюс» нашла: «Конечно, ЦРУ не следовало бы заниматься шпионажем внутри Соединенных Штатов. Однако эта узурпация прерогатив ФБР не столь ужасна, как считают некоторые. Она незаконна и прискорбна, но не создает большей угрозы гражданину, не занимающемуся изготовлением бомб, чем такой случай – допустим, поли-

²⁷⁰ «Manchester Union Leader», December 27, 1974.

ция одного города начинает по ошибке патрулировать улицы другого города. Для невинного какая это разница?»²⁷¹. Подумаешь, заключила «Аргус-Лидер» (Сиу Фолз, Южная Дакота): «В кладовой есть белье, которое нельзя стирать при всеобщем обозрении. Поступить таким образом – значит уничтожить эффективность системы разведки США». Нужно, подчеркнула газета, «придержать стремление конгрессменов устроить расследование ЦРУ»²⁷². Да, высказалась «Сан-Диего Юнион» в штате Калифорния, «публичная стирка грязного белья ЦРУ и установление ответственности за его ошибки отнюдь не дадут нам новых гарантий, что потенциальные угрозы безопасности страны в будущем смогут быть расследованы без того, чтобы такая мощная организация, как ЦРУ, не обратилась к незаконной деятельности»²⁷³.

Категорически осудив «оргию расследований», «Атланта Конститушн» рывкнула: «На наш взгляд, у страны есть другие неотложные дела, которыми нужно заниматься»²⁷⁴. «Сеятинер Стар» из городка Орландо выявила ужасающую перспективу: «По всей вероятности, близок день, когда закон ограничит деятельность Центрального разведывательного управления разбором вырезок из газет мира. Большую часть чести за популяризацию детской игры „Поймай ЦРУ!“

²⁷¹ «The Birmingham News», December 25, 1974.

²⁷² «Argus-Leader», December 29, 1974.

²⁷³ «The San Diego Union», January 18, 1975.

²⁷⁴ «The Atlanta Constitution», January 29, 1975.

может взять на себя „Нью-Йорк таймс“²⁷⁵.

Газетная буря имела ощутимые последствия, одно из них – внезапный интерес к истории. Пошла речь не о современных подвигах американских тружеников тайной полиции, а о тех, что сохранились в пожелтевших архивных материалах, давно забытых неблагодарными потомками. Из небытия были вызваны фантомы, наполненные в мгновение ока плотью и кровью. В 1974 – 1975 годах скудные сведения о разведывательной и контрразведывательной деятельности западных держав, до сих пор просачивавшиеся в печать в ничтожных дозах, слились в шумный поток.

Вдруг спустя 30 лет после окончания второй мировой войны были раскрыты некоторые тайны секретной войны США и Англии против держав фашистской «оси». В 1976 году появился «Правдивый рассказ о решающих разведывательных операциях второй мировой войны и сверхшпионе, который руководил ими» – так рекомендовалась книга «Человек под кличкой „Неустршимый“». Речь шла о беседах, подкрепленных ссылками на доселе неизвестные сверхсекретные архивы, с 82-летним пенсионером-миллионером, тем самым, по выражению У. Черчилля, „неустршимым“ сэром У. Стефенсоном, который в годы второй мировой войны был ответствен за координацию усилий английской и американской разведок. По горячим пятам за Уотергейтом и другими „слушаниями“ в конгрессе западным читателям была преподне-

²⁷⁵ «Sentinel Star», January 23, 1975.

сена эта пухлая книга, сочиненная также в прошлом профессиональным разведчиком англичанином У. Стивенсоном.

Творческий замысел крестных отцов названной книги очевиден – неприглядным деяниям современных рыцарей плаща и кинжала был придан лоск, под них была подведена солидная «историческая» база. Профессионалы рассудительно разъясняли поколению семидесятых годов, что оно, собственно, обязано жизнью героям шпионажа, а что до методов последнего, то...

Впрочем, пройдемся по страницам книги вслед за «Неустрашимым». При внимательном рассмотрении книга оказывается на диво современной.

2

В предисловии к книге Стефенсон написал: «Секретность правильно отталкивает нас, она является потенциальной опасностью для принципов демократии и свободного правления... Хотя, быть может, и излишне подчеркивать столь очевидное, нужно помнить – оружие секретности теряет эффективность, стоит только отказаться от нее. Одно из условий демократии – свобода информации. Был несравнимо лучше точно знать, как работают наши разведывательные органы, почему и где. Однако стоит придать эти сведения гласности, как мы будем обезоружены.

Итак, дилемма сводится к следующему: как использовать

орудия секретности, не нанося ущерба самим себе? Как мы можем сохранить секретность, не ставя под угрозу конституционные законы и гарантии индивидуальной свободы?

Быть может, в этом отношении поможет история БСС, «Британской организации координации безопасности»? ²⁷⁶

Да, именно той организации, которую возглавлял Стефенсон. В разгар войны она насчитывала 30 тысяч сотрудников, разбросанных по всему миру, 2000 из них трудились в Рокфеллеровском центре (в Нью-Йорке), там где размещалась штаб-квартира БСС.

Мораль этой давней истории, по мнению Стефенсона заключается прежде всего в том, что гигантская БСС, множество других многотысячных разведывательных и контрразведывательных служб США и Англии отнюдь не деформировали высшее государственное руководство стран. Иными словами, они действовали в рамках принятой там законности. Воздав должное Черчиллю как организатору англо-американских специальных служб, Стефенсон подчеркнул: «Черчилль не предвидел ужаса крайностей... когда разведывательные органы технически развились до такой степени, что стали угрожать принципам государств, которые они призваны защищать. Эти зубы дракона, однако, были посеяны в тайной деятельности времен второй мировой вой-

²⁷⁶ W. Stevenson. A Man called Intrepid. The Secret War The Authentic Account of the most decisive intelligence operations of World War II – and the superspy who controlled them. N. Y., 1977, p. XVIII.

ны. Возникли вопросы чрезвычайной значимости: может ли элита тайных организаций подтолкнуть события чрезвычайной важности? Действительно ли наглые карьеристы цинично извращали принципы в среде тех, кому было доверено руководство разведкой? Что случилось за три с небольшим десятка лет с альтруистической силой, которая сыграла решающую роль в спасении свободного мира от уничтожения и рабства? Во имя трезвой оценки настоящего необходимо иметь ясное представление о прошлом. Итак, пришло время открыть архивы вверенной в свое время Стефенсону БСС»²⁷⁷.

Да, да, подтвердил отставной британский разведчик полковник Ч. Эллис во втором предисловии к книге, «история БСС – история великого англо-американского предприятия, начало которому было положено президентом Рузвельтом и его коллегами-единомышленниками, когда они спасли Британские острова от нацистской оккупации, хотя США формально еще не участвовали в войне... Ныне пришло время напомнить нам самим, что, как бы мы ни считали прискорбным обращение к секретности, именно секретность спасла нас всего одно поколение тому назад. Теперь Центральное разведывательное управление стало главной мишенью тех, кто хочет полностью разоружить нас и, ссылаясь на действительные или мнимые злоупотребления ЦРУ, стремится „выплеснуть ребенка вместе с водой“, лишив нас жизненно важ-

²⁷⁷ W. Stevenson. Op. cit., p. XVI.

ных средств обороны, которые громадной ценой были созданы во время второй мировой войны.

Как один из историков БСС, я с готовностью согласился предоставить мои собственные документы в распоряжение автора книги. Среди них организационные разработки, которые привели к рождению Управления стратегических служб (УСС) генерала Донована. «Неустрасимый» был повивальной бабкой УСС, и читатель сам сможет судить о том, как УСС появилось в огне ожесточенной войны за индивидуальные свободы»²⁷⁸.

Если принять в соображение, что УСС было предшественником ЦРУ, тогда все, становится на место. Книга – яростная и страстная защита методов работы ЦРУ, которые ныне получили осуждение в самих США, по крайней мере со стороны демократической общественности. Путь, избранный для этого, прост и короток – подменить то, что вызывает возмущение, – внутренний сыск, рассказом о подвигах союзных секретных служб в борьбе с державами фашистской «оси». Следовательно, объявить средства борьбы, которые по необходимости применялись против фашистской агентуры, пригодными для расправы с американскими гражданами, имевшими дерзость иметь суждения, отличные от принятых в США. Больше того – присвоить лавры, действительно завоеванные в годы войны мужественными людьми, ставившими свою жизнь на карту ради спасения человечества

²⁷⁸ Ibid., p. XXIII.

от смертельной угрозы возвращения рабства на основе научных и технических достижений XX века.

Хотя человечество живет без большой войны вот уже почти 40 лет, в книге У. Стивенсона на каждом шагу делаются попытки доказать – самые крайние методы военных лет в сфере разведки должны господствовать и в мирное время. А чтобы не осталось и тени сомнения, в назидание приводится множество случаев, когда не только права человека, но и жизни тысяч людей приносились в жертву ради побед в невидимых битвах. Ось всей книги – повествование о том, как тщательно хранили Англия и США некую тайну: к осени 1940 года английские криптографы с американской помощью сумели раскрыть тайну немецких шифровальных машин. Отныне западные союзники получили возможность дешифровать и знакомиться с перехваченными немецкими секретными документами.

Почти сразу за выдающимся успехом в тайной войне британский военный кабинет столкнулся с мучительной моральной проблемой – был расшифрован приказ Гитлера о предстоящей террористической бомбардировке Ковентри. Как быть? Спасти жизни мирных жителей, предупредив население, и почти наверняка дать понять гитлеровцам, что англичане «свои» на их тайной кухне, или не делать ничего, сохранить тайну, но погубить беззащитных людей? Черчилль и военный кабинет высказались за второй путь. 14 ноября 1940 года Ковентри был разгромлен с воздуха настолько ос-

новательно, что Гитлер зловеще посулил «ковентрировать» другие английские города.

Рузвельт обсудил со Стефенсоном проклятье знания, подумал и присовокупил: «Война заставляет нас все чаще действовать вместо бога. Не знаю, как бы я поступил...» Так и пошло. Известный в те годы английский актер Л. Ховард принял на себя поручение английской разведки и вылетел из Англии. «Немцы узнали об этом и сбили невооруженный самолет, – пишет Стефенсон. – Англичане заранее знали, что немцы знают, но, чтобы сохранить в тайне источник своих познаний в Блечли (так назывался дом, в котором располагалась служба дешифровки. – **Н. Я.**), позволили погубить самолет».

6 июня 1941 года Стефенсон гостеприимно приглашает американского генерала Донована в Блечли. Генерал присутствует там на инструктаже сотрудников. «Господа, – обратился к ним начальник британской политической разведки Р. Липер, – премьер-министр поручил мне раскрыть вам тайну, известную г-ну Черчиллю и начальникам штабов вот уже несколько недель. Он разрешил мне сказать вам, и только вам, с тем, чтобы мы могли скоординировать наши планы, – Гитлер нападет на Советскую Россию. Вторжение ожидается в середине июня, вероятно, 22 июня, через две недели и два дня...» Липер далее рассказал о дислокации соединений вермахта, изготовившегося к вторжению в СССР. Донован уважительно слушал, тем более что в Блечли работа-

ла и группа американских криптографов. «Если бы англичане переслали в Кремль перехваченные германские военные приказы, – докладывал Донован Рузвельту, – Сталин, быть может, уяснил бы истинное положение вещей. Однако англичане считают аппарат Блечли совершенно секретным. Они используют перехваченную ими информацию в собственных целях».

Оставим в стороне морализирование: читатель сам волен делать выводы из очень пестрого конгломерата фактов. Последние могут быть совершенно различными, неизменен только интерес разведки, которая абсолютно беспристрастна.

Американский посол в Лондоне Джозеф Кеннеди вызывает подозрение своими взглядами. Позднее Рандольф Черчилль припомнит: «Мы дошли до того, что стали тайно подслушивать разговоры потенциальных предателей и врагов. За американским послом Джо Кеннеди было установлено электронное наблюдение», о чем англичане конфиденциально сообщили Рузвельту. Президент весьма недолго любил собственного посла, грозившего выступить соперником с серьезными шансами на президентских выборах 1940 года. Тогда в США происходила ожесточенная политическая борьба, «изоляционисты» стояли против широкой американской помощи Англии, утверждая, что это в конце концов вовлечет США в войну. В этом ключе уже начинал выступать Кеннеди, находя жадных слушателей. Английская разведка

представила Рузвельту досье с нелояльными высказываниями Кеннеди в адрес президента, добытыми подслушиванием. Президент вызвал Кеннеди в Вашингтон, где показал ему часть досье. С политической карьерой Кеннеди, восхищавшегося тогда нацизмом, было покончено. Он замолк навсегда.

Тайная война не знает иных законов, кроме достижения успеха любой ценой – охраны собственных тайн и раскрытия секретов противника. Когда в августе 1942 года был совершен налет на Дьеп, среди десантников были двое английских ученых – специалистов по радиолокации. Они должны были обследовать немецкие радарные установки. К ученым были обследовать немецкие радарные установки. К ученым прикомандировали двух агентов ФБР. «Задача работников ФБР состояла в том, чтобы застрелить любого из этих ученых или обоих в случае опасности захвата немцами». ФБР дублировал сержант канадской службы безопасности, который должен был убить ученых, если бы сотрудники ФБР не преуспели. Среди участников налета были три союзных агента в немецкой форме, которые забрасывались во вражеский тыл. Они «наскоро пожали руки и скрылись, без сомнения, с облегчением – не возникло необходимости пристрелить их». Когда спустя тридцать лет – в 1972 году – Маунтбэттен, командовавший рейдом, встретился с ветеранами налета на Дьеп и родственниками погибших, его спросили об описанных приказах, которые только что стали известны. Он ответил: «Если бы я знал о них... я бы отменил их». Едва ли,

как следует из книги, это случилось бы, ибо те, кто командовал, и не могли быть в курсе тайных операций, выполненных при высадке в Дьепе, а «люди, реализовавшие секретные задания, все до одного остались во мраке, без наград».

У спецслужб свои законы, точнее, узаконенное беззаконие, что растолковывается читателям не только и не столько словами: «Как-то ФБР было потрясено и вынуждено скрыть этот инцидент от президента, – рассказывал со слов самого шефа Эдгара Гувера Ян Флеминг (впоследствии автор детективных романов о Дж. Бонде, а тогда разведчик. – **Н. Я.**). – Некий британский моряк, находившийся в США, продавал немцам сведения о конвоях. Маленький Билл (Стефенсон) выследил его, просмотрев дешифрованные сообщения нацистского радиопередатчика в Нью-Йорке... В тот день Билл с утра не был в своем кабинете и вернулся только к вечеру. Сотрудник ФБР, ведший дело, сказал ему: нужно бы оторвать голову мерзкому предателю.

Билл посмотрел на свою правую руку и рубанул ею по столу:

– Я уже сделал это.

В ФБР сначала думали, что он шутит, пока тело предателя не нашли в подвале жилого дома».

Впрочем, ФБР и БСС очень быстро наладили сердечные отношения, выяснив, что очень удобно совмещать функции следователя, судьи и палача в одном лице. В марте 1941 года в центре Нью-Йорка «изъяли из обращения» (служебный

термин служб, работавших в сердечном согласии) немецкого агента, американского гражданина Остена. Его на глазах удивленных прохожих сбил и переехал автомобиль. Все-таки немало людей видели «несчастный случай», хотя и не догадывались о его причинах. С годами пришел опыт: выслеженных нацистских агентов стали убирать незаметно. «Обычное объяснение „убыл в Канаду“ – свидетельство о куда более конечной судьбе жертвы, чем следовало из записи в полицейском протоколе».

Конец малоизвестных, предположим, волновал немногих. Как быть с теми, кого хорошо знали в стране? Одним из столпов «изоляционизма» в США был крупный нефтяной магнат В. Дэвис, не скрывавший своих профашистских взглядов. Дэвис был лично известен Рузвельту, использовавшему его даже для важной и деликатной внешнеполитической миссии в Берлин в 1939 году. Очень скоро выяснилось, что Дэвис неисправим в своих, мягко говоря, заблуждениях и даже носился с планами содействия нацистам в западном полушарии. При всем этом он являл собой типичного представителя американского монополистического капитала. Как быть? Пишет Стивенсон: «В самом расцвете сил, в 52 года, Вильям Роде Дэвис скоропостижно скончался. О причине смерти сообщалось – внезапный сердечный приступ». ФБР пресекло дальнейшее полицейское расследование ²⁷⁹. Вполне возможно, что все помянутые фашистские агенты и соучастники за-

²⁷⁹ Ibid., p. 180, 276, 414, 425, 429, 138 – 139, 191 – 192, 422, 326.

служили свой конец, да они и сами прекрасно знали, на что шли. Дело не в этом, а в том, с каким смаком теперь доказываются преимущества внесудебной расправы. Расправы, в которой в этой форме вряд ли была нужда, ведь дело происходило не на фронте.

Новейшие открытия в области философии разведки подводят к нехитрой мысли о том, что в тайной работе западных спецслужб как было, так и будет.

Рассуждения о событиях более чем тридцатилетней давности имеют прямое отношение к нашим дням. Дискуссия о роли ЦРУ восходит именно к тем временам, когда «карьеристы в Вашингтоне, размышляя о будущем, ощущали угрозу, которую УСС являло традиционным службам разведки. Постоянная централизованная разведка могла бы лишить их руководителей части власти и подорвать авторитет дипломатов». Отсюда трения между различными спецслужбами в США и зарождавшейся системой централизованной разведки, созданию которой из опасения утратить часть своих прерогатив много препятствовал руководитель ФБР Э. Гувер.

В США особенно чувствительны к воспоминаниям о Пирл-Харборе, внезапном нападении 7 декабря 1941 года японской авиации на базу американского Тихоокеанского флота на Гавайских островах, что катапультировало США во вторую мировую войну. По поводу предыстории этого нападения в США существует обширная литература, и серьезные споры идут по сей день. В это дело внес свой вклад и

Стивенсон – Стефенсон: «Эдгар Гувер сделал ошибку, которая, по мнению его врагов, привела к японскому успеху в Пирл-Харборе». После осторожной формулировки следуют вздохи по поводу того, как Э. Гувер из чистоплюйства и брезгливости не использовал агента-двойника, прославившегося среди шпионов, помимо профессиональных данных, еще невероятными сексуальными возможностями, о чем пошел слух в компетентных кругах. В результате высокоморальный Гувер проморгал-де японскую подготовку к нападению на Пирл-Харбор. Мораль ясна – перешагивающий порог разведки оставляет у дверей все без исключения обычные человеческие добродетели – порядочность, например. Гувер якобы не расстался с ней, а США получили Пирл-Харбор!

Насчет «порядочности» Гувера небесполезно напомнить одну историю, случившуюся много позднее. В 1965 году окружной прокурор Нью-Йорка Ф. Хоган, доведенный до отчаяния действиями банды шантажистов, вымогавших крупные суммы у лиц, склонных к гомосексуализму, начал расследование. Оно далеко не пошло: вице-адмирал У. Черч, одна из жертв шантажистов, застрелился. Главное, ФБР решительно вмешалось, чиня всякие препятствия. Личная роль Э. Гувера во всем этом осталась необъяснимой. Тогда припомнили, что холостяк Э. Гувер нежно дружил со своим заместителем К. Толсоном. Гувер был единственным, кто являлся в психиатрическую лечебницу с букетом цветов утешать помощника президента Л. Джонсона, У. Дженкинса,

уличенного в 1964 году в гомосексуализме. Напомнив об этих фактах, «Нью-Йорк пост» заметила: «Хоган, по-видимому, никогда не понимал полностью личную заинтересованность Э. Гувера в деле этих шантажистов. Поскольку роль Гувера так и не была объяснена, многие работники юридических органов Нью-Йорка остались убежденными, что „тайные досье“ Гувера о сексуальной жизни президентов и конгрессменов не фиксировали их самую страшную тайну»²⁸⁰.

Книга о «неустрашимом» – массивный удар по массовому сознанию в обозначенном духе ради создания благоприятного климата для интриг ЦРУ. Помните, запугивает Стивенсон – Стефенсон, «будущая война может начаться и закончиться в день-два или даже меньший срок. Первая линия обороны свободного мира – свободный поток информации... , которую необходимо собирать методами тайной разведки». Перед этим меркнет все. Уже только от лица Стефенсона звучит конечный вывод:

«Я верю, что американцы окажут сопротивление давлению и пропагандистским ухищрениям, чтобы ликвидировать первую линию обороны. Они разработают действенные средства для контроля над тайным оружием». Так о каком давлении идет речь и почему, собственно, внутренний сыск в США в последние годы оказался не только предметом шумного внимания, но и ожесточенной критики?

²⁸⁰ «New York Post», March 17, 1977.

Мир обязан знакомством, пусть поверхностным, с геркулесовыми усилиями американских рыцарей плаща и кинжала на земле отчизны, взрастившей и воспитавшей их, в результате различных расследований деятельности ЦРУ и ФБР в середине семидесятых годов. Они стали необходимы не потому, что какие-то силы бесподобной Америки неудобным процветание шпионажа внутри страны, а потому, что различные спецслужбы, образующие сообщество – назовем его хотя бы старым термином – тайной полиции, стали претендовать не только на особое, но, пожалуй, даже на главенствующее положение в стране. Филеры возомнили себя выше хозяев, тех, кто нанимал и содержал их.

Компетентные наблюдатели с порога указали на истоки этого феномена – годы второй мировой войны. То, что воспевалось как героика в смертной борьбе с державами «оси», имело также и оборотную сторону, в высшей степени неприглядную. Воздавая должное или раздувая действительные свершения в схватках в бездонных траншеях тайной войны, ее летописцы создали развитую мифологию разведки и контрразведки, герои которой затмили всех и вся. Дело не только в пропагандистском эффекте вовне, а главным образом в том, что сами герои той войны и их преемники по службе в мирное время сочли себя сверхлюдьми, которым

дозволено и позволено решительно все.

Когда в США на разные голоса заговорили о том, что с тайным сыском неладно, Т. Брейден, в прошлом один из руководителей ЦРУ, счел необходимым излить наболевшее. Пенсионером, конечно, руководило понятное стремление, укладывающееся в понятие чести мундира, сделать так, чтобы дела его родного ведомства, попавшего под огонь критики, пошли на лад. «Я думаю, что высокомерие ЦРУ коренится в боевом прошлом, оно пережиток времен второй мировой войны. Почти все руководители ЦРУ – ветераны УСС, предшественника ЦРУ военных лет. Возьмем, например, людей, лица которых я вспоминаю, – вот они стоят в кабинете директора (Аллена Даллеса) ЦРУ. Один из оккупированной нацистами страны руководил сетью агентов в Германии. Другой вызвался прыгнуть с парашютом в расположение штаба фельдмаршала Кессельринга с условиями его капитуляции. Третий, самолет которого потерпел аварию при посадке в Норвегии, потерял половину своих людей, но тем не менее оправился и взорвал намеченные мосты...

Еще одно качество выделяло их. По каким-то причинам, объяснение которых я оставляю на долю психологов, человек, берущийся за чрезвычайно опасное задание в одиночку или с одним-двумя помощниками, не только смел и находчив, но и суетен... Стоило им оказаться по ту линии фронта, как внешние символы приобрели совершенно другой смысл. Они были единственными американцами в стране, полной

французов, греков, итальянцев или китайцев. Некоторые относились к этим американцам с величайшим уважением. Иногда они, всего-навсего лейтенанты, командовали многими тысячами. Они завоевывали любовь и уважение, которое народы оккупированных стран испытывали к великой демократии, именуемой Америкой. В результате они начали рассматривать себя каждый в отдельности и все вместе держателями национального достоинства».

Слов нет, драгоценный капитал, нажитый в достойной борьбе и весьма значительный. Но стоило стихнуть орудиям второй мировой войны, как громадное достояние, собранное борцами против держав «оси» (американцы внесли свой вклад, но отнюдь не подавляющий!), было употреблено для недостойных целей. Тот самый капитал был пущен на оплату абсурдных счетов, предъявленных «холодной войной». А единоличные держатели его, в первую очередь ЦРУ, в обмен получили власть, увеличивающуюся с каждым годом.

«Сами события, – пишет Т. Брейден, – способствовали увеличению власти. США вели горячую войну в Корее и „холодную войну“ в Западной Европе, а ЦРУ было единственным авторитетом в отношении планов и возможностей подлинного врага. Выступать против ЦРУ означало выступать против знания. Только Джозеф Маккарти мог пойти на такой риск. Маккарти вопреки своим намерениям лишь увеличил власть ЦРУ. Он обрушился на него с нападками, а когда схватку выиграл Даллес, то эта победа значительно увели-

чила респектабельность того, что тогда называлось „делом“ антикоммунизма. „Не присоединяйтесь к тем, кто сжигает книги“, – сказал Эйзенхауэр. – Это ошибочный путь борьбы с коммунизмом. Правильный путь – путь ЦРУ.

Ошибки ЦРУ начались со злоупотребления властью. Ее было в избытке, и ее было слишком легко употребить – в отношении государственного департамента, других министерств, патриотически настроенных бизнесменов в Нью-Йорке и фондов, которыми они руководили. Мощь ЦРУ превзошла мощь конгресса, печати и, следовательно, народам²⁸¹. Что же, правдоподобный диагноз, по крайней мере, поставлен специалистом.

Как видим, сфера профессионального интереса ЦРУ охватила и всю страну «великой демократии». Очень и очень многие среди власть предержащих оказались прямо заинтересованными в том, чтобы притупить острое разведывательного управления, пронизавшее самую вершину государственной структуры. Вмешательство его в дела высших сфер, а отнюдь не обеспечение интересов «народа», вызвало в Вашингтоне великий гнев. В конечном счете нападки на ЦРУ и ФБР были не самоцелью, а производным от Уотергейта – восстановления баланса между исполнительной и законодательной властями, деформированного в США в последние десятилетия, что особенно ярко обнаружилось в президентство Р. Никсона. Расследования и пошли по этой линии,

²⁸¹ «Saturday Review», August 5, 1975.

не затронув существенным образом внешних функций ЦРУ или карательных прерогатив ФБР против инакомыслящих в США. Во всем этом деле несомненна и легко различима при внимательном рассмотрении грубая политическая подоплека, а отнюдь не прекраснородушное стремление к обеспечению пресловутых демократических свобод. На Капитолийском холме давно по уши заняты самообслуживанием, и потому не хватает времени для заботы о правах тех, кто населяет остальную территорию страны.

С разной степенью резкости, но обычно ядовито американские газеты отметили личную заинтересованность конгрессменов в разоблачении шашней ФБР, но одновременно поклялись в своем уважении сыскным институтам, а именно: «Некоторые конгрессмены вознегодовали, когда открылась практика ФБР собирать о них сведения. В их негодовании просматривается мысль о том, что прекрасно, когда ФБР заводит досье на рядового гражданина, а на конгрессмена нельзя: он важное должностное лицо республики... Конечно, нет возражений, чтобы ФБР находилось под жестким контролем. Однако было бы удивительно, если бы общественное мнение или конгресс настаивали на свободном доступе к досье, в которых содержатся доказательства преступных деяний, имена добросовестных осведомителей и наверняка – значительно больше о некоторых государственных деятелях, чем нам хотелось бы знать»²⁸².

²⁸² «Oregon Journal», January 30, 1975.

«Стейт», выходящая в Южной Каролине, заявила: «Конгрессмены не святые, и отнюдь не оправданно их нынешнее возмущение по поводу известий о том, что в досье ФБР содержится некая информация о них, собранная в ходе обычной работы ФБР. Выборы или назначение на государственную должность, к сожалению, автоматически не гарантируют, что люди, попавшие туда, становятся образцом добродетели. Хотя государственные деятели как класс не должны быть предметом особого внимания ФБР или других ведомств по поддержанию закона, равным образом их не следует исключать из числа лиц, попадающих под это внимание, если обстоятельства этого требуют»²⁸³.

Оклахомская «Тулса дейли уорлд» сочла необходимым особо предупредить: «Досье ФБР, говорят нам, содержат, по крайней мере частично, материал, касающийся личных пороков конгрессменов, например, о пьянстве или другом непристойном поведении. Нет необходимости разглашать содержание этих досье, чтобы заключить: конгрессменам не нравится, что ФБР завело на них досье, независимо от причин, приведших к этому. Самые говорливые среди законодателей уже заявили о том, что они потрясены и разгневаны... В нынешней обстановке таится опасность, что реакция против ФБР и, возможно, ЦРУ может подорвать их важные функции безопасности. Стране в такой же степени окажет дурную услугу эта сверхреакция, как нанесли ущерб ныне

²⁸³ «The State», January 27, 1975.

обнародованные эксцессы обеих организаций»²⁸⁴.

Те, кто в ужасе воздевал руки и закатывал глаза в Капитолии или редакциях газет, были преисполнены решимости предотвратить эту опасность. «Нью-Йорк таймс», собственно, первая забившая тревогу по поводу деяний ЦРУ и ФБР, сочла необходимым с самого начала определить, чего она добивается: «Незаконная слежка и невозможность возбудить по поводу нее законное разбирательство до публичных разглашений указывают на то, что институциональная система балансов и противовесов потерпела полнейшее крушение. Много лет наша газета в числе других требовала тщательного надзора со стороны конгресса за разведкой. Однако ответственность за то, чтобы предотвратить новые злоупотребления властью, остается прежде всего за ЦРУ и другими ведомствами разведывательного сообщества, если они хотят по-прежнему пользоваться доверием, абсолютно необходимым для выполнения их задач»²⁸⁵.

Кампания против ЦРУ и ФБР набирала силу, но уже в самом ее начале столичная «Вашингтон пост» не без цинизма предрекла в передовой: «По подсчетам сенатора Матиа-са, за 28 лет с момента создания Центрального разведывательного управления было предложено свыше 200 резолюций и законодательных предложений, требовавших тех или иных реформ ЦРУ. Но результатов по части реформ почти

²⁸⁴ «Tulsa Daily World», January 21, 1975.

²⁸⁵ «The New York Times», December 24, 1974.

не достигнуто. Теперь реформаторам представилась еще одна возможность»²⁸⁶.

В этой психологической атмосфере и начались расследования, имевшие в виду указать тайной полиции, ее место в американской государственной системе и уже по этой причине неизмеримо повысить ее эффективность.

4

Двухпартийная система правления в США не эффективная фраза, а отражение сути государственного устройства страны. Указание на то, что независимо от партийной принадлежности власть принадлежит монополистическому капиталу, общеизвестно. Из этого следует, что партийные распри, заметно, иногда и неожиданно, оживляющие авансцену политической жизни страны, не затрагивают скелета государственного управления, деятельность бесчисленных исполнительных органов, через которые осуществляется практическая политика правящей олигархии. Уотергейт показал, что она оцетинилась, когда администрация Никсона попыталась превратить такие исполнительные органы, как ЦРУ и ФБР, в орудие узкопартийной, если не личной или групповой, политики. Когда с Никсоном было покончено, настала пора выправить положение этих ведомств в государственной иерархии.

²⁸⁶ «The Washington Post», January 14, 1975.

Застрельщиком этой кампании и выступила редакция «Нью-Йорк таймс» начавшая с конца 1974 года оповещать американскую общественность посредством редакционных статей о своей возмущенной гражданской совести. Возмущенной прежде всего тем, что ЦРУ, учрежденное для внешней разведки, превратилось в сыскное агентство внутри Соединенных Штатов. Газета внезапно припомнила, что закон 1947 года о создании ЦРУ предусматривал, что оно «не будет иметь полицейских и принудительных полномочий как функций внутренней безопасности» (раздел 50, статья 403 кодекса США). Газета, не называя имен, сослалась на ряд источников, согласно которым прискорбное положение сложилось в результате решения директора ФБР Э. Гувера в 1970 году порвать все связи с ЦРУ. Этот шаг, сокрушалась «Нью-Йорк таймс», результат «давнего недоверия между обеими организациями». Итак, цитировала она бывшего сотрудника ФБР, пожелавшего остаться анонимным, «все сотрудничество в области контрразведки, если не считать символического, между двумя ведомствами с тех пор прекратилось»²⁸⁷.

Забегая вперед и предвосхищая аргументы защитников ЦРУ, «Нью-Йорк таймс» сурово изрекла в передовой: «Говорят, что внутренний сыск (ЦРУ) допустим, когда речь идет о прямой связи с иностранной разведкой. Конкретная попытка обоснования этого проистекает из решения, принятого в 1970 году директором ФБР Эдгаром Гувером, ныне по-

²⁸⁷ «The New York Times», December 21, 1974.

койным, подорвать сотрудничество с ЦРУ. Коль скоро ЦРУ не могло больше опираться на ФБР, которому по закону вверена внутренняя безопасность, ему-де пришлось взяться за внутренний сыск. Между секретными службами постоянно идет профессиональное соперничество, однако эта вражда, восходящая даже к организации, предшествовавшей ЦРУ (то есть УСС. – **Н. Я.**), имела прискорбные последствия для государственной безопасности»²⁸⁸.

Сочинители этих и аналогичных статей в «Нью-Йорк таймс» сумели найти приемлемые, с точки зрения власть имущих в США, формулировки, чтобы изобразить элементарное требование покончить со служением ЦРУ узким интересам в высших терминах государственного блага. В патриотизме (в американском его понимании) и убедительности (по вашингтонским стандартам) им никак нельзя было отказать. Президент Форд поторопился заверить, что ничего подобного не может быть при его администрации, он, во всяком случае, не потерпит этого, а посему распорядился, чтобы директор ЦРУ У. Колби доложил ему, как обстоят дела. 26 декабря 1974 года Колби представил секретный отчет. «Лос-Анджелес таймс» сумела выяснить, что в нем действительно подтверждалось: ЦРУ составило досье на 9 тысяч американских граждан и в нарушение закона устраивало обыски квартир нежелательных лиц, включая своих бывших сотруд-

²⁸⁸ «The New York Times», December 24, 1974.

ников ²⁸⁹. Скандал разрастался, грозя даже перерасти предначертайте рамки. Как во времена Уотергейта, вновь на карту ставилась правдивость заявлений правительственных органов.

Тогда 5 января 1975 года Форд поручил вице-президенту Н. Рокфеллеру возглавить комиссию для расследования незаконного внутреннего сыска ЦРУ. 27 января сенат создал свою комиссию под председательством Ф. Черча. Через два дня аналогичную комиссию учредила палата представителей. Ею с лета 1975 года руководил конгрессмен О. Пайк. Обе комиссии конгресса получили по 750 тысяч долларов и жесткий свод правил по поводу обращения с секретными материалами. Хотя очень скоро сенсационные сообщения о злоупотреблениях тайной полицией стали предметом обсуждения на страницах печати и экранах телевизоров, вызвав словесные эксцессы, расследования не выходили из рамок того, что считала допустимым правящая олигархия.

Президент Форд в повторных благословениях или, если угодно, напутствиях расследователям подчеркивал, что их задача – укреплять, а не ослаблять порядки, при которых живет американский народ. 5 марта президент указал, что он не обязывает федеральные органы подчиняться всем требованиям комиссий конгресса о предоставлении материалов. 7 апреля он воззвал: «Америка не станет сомневаться в себе и испытывать паралич воли. Американцы не демонтируют

²⁸⁹ «Los Angeles Times», December 31, 1974.

оборону Соединенных Штатов. Мы, конечно, не станем на столь наивную точку зрения на мир, в котором мы живем, что демонтируем наши жизненно важные разведывательные органы». 10 апреля Форд особо предупредил объединенную сессию конгресса, чтобы та не подрывала «один из важнейших национальных институтов» – разведку в самом широком смысле ²⁹⁰.

Что до методов и результатов расследований, то тон здесь стремилась задавать правительственная комиссия Н. Рокфеллера. «Знающие наблюдатели, – заметил американский юрист Дж. Лофтус в своей книге в 1982 году, – сравнили назначение главой этой комиссии Нельсона Рокфеллера с поручением лисе стеречь курятник, ибо Рокфеллер был связан с разведывательным сообществом и знал о тайных операциях... В комиссию Рокфеллера входил Рональд Рейган, который, быть может, неумышленно в свое время помогал в сборе средств для организации ОПК ЦРУ „Крестовый поход за свободу“ и публично призывал дать убежище в США борцам за свободу» (имелись в виду военные преступники, ввезенные ЦРУ в США после 1945 года. – **Н. Я.**). Впрочем, отмечено другим американским исследователем в книге в 1983 году: «Серьезность подхода к делу комиссии продемонстрировал один из ее членов, бывший губернатор Рональд Рейган. Он ушел, не дождавшись конца учредительного заседания комиссии, и умудрился пропустить три из последующих

²⁹⁰ The CIA and the Security Debates: 1971 – 1975, p. 15.

четырёх еженедельных заседаний»²⁹¹.

А президент Форд в то время с благочестивым видом выразил уверенность, что доклады всех трех комиссий «могут и восстановят» доверие к ЦРУ, «в конечном итоге у нас будет сильное, эффективное и должное Центральное разведывательное управление». Когда 10 июня 1975 года был опубликован доклад комиссии Рокфеллера, то стало ясно, что имел в виду президент. Скороговоркой (доклад занял 299 страниц) признав, что ЦРУ занималось деятельностью «определенно незаконной», что «вело к необоснованным нарушениям прав американцев», составители документа не дали особых гарантий на будущее в этом отношении и вместе с тем решительно выступили в защиту прав определенной категории лиц. Соответствующее место в докладе гласило:

«Обращение с ищущими убежища. Установлено:

Управление безопасности (ЦРУ) обязано обеспечить безопасность лиц, укрывшихся в Соединенных Штатах. Обычно такое лицо можно обработать и допустить в общество через несколько месяцев, однако одного из них против его воли поместили в учреждение ЦРУ (читай: тюрьму. – **Н. Я.**) на три года. Его держали в одиночном заключении в спартанских условиях. ЦРУ заключило его на такой длительный срок, сомневаясь в его искренности. Заключение одобрил директор ЦРУ, а ФБР, генеральный прокурор, управление разведки

²⁹¹ Y. Loft us. The Belarus Secret, N. Y. 1982, p. 140 – 141. Y. Bamford. The Puzzle Palace, Boston 1983, p. 295 – 296.

США и некоторые члены конгресса знали в той или иной степени об этом. В другом случае ищущий убежища подвергся избиению... Директор ЦРУ и генеральный инспектор должны следить, чтобы подобные случаи не повторялись».

На цоколе статуи Свободы, водруженной в конце прошлого века у входа в гавань Нью-Йорка, выбиты трогательные слова насчет того, что Америка ждет униженных и оскорбленных Старого Света. Теперь за спиной внушительной статуи стоит ЦРУ со своими порядками, неведомыми навек запечатленной в камне и бронзе достойной даме. Точнее, комиссия Рокфеллера пожурит ЦРУ за то, великолепная организация дубинами и прочим приличествующим ей инструментом отбивает охоту сманивать иных в США, тогда как уже в пропагандистских целях, не говоря о других, весьма понятных и прозрачных, целесообразно устраивать вокруг таких лиц свистопляску, треща об их благоденствии за широкой спиной статуи Свободы. А уже живущим там, то есть более чем двухсотмиллионному американскому народу, доклад комиссии Рокфеллера разъяснил:

«Индивидуальные свободы являются основополагающими в нашем обществе. Нужно сохранять конституционное правление. Но нужна также эффективная и действенная система разведки, а чтобы она была эффективной, многие стороны ее деятельности должны сохраняться в тайне.

Достижение этих целей таит в себе значительные возможности для конфликта. Энергичное ведение разведки опре-

деленными методами может привести к нарушению индивидуальных прав. Существование США требует эффективной службы разведки, но сохранение индивидуальных прав в самих США требует ограничения или запрещения сбора разведывательных данных. Трудно провести разумную грань, где кончается законная разведка и начинается эрозия конституционного правления.

Пытаясь наметить такую грань, мы в первую очередь руководствовались положениями конституции, как они истолкованы Верховным судом, теми ценностями, которые, по нашему разумению, отражены в демократическом процессе, и верой в свободное общество. В то же время мы стремились полностью принять в расчет потребности национальной безопасности, потребности мощной национальной обороны против внешней агрессии и внутренней подрывной работы»²⁹².

Стандартная, битая риторика. В общем, сограждане, так было, так будет. И если у кого-нибудь на сей счет остались сомнения, то их рассеяли выводы сенатской комиссии Ф. Черча, которая 14 апреля 1976 года после 15 месяцев работы представила свой доклад. Если под рукой Н. Рокфеллера было 8 человек, то в распоряжении 11 членов сенатской комиссии – штат в 100 человек, собравших 110 тысяч страниц материалов. И каков же ее основной вывод? «Комиссия нашла, что внешние и военные разведывательные органы США

²⁹² Цит. по: The CIA and the Security Debates: 1971 – 1975, pp. 28, 27.

внесли серьезный вклад в обеспечение государственной безопасности и в целом выполняют свои задачи ревностно и выдающимся образом. Комиссия далее находит, что мужчины и женщины, служащие Америке на трудном и опасном поприще разведки, заслуживают уважения и благодарности страны»²⁹³.

За что конкретно? А за то, что помянутые мужчины и женщины славно потрудились и трудятся на фронтах тайной войны, проведенных, помимо прочего, их усилиями через каждый дом самих Соединенных Штатов. У них есть свой кодекс поведения, один из постулатов которого содержался в совершенно секретном докладе президенту Д. Эйзенхауэру о деятельности ЦРУ, представленном в сентябре 1954 года: нужна «агрессивная тайная психологическая, политическая и квазивоенная организация, более эффективная, более уникальная и в случае необходимости более беспощадная, чем используемая врагом. Никому не дозволено стоять на пути должного, эффективного и полного достижения этой задачи... В этой игре нет правил. Принятые доселе нормы человеческого поведения неприменимы к этой деятельности. Если США суждено выжить, давние американские концепции справедливости должны быть пересмотрены. Мы должны развивать эффективные службы шпионажа и контрразведки и научиться вести подрывную работу и уничтожать

²⁹³ Final Report of the Select Committee to Study governmental operations with respect to Intelligence Activities. U. S. Senate, Book 1, Washington, 1976, p. 424.

наших врагов более хитроумными, более сложными и более эффективными методами, чем используются против нас. Может оказаться необходимым, чтобы американский народ ознакомился, понял и поддержал эту в основе отвратительную философию».

В развитие изложенных общих положений директивой Совета национальной безопасности в 1955 году на ЦРУ было возложено:

«– Создавать и использовать трудности для международного коммунизма.

– Дискредитировать международный коммунизм, уменьшать силу его партий и организаций»²⁹⁴.

Этот подход и рекомендованный образ действий остаются в силе по сей день. Они оказали глубокое воздействие если не на американский народ, то, несомненно, на его представителей, каковыми наверняка считают себя сенаторы, составившие комиссию Ф. Черча. Хорошо усвоив помянутую «отвратительную философию», значительно упрощающую все, они, совершив дозволенную экскурсию по трущобам тайной полиции, в святой простоте сознались: «В некоторых отношениях профессия разведчика напоминает монашество с принятой там дисциплиной и личными жертвами, похожими на средневековые ордена. Разведка – профессиональная карьера, в которой, однако, нормы американской морали иногда прискорбно искажаются. Несмотря на то, что

²⁹⁴ Ibid., pp. 50 – 51.

у комиссии был мандат сената и мы вчиняли требования под угрозой судебного наказания, комиссии так и не удалось самой просмотреть документы разведывательных органов. Все они – Центральное разведывательное управление, Федеральное бюро расследований, Агентство национальной безопасности, Налоговое бюро, Управление разведки министерства обороны или Совет национальной безопасности – представляли документы и материалы, только пропустив их через внутреннюю цензуру. Хотя сенатское расследование было предпринято по решению конгресса, а созданные в соответствии с конституцией комиссий имели право на неограниченный доступ, ЦРУ и другие правительственные органы ограничили доступ комиссии к материалам ²⁹⁵.

Нетрудно теперь понять цену как «разоблачений» комиссии Ф. Черча и ее рекомендаций, так и установить первоисточник шумихи, поднятой в Соединенных Штатах вокруг пятнадцатимесячных трудов почтенных сенаторов. Для обозрения было выставлено то, что сочли возможным и нужным показать руководители ЦРУ и Ко, – надводная часть айсберга тайной полиции.

Если комиссия Ф. Черча пошла на компромисс и, по существу, оказалась на поводу у тех, кого расследовала, тем самым подтвердив живучесть великой американской традиции поклонения идолу тайной полиции, то несколько по-иному сложились дела у консервативного конгрессмена О. Пайка.

²⁹⁵ Ibid., p. 7.

Его комиссия оказалась на редкость упрямой, горевшей наивной верой в беспорное главенство законодательной власти над исполнительной. Это наложило отпечаток на ее методы расследования и привело к неизбежному результату: комиссию честили на все корки и даже демагогически окрестили маккартистской. Доклад комиссии был представлен 19 января 1976 года. Через 10 дней палата представителей, проголосовав, постановила оставить его в тайне. Причины решения законодателей прояснились, когда корреспондент «Колумбия бродкастинг корпорейшн» раздобыл экземпляр доклада, а газета «Вилледж войс» 16 и 23 февраля 1976 года опубликовала несколько извлечений из него.

Доклад начинался с красочного описания одиссеи комиссии в бурном море американских спецслужб. Уже его первая фраза многозначительна: «Если недавний опыт комиссии принять за критерий, то органы разведки, подлежащие контролю законодателей конгресса, ныне находятся вне их сферы компетенции». Утверждение это затем документировалось перечислением препятствий, которые чинили комиссии различные правительственные органы, что заняло 81 страницу ²⁹⁶.

Между тем комиссия отнюдь не преступила границ, характерных для любого буржуазного парламента, она просто попыталась выяснить, сколько и на что расходуют доллары американские спецслужбы. Этому и посвящен основной

²⁹⁶ «The Village Voice», February 16, 1976, p. 70

раздел доклада, который открывала цитата из американской конституции: «Казначейство отпускает средства только в соответствии с законными ассигнованиями, а систематические отчеты о доходах и расходах государственных средств будут публиковаться». Статью, естественно, знает каждый успевающий американский школьник, и ее положения входят в золотой фонд идеологов американской «демократии».

Поэтому, повествуется далее в докладе, «расходование средств было главным вопросом слушаний. Избрание этого в качестве отправной точки основывалось на конституционной ответственности и воплощало честную технику расследования, – проследив путь долларов, комиссия выяснит, на что они тратились, и, следовательно, установит приоритеты наших секретных служб»²⁹⁷. Американские конгрессмены, если и обучены чему-нибудь, то в первую очередь умению считать деньги, и безмерно гордятся этой первой из доблестей буржуа. С величайшим удивлением, граничившим с ужасом, они обнаружили, что оказались в мире странной и даже немыслимой бухгалтерии – по приблизительной их оценке и призванных на помощь экспертов, расходы на внутренний сыск превышали официальные ассигнования по крайней мере в пять раз. Прикидка общих расходов на глазок, ибо в конкретных данных комиссии на каждом шагу отказывали, выявила поражающую воображение любознательных цифру – не менее 10 миллиардов долларов. Официаль-

²⁹⁷ Ibid., p. 72.

ные же ассигнования на ЦРУ и К° составляют примерно 3 миллиарда долларов. Действительно, есть от чего прийти в ужас.

Едва ли большим утешением было то, что, по оценке комиссии Пайка, действительные расходы на разведывательную деятельность за рубежом превышали всего в три-четыре раза официальные ассигнования, то есть завышение несколько меньше по сравнению с внутренним сыском. Но почему такая секретность?

В ответ на настойчивые требования комиссии объяснить причины такого несоответствия последовали невразумительные речи. В отчаянии комиссия Пайка заключила в своем докладе: «Ныне налогоплательщики и большинство конгрессменов не знают и не могут выяснить, сколько они тратят на шпионаж. Это прямо противоречит конституции, требующей периодических и публичных отчетов о всех расходах федерального правительства. Ратующие за секретность молчат о конституции. Они не упоминают о налогоплательщиках. Вместо этого они разглагольствуют о том, что русские могли бы получить некое представление о конкретных операциях, даже если бы все, что узнали они, ограничивалось бы общей суммой в несколько миллиардов долларов, покрывающей работу десятков организаций. Как русские в этих условиях могут что-либо выяснить, непонятно. Комиссия спрашивала, но так и не получила ответа»²⁹⁸.

²⁹⁸ Ibid., p. 76.

По давним американским традициям, у светил тайной полиции, почтивших своим присутствием заседания комиссии, допытывались, насколько эффективно расходовались выявленные астрономические суммы. Светила отмалчивались или уклонялись от оценок, без устали ссылаясь на секретность. Но даже из очень ограниченной документации, выданной комиссии, представала картина хорошо поставленного расточительства. Перед тем как перейти к делам внутренним, Пайк и его коллеги взяли «разбег», обратившись к делам ЦРУ на внешних «фронтах». Даже вскрывшаяся очень отрывочная картина, ничтожная часть всего, оставила тягостное впечатление. Публицист Д. Уайз комментировал: «Так какие же секреты так усиленно охраняет правительство? Что касается доклада комиссии Пайка, то в число этих секретов входили: Генри Киссинджер получил в дар три ковра, а его супруга ожерелье... ЦРУ поставляло женщин, изготовляло порнографические фильмы, а органы разведки имели бюджет на много миллиардов выше, чем говорилось конгрессу»²⁹⁹.

Этого оказалось достаточным для г-на Киссинджера чтобы ополчиться на комиссию, которая уже по этой причине не смогла расширить свои разыскания. Проще говоря, государственный секретарь повелел сотрудникам своего ведомства не давать никаких показаний комиссии, а ей самой в гневном послании напомнил: «Бывали другие времена и другие

²⁹⁹ D. Wise. The American Police State. N. Y., 1976, p. 477.

комиссии, когда взгляды работников внешнеполитического ведомства публично разбирались и осуждались. И это может случиться вновь». Без промедления в печать не без умысла просочилось, что имел в виду Киссинджер, – это маккартизм. Поведение не очень корректное для государственного деятеля, который одновременно официально уведомил комиссию: «В отношении обвинений в маккартизме я хочу указать, что я-то не обвиняю комитет в действиях методами Маккарти...»³⁰⁰.

Поведение высших должностных лиц республики подкрепила уверенность ЦРУ и ФБР в счастливом для них исходе дела. Некий М. Кайзер, на предприятии которого производится подслушивающая аппаратура, отважился клятвенно заверить комиссию, что он продавал хитрые устройства ФБР через посредничающую фирму в интересах сохранения тайны. Единственная функция фирмы-посредницы – взвинчивание цены аппаратуры на 30 процентов. Стоило Кайзеру дать эти показания, как его вызвали в ФБР, подвергли шестичасовому допросу с пристрастием – с криком, угрозой оружием – и заставили подписать опровержение. Кайзер, однако, оказался твердым орешком. Он снова бросился в комиссию, где публично отказался от опровержения и рассказал о методах ФБР. Он, несомненно, глубоко переживал за репутацию своей фирмы и свои попранные права человека.

Как же расследовать в таких условиях! Суммируя про-

³⁰⁰ «The Village Voice», February 23, 1976, p. 76.

странные претензии комиссии Пайка к властям, газета «Вилледж войс» в комментариях к извлечениям из ее доклада сообщила: «Заклучив, что американский налогоплательщик не получает должного эффекта за свои деньги в области внешней разведки, комиссия Пайка обратилась к внутреннему сыску и пришла к аналогичному заключению.

В докладе комиссии Пайка указывается, что ФБР следило за Вашингтонским институтом политических исследований, отличающимся левизной, пять лет и не обнаружила за ним никаких преступных деяний. В уставе ФБР, однако указано, что, если не обнаружено преступных нарушений закона, слежка прекращается через 90 дней. Слежка ФБР за Социалистической рабочей партией продолжалась 34 года. Когда-то, в 1941 году, ФБР привлекло несколько членов партии к суду по закону Смита, но статьи закона, по которым оформляли эти дела, впоследствии были признаны неконституционными. С 1941 года ФБР вообще не выдвигало никаких обвинений против Социалистической рабочей партии.

Суммарный итог операций ФБР против этих двух организаций – 39 лет деньги пускались на ветер»³⁰¹. «Расточительство» – вот тот суровый приговор, который могут вынести буржуа комитету, заведующему их делами, то есть правительству.

Конечно, комиссия Пайка не замахнулась и не намеревалась замахнуться на господствующую систему. Она оплаки-

³⁰¹ «The Village Voice», February 16, 1976, p. 71.

вала прежде всего и больше всего деформацию принципа разделения властей, повлекшую за собой узурпацию исполнительной властью прерогатив власти законодательной. Вынесенный вердикт недвусмыслен: «Имеющиеся данные свидетельствуют, что ЦРУ отнюдь не бесконтрольно, а целиком ответственно перед президентом и его помощником по национальной безопасности»³⁰². Подчеркнем, не только как разведка, а как сыскной аппарат внутри Соединенных Штатов.

В сущности, с Капитолийского холма раздался пронзительный крик отчаяния и громкое предложение своих услуг. «Допустите законодателей в долю в руководстве тайной полицией, и „демократия“ в США расцветет» – так можно резюмировать рекомендации «беспристрастных» комиссий.

³⁰² Ibid., p. 70.

Служители железного закона беззакония

1

Истовая приверженность к собственности, страсть к наживе – основной двигатель буржуазного общества. Горе тому, кто пытается встать на пути стадного инстинкта буржуазии или хотя бы осмелится запустить руку в ее карман. Это пресекается с первых дней ее утверждения в обществе. Летели с плеч головы королей на плахе и от ножа гильотины, мушкетной пальбой американская революция салютовала победе наисвятейшего дела – никто не смеет истратить и полушку из собранных налогов без согласия выборных представителей – в подавляющей части от той же буржуазии. Святость частной собственности объявлялась однозначной демократии. Так возглашали богатые, состоятельные отцы – основатели Соединенных Штатов еще в конце XVIII века, учреждая государство в интересах денежного мешка.

В академических американских исследованиях давным-давно установлено, что на заре существования Соединенных Штатов неотъемлемой частью вновь установленного государственного порядка было признание повелительной необходимости и первейшего долга конгресса контролиро-

вать каждую статью расходов федерального правительства. В этом и состояла, помимо прочего, сущность американской законности. Сентенция канцлера штата Нью-Йорк, произнесенная им в разгар обсуждения конституции, вошла в хрестоматию: «Ничто из происходящего под небесами так не волнует публику, как расходование ее денег»³⁰³. Пяти лет не прошло со времени тех речей, встречавшихся с одобрением и пониманием, как практические нужды государственного строительства потребовали принятия закона от 9 февраля 1793 года о порядке «переговоров о заключении договоров» с иностранными державами. Отныне государственный департамент получал ассигнования на «конфиденциальные цели», по которым отчеты перед конгрессом не держал.

К 200-летию существования США правящая олигархия куда как хорошо усвоила этот принцип, необъятно расширив его. Те в конгрессе, кто вдруг припоминал азы американской законности, судьбы разных королей, представляли, мягко говоря, чудаками. В конце 1975 года бойкий конгрессмен Кох жаловался с трибуны в палате представителей. И было на что. Он, озабоченный судьбами законности в великой республике, поймал за лацкан пиджака ревнителя оной от ЦРУ – Хелмса. Кох, памятуя, что в тайное ведомство вцепились комиссии конгресса, осведомился у Хелмса о численности служащих и бюджете ЦРУ. Высвобождая лацкан, Хелмс про-

³⁰³ Y. Elliot. Debates in the Several States' conventions on the Adoption of the Federal Constitution, Philadelphia, 1836, p. 347.

цедил:

– На такие вопросы мы не отвечаем.

– Как, – подпрыгнул Кох, – вы говорите, что я, депутат конгресса, не имею права знать бюджет, за который отдаю свой голос? Следовательно, когда я голосую, то не знаю, за что голосую?

– Разумеется... – презрительно скривил рот Хелмс, – наши ассигнования включены в большие ассигнования по другим ведомствам, и вы, конечно, не знаете.

– Выходит, что они могут проходить по статьям социального обеспечения?

– Пока мы не обращались к ним, но вы подали недурную идею.

Небрежно потрепав по плечу лишившегося дара речи конгрессмена, величественный Хелмс прошествовал дальше, а Кох, оправившись, бросился в палату представителей, где и рассказал о диалоге, воспроизведенном выше текстуально. Однако небо не рухнуло на землю и под Капитолийским холмом не раздался гул, возвещающий о землетрясении. Седовласые сенаторы и шустрые конгрессмены в подавляющем большинстве отлично знают каучуковую растяжимость американских законов, незыблемых разве для простаков. Таким и оказался упомянутый Кох, который взывал к своим коллегам – потребовать наконец от ЦРУ, ФБР и прочих их собратьев сообщить, сколько средств налогоплательщиков идет на их работу.

«Ведь вот чего вы боитесь по обе стороны прохода и о чем некоторые из вас говорили: „Ну, если мы сделаем это, то это будет лишь первый шаг“, – с завидной наивностью увещевал Кох государственных мужей. – Возможно, так, однако, каков бы ни был второй шаг, палата представителей желает сделать его, а если он окажется последним шагом, то пусть так и будет. Если палата представителей решит, что ей нужно больше информации, она должна проголосовать за это.

Что в этом плохого? Ведь именно это называется демократической системой, а нас выбирают сюда, чтобы мы были ее частью»³⁰⁴.

Совершенно напрасно г-н Кох стыдил 434 конгрессменов, своих коллег, и взывал к их гражданским чувствам. Никто, надо думать, не опустил глаза. Сидевшие перед трибуной отлично понимали, что тайная полиция – оплот порядка, существующего в США, который дает им безбедное существование, а иным, особо отличившимся конформизмом, открывает перспективы продвижения по служебной лестнице. Одно дело – высокая риторика насчет демократии перед избирателями и за рубежом, другое – реальная жизнь. «Пожелать», как выразился Кох, сделать некий шаг и попытаться всерьез влезть в тайные дела ЦРУ и К^о – самое последнее, на что пошли бы государственные мужи, собравшиеся в зале. Никто и не помыслил, чтобы поставить вопрос на голосование и тем самым усомниться в святости дела тайной полиции.

³⁰⁴ «Congressional Record». October I 1975, p. H9359.

Больше того, было бы величайшим безрассудством представлять на обозрение высшую мораль, объявив на нее монополию, и, живя в стеклянном доме, бросаться камнями в безнравственных мастеров и подмастерьев дел сыскных. По великому множеству причин в том юбилейном 1976 году, отмеченном и трудами комиссий Черча и Пайка, прожектора американских средств массовой информации рельефно высветили более чем скромные формы соблазнительной, по критериям США, блондинки Элизабет Рей. Молодая женщина, работавшая, по бухгалтерским ведомостям, секретаршей под куполом Капитолия, гордо созналась, что за все время она и не притрагивалась к пишущей машинке. Однако предприимчивая Элизабет сумела надиктовать на магнитофонную ленту книгу о своих трудах здесь, в Капитолии, и вблизи него. Она снесла рукопись издателю, видимых последствий не случилось, пока не грянул год 1976-й. В славный юбилейный год в редакции «Вашингтон пост» Элизабет, изможденная многолетними трудами, нашла теплый прием и понимание.

Читающей Америке всего за 1 доллар 25 центов издательство «Делл» преподнесло душераздирающий шедевр «Дополнительные вознаграждения в Вашингтоне». Это введение в политическую порнографию с лихвой объясняет, где и почему проведены границы любознательности конгресса.

Рецензент волнующего произведения отмечал: «Если вам когда-либо приходилось видеть, как служитель передавал се-

натору записку и вызывал его из зала, в то время когда он произносил важную политическую речь, вы, несомненно, по своей наивности предполагали, как и я, что ничто, за исключением разве ядерного нападения или стихийного бедствия, не могло прервать его выступления. Рекомендую быть более мудрым. В девяти случаях из десяти то, наверно, была Элизабет, заглянувшая со словечком одобрения: „Мне просто захотелось взглянуть, как ты чувствуешь себя, и сказать привет!“ Разве можно быть уверенным, что это плохо для демократии? Замшелые старики сенаторы возвращаются на свои места, излучая добрые чувства и преисполненные снисходительности к своим избирателям».

Герой мемуаров Э. Рей, естественно, сам ее босс-конгрессмен В. Хейс. Помимо него, четыре встречи каждый вечер и еще три отложенные. «Не думайте, что такая жизнь забава, нет, труд, – продолжает рецензент, – в любой момент ее могут призвать усладить незнакомых мужчин, приехавших в Вашингтон, чтобы провести здесь конец недели. В конце концов об одолжении просит босс». Рей в отчаянии от жизни такой бросилась к священнику исповедоваться. Но и он обошелся с ней отнюдь не как с прихожанкой ³⁰⁵.

Другой рецензент сделал акцент на политическую сторону произведения. «Поднятые проблемы интересны и показательны. Кое-что, безусловно, незаконно – политические деятели тратят государственные и партийные средства, что-

³⁰⁵ Political Oratory. – «The Village Voice», August 8, 1976.

бы тешить свою плоть, вероятно, на это идет такой же процент, как тратят руководители монополий на указанные цели. Хейс будто бы выплачивал скромнице Элизабет по 14 тысяч долларов в год, в среднем по 200 долларов за визит, если принять в расчет ее подсчеты – одно-два посещения в неделю, а вот губернатор штата, имя которого я не хочу называть, оплачивал из избирательного фонда тренера по теннису для своей жены и любовницы. Нужно твердо помнить: государственные деятели не могут жить так, как они считают необходимым, на законно получаемое ими жалованье (не говоря уже о миллионных состояниях, которые они оставляют)».

Что касается собственно темы колоритных воспоминаний, то для рецензента она не в диковинку. Он напомнил книгу Миры Макферсон «Любовь сильных мира – взгляд вплотную на политиков и их браки». Рецензент знает «сенатора, чьи политические взгляды коренным образом изменила женщина, с которой он имел роман». При всем этом, сознался рецензент, «сообщения, впервые напечатанные в журнале „Тайм“, об оргиях в самом Капитолии будто бы в служебных помещениях спикера палаты представителей Карла Алберта затронули меня и, полагаю, множество американцев. Прекрасная картина: наши „лидеры“ в роли развратных стариков за стенами Капитолия, в то время как мой сын-шестиклассник с классом снимаются у Капитолия на память об экскурсии в Вашингтон». И в заключение: «Большинство речей политических деятелей из рук вон плохи. Я

упоминаю об этом потому, что не раз слышал от соблазнитель-
лей избирателей сравнение ораторского искусства с сексом –
как толпу, так и женщину побеждают, с той только разницей,
что толпа менее опасна и не пишет книг»³⁰⁶.

Элизабет Рей вот и написала книгу, рассказав, что увидела в этом достопримечательном месте Вашингтона и вблизи него. Поле ее зрения, очевидно, невероятно узкое по сравнению с тем, что без труда охватывает неусыпный тысячеглазый Аргус тайной полиции, которая – и это минимальная угроза с его стороны – обожает писать или инспирировать книги. Об этом прекрасно знают в Капитолии и относятся, по понятным причинам, с большим уважением к авторскому зуду ЦРУ, ФБР в их собратьев по общему делу.

Доклад комиссии Черча в прямом смысле – громадная хвалебная рецензия на подвиги ЦРУ на поприще политической публицистики.

Руководитель отдела пропаганды ЦРУ в том же 1961 году писал: «Преимущества нашей прямой связи с автором в том, что мы можем подробно ознакомить его с нашими намерениями, предоставить ему любые материалы, которые мы хотим, чтобы он включил в свою книгу, и проверять рукопись на всех стадиях работы. Наш контроль над автором обычно осуществляется тем, что мы оплачиваем ему время, потраченное на написание рукописи, или по крайней мере аванси-

³⁰⁶ Straight Sex and Perverse Politics in Washington. – «American Journal», June 14, 1976 pp. 99 – 100.

руем его с обязательством в случае необходимости вернуть аванс... (ЦРУ) должно быть уверено, что рукопись отвечает нашим оперативным и пропагандистским целям»³⁰⁷.

Тогда почему нельзя предположить, что книга Э. Рей – скромное напоминание о том, что может написать в случае необходимости должным образом проинформированный автор. Надо думать, у иных сверхдобродетельных гуманистов на Капитолийском холме от одной этой мысли холодок пройдет по спине и язык окостенеет.

Открытия такого рода давным-давно уже вызывают спортивного рода любопытство у высших должностных лиц республики и тайной полиции. Президент Джон Ф. Кеннеди нередко завтракал с директором ФБР Э. Гувером, который на десерт неизменно припасал очередную грязную историю. «Сколько же грязи он знает за этими сенаторами!» – крутил головой Кеннеди, рассказывая приятелю, журналисту Б. Брэдли, о завтраках с директором ФБР. Впрочем, самому президенту было необыкновенно интересно знать, какой именно шлюхе патронировали в данный момент его недавние коллеги сенаторы и вообще близкие к власти. Как-то Гувер показал президенту фото немки, любовницы пресловутого «101-го сенатора» Бобби Бейкера, помощника вице-президента Л. Джонсона. «Она прелестна!» – завистливо вздохнул президент, слывший глубоким знатоком женщин. Гувер присовокупил, что лихая дама собирается выйти замуж за высоко-

³⁰⁷ Final Report... Book I, pp. 193 – 194.

го чина в аппарате конгресса, и уже Кеннеди процитировал Брэдли слова Гувера: «отпускает ему даром то, за что с других взыскивает по двести долларов за ночь». Да, подытожил Брэдли, «невероятная картина – президент США и директор ФБР за завтраком в Белом доме рассматривают фото потаскух»³⁰⁸.

Чему удивляться? Д. Маклелан, ведущая в «Вашингтон пост» колонку светских новостей, сообщила в 1982 году в своей книге «Ухо в сторону Вашингтона. Хронология скандалов, слухов и сплетен столичной элиты»: «Жена помощника Никсона Дина Морин клянется, что в годы президентства Никсона в его резиденции показы пали порнографические фильмы»³⁰⁹. Нравы!

Как и надлежит, порядок здесь наводит тайная полиция. «Именно ФБР, а не секретная служба (каковой вверена охрана президента. – Н. Я.), установило, что Кеннеди „встречается“ с молодой женщиной, которая в промежутках между приемами в спальне Белого дома делила ласки с бандитами мафии Сэмом („Момо“) Джинкано и Джоном Розелли. Обоих после недавних нежелательных разоблачений, вскрывших их связи с ЦРУ, отправили гангстерским способом на встречу с творцом.

Итак, Эдгар Гувер лично отправился в Белый дом и конфиденциально предупредил президента – продолжение его

³⁰⁸ В. Bradlee. Conversations with Kennedy. N. Y., 1976, pp. 225 – 226.

³⁰⁹ D. Me Lellan. Ear on Washington. N. Y., 1982, p. 45.

тайной связи с Юдифью Кэмпбелл (теперь известной как г-жа Экснер) может привести прямо к политической катастрофе. А роман продолжался уже несколько лет, с тех пор как сенатор Кеннеди впервые углядел пригожую Юдифь на вечеринке в Лас-Вегасе. Теперь г-жа Экснер вспоминает о президенте как о «чрезвычайно энергичном и любознательном человеке», которому «безумно нравились голливудские сплетни, особенно рассказы о том, кто с какой голливудской звездой спит». Надо полагать, что лидер «свободного мира» не вводил Юдифь в курс государственных тайн, как, например, что ЦРУ наняло обоих ее названных приятелей, чтобы убить Кастро»³¹⁰.

Когда в августе 1962 года популярная кинозвезда Мэрилин Монро ушла в лучший мир, по официальной версии, «вероятно, в результате самоубийства», очень немногие знали о ее близости с президентом Дж. Кеннеди и министром юстиции Р. Кеннеди. Материалы следствия о ее смерти исчезли, их прибрал некий высокопоставленный полицейский чин из Лос-Анджелеса, ныне умерший. При жизни он претендовал на пост Гувера! В 1974 году Р. Слатцер, настаивавший, что и он был среди супругов почившей секс-бомбы, выпустил книгу³¹¹, в которой потребовал нового расследования обстоятельств ее кончины, намекая на убийство. Его особенно интриговало, зачем Р. Кеннеди понадобилось

³¹⁰ V. Lasky. It didn't start with Watergate. N. Y., 1977, p. 17.

³¹¹ R. Slatzer. The Life and Curious Death of Marilyn Monroe. N. Y., 1974.

явиться в дом Мэрилин Монро в день ее смерти. Ни одна крупная американская газета или телевизионная компания не проявила ни малейшего интереса к версии Слатцера.

Мэри Мейер, в прошлом супруга видного работника ЦРУ, около двух последних лет жизни Д. Кеннеди была, вероятно, самой близкой, скажем, подружкой президента. Развлекались вдвоем в Белом доме, в интервалах распивали виски, иной раз покуривали марихуану. Но скоро бросили. Памятуя о высоких государственных обязанностях, президент изрек: «Хватит! Представь – в этот момент русские что-нибудь затевают!» Через год после убийства президента Мейер пристрелили в предместье Вашингтона прямо на улице. Давний знакомый покойной, глава контрразведки ЦРУ Д. Энглтон, завладел ее дневником, который, естественно, исчез. Слабая тень всей истории – малонадежная книжка помощника издателя «Вашингтон пост» Ф. Грэхам (до его самоубийства) Труита, выпущенная в 1975 году ³¹². Тогда и только тогда «Вашингтон пост» сочла возможным вернуться к роману Кеннеди и Мейер ³¹³, а бойкий «Нью Таймс» кое-что растолковал в статейке под мрачноватым заголовком «Таинственное убийство любовницы ДФК» ³¹⁴, а таковых биографы насчитали свыше полутора тысяч.

Невелики открытия. Всего-навсего крохи сведений о нра-

³¹² Y. Truitt. Don't Get Me Wrong – I Love Hollywood. N. Y., 1975.

³¹³ «The Washington Post», February 23, 1976.

³¹⁴ «New Times», July 9, 1976.

вах высшего света стольного града «демократии», которые свойственны скорее всего тем существам, что в ходе эволюции остановились на стадии приматов, с той только разницей, что эти животные не платят за любовь по причине отсутствия денег. Впрочем, остается открытым вопрос, с какой целью потребовалось перетряхивать постельное белье президента Кеннеди? Это другая тема. Для наших целей достаточно напомнить: тайная полиция знает, что предать всеобщему обозрению и что утаить. В зависимости от обстоятельств и потребностей этого государства в государстве.

2

Человек с ружьем, вооруженные силы США, гласит американская мифология, служит под бдительным присмотром и только в исключительных случаях может обратить оружие против сограждан. Главенство гражданских властей над военными – один из краеугольных камней заокеанской республики, и по поводу такого распрекрасного принципа написаны библиотеки книг. У кого нет ни времени, ни особого желания читать их (впрочем, на это жизни не хватит), может обратиться к своду законов Соединенных Штатов, в разделе 10-м которого есть глава «Мятеж». Статьи 331 – 333 ясно говорят о том, что армия вводится в действие только тогда, когда восстание уже вспыхнуло, а гражданские власти оказались не способны справиться с ним. По статье 334, ес-

ли президент сочтет необходимым ввести в дело федеральные войска, то обязан «издать прокламацию к мятежникам немедленно мирно разойтись, в кратчайший срок вернуться на места своего проживания».

В 1978 году исполнилось 100-летие «Закона Posse Comitatus», предусматривающего: «Любой, кто, за исключением случаев, ясно предусмотренных конституцией или законами конгресса, умышленно использует части армии или военно-воздушных сил posse comitatus или любым другим способом с целью добиться выполнения законов, подлежит штрафу до 10 тысяч долларов или тюремному заключению до 2 лет или обоим видам наказания». Закон, включенный в качестве статьи 1385 раздела 18-го свода законов США, по просвещенному мнению американских юристов, служит надежной защитой против посягательства на права человека со стороны военщины, в чем, помимо прочего, и соль «демократии» по ту сторону Атлантики. Вооруженные силы — не только гарант демократических свобод, они не могут использоваться для вмешательства в гражданские дела.

В докладе по гражданским правам ассоциации юристов Нью-Йорка от 10 мая 1973 года совершенно справедливо сказано: «Первоначально принятый в 1878 году закон Posse Comitatus был направлен на то, чтобы не допустить использования вооруженных сил властями, обеспечивающими исполнение законов, а именно: судебными исполнителями и местными шерифами при выполнении их функций». За

время своего существования закон незначительно изменялся (например, помимо армии, были упомянуты военно-воздушные силы), однако его суть оставалась неизменной. Как заметил судья Дулинг при рассмотрении дела в 1961 году, закон Posse Comitatus выражает «врожденную антипатию американца к использованию войск для гражданских целей», закон «ясен в своих предписаниях и исключениях».

Как именно выполнялся закон в отношении прямого применения вооруженной силы далее, а пока только об одной области, отводят ли упомянутые законы вооруженным силам место в системе американского политического сыска?

Упомянутый доклад категорически отвечает – нет! По мотивам: «Положения §§ 331 – 333 раздела свода законов США, несомненно, не дают никаких оснований вооруженным силам проводить широкие операции по политическому сыску или использовать их как своего рода „сверхполицию“... В целом аргументы в пользу того, что вооруженные силы имеют полномочия для широкого политического сыска, противоречат законам отводящим им узкую роль во внутренней жизни и конституционной доктрине, ограничивающей сферу исполнительной власти в вопросах национальной безопасности. Таким образом, отвлекаясь даже от проблем, возникающих в результате нарушения прав человека, гарантированных конституцией, остается существенный вопрос – имеют ли право вооруженные силы в принципе надзирать за

политической деятельностью граждан?»³¹⁵.

Вопрос этот носит сугубо риторический характер, Право на вмешательство? Вооруженные силы имеют его, и еще какое, и по самому убедительному в том мире основанию – праву сильного. Законы, юридические заключения – одно, а реальная жизнь – совершенно другое. Даже речи быть не может о том, чтобы применить закон против тех, кто совершает противозаконные действия. Юристы только скорбят. Во время слушаний в 1974 году в подкомитете сената по конституционным правам главный советник подкомитета Л. Баскир осведомился у почтенного юриста из Нью-Йорка Б. Махони:

«– Скажите, Вам известен хоть один случай судебного преследования по закону *Posse Comitatus* за последние примерно 100 лет?

– Такого не было, мистер Баскир»³¹⁶.

Исторически армия США была пионером учреждения политического сыска в США. Политический сыск вооруженных сил в отношении гражданских лиц начался в 1917 году. Как это случилось и почему?

В том пламенном году весь мир молнией осветил Великий российский Октябрь. На американскую армию была возложена задача – предотвратить и в случае необходимости

³¹⁵ Military Surveillance of Civilian Political Activities: Report and Recommendation for Congressional Action, N. Y., 1973, pp. 13 – 15.

³¹⁶ Military Surveillance. Hearings before Subcommittee on Constitutional Rights of the Committee on the Judiciary U. S. Senate. April 9, 10, 1974. Washington, 1974, p. 165.

раздавить революционное движение в Соединенных Штатах. Назначенная цель была столь важной в глазах правящей олигархии, что забыли и о конституции и о своде законов. А быть может, просто закрыли глаза. Уже по этой причине сведения о политическом сыске вооруженных сил фрагментарны и далеко не полны.

Профессор Д. Дженсен, автор единственного в США исследования вопроса (книга «Цена бдительности», вышедшая в 1968 году), отмечал в показаниях перед комитетом сената: «В 1971 году во время слушаний по этому вопросу в подкомитете по конституционным правам юридического комитета сената я был удивлен, узнав, что слежку за гражданскими лицами в конце шестидесятых годов считают уникальной и не имеющей прецедента. Конечно, беспрецедентным был размах слежки, никогда раньше не систематизировалось столько информации о политической деятельности такого большого числа граждан и никогда раньше военные не использовали столь обширных ресурсов для слежки за гражданскими лицами. Однако слежка армии за гражданскими началась не в 1967 году. На протяжении предшествующих пятидесяти лет армия США следила за политической деятельностью во время всех серьезных кризисов в стране... Слежка велась практически без контроля со стороны гражданских властей, независимо от того, какая партия стояла у власти»³¹⁷.

Управление военной разведки (МИД) после 1917 года

³¹⁷ Military Surveillance. Hearings before the Subcommittee. p. 169.

развернулось в гигантскую организацию. В одном Вашингтоне работало 1000 человек, составлявшие досье на «большевиков» – и людей, замеченных в левых взглядах. По всей стране МИД ввело цензуру над перепиской, отделение в одном Сан-Франциско просматривало еженедельно 100 тысяч единиц почты. Целые города были поставлены под жесткий контроль военной разведки, например, Атланта, штат Джорджия. МИД стало центром, подчинившим в качестве орудия политического сыска пресловутую частную фирму Пинкертон, специализировавшуюся на шпионаже среди рабочих. Сверхреакционная организация «Лига защиты Америки» (350 тысяч членов) стала филиалом МИД, выполняя сыскные Функции. Помимо этого, МИД создавало собственные подразделения, например, Добровольный корпус разведки, набрав в него около тысячи гражданских лиц для слежки в западных районах страны.

То были годы «великого красного страха», охватившего США; тысячами бросали еретиков в тюрьмы, линчевали, депортировали из страны. Историки обычно относили эти эксцессы за счет безумства крайней реакции, однако с учетом работы военной разведки эти позорные события в истории США приобретают иную окраску, в считанные месяцы армия открыла кампанию против инакомыслящих, острием которой было МИД. В разгар ее командование армии составило честолюбивый план – объявить всю страну «военной зоной», предоставив право военным арестовывать, судить и

качать тех, кто будет признан виновным хотя бы в «большевистской пропаганде». Предложение во всем объеме не прошло, однако аресты шерифами зачастую проводились по указке военных властей.

После окончания первой мировой войны военная разведка не ослабила своих усилий: вплоть до 1924 года МИД засылало провокаторов в прогрессивные организации, принимало живейшее участие в разгроме забастовок. В военном министерстве был составлен «белый план» – проект немедленного введения в действие армии в случае «восстания». Практика подмены гражданских властей армией продолжалась, хотя с 1924 года военные смирились с тем, что в области политического сыска главенствует Бюро Расследования министерства юстиции. Во второй половине двадцатых годов МИД было переименовано в Джи-2, но, замечает Д. Дженсен, «возможности и организация для надзора над гражданскими лицами оставались. Когда депрессия (экономический кризис 1929 – 1933 гг.) породила массовую безработицу и беспорядки в городах, Джи-2 ответило попыткой восстановить активный сыск по всем Соединенным Штатам». Начальник штаба армии генерал Д. Макартур приказал в середине 1931 года командирам корпусов представлять ежемесячные сводки о «подрывной деятельности» во вверенных им военных округах.

Стратегия политического сыска армии заключалась в том, чтобы встречать «левую» опасность на выдвинутых вперед

рубезах. Усилиями военной разведки была создана провокационная атмосфера вокруг марша ветеранов на Вашингтон в 1932 году. Они были изгнаны из столицы штыками федеральных войск под командованием Макартура ³¹⁸. Очевидные злоупотребления военщины, наглое вмешательство в гражданскую жизнь заставили военную разведку замечать следы, но не прекратили ее сыскной работы – составления досье на нежелательных лиц. «В то время в стране думали, что на военную разведку найдется узда, – пишет Дженсен. – Однако сотрудники Джи-2 составляли секретные доклады об Американской федерации труда, Конгрессе производственных профсоюзов и о коммунистической деятельности. Рольф Виндиман, глава МИД в первую мировую войну, ушел в отставку и в 1929 году поселился в Сан-Диего, где создал свой собственный центр антикоммунистических досье, который служил в масштабах всей страны для обмена информацией. Поскольку досье Вандимана ныне находятся в сенатском комитете по вопросам внутренней безопасности и сохраняются в тайне, нельзя точно установить, в каких отношениях он был с Джи-2, однако известно, что он получал доклады от Джи-2, ФБР, полиции и добровольных групп типа „защитников Америки“.

В годы второй мировой войны деятельность военного политического сыска необычайно возросла. Армейская контр-

³¹⁸ R. Daniels. The Bonus Marchers: An Episode of the Great Depression. Westport, 1971.

разведка (СИС) оттеснила ФБР. Тысячи и тысячи тайных агентов СИС надзирали за политической деятельностью американцев, не имевших никакого отношения к военной службе. Досье стремительно распухали, пополнялись и расширялись каталоги «подрывных» организаций. Хотя шла война против держав фашистской «оси», значительное место в политическом сыске вооруженных сил занимала охота за людьми с левыми убеждениями. Сколь-нибудь подробных сведений обо всем этом нет, приходится полагаться лишь на материал, подготовленный самой американской разведкой³¹⁹.

После 1945 года служб политического сыска американских вооруженных сил демобилизация не коснулась, а, напротив, службы крепили с каждым годом. Они продолжали шпионаж, о размерах которого говорит впечатляющий факт: когда в 1952 году умер Вандиман, военная разведка получила от него в наследство досье на 125 тысяч человек, а это только часть материалов профессионального «охотника за ведьмами». Военные снабжали надлежащей информацией комитет палаты представителей по расследованию антиамериканской деятельности, многочисленные правые организации и группы, внося громадную лепту в антикоммунистическую истерию пятидесятых годов.

С началом активной борьбы черных американцев за гражд-

³¹⁹ V. Yohansen. The Role of the Army in the Civilian Arena 1920 – 1970. U. S. Army intelligence Command Study, 1971.

данские права все движение оказывается под микроскопом политического сыска вооруженных сил, который в считанные годы расширяется до абсурдных размеров, включив противников войны во Вьетнаме, студенческие организации. Самое поразительное – «сыскные операции армии, часто оправдывавшиеся как необходимые для осуществления федеральных законов о десегрегации, на деле были направлены против одной стороны в конфликте – против черных, выступавших за гражданские права, и это в то время, когда военных вызывали якобы для их защиты. Ни белые сторонники расовой дискриминации, ни местные планы по поддержанию порядка не интересовали военных в такой мере, как группы черных борцов за гражданские права и их лидеры». Подход ко всем инакомыслящим, по словам юридического советника армии Р. Джордана, таков: «Все, кто на другой стороне, – враги»³²⁰.

На этой основе органы политического сыска вооруженных сил завязали самые сердечные отношения с ФБР: «врага» нужно знать. В 1962 году Гувер открыл военным неограниченный доступ к досье ФБР в обмен на то, что армия будет дважды в год устраивать семинары для 200 агентов ФБР, обучая их действиям против «мятежей»³²¹. Армейские шпи-

³²⁰ M. Halperin, Y. Berman, R. Borosage, Ch. Marwick. *The Lawless State. The Crimes of the U. S. Intelligence Agencies*, N. Y., 1976, pp. 157, 160.

³²¹ *Federal Law Enforcement and Criminal Justice Assistance*. Washington 1972, p. 325.

ки засылались в прогрессивные организации, присутствовали на митингах, слушали, фотографировали, записывали на магнитофонную ленту. Когда в 1966 году борец за гражданские права Джеймс Мередит отправился в свой «марш против страха» по штату Миссури, за ним в грузовике тряслись агенты контрразведки³²².

Все это проводилось под флагом подготовки на случай использования войск во время «беспорядков». Зашли далеко: дабы получать информацию из первых рук, контрразведчики подслушивали разговоры президентов, которые, естественно, часто пользовались военными каналами связи.

В 1967 году, ознаменовавшемся беспорядками в Ньюарке и Детройте (в последнем городе использовались федеральные войска), политический сыск вооруженных сил поднялся на невиданную высоту. Экспертом по этому вопросу выступил Сайрус Вэнс. В его послужном списке военный министр, заместитель министра обороны при Р. Макнамаре. На этих постах он, вероятно, приобрел твердые познания, как именно нужно обеспечивать права человека, в особенности в Мекке «демократии» – Соединенных Штатах. В 1967 году президент Л. Джонсон направил Вэнса в Детройт выяснить, как лучше в дальнейшем использовать федеральные войска против демонстрантов. Вэнс нашел, что дело было поставле-

³²² Military Surveillance of Civilian Politics. A Report of the Subcommittee on Constitutional Rights, Committee on the Judiciary. U. S. Senate. Washington 1973, p. 17.

но из рук вон плохо – войска не имели точного представления о «враге», против которого им надлежит сражаться. Точнее: о собственных согражданах, поднявшихся против политики сегрегации и нарушения гражданских свобод.

В обстоятельном докладе Вэнс настаивал на том, чтобы вести борьбу против борцов за права человека по всем правилам стратегии и тактики. Нет необходимости входить во все многочисленные рекомендации Вэнса, поучительно разве коснуться только одного – как именно готовить эти операции. «Для того чтобы ликвидировать первоначальное незнание федеральными войсками зоны операций, – писал Вэнс, – желательно возложить на соответствующие континентальные армии задачу провести разведку основных городов США, в которых возможны беспорядки. Результаты разведки следует собрать в досье по этим городам, в которых должны быть указаны районы дислокации войск и возможного размещения штабов, а также содержаться полицейские сведения и другая необходимая информация, что дало бы возможность ввести в действие войска с максимальной эффективностью». В общем, Вэнс звал к тому, чтобы дать «противнику» сражение, опираясь на точное основание военной науки.

Предложения Вэнса привели к тому, что под видом сбора «разведывательных» данных армия гальванизировала хорошо известное ей дело – развернула широкий политический сыск, выясняя «благонадежность» гражданских лиц и раз-

личных гражданских организаций.

Инспекция С. Вэнса района Детройта привела его также к выводу, что государство отчаянно нуждается в научном подходе, а именно – следует вывести кривую «нормально-го уровня инцидентов» в качестве основы для подсчетов потребного количества войск, которые вводятся в дело. В Детройте солдаты славно потрудились: 43 убитых, сотни раненых, 7200 арестованных. Но с достаточной ли решимостью обрушивались войска на горожан и в каком соотношении находятся затраченные усилия с результатами?

Вэнс особенно хлопотал о том, чтобы вывести определенный «индикатор» беспорядков ³²³. Квазинаучные понятия Вэнса армейская разведка перевела на привычный для нее язык. На рубеже 1967 – 1968 годов по частям и соединениям был разослан обширный план борьбы с «беспорядками», за которым последовало «приложение касательно разведки». В нем была проведена классификация «смутьянов», особо выделялись как «диссидентские»: «движения за гражданские права», «движения против войны во Вьетнаме и против призыва в армию» ³²⁴. В мае 1968 года вслед за убийством Мартина Лютера Кинга великие умы в штабе армии разослали

³²³ Final Report of Cyrus R. Vance, Special Assistant the Secretary of Defense, Concerning the Detroit Riots, July 23 through August 2, 1967. – «Department of Defense News Release», № 856 – 67, September 12, 1967, pp. 49 – 51.

³²⁴ Federal Data Banks, Computers and the Bill of Rights. Hearings before the Subcommittee on Constitutional Rights of the Committee on Judiciary. U. S. Senate (February 23 – March 17, 1971), pp. 382 – 383.

«План сбора информации о гражданских беспорядках», потребовав: «Собирать, оценивать и докладывать с максимальной быстротой разведывательные данные о действительных, потенциальных или планируемых демонстрациях и других видах деятельности, влекущих за собой гражданские беспорядки на территории США (КОНУС), которые угрожают порядку или военной безопасности»³²⁵.

На узлах связи штабов отбивали тревожную барабанную дробь телетайпы, эфир переполнили зашифрованные сообщения, ревели двигатели вертолетов и самолетов, доставлявших убийственно серьезных офицеров связи с особо важными донесениями. Доблестные американские вооруженные силы, предпочитавшие показывать спину в джунглях и на рисовых полях Вьетнама, обратили грозный лик к своим согражданам: они были приведены в полную боевую готовность. Вероятно, по принципу: не можешь добраться до вьетнамца, довольствуйся врагом внутренним, американцем. На рубеже шестидесятых и семидесятых годов в Соединенных Штатах развились начатки процессов, образно описанных Джеком Лондоном в «Железной пяте» на заре XX века.

На первый случай постановили подготовить сосредоточение по 10 тысяч воинов в 24 городах (каких именно, не уточняли), а в столице 30 тысяч! Штабные планировщики наверняка благословляли своевременное решение президента, начавшего в высших интересах международного мира вывод

³²⁵ Ibid., p. 1124.

почти 600-тысячного американского контингента из Вьетнама. На родину возвращались квалифицированные убийцы. В июле 1969 года в подземном помещении Пентагона министерство обороны учредило «Управление по борьбе с гражданскими беспорядками: планирование и оперативное руководство». Впоследствии переименованное в Отдел военных служб, это управление создано как штаб по руководству боевыми действиями на внутреннем фронте. В подвале засели 180 офицеров и генералов, в распоряжение которых были отданы новейшие достижения военной управленческой техники – компьютеры, сложные системы закрытой связи, служебное телевидение. Крупномасштабные карты испещрили кодовые наименования десятков операций против населения Соединенных Штатов – операции «Обработка сада», «Розовый куст», «Крутой холм», «Тихий город» и т. д. За невинными терминами крылись тщательно разработанные планы нападения на мирные города и расправы с инакомыслящими, где бы их ни обнаружили.

Отбором указанных нежелательных лиц и организаций ведали, как обычно, органы политического сыска вооруженных сил, которые на этот раз превзошли себя. 350 отделений контрразведки по всем Соединенным Штатам бросили на выполнение задания многие тысячи своих агентов. Точные данные занятых этим делом, вне всяких сомнений, неудобно оглашать, известно, однако, что в начале семидесятых годов на внутреннем фронте трудилось в поте лица больше со-

трудников разведки и контрразведки вооруженных сил, чем где-либо в другом районе мира, включая продолжавшиеся боевые действия в Юго-Восточной Азии ³²⁶. С 1968 года среди других военных центров заработал на полную мощность центр сбора информации в Форте Халабэрд, в компьютеры которого ежемесячно вводились данные 1200 докладов. Досье «подрывных элементов» на 31 декабря 1971 года включало 211 243 единицы хранения об организациях и 80 731 единицу хранения об отдельных лицах. Говорят, что в поле зрения политического сыска военных оказалось свыше 100 тысяч граждан, абсолютно не связанных с вооруженными силами ³²⁷.

Рвение военных на подвластном им внутреннем фронте привело к тому, что под угрозой хаоса оказалась государственная жизнь. Они безуспешно искали «чудовищный заговор», инспирированный некой иностранной державой. Никак не могли поверить в элементарную порядочность – тысячи людей выступали против войны во Вьетнаме. Операция под кодовым названием «Обработка сада» вылилась в серию военных игр, проведенных в первой половине семидесятых годов, – подавление «беспорядков» по всем Соединенным Штатам. Вымышленные названия «вражеских» организаций в ходе этих игр говорят сами за себя: интеллигенцию пред-

³²⁶ Military Surveillance of Civilian Politics... pp. 4, 29.

³²⁷ M. Halperin, Y. Berman, R. Borosage, Ch. Marwick. The Lawless State..., p. 170.

ставляла «Демократическая лига ученых», рабочих – «Международное братство рабочих реформ», национальные меньшинства – «Международное братство прогресса небелых народов». В конце мая 1970 года командование армии самолично собрало совещание по итогам игр, в котором приняло участие 1700 человек. На совещании были представлены крупнейшие корпорации США – «Бэнк оф Америка», «Локхид», «Боинг», «Стандард ойл» и другие ³²⁸.

Вероятно, представители правящей олигархии испытали неприятный шок. Однако генералы спокойно растолковали им, что в случае нужды возьмут власть. Иными словами, они определенно забежали вперед, усугубляя назревавший в США конституционный кризис. Те, кому принадлежит подлинная власть, поторопились забить отбой, что нужно рассматривать в контексте бурных событий в США, включая Уотергейт. Была придана широкая гласность уже поднимавшейся волне критики своеволия вооруженных сил с политическим сыском. То, что выглядело как индивидуальный вывод разочарованного бывшего офицера разведки К. Пайла – статья в начале года в «Вашингтон мансли», – было объявлено началом кампании по обузданию военных. Главное положение Пайла – «армия создала основу полицейского государства» ³²⁹ – в эти дни часто цитировалось. Профессор М. Яно-

³²⁸ M. Halperin, Y. Berman, R. Borosage, Ch. Marwick. Lawless State. p. 167.

³²⁹ Ch. Pyle. CONUS Intelligence. The Army Watches Civilian Politics. – «Washington Monthly», January 1970, pp. 4 – 16.

вич объяснил сенатскому подкомитету, что именно неприемлемо: «Сыск, учрежденный военными, не только противоречит традиционным отношениям между гражданскими и военными властями, но бьет мимо цели, когда идет речь о причине беспорядков... отражающих глубинные социальные и экономические условия»³³⁰.

А что собрали военные? Их информация была «отрывочной, субъективной и имела ничтожную практическую ценность»³³¹. В самом деле, возмущился сенатский комитет по юридическим вопросам: «Через все собранные материалы проходят сведения о финансовых и сексуальных делах, состоянии психики лиц, не связанных с вооруженными силами»³³². Ну сущие сороки эти военные шпики, тащат в свои гнезда, оборудованные компьютерами, все что ни попадет под руку! В праведном гневе военных крепко отчитали, обидевшееся командование взамен покаяния пообещало уничтожить кое-какие досье и сдерживать рвение своего политического сыска. Были даже назначены инспекции, посланные на места, чтобы привести в чувство контрразведчиков.

Коль скоро оказалось, что пришло время поносить военщину (быть может, и потому, что генералы проиграли войну во Вьетнаме?), иные в Капитолии почувствовали себя муж-

³³⁰ Federal Date Banks..., p. 347.

³³¹ Military Surveillance of Civilian Politics..., p. 13.

³³² Army Surveillance of Civilians: A Documentary Analysis by the Staff of the Subcommittee on Constitutional Rights. U. S. Congress. Washington 1972, p. 96.

чинами. Сенатор Эрвин, во всяком случае, по этим ли причинам или ввиду неминуемого падения Никсона, а быть может, под ласковым взором Элизабет Рей и ее коллег положительно разбушевался. Во время слушаний по поводу билля, задуманного как преграда для ретивых шпииков, прячущих под штатским платьем военный мундир, он гремел в апреле 1974 года:

«Мы так и не смогли выяснить, кто приказал армии шпионить за гражданскими лицами в конце шестидесятых годов. Следовательно, я должен предположить, что это дело рук президента США, ибо он и главнокомандующий. Ответа на этот вопрос мы так и не получили. Я уверен, что армия получает лучшие разведывательные данные, чем комитет конгресса, ибо мне так и не удалось вызвать сюда в качестве свидетелей военных, ответственных за разведку. Когда я обратился с этой просьбой к министру обороны, он ответил, что министерство имеет право само выбирать, кого послать к нам в подкомитет для дачи показаний. Юридический консультант министерства обороны – в данном случае я имею в виду мистера Бужхарта из военного министерства – разъяснил мне, что, по его мнению, конгресса не касаются те сведения, которые я пытался получить и знать которые имеет право американский народ».

На этот раз сенатору Эрвину удалось заполучить представителя министерства обороны, чиновника среднего звена Д. Кука, и не одного, а с группой помощников. Сенатор сцепил-

ся с мистером Куком, пытаюсь выведать у него, будет ли ограничен политический сыск вооружениях сил. Мистер Кук отбивался, доказывая величайшую пользу благородного, по его словам, дела. В довершение всего он заявил: вот если тайфун обрушится на США, армия должна знать по крайней мере, сколько людей застигнуто в районе бедствия хотя бы по спискам избирателей.

По всей вероятности, доведенный до белого каления Эрвин воскликнул: «От всего сердца говорю – не хочу помощи ни от кого, военного или гражданского, пусть в наводнении, пусть в лапах тайфуна, кто регистрирует мои идеи, политические убеждения или политические связи!... Должен сказать, что изложенное вами по фантазии превосходит все виденное мною в жизни с тех пор, как я читал „Двадцать тысяч лье под водой“ Жюля Верна. У меня все»³³³.

Как водится на Капитолийском холме, обсуждения билля вылились в длительную и мучительную процедуру, причем, учитывая его специфику, к месту и без этого постоянно поминались права человека – в данном случае американца. И, конечно, заслушивались компетентные мнения знатоков вопроса в США. В подкомитете было оглашено мнение Вэнса, который изложил его письменно, ибо по занятости не смог прибыть лично из Нью-Йорка в Вашингтон. Хотя в то время – в апреле 1974 года – Вэнс был частным лицом, выражался он по-государственному коротко и внушительно. Итак, он

³³³ Military Surveillance. Hearings..., p. 28, 117.

посоветовал:

«Добавить новый пункт к пункту 1386, гарантирующий, что запрет на сыск и сбор данных вооруженными силами не помешают им осуществлять предварительную разведку и наблюдение на месте, что существенно необходимо для проведения операций против бунтовщиков... Ничто в законе не должно препятствовать вооруженным силам посылать наблюдателей на место бунтов...

Закон должен дополнительно обеспечивать возможность посылки офицеров связи в местные полицейские штабы и штабы национальной гвардии с целью наблюдения за развитием беспорядков, в связи с которыми войска были приведены в боевую готовность, и сообщения командирам тактической информации для максимально успешного использования войск.

Равным образом, когда президент отдает приказ ввести в дело федеральные войска... вооруженные силы неизбежно должны будут собирать определенные сведения об активных бунтовщиках. История законодательства в США ясно показывает, что законы не должны запрещать сбор такой информации в ходе подавления беспорядков и задержания индивидуальных бунтовщиков...»

Вэнс авторитетно заключил: «Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить подкомитет за необычайно важную работу, которую он проделал и выполняет в этой и других областях

обеспечения гражданских прав»³³⁴. Написано черным по белому, таково содержание прав человека или гражданских прав, когда речь о них идет в США в служебных инстанциях. Точнее, там вообще не представляют, что это такое.

На том, в сущности, закончились попытки выяснить, как обстоит дело с политическим сыском вооруженных сил, его соотношением с правами человека. Армия доблестно отбила все покушения разузнать, что происходит в этой области. Директива от 8 декабря 1975 года, утвержденная министром обороны, гласит: «Необходим сбор информации, нужной для оперативных целей, проистекающих из задачи... помогать гражданским властям в подавлении беспорядков»³³⁵. Вот как оценил этот документ сенатский комитет по юридическим вопросам в 1976 году: «Такие туманные формулировки в прошлом в значительной степени приводили к злоупотреблениям»³³⁶.

Командование вооруженных сил США знает, против кого борется. Склад мышления военщины ярчайшим образом иллюстрирует документ, который наверняка приписали себе светлые головы в штабе 8-й пехотной дивизии, на деле, однако, конкретизирующий общие директивы Пентагона. 22

³³⁴ Military Surveillance. Hearings..., p. 125 – 126.

³³⁵ M. Halperin, Y. Berman, R. Borosage, Ch. Marwick. The Wawless State..., p. 170.

³³⁶ Use of the Armed Forces to conduct Surveillance of Civilians. Senate Subcommittee on Judiciary. Report to accompany S. 84. Washington 1976, p. 11.

июля 1973 года штаб указанной дивизии спустил в подразделения инструкцию «Программа борьбы с диссидентами». Этот перл стоит воспроизвести хотя бы частично:

«Признаки диссидента.

1. Жалобы сержантам, офицерам, солдатам, журналистам или конгрессменам на бытовые условия, несправедливое обращение и пр.

2. Частые попытки обращаться, минуя непосредственного начальника, к кому-либо, чтобы рассказать о своих бедах.

3. Участие в неразрешенных собраниях, создание групп для выражения коллективных протестов, участие в демонстрациях, симуляция болезней.

4. Частые незначительные акты неповиновения или дерзости, например, неотдача приветствия, медленное выполнение приказов.

5. Пребывание в военных помещениях гражданских экстремистов или посещение их митингов вне пределов части.

6. Распространение подпольных газет.

7. Диссидентские надписи, выполняемые тайком на зданиях, передвижных средствах, имуществе.

8. Уничтожение или порча государственного имущества.

9. Вызывающий вид при виде символов власти.

10. Раздувание мелких инцидентов, преувеличение их с целью вызвать недовольство солдат,

распространение слухов.

11. Агитация среди гражданских и военных лиц.

Определения.

НЕДОВОЛЬСТВО – неудовлетворенность по поводу конкретного вопроса или случая.

ХОЛОДНОЕ ОТНОШЕНИЕ – недовольство правительством или военной службой.

БЕСПОКОЙСТВО – проявление неудовлетворенности или холодного отношения, необязательно политически или идеологически ориентированных.

ДИССИДЕНТСТВО – проявление отрицания военных, политических или социальных критериев»³³⁷.

Открытое использование армии для борьбы с собственным народом посеяло по крайней мере среди студентов высших учебных заведений стойкое отвращение к военщине. В середине семидесятых годов многие университеты были вынуждены прикрыть военные кафедры и прекратить подготовку офицеров запаса. При Рейгане положение изменилось: в студенческих городках вновь замелькали фигуры в военной форме. В 1983 году студент, готовящийся стать по окончании колледжа Вильяма и Мэри в Вильямсбурге офицером резерва, радостно оповестил корреспондента масти-

³³⁷ Military Surveillance. Hearings. pp. 395 – 396.

того американского еженедельника: «Нас больше не освистывают. Теперь, проходя по студенческому городку в форме, я чувствую себя много лучше, чем три года назад». Другой болван в форме сообщил: «Если надо, я буду сражаться. Опыт показал – мы должны трудиться во имя нашей свободы». Мы видели, какого рода «свободу» защищает американская армия.

Пентагон не может нарадоваться: «нынешнее поколение курсантов самое лучшее за последние двадцать лет». Генералы относят это за счет «патриотизма». Конечно, идеологическую обработку защитников интересов капитана сбрасывать нельзя. Но все же дело много проще – в колледже курсантов обеспечили разными льготами, включая 100 долларов в месяц на карманные расходы, а по окончании гарантирована «занятость» – служба в армии с исходным жалованием в 19 тысяч долларов. Предвкушая эти блага, очередной опрошенный курсант облизнулся: «Жить трудно, а это хорошая работа»³³⁸.

Сверхбогачи покупают себе защитников, а языкатого сенатора Эрвина отправили на пенсию.

3

1 апреля 1975 года в Южном Техасе полиция обнаружила труп человека, который и после смерти цепко держался за

³³⁸ «U. S. News and World Report», May 16, 1983, p. 37.

рулевое колесо своего автомобиля. Вердикт – самоубийство – никого не удивил. Оpoznанный самоубийца Д. Парр предпочел не отбывать 10 лет в каторжной тюрьме и не выплачивать штрафа в 14 тысяч долларов. Оборвалась жизнь человека, который по крайней мере три десятка лет железной рукой правил в округе.

Парр, нефтепромышленник, банкир, в прошлом миллионер, был политическим боссом в трех графствах Техаса. Его заслуги перед демократической партией были известны: в 1948 году Парр наглым мошенничеством обеспечил первое избрание в сенат будущего президента США Линдона Б. Джонсона. Трумэн сполна вознаградил тогда Парра за расторопность: президент простил его, избавив от судебного преследования за неуплату налогов. Впоследствии такую же услугу Парру оказал ловкий юрист А. Фортас, что не забывается. Тот же Фортас отбил попытки поставить под сомнение исход выборов в сенат в штате Техас в 1948 году. Президент Л. Джонсон назначил предприимчивого знатока законов членом Верховного суда США.

Потерпевший поражение соперник Л. Джонсона, губернатор штата К. Стивенсон не мог забыть и простить нанесенной ему обиды. Многие годы он горестно вспоминал, как у него «украли» место в сенате, он пытался добиться проверки поданных бюллетеней, но Парр, смеясь, объяснял: неграмотные мексиканцы, прибиравшие помещение, приняли их за мусор и сожгли. Сам Л. Джонсон много раз добродушно

повествовал о своей первой победе на выборах в сенат: «Маленький Мануэль сидит у избирательного участка и проливает горькие слезы! Другой мексиканец спрашивает его, в чем дело. „Мой папа был здесь в прошлую субботу, – всхлипнул мальчик, – но не повидал меня“. – „Мануэль, твой отец умер десять лет назад!“ – „Верно, но в ту субботу он приходил проголосовать за Линдона Джонсона и не захотел увидеть меня“³³⁹.

Как «оживлять» давно умерших избирателей, Парр хорошо знал и был поистине бесценным человеком для демократической партии. Возражать ему в Техасе можно было только с опасностью для жизни: нескольких противников Парра хладнокровно пристрелили³⁴⁰. Но времена изменились, у власти в Вашингтоне встали республиканцы, и Парру предъявили обвинение, что в 1966 – 1969 годах он не уплатил налоги с дохода в 287 тысяч долларов. В Белом доме уже не было Джонсона, и пришлось пустить пулю в висок. Так окончилась встреча на равных Парра со Службой внутренних доходов (ИРС), которая практически надзирает за жизнью всех американских налогоплательщиков.

Подходный налог в США был введен в 1913 году, и с тех пор ежегодно к 15 апреля все налогоплательщики, как индивидуальные, так и корпорации, фирмы, организации и т. д., обязаны представить полный отчет о своих доходах за ис-

³³⁹ A. Steinberg. *Sam Johnson's Boy*. N. Y., 1968, p. 265.

³⁴⁰ V. Lasky. *It didn't start with Watergate*, p. 120.

текший год. В настоящее время это означает более 170 миллионов отчетов и 660 миллионов других документов, которые поступают в ИРС, насчитывающую 83 тысячи сотрудников, 700 отделений по всей стране и обходящуюся в два миллиарда шестьсот миллионов долларов в год. В компьютерах и досье ИРС собирается самая разнообразная информация не только об источниках доходов, но и расходах (у каких врачей вы побывали и чем, следовательно, больны, купили ли вы, например, очки и за сколько, где и когда путешествовали, делали ли взносы на политические цели и т. д.). Оставляя в стороне обычную рассеянность – за год можно кое-что забыть, а это, если нужно, будет поставлено в строку, ИРС при желании подвергнет обследованию финансовое состояние любого американского гражданина, пересчитает его деньги в сейфе и кармане до последнего цента. На этот случай в распоряжении ИРС многие тысячи специально подготовленных агентов.

Конечно, только в кошмарном сне можно представить: ИРС проверяет все до одного 170 миллионов отчетов! Сила ИРС в другом: она давно стала орудием политического сыска правящей элиты, острие которого нацелено против инакомыслящих. Агенты ИРС по указанию властей постоянно проводят проверки налоговых деклараций не столько в интересах выяснения, кто и сколько утаил денег от государства, сколько пытаясь на основании этого подвергнуть судебному преследованию неудобных лиц или организации. Санкции на

неуплату налогов, как мы видели, очень суровые. В том только случае, если речь идет об инакомыслящих.

На «шалости» богачей с уплатой налогов, что означает недоплату многих миллиардов долларов ежегодно, власть смотрит сквозь пальцы. Дж. Кеннеди, например, в застольной беседе развлекал гостей рассказами о том, что П. Гетти, считавшийся самым богатым человеком в мире, уплатил за год всего 500 долларов, а другой мультимиллионер, Г. Хант, – 22 тысячи долларов подоходного налога. Гости подступились к Кеннеди с просьбой рассказать подробнее, президент усмехнулся: «Все сведения о налогах секретны, и, вероятно, противоречит закону, что я знаю об этом, и уж по крайней мере незаконно их разглашать»³⁴¹.

Совершенно в другом положении оказывается тот, кто в немилости у властей. В 1955-1958 годах прогрессивный юрист Р. Ленски оказался под прицелом ИРС, которая прикомандировала к нему двух агентов, проводивших доскональное изучение его более чем скромных достатков. Агенты опросили до 1500 «свидетелей», перевернули все дела Ленски, но безуспешно. Тогда они произвольно во много раз завысили стоимость имущества Ленски, потребовав от него уплаты таких средств, которые он физически не мог изыскать. Дело было шито белыми нитками. Федеральный суд, отвергнув в 1967 году состряпанное ИРС обвинение, заметил в своем решении: ИРС «ведет крестовый поход... что-

³⁴¹ В. Bradlee. Op. cit., p. 218.

бы изгнать из нашего общества неортодоксально думающих мыслителей и людей творческого труда, используя федеральные законы о налогах и суды, чтобы заточить их в тюрьму».

ИРС стоит в первых рядах инквизиторов, преследующих Компартию США.

Авторы специального американского исследования о политическом сыске в США так определяют место ИРС в системе тайной полиции: «Подобно ЦРУ и ФБР ИРС использовалась в войне правительства против диссидентов в шестидесятые годы. ИРС явилась ценным дополнением ко всему этому механизму, взаимодействуя с ФБР и министерством юстиции, чтобы досаждать диссидентам, предоставляя информацию ФБР и ЦРУ (которая в ряде случаев использовалась для подрыва положения инакомыслящих в США), и выполняла функции „наемного убийцы“ президента в отношении различных противников администрации. ИРС раскрывала Белому дому и различным органам политического сыска содержание своих секретных досье, нарушая законы, защищающие личную жизнь ни в чем не повинных налогоплательщиков. Но в отличие от ФБР и ЦРУ ИРС действовала по наущению других как запрограммированный робот. Кампаниями ИРС против инакомыслящих не руководили люди типа Э. Гувера или Р. Хелмса. ИРС действовала по общим указаниям комитетов конгресса и Белого дома, нанося удары по указанным целям»³⁴².

³⁴² M. Halperin, Y. Berman, R. Borosage, Ch. Marwick. The Lawless State..., p.

Как же это конкретно происходило и откуда, собственно, известны подробности о сыскных функциях ИРС? На протяжении десятилетий о последних просто не знали. Непосредственные получатели секретной информации от ИРС типа ФБР и ЦРУ, естественно, молчали. Что касается конгресса, то и с этой стороны внимание к ИРС было сведено до минимума. Журналисты М. Минц и Д. Коен, выпустившие в 1976 году книгу, почти на 800 страницах рассказывающую о злоупотреблении властью в США, довольно ясно определили причины:

«Громадная часть ответственности за смехотворное бездействие конгресса лежит на конгрессмене У. Миллсе, который, пока не был засечен на интрижке с девицей, раздающейся на сцене, всячески восхвалялся газетами. В качестве председателя комитета по ассигнованиям он настаивал, чтобы его комитет работал как единое целое, без подкомитетов. Такой порядок, редкий на Капитолийском холме, не только давал возможность держать дело под жестким контролем, но также занять членов комитета бесконечными дебатами во время прохождения биллей. У них не оставалось времени, чтобы заняться ИРС, даже если бы они захотели. Одно из последствий такого положения заметил сенатор Черч в начале 1976 года, ИРС, „крупнейшее шпионское ведомство страны“, за 1975 год передала 29 тысяч налоговых деклараций другим федеральным ведомствам в целях

„запугивания граждан“. В числе получателей – ЦРУ и ФБР. С 1969 по 1973 год, согласно докладу комиссии Черча, ИРС завела досье „более чем на 11 тысяч лиц и организаций“ и начала расследование по поводу налогов на политической, но не налоговой основе»³⁴³.

С расходами не считались. ИРС, существующая официально как ведомство, обязанное обеспечивать полное поступление налогов, с легким сердцем транжирила деньги налогоплательщиков. Руководство ИРС, вероятно, иной раз отдавало себе отчет в идиотизме складывавшегося положения. Когда при администрации Дж. Кеннеди ИРС получила указание провести обследование политических организаций, руководствуясь «идеологическими» мотивами, герои фискального сыска встали в тупик. В апреле 1963 года им передали список 19 организаций «левее центра», составленный, вероятно, ФБР³⁴⁴. По американским законам политические организации освобождены от уплаты налогов, и речь идет о расследовании финансового положения лиц, делающих для них взносы. Иными словами, гипотетически можно несколько сузить финансовую поддержку данной организации, если выяснится, что тот или иной пожертвователю не в ладах с уплатой налогов.

Эти не бог весть какие хитрые соображения, подсказан-

³⁴³ M. Mintz, J. Cohen Power Inc. N. Y., 1977, pp. 483 – 484.

³⁴⁴ Final Report of the Select Committee to Study Governmental Operations with respect to Intelligence Activities. Book 3, U. S. Senate, Washington, 1976, p. 892.

ные всем опытом налоговой службы, руководитель ИРС изложил в докладной президенту 11 июля 1963 года: «В прошлом расследование организаций, освобожденных от налогов, было сведено до минимума, ибо эта работа очень трудоемка и редко дает возможность найти скрытые налоговые средства. Каждый человеко-год, потраченный на нее, означает потерю 175 тысяч долларов, которые дает расследование уплаты налогов по другим причинам»³⁴⁵. Однако когда речь идет о борьбе с инакомыслящими, великая демократия с расходами не считается, бесчисленное множество ревизоров ИРС засаживайся именно за эту работу. В Белом доме, ФБР и ЦРУ тогда с затаенным дыханием ожидают великих результатов. Там помнят политический фольклор в США: в тридцатые годы пресловутого бандита Эль Капоне удалось наконец привлечь к суду и покарать не за убийства и грабежи, а за неуплату налогов! Чиновничьи умы не могла осенить простая мысль – против политических порядков в США выступают порядочные люди.

Отсюда понятно, что ИРС, привыкшая иметь дело; «с уголовниками, оконфузилась, пытаясь в тесном содружестве с другими органами тайной полиции собрать компрометирующие материалы против прогрессивных организаций, включая Компартию США. В этом деле ИРС сил не щадила, а некоторые ее сотрудники в угаре политического сыска даже проявили неожиданное бескорыстие. В 1972 году информа-

³⁴⁵ Ibid., p. 896.

тор из ИРС (имя которого было сохранено в тайне) предложил ЦРУ расследовать источники доходов публициста В. Марчетти, выход книги которого о политическом сыске в США ЦРУ пыталось безуспешно сорвать. Прохвост руководствовался „высшими“ соображениями охраны устоев. Заатеянное дело, конечно, лопнуло.

Порядки, насаждаемые ИРС, отдают средневековьем – в свое время инквизиция вознаграждала доносчика частью имущества еретика. Раздел 7623 кодекса ИРС разрешает выплачивать доносчику 10 процентов от утаенной еретиком суммы налогов. Комиссия Черча меланхолично заключила в этой связи: «Политический противник, сквалыга-сосед, недовольный служащий могут донести о недоплате налогов по самым низким мотивам и получить за это вознаграждение»³⁴⁶. В 1974 году, например, более 100 тысяч американцев добровольно сдали соответствующие доносы в ИРС, которая выплатила доносчикам 467 952 доллара (вознаградив 13 процентов из числа потребовавших награды)³⁴⁷. Статистика наводит на печальные размышления – число ложных доносов в который раз иллюстрирует, что почитается общественным благом в заокеанской «демократии».

Хотя в отношении прогрессивных организаций в шестидесятые годы потуги ИРС в целом пропали даром, однако в высших эшелонах власти в США решили, что все дело в

³⁴⁶ Ibid., p. 858, 860.

³⁴⁷ D. Wise. The American Police State, p. 332.

дурной организации. Необходимо упорядочить службу политического сыска в ИРС, и все пойдет на лад. В июле 1969 года ИРС учредила секретный отдел специальной службы (ССС), который занялся шпионажем, исходя только из политических соображений. В документе о создании СССР прямо указывалось: «С точки зрения строго финансовой у нас нет причин создавать этот комитет или тратить время и средства». СССР «должен быть учрежден» по политическим мотивам ³⁴⁸. В ФБР были в восторге – СССР «нанесет удар диссидентам» ³⁴⁹ и принялись снабжать СССР списками организаций и лиц финансовое положение которых подлежало расследованию. Министерство юстиции, со своей стороны, передало СССР для расследования список 10 тысяч граждан и 16 тысяч организаций, которые «потенциально» могли принять участие в гражданских беспорядках ³⁵⁰. СССР начал бессмысленные по результатам расследования, чиня всяческие препятствия и запугивая тех, кто считается в США диссидентом. В общей сложности СССР вел 11458 досье на 8585 человек и 2873 организации.

Администрация Р. Никсона решила использовать ИРС и против своих политических противников, деятелей демократической партии. ИРС проверила финансовые дела пред-

³⁴⁸ Political Intelligence and Internal Revenue Service: The Special Service Staff. Washington, 1974, p. 329.

³⁴⁹ Final Report... Book 3, p. 885.

³⁵⁰ Political Intelligence and the Internal..., p. 50.

седателя национального комитета партии А. О'Брайена, которые оказались в порядке. Это вызвало известное смятение в министерстве финансов, которое испытывало понятное смущение: ИРС бросали против уважаемых политиков, а не только диссидентов. В Белом доме разгневались, в ИРС спустили список «490 врагов» администрации, в большинстве своем людей, приметных в США, людей, с которыми считались. Р. Никсон, однако, настаивал на том, что все они подлежат тщательной проверке ИРС. Когда с этим не согласился министр финансов Шульц, то президент США заявил 15 сентября 1972 года своему помощнику Д. Дину: «Не желаю и слышать, что Джордж Шульц поднимает этот вопрос, ибо в таком случае он вынуждает меня прогнать его. Он получил министерство финансов не за прекрасные голубые глаза. Ему, сволочи, оказали честь, дав пост... Мне нужны самые подробные сведения о тех, кто пытался причинить нам вред... Они напросились, и они получают свое. Прошлые четыре года мы не использовали свою силу. Мы вообще не прибегали к ней. Мы не использовали ни бюро, ни министерство юстиции, теперь все пойдет по-иному. Наши деятели должны либо подчиниться, либо убраться вон».

Когда Никсон перевел вопрос в эту плоскость, тогда он ускорил бег событий в направлении Уотергейта. Никто у власти и поблизости от нее не возражал против преследования инакомыслящих и при удобном случае аплодировал разнузданной травле, но администрация замахнулась на влия-

тельных членов правящей олигархии. В сумме причин, приведших к падению Никсона, беззастенчивое использование ИРС против «своих» заняло приметное место. Никсону припомнили и указание от 15 сентября 1972 года. Недаром президент, передав конгрессу магнитофонные записи своих бесед в Белом доме, исключил приведенное выше указание. Текст беседы 15 сентября 1972 года обрывался кратким пояснением «остальное не относится к Уотергейту»³⁵¹. Это «остальное» было истребовано у Никсона федеральным судом, но и тогда не было официально предано гласности, а стало известно из статей журналистов.

В разгар разбора злоупотреблений, связанных с Уотергейтом, политические противники администрации взялись за ИРС, чтобы исключить возможность использовать ее против них самих. ССС прикрыли, а заодно крупно поговорили о методах сбора информации ИРС. Кое-что из тайн ИРС выплыло наружу, скажем, микромир отделения ИРС в Майами, фешенебельном курорте. С марта 1975 года газета «Майами ньюс» опубликовала серию статей на основании разоблачений 33-летней огненной брюнетки Эльзы Гутьеррос, семь лет служившей секретным агентом ИРС под кличкой Кармен. Суть разоблачений Кармен о ее участии в операции «Лепрехаун» была изложена в докладе комиссии Черча так:

«— ИРС наняла Гутьеррос и других информаторов для

³⁵¹ The Presidential Transcripts, in conjunction with the staff of the Washington Post. N. Y. 1974, p. 43.

сбора данных о сексуальной жизни и пьянстве тридцати должностных лиц в штате Майами.

– Два оперативника ИРС проникли со взломом в штаб-квартиру кандидата на выборах в конгресс в районе Майами.

– ИРС незаконно использовала электронную подслушивающую аппаратуру.

– Специальный агент Гаррисон угрожал Гутьеррос, что в случае обнародования тайн ИРС она либо погибнет от несчастного случая, либо попадет в тюрьму.

– Информация, собранная в ходе операции «Лепрехаун» о врагах Белого дома, ИРС передавала в Белый дом.

– Агенты ИРС обещали Гутьеррос 20 тысяч долларов в год пожизненно и дом в награду за слежку за должностными лицами»³⁵².

В Капитолии порядком разгневались (некоторые наверняка припомнили времяпрепровождение на солнечных пляжах и в отелях Майами) и взялись за Гаррисона. Конгресс провел несколько расследований ИРС, выяснив, что под началом изобретательного Гаррисона находилось шестьдесят два агента. В подкомитете палаты представителей по ассигнованиям конгрессмен Д. Пикл загнал Гаррисона в угол, заставив сознаться, что информация о недоплате налогов собиралась спаиванием жертв, а затем заманиванием их в постель.

«Вы думаете, что такой образ действий уместен для ИРС?» – гневно вопрошал Пикл.

³⁵² Final Report... Book 3, p. 913.

Гаррисон пожал плечами: «Дело не в том, что тот или иной информатор вступал в половые сношения с одним или несколькими мужчинами... Я их об этом не просил... Что до Эльзы Гутьеррос, известной под кличкой Кармен, то она утверждает, что в процессе сбора информации вступала в половые сношения. Я не осуждаю ее за это. Я не поощрял и не отговаривал ее».

«Пикл: Так было! Это помогало расследовать неуплату налогов?»

Гаррисон: Конечно, помогало, если то был ее способ сбора информации и если она добывала ее таким путем».

Неугомонный Пикл опрашивал подряд чиновников ИРС относительно операции «Лепрехаун» и от всех получал ответы, которые могли привести в отчаяние. Чиновники не видели в ней ничего особенного, больше того, полагали, что свершения пресловутой Кармен достойны похвалы. Пикл спросил работника ИРС Д. Шапиро: «Операция „Лепрехаун“ была принятым методом Деятельности ИРС?»

– «Да, сэр».

Тогда Пикл обратился к Е. Виткусу, который как областной комиссар ИРС в Атланте стоял над Гаррисоном и прочими: «Если дело обстоит так, тогда, по вашему мнению, оправдано проведение операций типа „Лепрехаун“ по всем Соединенным Штатам?»

– «Да, сэр. По моему мнению, мы должны действовать именно так».

Было бы наивно думать, что наскоки Пикла подорвали репутацию ИРС. В дело вступил председатель подкомитета конгрессмен А. Вэник, сосредоточивший внимание на результатах трудов Кармен. Как сказано в книге Д. Уайза, Гаррисон «указал, что до выхода из игры она (Кармен) представляла отличную информацию. „Да, сэр. Великолепные сведения, – говорил Гаррисон председателю подкомитета конгрессмену от штата Огайо А. Вэнику, – она даже вовлекла в дело своего отца“.

Именно такое рвение и приветствует Америка. Поэтому подкомитет Вэника, добрый защитник бюрократии ИРС, не нашел оснований для критики операции «Лепрехаун» или Гаррисона... А у него были, например, два «лояльных агента» – Н. Вега и Р. Новоа... Эта парочка проникла со взломом в помещение республиканского кандидата на выборах в конгресс Э. Эстрелла в ноябре 1972 года.

Вега также рассказал корреспонденту газеты «Геральд» в Майами, что участвовал в подготовке операции с целью вывести из строя автомобиль судьи Эллен Морфиниос. Машина должна была стоять у студии радиокompании ВКАТ, куда судью пригласили для участия в передаче. План состоял в том, чтобы при выходе судьи из студии Вега, предложив этой даме помощь, «очаровал бы ее и сблизился с ней». От плана соблазнения отказались, но наблюдение за домом судьи установили, регистрируя входящих и выходящих.

Судья Морфиниос заявила, что была «потрясена», узнав,

что и она объект операции «Лепрехаун». «Перед нами не что иное, как гитлеризм, фашизм», – прокомментировала она.

Конечно, были расследования всего этого, но очень поверхностные... К декабрю (1975 г.), когда подкомитет Вэника проводил слушания об операции «Лепрехаун», он взял под свое крыло и защитил как систему сыска (ИРС), так и «Гаррисона»³⁵³.

Вэник со своими единомышленниками наверняка гордился тем, что занял позицию, мягко говоря, невмешательства в грязные делишки одного из органов политического сыска в США. Только куда ушло его разрекламированное рвение отстаивать «демократию»? Конгрессмен Вэник, добрейший покровитель сыщиков из ИРС, как известно, соавтор поправки «Джексона – Вэника», которая узаконивала вмешательство во внутренние дела СССР и сорвала введение в дело советско-американского соглашения о торговле. Поправка эта аргументировалась с позиций высшей морали, звучной риторики о правах человека и прочем.

Изменения в налоговую систему при администрации р. Рейгана дают новые льготы богачам и сверхбогачам. Одновременно ИРС бьет тревогу – казна недобирает в год по крайней мере 87 миллиардов долларов налогов. В интервью журналу «Ю. С. Ньюс энд уорлд рипорт» в апреле 1983 года глава ИРС Р. Эггер разбушевался: «мошенничество при уплате налогов растёт», «утаиваются громадные суммы». От

³⁵³ D. Wise. The American Police State, pp. 346 – 351.

обложения, по его словам, укрывается ежегодно доходов на 300 миллиардов долларов. Журнал задал ему вопрос: «По каким же причинам все больше людей прибегают к жульничеству?» Ответ Эггера бесподобен, он, нисколько не таясь, указал, на кого опустится в случае необходимости карающий меч ИРС – «есть сотни причин: отношение к обществу, сложность законов, мнения, что другие не платят справедливую долю, протест по поводу, куда идут деньги налогоплательщиков. Некоторые отказываются платить налоги, ибо часть из них идет на ядерное вооружение, на оборонные нужды и т. д.»³⁵⁴.

Итак, из «сотен причин» умудренный в делах фискального сыска глава ИРС назвал, в сущности, одну – пригрозив вполне реальными санкциями тем, кто осмеливается протестовать против безумной гонки вооружений, развязанной администрацией Р. Рейгана. ИРС, как мы видим, была и остается карательным оружием в первую очередь по политическим мотивам.

4

28 февраля 1973 года. Овальный кабинет Белого дома. Президент Никсон с доверенным советником Дином обсуждают, как погасить разгорающийся скандал вокруг Уотергейта. Они определенно чувствуют себя сиротами: скоро уже

³⁵⁴ U. S. News and World Report, April 11, 1983, p. 54.

год, как скончался 77-летний директор ФБР Э. Гувер. На ленту бесстрастного магнитофона ложатся взволнованные речи:

«Президент: Эдгара Гувера я видел много больше сотни раз. Мы были близкими друзьями.

Дин: А вот печать теперь...

Президент: ... (нецензурная брань) Гувер был моим закадычным другом. Он был ближе ко мне, чем к Джонсону, хотя Джонсон использовал его чаще... (нецензурная брань).

Дин: Хотя о покойном директоре и ходили нехорошие слухи, нам было бы куда легче с Уотергейтом, если бы он был жив. Он знал, как управляться с ФБР.

Президент: Да, Гувер умел работать. Он бы дрался. В этом все дело. Он бы многим задал жару... Он бы напугал их до смерти. У него на каждого было заведено досье».

Но Гувера, служившего семи предшествовавшим президентам, больше не было на свете, свои секреты он унес в могилу. Сразу после смерти Гувера около 35 ящиков с его пресловутыми личными досье перевезли из здания ФБР в дом покойного. Там глубокая старуха Хелен Ганди, секретарь Гувера, служившая ему свыше полустолетия, уничтожила, по ее словам, без остатка всю гору документов. Было проведено служебное расследование силами ФБР, Ганди отрезала: «У меня нет оснований лгать». Пусть некоторые досье представляли исторический интерес, «однако у меня были твердые инструкции».

Дин, весь светившийся желанием выпутаться из тяжело-го положения, предложил Никсону план, показавшийся обо-им необычайно ловким. Продемонстрировать стране, что в США десятилетия процветал политический сыск и, следо-вательно, взломщики штаб-квартиры демократической пар-тии в 1972 году (Уотергейт) шли по хорошо проторенной дороге. Собеседники припомнили, что политические сопер-ники – демократы – в президентства Кеннеди и Джонсона не брезговали ничем, включая подслушивание телефонных разговоров, чтобы выведать секреты республиканцев. Ник-сон и Дин радостно успокоили друг друга – те тоже соверши-ли немало деяний типа Уотергейта. Коль скоро досье Гувера исчезли, Дин предложил использовать У. Салливана, чтобы истина воссияла перед всей страной.

Салливан в 1971 году, до того как Гувер выгнал его из ФБР, был его заместителем, третьим по положению челове-ком в ведомстве, более десяти лет он возглавлял управление разведки ФБР. Теперь Салливан выразил желание поддер-жать администрацию Никсона своими воспоминаниями о ФБР на службе Белого дома вплоть до времен Франклина Д. Рузвельта. «Ты думаешь, Салливан надежен?» – осведомил-ся президент. Дин: «Его выгнали (из ФБР). Он не озлобил-ся, а спокойно ждет, когда представится возможность вер-нуться назад. Он не пытается шантажировать имеющимися у него сведениями, чтобы сделать это. Он производит впечат-ление надежного человека, который хорошо думает об адми-

нистрации и Вас».

Получив «добро» от президента, 13 марта Дин вновь появился в Овальном кабинете.

«Президент: Ну как? Так и не смог ничего сделать, чтобы по моему плану перейти в наступление?

Дин: Напротив, сэр!

Президент: Опираясь на данные Салливана, уже надавал по заднице некоторым?»

Президент торопился, а нужно было еще подумать, как подать информацию.

«Дин: Давайте сделаем так... во время слушаний, а там все поставлено на карту, скажем – Гувер вовсе не был безупречен, он был совершенный... (нецензурная брань). Уничтожит репутацию Гувера этот самый человек – Билл Салливан. Он также вываляет в грязи...

Президент: Некоторых в ФБР!

Дин: Некоторых в ФБР. Заодно бывшего президента. Он выложит все, и тут разразится невероятный скандал... в результате изменится вся атмосфера вокруг Уотергейта.

Президент: Это еще почему?

Дин: Потому что отныне все будут в контексте – в прошлом органы правительства использовались в явных политических целях...

Президент: Зачем Салливан идет на это?

Дин: По принципу – ты мне, я тебе. Он очень хочет вернуться в ФБР.

Президент: Это просто.

Дин: Да.

Президент: Но после его выступления ФБР не захочет взять его назад.

Дин: Наверное, нет. Цель жизни Салливана – создать систему внутреннего сыска в интересах национальной безопасности при Белом доме. Он говорит, что нам ее не хватает. Он говорит, что мы никогда не работали эффективно, потому что Гувер впал в маразм несколько лет назад... Мы можем в конце концов назначить его в ЦРУ или куда-нибудь еще.

Президент: Сделаем!...

Дин: Он скажет все. Он знает!... Он бомба!»

Перед столь радужными перспективами собеседники мигом забыли о том, что совсем недавно боготворили Гувера. А сейчас представился удобнейший случай свалить все грехи на покойника. Вдруг Никсон спохватился:

«Но, Джон, ведь пустить по ветру репутацию ФБР – значит повредить стране.

Дин: Да, ФБР потерпит урон, но все равно пришло время перетрясти и перестроить ФБР. Я не думаю, что ФБР то, за кого оно себя выдает. Убежден – ФБР совсем не то, что о нем думают в стране.

Президент: Нет, конечно.

Дин: Я-то точно знаю: совсем не то».

Наверное, не менее часа они обсуждали наилучший способ, как именно «подать» разоблачения Салливана. От вне-

запного появления в комиссии конгресса отказались – лучше создать предварительную рекламу на пресс-конференции. Снова трудности – Салливан работает в министерстве юстиции. Может быть, отнести разоблачения министру?

Дин: Министр скажет: «Билл, не делай этого, ибо ты погубишь реноме Делоча (предшественник Салливана на посту заместителя директора ФБР. – **Н. Я.**), а Делоч наш друг».

Президент: Дерьмо собачье.

Дин: Я так и думал.

Президент: У нас нет друзей. Помни! Выкинь это из головы»³⁵⁵.

В конечном итоге Салливан написал два меморандума для Дина, которые тот передал в комитет сената, расследовавший Уотергейт. Комитет, естественно, не опубликовал эти документы (об их содержании дальше). Однако способ спасения, избранный Никсоном и Дином, дал толчок цепи событий, приведших впервые в XX веке к тому, что о ФБР заговорили в США как о темной силе и вскрылись, пусть очень неполно, некоторые из дел тайной полиции.

«Разоблачитель» Салливан оказался в дураках, ничего не получив. Оставалось только, как ему представлялось, в духе времени твердить: ФБР – «потенциальная угроза нашим гражданским свободам», и нужно запретить ФБР заниматься политическим сыском. Но если он так думает, спросил Салливана в 1976 году публицист Д. Уайз, то как же он мог деся-

³⁵⁵ The Presidential Transcripts... pp. 50-51, 66, 71 – 73, 77

тилетиями принимать участие в ставших известными омерзительных деяниях ФБР?

«Объяснять нужно часами, – потупился Салливан, – я так привык к мерзости, что послушно выполнял все и помалкивал. Я женат, хотел купить дом с большим участком и растить детей. Да, да. Знаете, Маркс был прав. Экономика определяет очень многое в нашей жизни»³⁵⁶.

Итак, что же такое ФБР?

В 1908 году в рамках министерства юстиции было учреждено Бюро расследований, слово «Федеральное» было добавлено в 1935 году. Юридический статус бюро, определенный конгрессом, был строго ограничен – помогать министерству юстиции в раскрытии уголовных преступлений, направленных против США. В разделе 18 статьи 553-й свода законов США, определяющем функции ФБР как органа дознания, не предусмотрено никаких функций политического сыска. Они были узурпированы руководителями бюро, естественно, при поощрении исполнительной власти.

Уже в годы первой мировой войны на основе информации, собранной бюро, было арестовано 6300 человек, 2 тысячи из которых содержались в заключении без судебных решений. В 1918 году бюро выступило как орган внесудебной расправы, арестовав 50 тысяч человек без ордеров по подозрению в уклонении от военной службы. Данные, собранные им, привели к осуждению 2 тысяч человек за «нелояльные

³⁵⁶ D. Wise. The American Police State, pp. 320 – 321.

высказывания» по закону о шпионаже, принятому тогда конгрессом³⁵⁷.

Острые репрессий было направлено в первую очередь против «радикалов», а с возникновением в 1919 году Компартии США – против коммунистического движения. В борьбе с ним сразу «отличился» специальный помощник министра юстиции Э. Гувер. Выпуская в 1958 году свой главный трактат «Как бороться с коммунизмом», Э. Гувер открыл его извлечением из доклада о Компартии США, подготовленного им в 1919 году для министра юстиции: «Эти доктрины угрожают благополучию людей, безопасности всех и вся. Они уничтожат мир в стране, ввергнут ее в анархию и беззаконие, повлекут за собой неслыханную аморальность». Так думал 24-летний Гувер. В 1958 году в возрасте 62 лет он продолжил: «Ныне, когда я пишу эти строки, мои убеждения 1919 года не поколебались. Коммунизм – главная угроза нашего времени. Сегодня он угрожает самому существованию западной цивилизации»³⁵⁸.

Тогда, во время «великого красного страха», охватившего США, под руководством Гувера были организованы облавы на людей прогрессивных убеждений. В январе 1920 года было арестовано сразу свыше 10 тысяч человек, считавшихся членами компартии. Эти противозаконные репрессии вы-

³⁵⁷ Final Report... Book 3, pp. 378 – 382.

³⁵⁸ E. Hoover. Masters of Deceit. The Story of Communism in America and How to Fight It, N. Y., 1958, p. VI.

звали громадное возмущение в стране, а тем временем революционный подъем в США пошел на убыль. В области политического сыска деятельность бюро стала менее заметной. Но соответствующие досье велись. В 1924 году Э. Гувер был назначен директором Бюро расследований.

В последующие 10 лет с небольшим он, собственно, и создал оглушительную рекламу бюро и его агентам как рыцарям без страха и упрека, ведущим борьбу с организованной преступностью. Любая перестрелка с бандитами широко освещалась, в массовое сознание американцев крепко-накрепко вбили образ сотрудника ФБР – милого и очень опрятного малого с пистолетом, защитника слабых, грозу преступников. Вокруг ФБР возник ореол непогрешимости и даже святости. Иные молодые люди при выборе профессии стояли на распутье, серьезно подумывая, не стать ли агентом ФБР. В начале тридцатых годов подал заявление о приеме на службу в ФБР Р. Никсон, но не подошел. О карьере ФБР мечтал и Д. Форд, о чем президент Форд поведал на торжественном собрании сотрудникам ФБР в 1975 году.

За фасадом войны с уголовной преступностью шла кропотливая работа – ФБР разворачивалось как орган преимущественно политического сыска под благовидным предлогом борьбы с иностранным «шпионажем» в апостольской общине, каковой изображают США с прекрасно оплаченным рвением американские пропагандисты. В этой общине телефон и подслушивание телефонных разговоров были изоб-

ретены почти одновременно. Это неоднократно вызывало скандалы, особенно когда записи разговоров представлялись обвинением в суды в качестве доказательств. Юридические споры доходили до Верховного суда. Наконец в 1934 году закон о федеральной связи (§ 605) категорически запретил подслушивание. Верховный суд в 1937 и 1938 годах безоговорочно поддержал закон. Казалось, ясно, вопрос исчерпан.

Но, указывалось в 1974 году в одном из документов юридического комитета палаты представителей, «несмотря на запрещение законом, министерство юстиции продолжало прибегать к подслушиванию... Это оправдывалось тем, что з 605 не запрещает подслушивание как таковое, а запрещает лишь разглашение подслушанного, а разглашение органам исполнительной власти не является разглашением» в смысле, предусмотренном законом ³⁵⁹. Изощренная казуистика противоречила здравому смыслу и, конечно, не подлежала преданию гласности.

В конечном итоге она только рационализировала в терминах юридической софистики происходившее. Тот же самый Салливан в 1974 году в письме ежегодной конференции американских юристов по адвокатуре, взявшейся за проблему гражданских свобод, изъяснил дело много проще: «Если говорить откровенно, „право на неприкосновенность“ личности никогда не учитывалось при расследованиях. Было со-

³⁵⁹ Committee on the Judiciary House of Representatives. – «Minority Memorandum on Facts and Law», Washington 1974, p 59.

вершенно безразлично, какие технические средства используются. Подход был прагматичен – сработает, получим ли нужные результаты? Права человека иногда отбрасывались в практических интересах. Президент Франклин Д. Рузвельт никогда не ставил препятствий в использовании этих методов»³⁶⁰.

По веским соображениям, все это прекрасно сохранялось в глубокой тайне. Памятуя об острой критике в двадцатые годы – период беззастенчивых действий тайной полиции, – Э. Гувер особо настаивал: подлинная деятельность ФБР должна сохраняться в тайне. Он объяснял в докладной президенту Ф. Рузвельту: «Представляется совершенно обязательным, чтобы система политической разведки ФБР создавалась сугубо секретно, дабы избежать критики или возражений против такого расширения функций (ФБР) со стороны либо плохо информированных, либо лиц, руководствующихся иными мотивами... Посему нецелесообразно принятие специального законодательства, которое привлечет внимание к созданию широкой специальной службы контршпионажа»³⁶¹.

Президент думал в том же направлении. В августе 1936 года он отдал совершенно секретную директиву ФБР следить «за подрывной деятельностью в США, особенно фашист-

³⁶⁰ Privacy in a Free Society. Final Report, Annual Justice Earl Warren Conference on Advocacy in the U. S., June 7 – 8, 1974, Cambridge, p. 94.

³⁶¹ Final Report... Book 3, p. 392.

ской и коммунистической» с тем, чтобы «получить широкую картину движений и их деятельности, затрагивающей экономическую и политическую жизнь страны». Хотя надвигалась война с державами фашистской «оси», в поле зрения политического сыска ФБР оказались главным образом компартия и прогрессивные организации. Гувер предостерегал Рузвельта, что коммунисты могут «парализовать страну», если за ними пойдут крупные профсоюзы, а в них росло влияние компартии. Президент попытался было убедить Гувера, что правительство отнюдь не бессильно. Секретная служба, сказал Рузвельт, «заверила его, что она имеет информаторов во всех коммунистических группах». Директор ФБР продолжал, однако, запугивать президента, вырвав согласие на привлечение к антикоммунистическому сыску и всех органов разведки вооруженных сил ³⁶².

В начале второй мировой войны, 6 сентября 1939 года, Рузвельт публично указал, что отныне все органы поддержания закона и порядка в США обязаны передавать ФБР любую информацию, касающуюся «шпионажа, контршпионажа, саботажа, подрывной деятельности». Эта директива президента, вероятно, единственное публичное признание функций ФБР как политической полиции. Американские исследователи вопроса подчеркивают: «Исторически она является самым важным приказом президента бюро. То было единственное публичное признание в военные годы, что

³⁶² Ibid., pp. 394 – 397.

ФБР уполномочено вести сыскную работу. Приказ основывался только на прерогативах исполнительной власти, и до 1973 года ФБР ссылалось на него, оправдывая свой широкий политический сыск»³⁶³.

Развернулась смертельная борьба между фашизмом и силами демократии, что неизбежно вело и к усилению прогрессивных элементов в странах – противницах держав «оси». Уже в 1939 – 1940 годах было нетрудно предвидеть, что такова будет логика войны, носившей антифашистский, освободительный характер. Правящие круги США, однако, с самого начала стремились предотвратить создание в огне борьбы мощной коалиции сил демократии в стране. Отсюда жесточайшие меры по «упорядочению» политической обстановки в государстве.

Министр юстиции Мэрфи на пресс-конференции по поводу приказа Рузвельта от 6 сентября 1939 года разъяснял: «Мы не допустим смятения, распушенности и безразличия, которые были в стране двадцать лет назад. Мы открыли много новых отделений. ФБР по всей стране. Наши сотрудники хорошо подготовлены... Ваше правительство просит сотрудничать с ним. Передавайте информацию ближайшему местному представителю ФБР»³⁶⁴. Отпор проищим фашистов в США законопослушный американец должен был пол-

³⁶³ M. Halperin, Y. Berman, R. Borosage, Ch. Marwick. *The Lawless State...*, pp. 96 – 97.

³⁶⁴ «The New York Times», September 7, 1939.

ностью передоверить ФБР! То был эффективный путь канализации антифашистских настроений в рамках американской государственности. Тайная полиция тем самым признавалась единоличным держателем антифашистского потенциала в стране.

В 1940 году без большой шумихи принимается закон Смита, а в 1941 году также без громких комментариев закон Вуриса. Оба закона были направлены против «подрывной деятельности», имевшей в виду «свержение силой» системы правления в США. Как отмечал виднейший американский юрист З. Чафи, закон Смита – «самое крутое ограничение свободы слова в США в мирное время»³⁶⁵. Законодательство открывало широкий простор для произвола в чисто классовых целях, маскируя его ссылками на необходимость защиты демократии.

Летом 1940 года министр юстиции Джэксон в специальном юридическом журнале указал на опасность введения понятия «подрывная деятельность», ибо, по его словам, «не существует точных критериев для определения состава преступления „подрывная деятельность“, как, например, для убийства или поджога. Деятельность в интересах рабочих или нуждающихся в помощи может рассматриваться как „подрывная“ лицами, чьи имущественные интересы при этом страдают. Стоящие у власти могут считать „подрывной“ деятельность, направленную на смену администра-

³⁶⁵ Z. Chaffee. Free Speech in the United States, Cambridge 1941, p. 439.

ции»³⁶⁶. Послевоенная история США, когда руководителей Компартии США осуждали и бросали в тюрьму по закону Смита, полностью подтвердила справедливость этого анализа.

В том же 1940 году министерство юстиции получило категорическое указание президента: «Собирать информацию всеми способами подслушивания (телефонных) разговоров или других средств связи лиц, подозреваемых в подрывной деятельности»³⁶⁷. Приказы Франклина Д. Рузвельта имели в своем основании чрезвычайные обстоятельства войны, однако они раз и навсегда были приняты к исполнению ФБР не как персонально исходящие от Рузвельта, а как указание Белого дома независимо оттого, кто занимал его. В то же время ссылки на Рузвельта, крупнейшего государственного деятеля США, освящали отвратительную практику ФБР после войны.

Тенденция эта, уже намеченная в официальной истории ведомства Э. Гувера в самом начале пятидесятых годов³⁶⁸, во всевозрастающей степени пронизывает даже академические сочинения. Профессор Д. Варне, автор одной из лучших биографий Рузвельта, напоминает: президент был инициатором заключения в концентрационные лагеря на вре-

³⁶⁶ R. Jackson. The Federal Prosecutor. «Journal of the American Judicature Society», June 1940, p. 18.

³⁶⁷ Minority Memorandum on Fact and Law..., p. 58.

³⁶⁸ D. Whitehead. The FBI Story. N. Y., 1951.

мя войны всех американцев японского происхождения – 112 тысяч человек. Все они, включая женщин и детей, содержались в нечеловеческих условиях, подвергаясь издевательствам и унижениям со стороны охраны. В начале 1945 года 5766 американцев японского происхождения, находившихся в одном из лагерей, демонстративно отказались от гражданства США.

Причем, как это выяснилось спустя примерно 40 лет, американская военно-морская разведка тогда отлично знала – эти японцы не представляли никакой угрозы «безопасности» США. Командор К. Рингл, отвечавший за безопасность тихоокеанского побережья, докладывал об этом прямо Рузвельту. Докладывал не с потолка, а на основании многих данных, в том числе взлома и проникновения в японское консульство в Лос-Анджелесе еще до начала войны. Когда после Пирл-Харбора развернулась истерическая кампания против лиц этого происхождения, военно-морская разведка обратилась к президенту с просьбой выступить с заявлением от себя или кого-либо из членов правительства о том, что США верят в лояльность этих людей. Среди обоснований в одном из документов от 19 декабря 1941 года указывалось: «Уже пять американцев японского происхождения покончили с собой в Лос-Анджелесе, так как не могли вынести подозрений в своей нелояльности».

Белый дом остался глухим к сообщениям даже тех, кто по долгу службы знал истинное положение. Не тронули прави-

тельство и указания на то, что эта политика омрачит представление о США в мире как о «великой демократии». В другом служебном документе было сказано: «Мы обращаемся с японцами так, как Гитлер обращается с евреями». Сын покойного командора Ригла в 1981 году в большой статье об этом эпизоде сухо откомментировал: «Подлежал высылке как враг общества любой имевший 1/16 японской крови. В нацистской Германии нужно было иметь в два, раза больше еврейской крови, чтобы подпасть под эту категорию»³⁶⁹.

Рузвельт носился с планом заключения в концентрационные лагеря и американцев немецкого происхождения, но их оказалось слишком много – 600 тысяч. Пришлось оставить идею. «Рузвельт, – замечает Варне, – не очень заботился о гражданских правах. Как Джефферсон, в молодые годы он стоял за гражданские свободы вообще, но легко делал исключение... Однажды Эдгар Гувер признался в присутствии министра юстиции, что агент ФБР был пойман в момент установки подслушивающего устройства к телефону левого лидера профсоюза Гарри Бриджеса. Рузвельт покаптался со смеху, похлопал Гувера по спине и весело воскликнул: „Ей-богу, Эдгар, тебя впервые поймали со спущенными штанами“³⁷⁰.

Рецензируя академический труд Д. Леша «Рузвельт и

³⁶⁹ «The Washington Post Magazine», December 6, 1981, pp. 58, 66.

³⁷⁰ J. Burns. Roosevelt: The Soldier of Freedom, 1940 – 1945. N. Y., 1970, pp. 216 – 217.

Черчилль. 1939 – 1941 гг.», увидевший свет в 1976 году, «Нью-Йорк таймс бук ревью» подчеркнул: «Мистера Леша, несмотря на его обоснованное восхищение Рузвельтом, тревожат некоторые аспекты его руководства. Использование президентской власти определенным образом, изворотливость, на которую он был способен... несомненно, служили добрым целям, но эти же методы могут послужить и злу. Леш цитирует высказывание сенатора Фулбрайта, относящееся к 1971 году: „Цели уступали место методам, закон подчинялся политике в напряженной действительной или мнимой обстановке... Изворотливость Ф. Рузвельта ради хорошего дела облегчила Л. Джонсону прибегать к той же изворотливости ради дурного дела“³⁷¹.

Когда Трумэну по вступлении на пост президента ФБР передало, как было принято, записи телефонных разговоров, в том числе близкого советника Рузвельта Т. Коркорана, Трумэн изумился – был записан разговор супруги Коркорана с парикмахером. «Мне плевать, сделает г-жа Коркоран прическу или нет. Что это за дрянь?» «Подслушано, – ответил сотрудник ФБР. „Прекратить! – рявкнул Трумэн. – Скажите там, в ФБР, что у меня нет времени на такое дерьмо“³⁷². Но при Трумэне подслушивание отнюдь не было прекращено, «напротив, министр юстиции Т. Кларк в 1946 году получил „добро“ от Трумэна на проведение новой, расширенной про-

³⁷¹ «The New York Times Book Review», October 24, 1976, p. 13.

³⁷² V. Lasky. Op. cit., p. 162.

граммы в этом отношении»³⁷³. Споры эти несущественны, важно главное – система современного политического сыска ФБР была заложена в США в годы второй мировой войны и с тех пор никогда не демонтировалась.

В послевоенный мир ФБР вступило, вооруженное до зубов. В арсеналах тайной полиции хранились подробные досье и картотеки на лиц и организации, считавшиеся «подрывными» по критериям Гувера. Первое место среди них занимал «индекс безопасности», который велся с 1939 года, – список лиц, подлежавших заключению при введении чрезвычайного положения. Врагом № 1 ФБР признавало коммунистическое движение в США³⁷⁴.

На рубеже антифашистской войны и мира демократические силы в США действительно были на подъеме. ФБР стало тараном для разгрома их. В первое послевоенное десятилетие, действуя в тесном сотрудничестве с комитетом палаты представителей по расследованию антиамериканской деятельности, ФБР обеспечивало позорную работу инквизиторов.

Гувер со своими шпиками подливал масла в огонь антикоммунистической истерии. При подстрекательстве ФБР в президентство Трумэна проверили «лояльность» 6 миллионов 600 тысяч американцев!³⁷⁵ К 1952 году 490 человек бы-

³⁷³ Minority Memorandum on Facts and Law..., p. 60.

³⁷⁴ D. Whitehead. The FBI Story, p. 329.

³⁷⁵ M. Halperin, Y. Berman, R. Borosage, Ch. Marwick, The Lawless State..., p.

ли уволены с работы (но ни одного случая шпионажа, о чем трубило ФБР, установлено не было) ³⁷⁶. Тысячи и тысячи вынужденно ушли с работы, чтобы не проходить унижительную и опасную проверку, в ходе которой ссылки на первую поправку к конституции прямо вели в тюрьму. В 1951 году были осуждены к тюремному заключению за убеждения 11 лидеров Компартии США. В общей сложности в 1949 – 1956 годах в тюрьмы было брошено 104 коммуниста. Прокуратура черпала «факты» из доносов агентов ФБР, которые часто выступали «свидетелями» на сфабрикованных процессах.

То было время маккартизма в США. В ФБР за это десятилетие было заведено 432 000 досье на лиц и организации, отнесенные к «коммунистам» ³⁷⁷. С величайшим восторгом в ФБР встретили закон о внутренней безопасности 1950 года (все коммунисты подлежали регистрации и заключению в случае чрезвычайного положения) и закон о контроле над коммунистами 1954 года, который лишал компартию всех «прав, привилегий и иммунитета, которыми пользуются законные организации в США».

В США срочно построили шесть концентрационных лагерей, а ФБР уже составило списки будущих узников по «индексу безопасности», куда входили и руководители компартии – 11 982 человека, по «коммунистическому индексу»

110.

³⁷⁶ Y. Blum... Loyalty: National Experience..., pp. 752 – 753.

³⁷⁷ Final Report... Book 3, p. 451.

еще 17 783 человека плюс 200 тысяч человек, взятых на учет местными отделениями ФБР ³⁷⁸. Американские карательные органы слов на ветер не бросали – в 1953 году были казнены супруги Розенберги. Гребень исполинской волны маккартизма оседлало среди прочих руководство ФБР, перед взором которого открылись новые горизонты.

В своего рода манифесте ФБР, вышедшем в те годы, книге Д. Уайтхеда все изложение вело к основному выводу: «Высшее командование ФБР нисколько не сомневается, что коммунизм в США может быть уничтожен расследованием, судебным преследованием и осуждением лидеров коммунистической партии... но это только один этап работы, которую нужно выполнить в международном масштабе.

ФБР знает, что куда большая работа ложится на плечи интеллигенции свободного мира – философов, мыслителей, где бы они ни жили, профессоров и ученых, преподавателей и студентов. Все мыслящие, если угодно интеллектуалы, и являются теми, кто может и должен убедить народы, что коммунизм – зло. Мировая интеллигенция должна и сама усмотреть, что коммунизм является смертельным врагом мыслящих и либералов. Интеллигенция должна служить этому делу столь же преданно, как коммунисты служат своему». Спустя несколько лет Э. Гувер, процитировав эти слова, отражавшие коллективную мудрость «командования ФБР», подчеркивал, что они дают «самое точное изложение нашего

³⁷⁸ Ibid., pp. 442 – 447.

дела»³⁷⁹.

Тут-то и вышла осечка. Насаждая нравы полицейского государства, невозможно убедить мыслящих, что ФБР с легионом платных и бесплатных информаторов и есть волна будущего. Прилив маккартизма разбился о здравый смысл и порядочность тех же американцев, мутная волна начала отступать. Во второй половине пятидесятых годов в США с ужасом и отвращением вспоминали о недавнем кошмаре. Да и в Вашингтоне задумались над тем, что натворит выпущенный из бутылки джинн политического сыска и репрессий. О том, что проделали в отношении компартии, власть предрержащие, естественно, не сожалели, их заботила очевидная и явная деформация политической структуры в стране, претендующей на роль мирового лидера.

Психологический климат круто менялся, и с ним изменились методы работы ФБР. Тайная полиция буквально ушла в подполье, дабы не марать больше фасада американской «демократии». В связи с Уотергейтом выяснилось, что она ни на йоту не ослабила усилий в борьбе с прогрессивными силами, действуя, однако, вне рамок американской законности. Коль скоро по политическим причинам больше не представлялось возможным рекламировать охранные функции ФБР, то руководители ведомства решили заменить действия в рамках закона Смита, ослабленного серией решений Верховного суда, «чем-то новым, что должно занять его место».

³⁷⁹ E. Hoover. *Masters of Deceit*, pp. 293 – 294.

В августе 1956 года ФБР приступило к операции «Коинтелпро» (программа контрразведки) – подорвать, дискредитировать и нейтрализовать Компартию США и связанные с ней организации ³⁸⁰. На деле «Коинтелпро» вылилась в наступление на весь спектр организаций и лиц, по тем или иным причинам неугодных правящей администрации и, следовательно, ФБР. Впоследствии ФБР утверждало, что «Коинтелпро» была-де прекращена Гувером 28 апреля 1971 года в связи с разоблачением ее – группа молодежи 8 марта 1971 года похитила документы из местного отделения ФБР в городе Медиа, штат Пенсильвания, и передала их в печать.

Это, конечно, вздор – независимо от названия программ ФБР до и после 1956 – 1971 годов действовало методами «Коинтелпро», просто не именуя их так. Сам термин, вероятнее всего, был введен из чиновничье-бюрократического самолюбования – как-то приятнее брать на вооружение условное название. ФБР всегда чувствует себя на войне. Как Гуверу нравилось именовать себя с ближайшими помощниками «командованием ФБР», так и льстило самолюбию провокаторов, взломщиков и прочих называть свою работу не своим именем, а звучным «Коинтелпро». Произносить четко, раскатисто: Ко-ин-тел-про.

За 15 лет существования программы было одобрено 3247 «грязных штучек» (профессиональный термин!) против организаций и отдельных лиц, из них 2370 проведено в жизнь.

³⁸⁰ Final Report... Book 3, pp. 10 – 11, 3.

Одна из таких «грязных шуточек» покрывала многие тысячи случаев подслушивания телефонных разговоров, а также установки скрытых микрофонов. Статистика ясно показывает, что это делалось до, во время и после «Коинтелпро». Итак, считая по президентствам, подслушивалось телефонов: при Рузвельте – 1369, Трумэне – 2984, Эйзенхауэре – 1574, Кеннеди – 582, Джонсоне – 862, Никсоне – 747, Форде – 121 (для Форда подсчет за первые 10 месяцев 1975 года). Установлено скрытых микрофонов: при Рузвельте – 510, Трумэне – 692, Эйзенхауэре – 616, Кеннеди – 268, Джонсоне – 192, Никсоне – 163, Форде – 24 ³⁸¹. Для установки таких микрофонов агенты ФБР обычно тайком проникали в соответствующие помещения. С учетом этой статистики становится понятным негодование Белого дома при Никсоне – что значит одно проникновение в штаб-квартиру демократической партии, тот самый Уотергейт!

В годы войны против народа Вьетнама в США развернулось мощное движение протеста, в котором играли заметную роль «новые левые», студенческие организации. В рамках программы «Коинтелпро» местные отделения ФБР получают указание руководства в целях подрыва этого движения:

1. Распространять листовки, компрометирующие студентов-демонстрантов, используя при подготовке их, «естественно, самые омерзительные фотографии».

³⁸¹ D. Wise. The American Police State, p. 145.

2. Провоцировать «личные конфликты» между лидерами «новых левых».
3. Создавать впечатление, что эти люди – «информаторы ФБР или других органов поддержания порядка».
4. Рассылать статьи властям университетов, законодателям, родителям, показывающие развращенность «новых левых». «Статьи в пользу употребления наркотиков и беспорядочных сексуальных связей как идеала».
5. Арестовывать по обвинению в употреблении марихуаны.
6. Рассылать родителям, соседям и нанимателям анонимные порочащие письма.
7. Такие же письма властям университетов с подписями: «Озабоченный налогоплательщик».
8. Разъяснять прессе, что «новые левые» – «незначительное меньшинство».
9. Сеять рознь между «новыми левыми» и другими организациями.
10. Закрывать клубы «новых левых» поблизости от военных баз.
11. Использовать карикатуры, фотографии и анонимные письма для высмеивания «новых левых».
12. Распространять среди «новых левых» ложную информацию о том, что отменено то или иное собрание, демонстрация и т. д.

Перечисленные 12 пунктов также всего-навсего одна «грязная штучка». Провокаторы из ФБР организовали беспорядки, с тем чтобы участники их арестовывались. Один провокатор, подготовивший нападение на призывной пункт в Камдене в 1971 году, впоследствии говорил: «Я научил их всему, что знал сам... Как разбивать стекла и открывать окна без шума... Как без ключа открывать двери... Как карабкаться по лестницам и ходить по краю крыши»³⁸³. Девять участников нападения пошли под суд. Агенты ФБР во время демонстраций поджигали автомашины, били стекла и пр., чтобы привести в действие полицию и национальную гвардию. Во время расовых, беспорядков в гетто действовали по крайней мере 7402, «поста сбора информации» ФБР, другими словами, групп информаторов и провокаторов ведомства³⁸⁴. ФБР подстрекало полицию арестовывать инакомыслящих под любым предлогом, обычно обвиняя в уголовном преступлении или правонарушении.

Любой сколько-нибудь видный инакомыслящий становился объектом травли и преследования ФБР. Рушились репутации, люди теряли работу под натиском сосредоточенной кампании грязной клеветы, и даже расстраивались семьи. Стоило известной киноактрисе Джейн Фонда в 1970 году принять участие в протестах против войны во Вьетнаме,

³⁸³ FBI Tipster: Led Draft Board Raid. «The Washington Post», November 19, 1975.

³⁸⁴ Final Report... Book 2, p. 75.

как в голливудские газеты пришла анонимка, состряпанная в ФБР, – Фонда-де на сборище «черных пантер» дирижировала хором, который якобы пел: «Мы приедем Ричарда Никсона и любого... (далее нецензурно), стоящего на нашем пути». Понятно, ничего подобного не было и в помине.

В Сент-Луисе в 1970 году белая женщина активно работала в группе «Экшн», выступавшей за десегрегацию. ФБР немедленно направило ее мужу анонимку, якобы исходившую от негритянок: «Дорогой (имя опущено), Слушай, парень, наверное, твоей бабе мало достается дома, иначе она не путалась бы с нашими черными мужиками, сообразил? Она за интеграцию всего-навсего в постели, а мы, черные сестры, не хотим довольствоваться объедками у наших мужчин. Итак: либо заберись на нее и будь мужиком, либо задай (имя опущено) трепку». Последовал развод³⁸⁵.

Эти и многие другие «подвиги» ФБР на фронте борьбы с инакомыслящими всплыли во время скандалов, связанных с Уотергейтом, и расследований в конгрессе. Конечно, стала известной только ничтожная часть происходившего. Героев «Коинтелпро» пожурили, обругали в газетах. Придали заметной гласности покаяния функционеров типа Салливана, который писал: «Что касается законности, морали или этики, то о них (в ФБР) не заботился ни я, ни другие. На мой взгляд, это говорит – на государственной службе мы были аморальны. Там, конечно, я говорю не обо всех, аморальна

³⁸⁵ D. Wise. *The American Police State*, pp. 316 – 317.

сама атмосфера»³⁸⁶.

Конечно, конечно! – скороговоркой припомнили посвященные. Вот ведь как бывало, и очень давно, причем виноват Гувер. Еще при Рузвельте весельчак министр юстиции Ф. Биддл имел обыкновение, проходя по коридору мимо кабинета Гувера, спрашивать оглушительным голосом любого шедшего с ним рядом: «Как ты думаешь, Гувер гомосексуалист?». Спрошенный приседал от ужаса, а шутник Биддл орал: «Я хочу только сказать – он потенциальный гомосексуалист!» Почти все свое состояние – 551 тысячу долларов – Гувер завещал сердечному другу и заместителю по ФБР К. Толсону, который въехал в его дом и прожил в нем три года до своей смерти в 1975 году³⁸⁷.

Реабилитация ФБР не замедлила. Вот как это происходило. До этих скандалов летописец ФБР Д. Уайтхед в книге под претенциозным названием «История ФБР. Отчет народу» незатейливо писал: «История ФБР в сущности история самой Америки и борьбы за идеал». Во главе ФБР «два холостяка – Гувер и Толсон. Они с годами настолько сблизились, друг с другом, что знающие их говорят – они вместе думают». В предисловии к книге Гувер объявил: «ФБР – в высшей степени гуманная организация, всегда в центре жизни в Америке как духовно, так и физически. Наши агенты всегда рядом с тобой, читатель, как твой телефон. Ты можешь

³⁸⁶ M. Mintz. J. Cohen. Power, Inc., p. 473.

³⁸⁷ D. Wise. The American Police State, pp. 277 – 278, 283.

полагаться на них днем или ночью, в дни отдыха и праздники»³⁸⁸.

Если Д. Уайтхеду потребовалось примерно 350 страниц для рассчитанного на простаков восхваления ФБР, то в 1975 году нанятый новым руководством организации журналист С. Унгар разразился книгой «ФБР» почти в 700 страниц. Под его пером предстало ФБР много сложнее, чем у Д. Уайтхеда, занятое весьма полезным для США делом. А как насчет скандалов? Унгар сокрушался, что Гувер подкачал. Оказалось, что Гувер прикарманил гонорар за книгу «Как бороться с коммунизмом», которая была не им написана. С благословения президента Л. Джонсона продал за большие деньги право на экранизацию ее для телевидения и т. д. «Ясно, – проямлил Унгар, – что сам директор не поднялся до суровых критериев честности, которой он требовал от других. В ФБР сурово наказывали сотрудника, взявшего без разрешения служебный автомобиль на вечер. Как примирить это с тем, что у самого директора было пять бронированных автомобилей стоимостью до 30 тысяч долларов каждый – два в Вашингтоне и по одному в Лос-Анджелесе, Нью Йорке и Майами. Он регулярно использовал их для личных нужд, например, посещения скачек, отпусков с Толсоном. Его отпуски во Флориде или Южной Каролине именовались „инспекционными поездками“, что означало – Гувер раз-другой заедет в местное отделение ФБР пожать руки. Этого было до-

³⁸⁸ D. Whitehead. The FBI Story, pp. 323, 120, 3.

статочно, чтобы отпуска оплачивало государство». Выяснилось, что вместе с Толсоном Гувер пользовался гостеприимством миллионеров: «счет за приемы и угощения на многие тысячи долларов никогда не представлялись Гуверу и Толсону»³⁸⁹. Если еще учесть страсть Гувера получать «подарки», то вывод однозначен – взяточник и казнокрад.

Директор ФБР К. Келли, благословивший книгу Унгара, в 1976 году выступил с речью, в которой признал, в прошлом у ведомства бывали злоупотребления, о которых «искренно сожалеют». Все дело в том, внушал Келли, что Гувер занимал уникальное положение. «Никто не должен служить директором более десяти лет. Ни один директор ФБР не должен закрывать глаза на нарушения свобод народа». Вообще, расфилософствовался Келли, под громы и молнии общественной критики ФБР спустилось с Олимпа. Оказалось, что мы простые смертные, со всеми человеческими недостатками, и мы всегда ими были»³⁹⁰.

Были даны обещания, что отныне ФБР будет соблюдать законы. Уже в 1975 году окружной федеральный судья, например, постановил: пусть ФБР уберет своих информаторов с предстоящего съезда Социалистической рабочей партии. ФБР обжаловало решение в Верховном суде – если выполнить решение, тогда на съезде будут отсутствовать многие

³⁸⁹ S. Ungar. FBI, Boston, 1975, pp. 271 – 273.

³⁹⁰ Kelley Says FBI Is «Truly Sorry» For Past Abuses. «Washington Post», May 9, 1976.

руководители партии, что не пройдет незамеченным ³⁹¹.

Что бы там ни говорил Келли, скалой стоит ФБР. Масивное здание ФБР на Пенсильвания-авеню в Вашингтоне в два раза больше здания министерства юстиции, частью которого оно является. ФБР занимает самое дорогостоящее здание, построенное на государственные средства. Оно обошлось в 126 миллионов долларов. (Пентагон стоит 86 миллионов, а штаб-квартира ЦРУ – 46 миллионов долларов.) Его обширный двор 30 сентября 1975 года идеально подошел для внушительной церемонии, дабы очистить лик Э. Гувера. В тот день там собрались 7000 рудников ФБР и тысячи зрителей. Оркестр морской пехоты грянул недавно написанный «Марш Эдгара Гувера», под его бравурные звуки во двор вступил президент к. Форд. Он шел спортивной походкой, печатая шаг. А почему нет? При жизни Гувера восемь президентов маршировали в такт музыке ФБР. Форд не нарушил традиции, хотя Гувера уже не было в живых.

Обратившись к собравшимся, Дж. Форд восхвалил преданного «государственного деятеля» Эдгара Гувера и воспользовался случаем напомнить: ФБР посвящает свои усилия поддержанию «правления закона в Америке», слова президента собравшиеся выслушали с подобающим вниманием.

А за словами последовали дела, пошло укрепление ФБР по всем линиям. В президентство Картера политический

³⁹¹ M. Halperin, Y. Berman, R. Borosage, Ch. Marwich. The Lawless State..., p. 122.

сыск набирал силы, а с воцарением Р. Рейгана в Белом доме шпики ФБР получили свободу, которой вероятно, никогда не пользовались. Уже в ноябре года директор ФБР потребовал в сенатском комитете полного засекречивания важнейших «расследований», которое ведет ведомство ³⁹². Снова и снова в массовых средствах информации американцев убеждают: скрытность – залог-де грядущих успехов ФБР. В общем, нужно поменьше спрашивать, в ФБР-де знают лучше. А что знают?

В журнале «Пэрейд» в очередной статье о ФБР в феврале 1983 года проскользнуло: «На следующий год ФБР исполнится 75 лет, но до сих пор оно не имеет хартии» ³⁹³. Власть предрержащие в США, разумеется, не заинтересованы хотя бы в формальном определении функций ФБР. По очень понятной причине: в выдающейся «демократии» ничто не должно связывать руки политическому сыску. 7 марта 1983 года министр юстиции У. Смит ввел в действие «новые директивы в ведении расследования ФБР». Отныне поводом для «расследования» может оказаться несогласие со строем, существующим в США, или протест против социальных несправедливостей. На «подозрительного» будет спущена свора тайных агентов и провокаторов ФБР. «Нью-Йорк таймс» без особых эмоций отметила в марте 1983 года в статье под заголовком «Дух Гувера витает над ФБР», что в 1984

³⁹² «The New York Times», November 13, 1981.

³⁹³ «Parade», February 27, 1983, p. 6.

году впервые официальный бюджет ФБР перевалит за миллиард долларов. И еще добавила: «Большинство членов конгресса не хотят антагонизировать ФБР». Как говорит конгрессмен Д. Эдвардс, «ФБР много сильнее всех нас в конгрессе, когда оно чего-нибудь добивается»³⁹⁴. А Эдвардс – председатель подкомитета по гражданским и конституционным правам палаты представителей, которому вверен контроль над ФБР! Вот такая картина – застыли, как кролики перед питоном, избранные представители американского народа!

В апреле 1983 года английский журнал «Экономист» спросил в заголовке статьи «Тяжкие времена возвращаются?» и тут же ответил: «Ряд недавних решений и действий администрации Рейгана заставляет некоторых американцев задуматься, не возвращаются ли прежние старые времена. Ослаблены ограничения на ФБР при расследовании дел, касающихся внутренней безопасности. Почему это сделано именно сейчас, непонятно... Формулировки „новых директив“ очень туманны... В то же время президент Рейган издал исполнительный приказ с целью не допустить разглашения секретных данных. Каждый государственный служащий даст подписку выполнять эти правила и в случае нужды проходить проверку на детекторе лжи... Отныне каждый имеющий доступ к секретной работе должен получать разрешение на каждую публикацию или даже выступление с лекцией в

³⁹⁴ «The New York Times», March 23, 1983.

университете»³⁹⁵.

Все это выглядит в высшей степени мрачно. Торжествуют разве органы американского политического сыска. Директор ФБР Д. Вебстер заявил в одном из недавних интервью: «В наших рядах высоко поднялось чувство гордости. На каждую вакансию агента ФБР мы ежемесячно получаем 500 – 600 заявлений, среди них множество очень способных молодых мужчин и женщин. Какой моральный подъем»³⁹⁶.

5

Узнать правду о Центральном разведывательном управлении – все равно, что «попытаться приколоть булавкой варенье к стене!» – в сердцах воскликнул сенатор У. Мондейл в речи в Денисон-колледж 3 октября 1975 года³⁹⁷. Что ж, мнение просвещенное: в то время Мондейл состоял членом комиссии Ф. Черча. Он знал, о чем говорил. Ведомство, официально созданное для шпионажа за рубежом, давным-давно превратилось также и в сыскное агентство против американцев в самих Соединенных Штатах. Этот факт был одним из наиболее тщательно охранявшихся секретов ЦРУ. Стоило публицистам Д. Уайзу и Т. Россу выпустить книгу

³⁹⁵ «The Economist», April 9, 1983, pp. 40 – 41.

³⁹⁶ «U. S. News and World Report», August 16, 1982, p. 52.

³⁹⁷ M. Mintz, J. Cohen. Power, Inc., p. 490.

«Невидимое правительство»³⁹⁸, разоблачив в ней ЦРУ как именно такое «правительство», как они стали объектом его пристального внимания. Руководство ЦРУ безуспешно пыталось сорвать выход книги, а когда она все же увидела свет, организовало в печати травлю обоих публицистов.

В 1967 году в другой книге тех же авторов указывалось³⁹⁹, что ЦРУ в одном квартале от Белого дома учредило Управление по внутренним делам. Несколько позднее выяснилось, что это управление – лишь одно из полдюжины подобных ведомств ЦРУ, занятых внутренним сыском, и что ЦРУ имеет в США не менее 60 местных отделений.

В начале семидесятых годов журналисты В. Марчетти и Д. Маркс написали книгу «ЦРУ и культ разведки». Когда они представили рукопись на просмотр в ЦРУ, последнее потребовало сделать в ней 339 купюр. Очевидно, подбодренные тогдашними газетными толками о том, что политический сыск в стране великой «демократии» вот-вот выставят к позорному столбу, авторы подали в суд на цензоров ЦРУ. Журналисты уверовали, что после прискорбного зигзага грянет царство закона в Соединенных Штатах. Видимо, эту наивную веру разделял и федеральный судья А. Брайан, который постановил: в книге подлежат исключению только 26 мест, и те с натяжкой он квалифицировал как касающиеся государственных тайн. Американская Фемида, однако,

³⁹⁸ D. Wise, T. Ross. *The Invisible Government*, N. Y.

³⁹⁹ D. Wise, T. Ross. *The Espionage Establishment*, 1967, pp. 144 – 147.

была начеку – апелляционный суд отменил решение Брайана, а Верховный суд США отказал в пересмотре дела. После ожесточенных споров кое-как договорились: 168 купюр, и в таком виде лишь в 1974 году ⁴⁰⁰ книга увидела свет.

Завеса глубокой тайны окутывает дела ЦРУ независимо от уровня принятой там секретности. Молчат обо всем – кровавом, подлом и даже о смешном, граничащем нередко с шизофренией на почве параноидного сыска, чему в немалой мере способствуют нравственные и интеллектуальные качества героев ЦРУ. В торжестве правосудия Марчетти и Маркс усмотрели отнюдь не заботу о сохранении государственных тайн, а стыдливое нежелание ЦРУ стать национальным и мировым посмешищем. В исключенных местах книги описывались, помимо прочего, научно-технические «достижения» ЦРУ. К примеру, светлую голову какого-то стража «демократии» осенила идея вмонтировать в домашних котлов радиопередатчики, а затем дать им «курс» специальной дрессировки. Борцы ЦРУ за свободу слова ликовали. Еще бы! Отныне инакомыслящим спасения нет: уютно устроившийся на коленях диссидента мурлыкающий любимец будет передавать в эфир подрывные высказывания хозяина! Особо доверенные агенты ЦРУ занялись отловом котлов, каковым в засекреченных лабораториях вшивали миниатюрные передатчики с питанием. Хотя слово «кот» было отнесено в разряд секретных, Марчетти не удержался и сказал в интервью жур-

⁴⁰⁰ V. Marchelli and J. Marks. The CIA and the Cult Intelligence. N. Y., 1974.

налу «Харперз», что ЦРУ «хирургическим путем» помещают-де микрофоны в тела «обычных домашних животных».

Возмездие не заставило себя ждать. Судья Брайан получил иск с грифом «Совершенно секретно» – ЦРУ требовало привлечь Марчетти к ответственности. Брайан рассудил, коль скоро термин «кот», составляющий государственную тайну, не фигурировал в интервью, устои республики не поколеблены. «Великая кошачья битва велась в федеральном суде в строжайшей тайне»⁴⁰¹, – саркастически заметил Д. Уайз.

Отбиваясь от прессы, пытаюсь сохранить свое реноме, ЦРУ ссылается на то, что журналисты проявляют-де «опасную» для отечества любознательность. К примеру, в отношении тесного многолетнего сотрудничества с бесславным ведомством Генри Киссинджера. Знаменательными вехами на этом пути была для Генри служба в военной контрразведке в годы второй мировой войны и... работа в Гарвардском университете. С 1951 года Киссинджер был ученым секретарем международных семинаров при Гарвардском университете, через которые за несколько лет пропустили около 600 молодых иностранцев – политиков (впоследствии они сделали примечательные карьеры в своих странах!).

В достаточно популярной биографии Киссинджера, увидевшей свет в США в 1975 году, сказано: «Главная задача семинара заключалась в том, чтобы противодействовать совет-

⁴⁰¹ D. Wise. The American Police State, pp. 196 – 198.

ской пропаганде путем воздействия на молодых политиков и публицистов». Без большого промедления прояснилось: семинары проходят под эгидой ЦРУ. Это, говорится далее в биографии, ужаснуло Киссинджера. «Очень прискорбно, – жаловался он друзьям, – ибо подумают, что и я работаю в ЦРУ». Конечно, он работал. Когда один турок, участник семинара, умер при таинственных обстоятельствах, в его дневнике прочли, что Киссинджер пытался заманить умершего на службу в ЦРУ в качестве «политического наблюдателя». Киссинджер также тщательно выслеживал коммунистов и молодых людей с левыми взглядами. Конечное решение о том, кого допустить к работе в семинаре, выносил Киссинджер.

Та самая прискорбная необходимость побуждала Киссинджера выносить далеко идущие конкретные решения, ведь «молодые интеллектуалы из-за рубежа особенно хотели посмотреть Нью-Йорк, главным образом значные места города – Гринвич-Вилледж, Гарлем, район Бродвея. Генри знал их как свои пять пальцев как по личному опыту, так и по слухам... Генри, несомненно, в совершенстве изучил обитель греха. В его маленькой черной записной книжке были координаты несметного числа ослепительных куколок, блиставших в Гринвич-Вилледж, на Бродвее и с радостью разделявших средства, которые он раздавал им и своим иностранным друзьям. Дядя Сэм во многом один из самых прижимистых нанимателей, но коль скоро речь заходит о раз-

ведке, он становится щедрым, особенно в оплате плотских удовольствий... Один из участников семинара, которого обхаживали в качестве будущего источника информации для ЦРУ, припоминал: „Генри давал невероятные обещания – с какими прелестными девушками он познакомит нас и как весело мы проведем время в Нью-Йорке. Обещания, поверьте мне, оправдывались почти целиком. Да, женщины были прелестны... и нас удовлетворяли вечера, которые Киссинджер устраивал для нас“. Деньги на оплату ночных похождений Киссинджера в Нью-Йорке, конечно, предоставляло ЦРУ, перечислявшее их на счет семинара»⁴⁰².

А как же Киссинджер отчитывался в суммах, истраченных на описанные «высокие цели»? Налогоплательщикам интересно было бы узнать об этом, но... разглашение «сверхсекретных» сведений о некоторых интимных статьях расходов подрывает, по мнению ЦРУ, основы государственного строя США.

В конгрессе есть комитеты, которым по закону вменено контролировать разведку. В классическую эпоху ЦРУ очевидец описал, как руководитель ведомства А. Даллес раздраженно размышлял поутру о предстоящей днем встрече с «контролером», председателем сенатского комитета по делам вооруженных сил Р. Расселом. «Попыхивая трубкой, Даллес размышляет о том, сказать ли сенаторам, что сейчас бесит его. Он только что истратил громадные деньги, со-

⁴⁰² D. Hanna. Kissinger: his rise and? N. Y., 1975, pp. 65 – 66, 70 – 72.

здавая шпионскую сеть, и она оказалась бесплодной. Хуже чем бесполезной... Как неизбежные вопросы, так и ответы мрачны. Наконец Даллес встает и бросает: „Ладно, придется маленько извратить правду“. Его глаза улыбаются, когда он произносит „извратить“, но неожиданно становятся серьезными. Он натягивает старое пальто на сутулую спину и направляется к двери. У двери он поворачивается и произносит: „Я скажу правду Дику (Расселу). Я всегда правдив“. Глаза его снова улыбаются, и со смешком Даллес говорит: „Если Дик захочет ее знать“⁴⁰³.

Конечно, с точки зрения ЦРУ и иже с ним, освещение в печати подобных «операций» своего бывшего руководителя, безусловно, подрывает государственные устои.

Так было всегда. В 1974 году неопытному человеку казалось, что политический сыск в США попал под убийственный огонь критики. Однако «Нью-Йорк таймс» подсчитала, сколько же раз в истекший год собирались подкомитеты конгресса, которым вверено наблюдение за ЦРУ. В комитете по делам вооруженных сил палаты представителей – 6 раз, в аналогичном комитете сената – 2, в сенатском комитете по ассигнованиям – 5 раз, в аналогичном комитете палаты представителей «нет протоколов заседаний». Газета процитировала сенатора Г. Бейкера: «На мой взгляд, среди законодателей нет ни одного, кто по-настоящему знает происходящее в

⁴⁰³ «Saturday Review», August 5, 1975.

сообществе служб разведки»⁴⁰⁴. Расследования конгрессом деятельности ЦРУ проводились, конечно, при величайшей неохоте с обеих сторон. И не будь Уотергейта, едва ли бы вообще этим занялись. Как стало известно, неукоснительно выполняя распоряжение Никсона, ЦРУ снабдило взломщиков штаб-квартиры демократической партии фальшивыми документами, париками, фотоаппаратами и прочим. По приказу Никсона оно пыталось помешать даже скромным потугам ФБР разобраться с Уотергейтом, совсем упустив из виду, что это накалит и без того острое межведомственное соперничество. Идя на поводу у Белого дома, многоопытное ЦРУ готовило себе огромную лужу, в которую и плюхнулось наконец с оглушающим всплеском.

Ниточка, пусть очень тонкая, потянулась и привела к политическому сыску ЦРУ. Кое-что вскрылось. Например, уже в 1952 году ЦРУ поставило под контроль всю переписку американских граждан и организаций с СССР и другими социалистическими странами. Об операции не знали министры почт и юстиции, а из президентов, вероятно, только Л. Джонсон был посвящен в тайну. Очень скоро ЦРУ стало вскрывать и прочитывать письма по собственному выбору, в том числе и не отправлявшиеся за пределы страны. Каковы же были критерии отбора? «Если угодно, в зависимости от вкуса», – безмятежно-издевательски объяснил сенатскому подкомитету один из специалистов ЦРУ. Сенатор Ф. Черч при-

⁴⁰⁴ «The New York Times», December 29, 1974.

шел в понятное бешенство, обнаружив, что вскрывалась его личная переписка. Впрочем, он был в достойной компании: ЦРУ снимало копии с писем Р. Никсона, сенатора Э. Кеннеди и многих других. Их письма в интересах секретности помещались в «особое досье»⁴⁰⁵.

А ведь в свое время Даллес явился в великолепном расположении духа к министру почт в администрации Кеннеди Д. Дею и сказал, что может «раскрыть нечто очень секретное». Дей мигам переспросил: «А я должен знать об этом?» «Нет», – улыбнулся Даллес⁴⁰⁶. Так игриво, полушутя, уходил он от острого вопроса о перлюстрации ЦРУ переписки американцев, охрану тайны которой закон возложил на министерство почт.

В черном кабинете (если припомнить историческое название перлюстрации) ЦРУ отлично понимали, что занялись делами сугубо противозаконными. В служебном документе ЦРУ в 1962 году рассматривался вопрос: что делать в случае разглашения этой тайны? В документе рекомендовалось заблаговременно «найти козла отпущения, которого можно обвинить в незаконном своевольничанье с письмами». В то же время виртуозы подлога требовали избегать в любом случае официальных санкций, ибо «поскольку официальное признание этих нарушений нецелесообразно, а федеральные

⁴⁰⁵ Final Report... Book 3, p. 574, 575 – 576.

⁴⁰⁶ Hearings before the Select Committee to Study Governmental Operations with respect to Intelligence Activities, v. 4, «Mail Opening», p. 45.

законы не допускают, чтобы стряпались законные извинения их нарушений... важно, чтобы все американские органы поддержания порядка и разведки энергично отрицали прямую или косвенную связь с этой деятельностью»⁴⁰⁷. Вот как! Комментарии, как говорится в таких случаях, здесь излишни.

Надо думать, что в ФБР были крайне озадачены, когда, начав в 1958 году собственную программу вскрытия переписки, обнаружили, что ЦРУ обогнало бюро по крайней мере на шесть лет. Но оба органа политического сыска быстро поладили в этой сфере, начав любовный обмен информацией из перехваченной переписки. Двадцать лет в ЦРУ прилежно вскрывали письма – в 1952 – 1973 годах было просмотрено 28 миллионов единиц почтовой корреспонденции, из них с 2 миллионов сняты копии, но так и не обнаружено ни одного случая «шпионажа» против Соединенных Штатов. А какие были надежды!

«В 1976 году глава контрразведки ЦРУ Джеймс Энглтон объяснил, почему, по его мнению, вскрытие писем должно было дать полезную информацию. Русские, – сказал он, – думали, что мы верны конституции и не вскрываем-де писем. В действительности программа вскрытия переписки касалась внутреннего политического сыска... ФБР, оценив важность программы для собственных операций против движения за гражданские права, включило в список „подлежащих наблю-

⁴⁰⁷ Final Report... Book 3, p. 609.

дению“ отдельных лиц и организаций. Позднее ФБР добавило к списку ЦРУ группы, выступавшие за мир... В списке „подлежащих наблюдению“ ЦРУ значились Комитет друзей военнослужащих. Федерация американских ученых, такие писатели, как Эдвард Олби и Джон Стейнбек, конгрессмены и сенаторы, американцы, выезжающие за рубеж, включая члена семьи Рокфеллеров»⁴⁰⁸. Программа якобы была прекращена в 1973 году – министерство почт потребовало от ЦРУ санкции на нее президента. Санкция как будто дана не была: Уотергейт был в разгаре.

В 1967 году президент Л. Джонсон потребовал от ЦРУ доказать любой ценой, что антивоенное движение в Соединенных Штатах направляется из-за рубежа. Логика президента была убийственная – он верил, что законопослушный американец не может протестовать против преступлений бравых вояк, сжигавших напалмом женщин, детей и стариков в Юго-Восточной Азии. ЦРУ уже накопило громадный опыт шпионажа за своими согражданами и безоговорочно принялось искать «иностранные деньги и иностранное влияние» – в антивоенном движении. Президент часто требовал к себе директора ЦРУ Хелмса и осведомлялся, как идут поиски. «Пока ничего не обнаружено», – следовал ответ. «Они должны быть там!» – гневался Джонсон. Под стук президентского кулака по столу Хелмс удалялся.

ЦРУ создало ударные контрразведывательные группы,

⁴⁰⁸ M. Halperin, Y. Berman, R. Borosage, Ch. Marwick. The Lawless State. p. 142.

объединенные для выполнения описанной задачи, что именовалось операцией «Хаос». Руководителем ее стал Р. Обер, уже набивший руку в политическом сыске внутри страны, — он расследовал вместе с ИРС журнал «Рэмпарте», Национальную студенческую ассоциацию и завел порядочное до-сье на американских инакомыслящих. Обер исходил из того, что «президент знает лучше», оставалось собрать доказательства в пользу патриотического озарения Линдона Джонсона, а для этого пошире закинуть мелкочейную сеть политического сыска. Все учреждения ЦРУ получили приказ для начала следить за «радикальными студентами и экс-патриотами из числа американских негров» с тем, чтобы выяснить, как иностранные державы «используют наши внутренние затруднения».

Поиск фантомов истощал силы и умы занимавшихся операцией «Хаос». Собиралось гигантское количество информации о ком и о чем угодно. Некий работник ЦРУ отчетливо действовал подобно «пылесосу», втягивая всяческую грязь. Для систематизации данных использовали специальный компьютер, уместно названный «гидрой». Информация собиралась всеми возможными путями: слежкой, подслушиванием телефонных разговоров, тайным проникновением в частные квартиры и служебные помещения организаций, отнесенных к «диссидентским». Ушел Л. Джонсон, пришел Р. Никсон, а операция «Хаос» продолжалась. Прибегли к помощи провокаторов. Вовлекли в дело ФБР, все подразделе-

ния военной разведки и контрразведки. К лету 1970 года от одного ФБР поступало в среднем до 1000 донесений в месяц. Никаких результатов! Обер неумолимо требовал: собирать «любые материалы независимо от того, какими бы безобидными они ни казались»⁴⁰⁹.

Неслыханное рвение агентуры ЦРУ, вероятно, уже в самом начале семидесятых годов вызвало смутные подозрения внутри США, скорее всего среди журналистов, о незаконной деятельности управления. Директор ЦРУ Хелмс в апреле 1971 года произнес речь перед Американским обществом редакторов газет. Сославшись на закон 1947 года о создании ЦРУ, он с большой горячностью утверждал: «У нас нет таких полномочий и функций, мы никогда их не добивались... Коротко говоря, нашей целью не являются американские граждане»⁴¹⁰. Категорического опровержения для журналистов тогда, вероятно, было достаточно, но работники ЦРУ, занятые безрезультатным сыском в операции «Хаос», начали роптать. Не то чтобы совесть заговорила – уже при поступлении в ЦРУ эту категорию этики отмечают. Случилось другое, о чем доложил по начальству генеральный инспектор ЦРУ, изучавший настроения личного состава в 1972 году: «Наблюдается всеобщая озабоченность тем, что ведется слежка за взглядами и деятельностью американцев, отнюдь не замеченных или заподозренных в шпионаже... Местным отделе-

⁴⁰⁹ Final Report... Book 3, pp. 720, 690, 694, 720.

⁴¹⁰ «U. S. News and World Report», April 26, 1971. p. 29.

ниям вменено в обязанность докладывать о местопребывании и деятельности видных лиц... они не только на виду, но утверждения о том, что они заняты подрывной работой, настолько нелепы, что вдвойне усиливаются сомнения в характере и законности операции „Хаос“⁴¹¹.

Вероятно, у профессиональных разведчиков волосы вставали дыбом, когда ЦРУ установило контакты с иностранными спецслужбами, чтобы и они следили за американскими гражданами в рамках операции «Хаос». Об этом стало известно только в начале 1977 года, когда всяческие расследования конгрессом деятельности ЦРУ были позади. «Вашингтон стар ньюс» разразилась негодующей статьей под заголовком «ЦРУ получало помощь из-за рубежа в слежке за диссидентами»⁴¹². «Нью-Йорк таймс» с большой брезгливостью отозвалась об усилиях ЦРУ на рубеже шестидесятых и семидесятых годов внедрить иностранных агентов в группы диссидентов в США. В одном из документов ЦРУ в этой связи указывалось: «В дополнение к систематическому наблюдению (исключено) в рамках операции „Хаос“ в вашем районе мы особенно заинтересованы в использовании возможностей (исключено) направить одного или нескольких агентов (исключено) службы для изучения за рубежом (то есть не в стране, услугами разведки которой пользовалось ЦРУ. – **Н. Я.**) деятельности «новых левых». Особенно важно использо-

⁴¹¹ Final Report... Book 3, pp. 705 – 706.

⁴¹² «Washington Star News», February 17, 1977.

вать таких агентов в США. Агент, хорошо подготовленный в вопросах доктрин, вероятно, сумеет внедриться в американскую или иностранную организацию, представляющую первостепенный интерес, особенно если он сможет слушать курсы в университетах»⁴¹³.

Работники ЦРУ, видимо, считали, что такое сотрудничество колебало самые основы розыска: по указанию свыше иностранные шпионы приглашались в США! В рамках своей компетенции американская агентура ЦРУ наверняка негодовала, не в силах постичь высшей мудрости руководства. Как в любой профессии, дело есть дело, а в этом случае не только отнимался принадлежавший им по праву кусок хлеба в пользу иностранцев, но вся операция приобретала весьма сомнительный и смехотворный характер. По Вашингтону поползли слухи о том, что ЦРУ, вероятно, превышает свои полномочия.

Еще 7 февраля 1973 года на закрытом заседании комитета конгресса сенатор К. Кейс спросил Хелмса: «До моего сведения довели, что в 1969 или 1970 году Белый дом потребовал от всех разведывательных служб объединить усилия и разузнать все об антивоенном движении. Армейская разведка приняла в этом участие и завела досье на американских граждан. Известно ли вам что-либо о деятельности ЦРУ в этой связи? Участвовало ли в этом ЦРУ?»

Хелмс: Я не помню, просили ли нас об этом, но мы не

⁴¹³ «The New York Times», February 22, 1977.

принимали участия. Для меня это было бы грубым нарушением наших полномочий.

Кейс: Что бы вы сделали в таком случае? Предположите, что вас об этом попросили?

Хелмс: Я бы просто пошел к президенту и объяснил ему, что это нежелательно.

Кейс: На том дело бы и кончилось?

Хелмс: Думаю, что так оно и было бы»⁴¹⁴.

Итак, в 1973 году Хелмс официально опроверг сведения об участии ЦРУ в политическом сыске в США. На том дело пока кончилось. Тут подоспели расследования сверху (откуда совсем недавно следовали идиотски серьезные указания искать!), и в 1974 году операция «Хаос» была свернута, в какой мере, как всегда бывает с ЦРУ, неизвестно. Комиссия Рокфеллера на страницах 130 и 144 своего доклада записала: в ходе этой операции ЦРУ завело подробные досье на 13 тысяч человек – из них на 7 тысяч американцев и на 1000 организаций. В общей сложности в поле зрения ЦРУ в этой связи оказалось свыше 300 тысяч американских граждан, данные слежки о которых поглотила «гидра»! Операция «Хаос», безусловно, выдающийся пример разбазаривания государственных средств, оскорбления правительственного мундира, и, по-видимому, осознание этого – увы! – реального положения, а не соображения этики в какой-то мере

⁴¹⁴ V. Marchetti, J. Marcks. The CIA and the Cult of Intelligence, p. 227. 1964. N. Y.,

подтолкнуло законодателей попытаться заглянуть за кулисы политического сыска ЦРУ.

Теперь факт участия ЦРУ в этом деле и страстное желание его руководства замести следы сомнений не вызывали. В распоряжении комиссии Рокфеллера был, например, удивительный документ – обширный доклад ЦРУ государственному секретарю Г. Киссинджеру «Беспокойная молодежь», в котором обобщались данные шпионов и провокаторов управления о студенческих организациях. В сопроводительном письме к докладу Хелмс предупреждал: «Речь идет о сфере, не входящей в компетенцию ЦРУ, поэтому мне нет необходимости особо подчеркивать деликатный характер документа. Если кто-нибудь узнает о его существовании, сложится крайне затруднительное положение для всех имеющих касательство к нему»⁴¹⁵. Генеральный советник ЦРУ Л. Хьюстон в одном из служебных документов подчеркивал: ЦРУ должно брать на себя инициативу разработки тайных операций, «ибо обычные люди как в правительственном аппарате, так и вокруг него мыслят нормальными категориями»⁴¹⁶.

Суждения эти интриговали подданных США рассчитанно-оскорбительным тоном в отношении всех, не имевших

⁴¹⁵ Commission on CIA Activities within the United States. Report to the President. Washington, 1975, p. 134.

⁴¹⁶ Interim Report... – «Alleged Assassination Plots Involving Foreign Leaders», Washington, 1976, p. 9.

чести принадлежать к великому воинству ЦРУ. В начале 1975 года Хелмса пригласили в сенатский комитет по иностранным делам, где злопамятный сенатор Кейс напомнил (теперь американскому послу в Иране) о диалоге двухлетней давности. Зачитав его, Кейс попросил объяснений, ибо тогда ответы Хелмса «были по крайней мере неискренни». С большой важностью Хелмс заявил: «Я хочу рассказать, чем руководствовался все шесть с половиной лет пребывания на посту директора ЦРУ. Тогда я принял решение никогда не лгать любому комитету конгресса, я должен быть правдив на любых слушаниях». Засим Хелмс на деле показал свою искренность:

«Когда меня спрашивали тогда, мне хотелось исправить ваше представление, будто мы (в ЦРУ) действовали подобно армейской разведке, и я имел в виду следующую часть вопроса: „армейская разведка приняла в этом участие и завела досье на американских граждан“. Я стремился исправить ваше представление, будто бы ЦРУ занималось тем же.

Поверьте мне, первая часть вопроса просто испарилась из моей памяти, подавленная желанием показать, что мы не делали скандальных вещей, как-то снимать фото с протестовавших против войны, инакомыслящих и всякие другие штуки.

Теперь я должен сказать: вы привлекли мое внимание к 1969 или 1970 году, когда Белый дом попросил разведывательные органы вступить в дело. Я действительно не дал от-

вета, и в этом, должен признаться, вы правы.

Сэр, когда я говорил в 1973 году об этом, я совершенно забыл о предложениях Хьюстона⁴¹⁷. То был очень короткий эпизод, хотя и был написан доклад. План не был утвержден. Мы продолжали вести дела, как прежде, и только позднее, когда сенатор Саймингтон во время слушаний по Уотергейту

⁴¹⁷ 23 июля 1970 года честолюбивый 29-летний помощник президента Никсона Т. Хьюстон, успевший, несмотря на свою молодость, затмить многих реакционеров «со стажем», составил план борьбы на внутреннем фронте. Он предложил издать приказ президента, санкционирующий давно практиковавшиеся в ФБР, ЦРУ и Других органах методы политического сыска – провокации, слежку, незаконное проникновение в жилища, перехват почты и т. д. Представители заинтересованных ведомств, ознакомленные Хьюстоном с проектом приказа президента, не возражали. В докладной президенту Хьюстон расхваливал свой план в лучших традициях полицейской лирики: «Использование этих методов, конечно, незаконно, равносильно, скажем, взлому. Они в высшей степени рискованные и могут создать весьма затруднительное положение в случае обнаружения. Однако они наиболее результативны и могут дать сведения, которые нельзя добыть другими путями. В молодости Гувера ФБР с большим успехом практиковало такие операции и избежало разоблачений» Особенно результативны взломы в иностранных посольствах. «Мы тратили, – писал Т. Хьюстон, – миллионы долларов на раскрытие (иностраных) кодов с помощью машин. Один успешный взлом бесплатно разрешит задачу». В своем рвении Хьюстон не учел или не знал, что все его рекомендации – повседневная практика органов политического сыска в США, включая взломы в посольствах Никсон одобрил план, однако, через пять дней частично отменил его по требованию Гувера. Прожженный политикан, многолетний бессменный штурман сыскного ведомства, изъявил «готовность выполнять указания Белого дома», но одновременно указал дилетантам, что нельзя о многом говорить вслух: «план Хьюстона» зафиксировал бы на бумаге практику, существующую длительное время. Естественно, что ФБР, ЦРУ и К° после отмены «плана Хьюстона» продолжали работать упомянутыми в нем методами (Final Report Book 3, pp. 365 – 366

взял и раскопал «план Хьюстона», я вспомнил о нем.

Сейчас я честен до конца, я просто забыл о нем. Но, сенатор Кейс, если бы вы имели в виду доклад Хьюстона, вы могли бы сказать мне тогда – вы не ответили на первую часть вопроса. Что это за доклад Хьюстона?

Сенатор Кейс: Счастлив ответить вам, и вы заслуживаете ответа. Об этом плане тогда я ничего не знал. Я основывался на общих утверждениях и хотел дать вам возможность ответить. Мне никак не могло прийти в голову, что вы отвечаете только на часть, причем небольшую, вопроса, а не на весь вопрос и не хотите быть откровенным, – это и беспокоит меня.

Хелмс: Сэр, некоторые вопросы очень затрагивают директора ЦРУ, и один из них – то, что он шпионил за американцами. Когда это и было поставлено в вашем вопросе, я полностью сосредоточился на этом, что представлялось мне самым важным, и поэтому, готов принести присягу, я и не ответил о Хьюстоне».

В таком духе Хелмс более двух часов морочил голову десяти сенаторам – членам комитета, собравшимся специально на встречу только с ним. Словесная эквилибристика бывшего директора ЦРУ вызвала горячее желание у сенатора Саймингтона засвидетельствовать свою лояльность, и он поторопился загладить свой поступок – легкомысленную находку плана Хьюстона. Сенатор, во-первых, отказался от того, что сам обнаружил план, – это сделал... «один юрист, который больше не работает в комитете», – а затем, продолжил Сай-

мингтон, «мы разыскали Хьюстона, поговорили с ним и записали его показания. Мы слышали немало критики в адрес м-ра Гувера, Эдгара Гувера, но никто не превзошел Хьюстона. Представьте только, что он написал в одном месте: „Я слышал возражение м-ра Гувера против плана, они всего-навсего куча...“ Не будешь повторять, что значилось в отточиях. Вот ведь какие люди были тогда»⁴¹⁸.

Подпираемый сенаторами, знающими службу, Хелмс ушел из комитета со щитом, но в историю-то вошла как операция «Хаос», так и ложь экс-директора ЦРУ. Под руководством Хелмса, как и других директоров, ЦРУ, конечно, нагло попирало законы.

В комиссии Черча отставной начальник контрразведки ЦРУ Энглтон не смог подняться до высот Хелмса. Бившая в глаза глупость Энглтона или осознание сенаторами того, что с ним дозволено больше, чем с Хелмсом, в который раз позволили выставить ЦРУ у дозорного столба. Собственно, началось с того, что Энглтон щеголял военной терминологией, называл президента главнокомандующим. Дело обычное среди чиновного люда стран, никогда всерьез не воевавших. Снова зашел разговор о «плане Хьюстона». Энглтон безмятежно подтвердил, что, хотя план просуществовал пять дней, вскрытие писем американских граждан ЦРУ как шло до него, так и продолжалось после, а Никсону сказа-

⁴¹⁸ CIA Foreign and Domestic Activities. Hearings before the Committee on Foreign Relations. U. S. Senate. Washington, 1975, pp. 14 – 19

ли-де, что этого больше нет. Сенатор Черч рассердился:

«Вы именовали президента главнокомандующим, так какие же были у вас основания представлять ему в ложном свете столь важное дело?»

Энглтон: Вы хорошо поставили вопрос... У меня нет на него убедительного ответа.

Черч: Тот факт, что незаконные операции проводить теми самыми ведомствами, которым мы доверяем поддержание закона, делал вдвойне обязательным информирование об этом президента, не так ли?... Ведь, по вашим словам, долг ЦРУ информировать президента?

Энглтон: Я не оспариваю этого.

Черч: Он не только не был информирован... его дезинформировали. Больше того, когда через пять дней он пересмотрел свой приказ о вскрытии переписки и отменил его, то ЦРУ не обратило на это ни малейшего внимания главнокомандующего?

Энглтон: Не могу ответить.

Черч: Да, конечно, ответить нельзя... Итак, главнокомандующий вовсе не главнокомандующий... Вы игнорируете его. И еще называете главнокомандующим! У меня нет больше вопросов»⁴¹⁹.

Сенатор гневался совершенно напрасно. У ЦРУ свои критерии. С точки зрения Энглтона, иных и быть не может. Когда к нему подступили в другой раз с требованием разъяс-

⁴¹⁹ Цит. по: D. Wise. The American Police State, p. 208 – 209.

нить, почему законы США необязательны для ЦРУ, он отпарировал: «Нельзя, чтобы тайные правительственные службы считались с публичными распоряжениями правительства»⁴²⁰. Вот так! Некий работник ЦРУ свидетельствовал в комитете конгресса: «Не думайте, что можно найти в бумагах обоснование для всех акций ЦРУ или другого ведомства. Многое делается во исполнение устных приказов»⁴²¹.

Стоило прийти к власти администрации Р. Рейгана как все эти опоры ушли в прошлое. Исполнительным приказом президента 4 декабря 1981 года были не только признаны, но много расширены возможности для политического сыска ЦРУ внутри страны. Конечно, появились ритуальные протесты, кое-что написали в газетах. А результат? ЦРУ снова имеет право, санкционированное президентом, шпионить за американцами, устраивать провокации, вскрывать письма и т. д.

В январе 1983 года «Нью-Йорк таймс мэгэзин» в большой статье о ЦРУ спокойно перечислил эти «новинки» подчеркнув – ведомство снова на подъеме: «поскольку расходы на разведку держатся в тайне, немногие знак» что в то время как администрация Рейгана заставляя большинство правительственных ведомств экономить, ЦРУ и другие разведывательные организации переживают бум. Даже военное ведомство, получающее все больше средств далеко отстает в

⁴²⁰ «The Washington Post», October 23, 1975.

⁴²¹ Alleged Assassination Plots..., p. 11.

процентах роста расходов на свои нужды. Правда, по темпам увеличения расходов военные органы разведки идут почти рядом с ЦРУ. Ассигнования на разведку в целом, включая ЦРУ, замаскированы бюджете министерства обороны... Эксперты по бюджету считают, что по увеличению расходов ЦРУ занимает первое место среди основных правительственных ведомств». Запомним, первое!

Привилегированное положение ЦРУ в США объясняет буквально поток заявлений от молодых американцев с просьбой принять на работу. В 1982 году было взято 1500 человек, а число пытавшихся трудоустроиться в ЦРУ в том году 250 000 человек! ⁴²² Рвутся прославить себя в рядах ЦРУ. Как?

«В районе, изобилующем памятниками национальным героям, – писала в апреле 1983 года „Нью-Йорк таймс“, – один из самых мрачных и загадочных – мраморная плита на северной стене при входе в штаб-квартиру ЦРУ в Лэнгли. На ней 38 пятиконечных звездочек, каждая в память офицеров ЦРУ, убитых при исполнении служебных обязанностей с 1950 года... 17 из этих 38 увековечены только звездочками. Они были тайными агентами и, как сказано в публикации ЦРУ, „имена некоторых из этих преданных американцев никогда не будут названы“ ⁴²³.

Как видим, в рейгановских США кандидатов получить

⁴²² «The New York Times Magazine», January 16, 1983, p. 21.

⁴²³ «The New York Times», April 22, 1983.

указанную звездочку хоть отбавляй...

6

Описанными ведомствами плаща и кинжала американская система тайной полиции не исчерпывается. ЦРУ и ФБР опираются на громадную сыскную организацию, которая имеет мощную научно-техническую базу и существует независимо от них – Агентство национальной безопасности.

35 тысяч служащих. Еще 80 тысяч офицеров, солдат и гражданских служащих в подразделениях армии, ВМС и ВВС, сложнейшие системы связи, радиоперехвата, бесчисленные установки для шифровки и дешифровки. Затраты на все это по линии вооруженных сил на середину семидесятых – 14 миллиардов долларов в год ⁴²⁴. Очень приблизительный подсчет, ибо бюджет АНБ не сообщается конгрессу ⁴²⁵. Таковы очень условные параметры деятельности АНБ, во главе которого стоят военные.

Весьма влиятельный в США публицист Г. Солсбери заметил в 1980 году: «Едва ли один из 10000 американцев слышал название этого ведомства» ⁴²⁶.

«Предтеча» этого сверхтайного Агентства национальной

⁴²⁴ D. Kahn. Big Ear or Big Brother. «The New York Times Magazine», May 16, 1976 p. 31.

⁴²⁵ «The Washington Post», March 28, 1983.

⁴²⁶ «Penthouse», February 1980, p. 114.

безопасности ⁴²⁷ – ведомство, возникшее в годы второй мировой войны для обслуживания нужд вооруженных сил. С ее окончанием система его была перестроена для ведения «холодной войны». Уже с августа 1945 года начинается осуществление программы «Шамрок» – операции по обеспечению контроля над всеми телеграммами и радиограммами американских граждан, исходящими из США. Правительственные органы потребовали от всех трех американских компаний – РКА, ИТТ и «Вестерн Юнион» – доступа к этой переписке.

Юрисконсульты компаний заключили, что требование, противоречащее закону о федеральной связи 1934 года, незаконно. Однако компании получили заверение от правительства, что их никогда не привлекут к уголовной ответственности. Последнее такое заверение было дано в 1949 году. С тех пор правления компаний не интересовались, зачем установлено наблюдение над всей идущей через них перепиской.

В 1952 году президент Трумэн секретным приказом, текст которого никогда не был предан гласности, узаконил Агентство национальной безопасности – исполнинскую систему шпионажа с применением технических средств. Помимо прямых обязанностей по линии министерства обороны, оно выполняет задания правительства, ЦРУ, ФБР, ИРС и других ведомств, собирая и представляя надлежащую информацию.

⁴²⁷ Y. Bamford. The Puzzle Palace. Boston, 1983, p. 65.

В официальном отчете в 1980 году указывалось, что АНБ выдает в год от 50 до 100 миллионов документов. Подсчитали их вес, оказалось, в среднем 40 тонн бумаги ежедневно, 200 тонн в неделю! Конечно, с каждым годом все больше собранной информации вводится в исполинские компьютеры, но все равно – по оценке правительственной статистики, АНБ готовит больше секретных документов, чем все остальные центральные государственные ведомства, вместе взятые⁴²⁸.

Хотя центр усилий АНБ лежит вне США – пункты подслушивания разбросаны по всему миру, агентство никогда не было в стороне от политического сыска внутри США. Например, с конца шестидесятых годов АНБ включилось в слежку за инакомыслящими в США. В рамках АНБ стала осуществляться программа поиска «Минарет». В месяц перехватывалось в среднем до 150 тысяч телеграфных и радиоотправлений американских граждан⁴²⁹. АНБ завело собственные списки лиц и организаций, подлежащих наблюдению, куда в первую очередь заносились борцы за гражданские права и противники войны во Вьетнаме. В 1969 – 1973 годах АНБ передало ЦРУ, ФБР и военной разведке около 2 тысяч докладов об американских гражданах⁴³⁰.

Расследования конгрессом в 1975 – 1976 годах органов

⁴²⁸ Y. Bamford. *The Puzzle Palace*. Boston, 1983, p. 65.

⁴²⁹ *Final Report...* Book 3, p. 750.

⁴³⁰ *Final Report...* Book 3, p. 739.

политического сыска затронули АНБ только по касательной. Утверждалось, что программы «Шамрок» и «Минарет» свернуты, но любые попытки установить, в какой мере незаконна нынешняя деятельность АНБ, были пресечены. Когда «Нью-Йорк таймс», например, со ссылкой на «бывшего государственного служащего» сообщила было, что президенты Никсон и Джонсон получали доклады от АНБ о деятельности видных американцев за рубежом ⁴³¹, представитель агентства отказался прокомментировать сообщение. Правительство не допустило даже ограниченных расследований типа проведенных в отношении ФБР и ЦРУ. Попытки некоторых наивных вчинить иски АНБ за ее участие в операции «Хаос» закончились ничем: в США АНБ неподсудно.

Американский публицист Дж. Бэмфорд в середине 1983 года выпустил книгу «Дворец загадок», в сущности, первое исследование об АНБ. Он совершенно справедливо заметил: «Даже в шестидесятые и начале семидесятых годов, отмеченных протестами, лишь немногие демонстранты слышали об АНБ, не говоря уже о том, где протестовать против этого ведомства. Единственная „конфронтация“ с АНБ за всю его историю, единственное исключение из этого правила имело место 22 марта 1974 года. Ветеран движения протеста, бывший католический священник Берриган вместе с женой возглавили крошечную антивоенную демонстрацию, в которой приняли участие 21 человек. Группа пришла к главным во-

⁴³¹ «The New York Times», October 11, 1975.

ротам АНБ, вылила галлон человеческой крови на деревянный крест, тем самым осудив „американскую военную машину. Через минут и после трех арестов все было кончено – демонстрантов гнали назад. Дворец загадок, наконец, вступил в мимолетное столкновение с внешним миром“⁴³².

Демонстрантов гнали от ворот Форт Мит, населенного пункта, расположенного на полпути между Вашингтоном и Балтиморой. В Форт Мит и находится «столица» АНБ. Постоянное население местечка, окруженного колючей проволокой под током, 3500 человек. Ночью! Днем, когда съезжаются работники АНБ, в нем работает больше 50 000 человек. Говоря об АНБ, сенатор Черч сокрушался: «Правительство США усовершенствовало технические средства, которые позволяют следить за всем происходящим в эфире... Они в любой момент могут быть обращены против американского народа. Личная жизнь любого американца в этом случае не будет существовать, таковы возможности следить за всем – телефонными разговорами или телеграммами. Деваться некуда»⁴³³. В заключительном докладе комиссия Черча в академическом духе записала: «Невиданные технические возможности (АНБ) ставят на повестку дня ряд самых важных вопросов, касающихся индивидуальных свобод. Техника космической эры обогнала закон. Тайна, окружающая большую часть деятельности АНБ, и отсутствие контро-

⁴³² Y. Bamford, *op. cit.*, pp. 122. 56.

⁴³³ «The Washington Post», August 18, 1975.

ля со стороны конгресса не давали возможности в прошлом приводить законы в соответствие с возможностями АНБ»⁴³⁴.

В начале восьмидесятых специальный комитет Американского Совета по Образованию (объединяет 1400 колледжей и университетов) рекомендовал все изобретения в областях, связанных с работой АНБ, прежде всего представлять в это ведомство, а только затем публиковать. АНБ начинает поистине внушать страх. Как заметил и особо выделил Дж. Бэмфорд, популяризируя свою книгу об АНБ: «Нет никаких законов, определяющих функции АНБ. Ни один комитет в конгрессе не проверяет бюджет АНБ. Расходуя неизвестное количество миллиардов долларов, АНБ закупает самые сложные системы связи и компьютеры в мире. Но чтобы понять растущее проникновение этого ужасающего ведомства, необходимо помнить, как компьютеры (а они и составляют основу мощи АНБ) также постепенно изменяют и жизнь американцев – как они обращаются с деньгами, как они получают средства от государства, связываются с семьей и друзьями. Буквально ежедневно частные компании, равно как обеспечивающие национальную безопасность, вводят почти в все сферы культуры и деловой деятельности системы, которые облегчают АНБ поставить под господство все американское общество, если будет принято решение о этом»⁴³⁵.

В 1975 году, когда подводились итоги работы комиссии

⁴³⁴ Final Report... Book 3, p. 764.

⁴³⁵ «The New York Times Magazine», March 1983, p. 70.

Черча, сенатор выступил по радио для массовой аудитории. Под свежим впечатлением о работе комиссии, которой было практически отказано взглянуть на дела АНБ, Черч сказал: «Если у нас будет установлена тирания, если диктатор возглавит США, технологические возможности разведывательного сообщества, находящиеся в распоряжении правительства, дадут ему возможность осуществить полнейшую тиранию. И не будет решительно никаких шансов оказать ей сопротивление, ибо правящие заранее узнают о любых попытках организовать отпор, как бы тщательно и втайне они ни готовились... Я не хочу, чтобы наша страна перешла роковой мост. Я знаю – есть все возможности для установления полнейшей тирании в Америке. Мы должны позаботиться о том, чтобы АНБ и другие ведомства, имеющие сходную технологию, действовали в рамках закона и под надлежащим контролем, дабы мы не пересекли бы эту пропасть. Пропасть, из которой нет возврата»⁴³⁶.

Коль скоро сенатор так просил не переходить «роковой мост», его не взяли с собой. Его просто не переизбрали больше в сенат. А в отношении АНБ все осталось по-старому, несмотря на пламенные внушения Черча и некоторых других, никаких законов, определяющих деятельность ведомства, принято не было.

⁴³⁶ Y. Vamford, *op. cit.*, p. 379.

Органы американского политического сыска продолжают свое дело, уверенные в своей правоте охранителей устоев. Но все же сколько их?

Прежде всего – как считать и что считать. Допустим, что некто взялся пересчитать звезды в ночном небе и пришел к какой-то цифре. Одно количество их видно невооруженным глазом, а при подсчете в телескоп? Различие в итогах будет разительным. Равным образом «вооруженным» глазом, т. е. располагая надлежащей информацией, можно довольно точно исчислить американские шпионские легионы. Такой информации, по понятным причинам, нет, она засекречена. Приходится поэтому, обозревая видимую часть айсберга политического сыска в США, определять размеры того, что скрыто от взора.

Итак: мы разобрали в самом общем виде специализированные органы политического сыска – военную разведку, ИРС, ФБР, ЦРУ, АНБ. Но ведь существует полиция, да, обычная полиция, которая также вовлечена в политический сыск. Попробуйте определите, сколько людей в полиции США заняты этим! Общим ориентиром может быть цифра – 40 000 учреждений в США отнесены к органам поддержания «закона и порядка». Или секретная служба – 2500 сотрудников, которым вверено обеспечение безопасно-

сти высших должностных лиц республики. Из них, по официальным данным, около 1000 заняты «расследованиями»⁴³⁷.

Молодые американцы, занявшиеся изучением документов, захваченных в местном отделении ФБР в городе Медиа (штат Пенсильвания) в марте 1971 года, пришли к выводу, что, помимо перечисленных нами организаций, еще 15 государственных ведомств входят в систему американского политического сыска внутри страны. Среди них: комиссия гражданской службы, управление экономических возможностей, бюро паспортов и т. д.⁴³⁸ А бесконечные службы частных организаций!

Считать и не пересчитать, но лучше прибегнуть к сравнению, сделанному людьми, безусловно, знающими.

К. Осборн и А. Россо, в прошлом работники спецслужб, возмущенные разгулом тайной полиции, свою небольшую брошюру «ЦРУ и Вы: разведывательное сообщество во внутренних делах США» открыли следующими словами: «В США активно работает больше людей в разведывательном сообществе, чем в сельском хозяйстве. На их оплату тратится больше, чем на угольную промышленность»⁴³⁹.

⁴³⁷ Hearings before a Subcommittee of the Committee on Appropriations. Departments of Treasury, Post Office and Executive Office, Appropriations for 1971, U. S. Congress, House, Washington, 1971, pt. 2, pp. 840, 949.

⁴³⁸ P. Cowan, N. Engleson, N. Hentoff. State Secrets. Police Surveillance in America. N. Y., 1947, pp. 6 – 7.

⁴³⁹ Цит. по: Subversion of Law Enforcement Intelligence Gathering Operations.

Сравнение куда более емкое, чем представляется на первый взгляд. Если бы строй, существующий в США, крепко стоял на ногах, то разве потребовался бы столь мощный аппарат политического сыска? Не очень крепки сами устои, коль скоро, чтобы подпереть их, нужно больше людей, чем для того, чтобы прокормить страну.

В борьбе с собственным народом

1

Почта разносит по Соединенным Штатам скорбные листки с текстом, напечатанным на ротаторе, – обращения, начинающиеся призывом «Дорогой друг». То вестники горя. Бесчисленные отдельные американцы или группы просят о поддержке – прислать деньги для защиты попранных прав человека. Пишут семьи убитых или томящихся в тюрьмах, пишут сами узники. Отправители верят в американскую законность и, как учит конституция, отстаивают ее в суде, а для этого нужны деньги и деньги. Немалые.

Вот душераздирающее письмо, открывающееся безличным обращением: «Вам – последней надежде на справедливость в Кенте». Пишет в 1977 году мать студентки Аллисон Краузе, убитой национальными гвардейцами 4 мая 1970 года у университета в Кенте, в штате Огайо. Мать снова возвращается к тому, что произошло в тот страшный весенний день. После речи Никсона о вторжении американских войск в Камбоджу студенты университета устроили демонстрацию протеста. Власти вызвали национальную гвардию, которая открыла огонь по демонстрантам.

«Прошло семь длинных и мучительных лет с тех пор,

как 4 мая 1970 года моя дочь Аллисон и трое других студентов пали под ружейным огнем у университета в Кенте. Еще 13 человек ранено, один из них остался инвалидом на всю жизнь. Сегодня, в 1977 году, семьи убитых и раненых все еще борются за то, чтобы восторжествовала правда и была установлена ответственность губернатора Родса, генерал-адъютанта штата, и солдат за „беспорядочную стрельбу“. „Беспорядочная стрельба“ не мои слова, я бы избрала более сильные выражения, а слова генерал-адъютанта Сильвестра Корсо, который 16 раз повторил перед большим жюри, что солдаты неоправданно стреляли в толпу».

Как водится в Соединенных Штатах, были проведены расследования. Специальная комиссия Скрэнтона определила число демонстрантов в 2 тысячи человек, но не нашла, что демонстрация была специально организована или что против солдат применяли огнестрельное оружие. Официальные расследования доказывали, однако, что демонстранты бросали в солдат ветви деревьев, доски и камни, каковых оказалось 340, весом до трех килограммов. Убийцы с постными физиономиями свидетельствовали, что они-де оборонялись. Только...

«Дин Калер, – пишет Краузе, – был в 100 метрах от солдат, когда услышал первый выстрел и бросился на землю. Пуля, парализовавшая его на всю жизнь, настигла его, когда он лежал. Билл Шредер был убит в 110 метрах от солдат. Джеф Миллер убит в 110 метрах от солдат. Моя дочь Аллисон бы-

ла на расстоянии 120 метров, куда больше, чем футбольное поле, когда ее сразила пуля. А Сэди Шейер убита еще дальше – в 130 метрах! Солдаты еще осмеливались говорить о самозащите!!! „Бравые“ воины, естественно, не получили и царапины».

Пять лет добивались правосудия. Суд состоялся только в 1975 году. Обвинялось 30 человек – солдаты, служащие университета и властей штатов, включая губернатора. Три с половиной месяца тянулось судебное разбирательство. Вне всякого сомнения, было установлено, что ссылки на «самозащиту» неоправданны, бывший офицер национальной гвардии признал, что в свое время солгал, утверждая, что нашел пистолет на теле убитого ⁴⁴⁰. Однако судья отверг ходатайства адвокатов пострадавших включить показания Корсо и других офицеров о том, что применение оружия было неоправданно ⁴⁴¹. «Так и не решен вопрос: какую же опасность являла собой толпа студентов, находившихся на значительном расстоянии от солдат, что они направили на нее смертоносный огонь, убив четверых юношей и девушек и ранив других?» ⁴⁴².

Суд не принял все это во внимание. Больше того, грубо нарушил процессуальные нормы. Обвиняемые были полностью оправданы по очень простой причине, как видит ее

⁴⁴⁰ «The New York Times», July 1, 1975.

⁴⁴¹ «Plain Dealer», September 29, 1975.

⁴⁴² «The Cleveland Press», August 28, 1975.

Краузе: «Штат Огайо уплатил почти миллион долларов за защиту офицеров и солдат, совершивших смертоубийство». Теперь, спустя семь лет, только одно утешает боль материнского сердца – надежда на то, что «дорогой друг» откликнется и пришлет денег (сколько кто может) в «Фонд должного отправления правосудия в округе Кент». Деньги нужны, чтобы принести апелляцию в высшую судебную инстанцию. Краузе взывает: «Основная цель нашей апелляции – вновь подтвердить доктрину, что ни один государственный служащий или офицер не могут лишить американца, его или ее, права на собрание, свободу слова и жизнь без законного судебного решения. Если мы выиграем дело в апелляционном суде, эта доктрина будет ясна... Но ведение дела в апелляционном суде очень дорого. Пожалуйста, помогите нам. В надежде на справедливость. Краузе».

В мае 1970 года подлое убийство в Кенте вызвало мощную волну протеста – более чем в 400 студенческих городках прошли забастовки, для разгона студентов снова вызывалась национальная гвардия. В Йельском университете даже изготовились к действию регулярные войска. В те дни силой, а главное, посулами справедливо расследовать убийство в Кенте властям удалось сбить волну протеста. Как прошло обещанное «расследование», видно из обращения Краузе. Власть предержавшие выиграли время, притупив боль.

Но те, на ком лежат карательные функции, не теряли ни одного дня. Сразу после кровопролития в Кенте начальник

контрразведки армии США полковник Д. Дауни получил приказ обобщить опыт подавления беспорядков в США в прошлом и попытаться дать рекомендации, как справляться с ними в будущем. Под его руководством в 1970 году был подготовлен обширный документ «Угроза гражданских беспорядков в 1971 – 1975 гг.». Медленно раскручивался маховик судебной машины США, а в контрразведке работали оперативно. Разумеется, при посильной помощи ФБР, предоставившего необходимые данные. Вызванный в 1974 году в сенатский подкомитет Эрвина полковник Дауни четко и ясно объяснил, что армия отнюдь не собирается нести ответственность за кровопролития типа случившегося в Кенте. Он сказал: «Вооруженные силы должны быть надежны, дисциплинированы и лояльны. На острие штыка нет демократии. Солдат-гражданин волен иметь свои политические убеждения, но вооруженные силы в своей совокупности должны быть политически нейтральны»⁴⁴³. Вердикт суда, оправдавший через год убийц, подтвердил, что то была не личная доктрина начальника армейской контрразведки, а обыденная мудрость правящих кругов США. Четко вырисовался зловещий принцип, которым оправдывали свои злодеяния офицеры и солдаты гитлеровского вермахта, – приказ есть приказ!

Полковник, чтобы рассеять сомнения на этот счет, любезно предложил подкомитету ознакомиться с беспримерным

⁴⁴³ Military Surveillance Hearings..., pp. 39 – 40.

документом контрразведки «Угроза гражданских беспорядков в 1971 – 1975 гг.». Вероятно, он и санкционировавшие свыше публикацию материала имели в виду предупредить тех, кто был в плену иллюзий относительно американской демократии, мол, так было, так будет: вооруженные силы США без колебаний вводятся в действие против народа!

В документе, написанном точным военным языком, приведена надлежащая статистика. Если в течение пятидесяти лет (по 1957 год) федеральные войска использовались 6 раз, то в последующий период – до 1970 года также 6 раз. Кроме того, с 1957 года 7 раз вводилась в действие национальная гвардия на федеральном статусе. То были самые серьезные случаи, а использование национальной гвардии властями штатов в 1945 – 1970 годах приняло регулярный и всевозрастающий характер.

Годы	Количество вызовов	Численность войск
1945—1959	55	33539
1960—1964	33	65867
1965	17	25051
1966	17	18598
1967	40	43300
1968	107	150000
1969	67	49264
1970 (январь—май)	43	41046

В шестидесятые годы США стали ареной массовых демонстраций протеста. В 1963 году 250 тысяч человек собрались в Вашингтоне, чтобы слушать речь Мартина Лютера Кинга. Весной 1967 года 200 тысяч протестуют против войны во Вьетнаме, в октябре 1967 года до 70 тысяч собираются у Пентагона. В 1969 году – 400 тысяч в Бетеле, штат Нью-Йорк. В 1969 году демонстрации протеста против войны во Вьетнаме охватили всю страну, не менее 250 тысяч собираются в Вашингтоне. А это только отдельные примеры!

В 1963 – 1968 годах во время демонстраций, особенно связанных с выступлениями против расовой сегрегации, были убиты 220 американцев, многие тысячи ранены. Был отмечен взрыв «политического террора» – с 1 января 1968 года по 15 апреля 1970 года взорвано 4330 бомб, было 1475

неудачных попыток взрывов и 35 129 угроз взрывов. В результате был нанесен значительный материальный ущерб.

Подводя итоги, контрразведчики «утешали» себя: «В шестидесятые годы по сравнению с предшествовавшими десятилетиями политические беспорядки увеличились, однако размах смуты меньше, чем на рубеже XIX и XX столетий, когда бурные годы Реконструкции вызвали массовые расовые и рабочие беспорядки. Жертвы и ущерб, нанесенные политическими беспорядками в течение истекших 30 лет, в пересчете на меньшее население пропорциональны случившимся в предшествующие 30 лет – с 1909 по 1938 год». Вывод этот едва ли соответствует истинному положению, ибо с равными основаниями можно указать: накал политических страстей намного усилился, массовые выступления нарастали, несмотря на множество реформ в США, от «новой свободы» В. Вильсона до «нового курса» Ф. Рузвельта и «справедливого курса» Г. Трумэна, целью которых являлось именно снижение недовольства существующими порядками.

Рассуждения контрразведчиков не должны удивлять, и это типичный пример штабного кретинизма, однолинейности военного мышления, когда объектом его исследования становятся социальные процессы. Статистические данные далеко не исчерпывают сложной картины живой жизни общества. Они, однако, показательны для США со стороны, не предусмотренной американской контрразведкой, а именно как свидетельство того факта, что в благословенной за-

океанской «демократии» война властей с народом приняла перманентный характер.

Бросая взгляд в будущее, составители документа констатировали, что удалось в какой-то мере сбить напряжение в стране. Каждодневно демонстрируя силу, правительство в то же время пообещало покончить с войной во Вьетнаме и приступило к выводу американских войск из Юго-Восточной Азии. «Характер массовых демонстраций будет в основном зависеть от того, станут ли спорные вопросы носить критический характер или произойдет значительное событие типа вторжения в Камбоджу. Но вопрос о Вьетнаме будет уходить в прошлое по мере вывода войск, хотя демонстрации будут происходить в той или иной форме... Национальная гвардия, особенно в Вашингтоне, будет использоваться для поддержки полиции». И в отношении студентов: «Проблемы безопасности, связанные со студенческими беспорядками, обычно будут входить в компетенцию служб безопасности учебных заведений и местной полиции. Однако время от времени будет вводиться в действие национальная гвардия». В расовых волнениях «шансы на использование федеральных войск для контроля над положением едва ли окажутся выше нынешнего низкого уровня. Но эти беспорядки потребуют введения в дело время от времени национальной гвардии»⁴⁴⁴.

Как видно из этого документа, контрразведка связала раз-

⁴⁴⁴ Military Surveillance Hearings..., pp. 40 – 68.

мах действий вооруженных сил с последствиями политических решений во внутренней жизни США. Такие решения были приняты, включая распропагандированное самоочищение в связи с Уотергейтом. Но в любом случае правящий класс держит вооруженные силы на чеку против своего народа.

По осени 1982 года американский журнал «Ю. С. ньюс энд уорлд рипорт» взахлеб рассказывал о том, как при Рейгане обрели новую силу части особого назначения в армии, морской пехоте, авиации и флоте. Официальная задача этих отборных подразделений – диверсии, террор и прочее в том же роде. «Эти лучшие из лучших части также будут использоваться для особых задач Центральным разведывательным управлением, хотя формально об этом умалчивается»⁴⁴⁵, – многозначительно добавил журнал.

Как мы видели, острое ЦРУ направлено не только вовне, но и внутрь США. В случае необходимости.

2

Если военщина знает преимущественно один способ наставления недовольных на путь истинный – штык и пулю, то в ЦРУ уже давно изыскивают более «эффективные», изощренные методы искоренения инакомыслия, сутью которых является изменение поведения людей путем использования

⁴⁴⁵ «U. S. News and World Report», November 15 1982, p. 38.

новейших достижений медицины, фармакологии и пр. То, что при этом грубейшим образом нарушаются права человека, нисколько не беспокоит вдохновителей и исполнителей бесчеловечных программ, направленных на установление контроля над психикой. Начиная осуществление этих изуверских целей, дельцам из ЦРУ не пришлось переступить высокого порога совести и гуманизма: эксперименты над людьми – обычное явление в Соединенных Штатах. Соответствующая методика их давным-давно отработана. Всплески возмущения лишь подчеркивают укоренившуюся практику.

В 1932 году государственная (!) служба здравоохранения начала эксперимент в Тускеги штата Алабама. Была отобрана группа из 399 больных сифилисом, которым не давали никаких лекарств. Первоначальная цель эксперимента – сравнить смертность больных с контрольной группой из 201 человека, которые не были больны сифилисом. Программа продолжалась ровно сорок лет! Все больные сифилисом были негры, и ни одному из них на протяжении 40 лет не сказали, что он объект эксперимента. В 1972 году разразился небольшой скандал, сенатор А. Рибиков отозвался об эксперименте как об «ужасающем случае бюрократического высокомерия и бесчувственности»⁴⁴⁶.

В газетах прошла серия статей о случившемся, в которых выражалось умеренное негодование. Для порядка статьи перепечатали в стенографическом отчете конгресса «Кон-

⁴⁴⁶ «Congressional Record», August 1, 1972, p. SI2430

грешнл рекорд»⁴⁴⁷. Руководителя эксперимента, врача Д. Хеллера, находящегося на государственной (!!)-службе, журналисты все же спросили, давали ли больным когда-либо лекарства. Циничные ответы д-ра Хеллера были чарующе хладнокровны: «Нет. Нам никогда не приходило в голову просить их, ибо на эти лекарства спрос велик, и другие нуждаются в них больше, чем участники эксперимента, например, в вооруженных силах... Кроме того, мы не обязаны доставать для них лекарства, поэтому мы не предприняли никаких попыток достать их... Это не наше дело»⁴⁴⁸. Так и ушло это дело в прошлое. Точку поставил суд в Монтгомери штата Алабама, определивший: выдать каждому из оставшихся в живых – около 70 человек больных и здоровых из двух групп – по 37 500 долларов, то есть по 2 доллара 50 центов за каждый день⁴⁴⁹. Рассчитались! Сразу за сорок лет! Вот, оказывается, как точно, до цента, можно оценить жизнь человека в США.

Жертвами экспериментов над людьми в США являются, конечно, бедняки, на них падает 80 процентов участников⁴⁵⁰. Коль скоро они получают государственную помощь и зависят от нее, их без большого труда вынуждают быть подопытными кроликами. Однако излюбленное поле деятель-

⁴⁴⁷ Ibid., pp. S12432 – 12435.

⁴⁴⁸ Ibid., p. S12431.

⁴⁴⁹ «The Washington Post», December 18, 1974.

⁴⁵⁰ «The Washington Post», March 30, 1975.

ности экспериментаторов – тюрьмы. По данным американского Союза гражданских свобод, около 20 тысяч заключенных, весьма высокий процент от всех содержащихся в тюрьмах, используются для разного рода медицинских экспериментов, в том числе для испытания лекарств. Американская исследовательница Д. Митфорд отметила, что тюрьмы как магнит влекут врачей-экспериментаторов, так как заключенные «дешевле шимпанзе». Именно так выразился один профессиональный медик. Другое обстоятельство: «Поскольку исследования проводятся в замкнутом мире тюрьмы, в случае серьезного заболевания или смерти „добровольца“ в результате опыта это едва ли привлечет чье-либо внимание». С заключенных перед опытами иногда берется подписка об отказе от претензий, юридическая ценность которой весьма сомнительна, но в результате «психического воздействия подписки в сочетании с общей беспомощностью заключенного иски учиняются чрезвычайно редко».

Д. Митфорд, напомнив о процессах над нацистскими врачами-убийцами в Нюрнберге после второй мировой войны, заключает: «Нюрнбергский трибунал установил критерии медицинских экспериментов на людях, которые при их соблюдении положили бы конец использованию заключенных в качестве подопытных. Однако за двадцать шесть лет, истекших со времени вынесения приговоров в Нюрнберге, произошло громадное расширение медицинских „исследовательских программ“ во многих американских тюрьмах.

Эти программы санкционируются федеральными органами здравоохранения и администрацией тюрем, которые считают, что установленные в Нюрнберге критерии не относятся к заключенным, находящимся в их власти»⁴⁵¹. Оно и понятно: узники – источник дохода. В штате Мичиган, например, две фармакологические компании добились исключительного права испытывать свои препараты в тюрьме Джэксон. В Оклахоме фармакологические компании выплачивают 300 тысяч долларов в год медикам, проводящим опыты на заключенных⁴⁵².

Так что изуверы из ЦРУ в белых халатах вступили на хорошо подготовленную почву. Очень скоро они авторитетно разъяснили военным, что винтовка отнюдь не абсолютное оружие при подавлении инакомыслия, куда эффективнее шприц и таблетки! Стороны договорились друг с другом и, если не считать обычных межведомственных склок, принялись за дело. Этическая сторона их не трогала, в конечном счете в своей области они делали не больше, чем коллеги-медики.

Частным компаниям, конечно, не потягаться с могучим конкурентом – ЦРУ, которое использует заключенных в качестве подопытных отнюдь не для проверки новых лекарств, а для изучения действия препаратов, изменяющих поведе-

⁴⁵¹ Y. Mitford. *Kind and Usual Punishment: The Prison Business*. N. Y., 1974, pp. 139, 143.

⁴⁵² M. Minz, J. Cohen. *Power, Inc.*, p. 623.

ние. Преступны не только цели этих опытов, но и процедура их проведения, свидетельствующие о полнейшей моральной деградации медиков на службе ЦРУ. Обо всем этом известно ничтожно мало, но имеющихся данных достаточно, чтобы установить крайний цинизм ЦРУ, попирающего права человека.

Основная операция ЦРУ по разработке химических и биологических препаратов – операция «МК ультра» проводилась 20 лет – с 1953 по 1973 год. Руководство ЦРУ так формулировало ее цель: «Разработка химических, биологических и радиологических препаратов, пригодных к тайному использованию для контроля над поведением»⁴⁵³. На нее были истрачены многие миллионы долларов. По договорам с ЦРУ специалисты в университетах, фармакологических фирмах, больницах разрабатывали надлежащие препараты. Затем врачи и токсикологи проводили широкие опыты на людях в психиатрических больницах и тюрьмах. Одну из первых серий экспериментов провел Национальный институт душевного здоровья на базе научно-исследовательского центра по изучению наркотиков в Лексингтоне штата Кентукки. «Лексингтонский оздоровительный центр, как его называли, был тюрьмой для наркоманов, отбывавших наказание за нарушение законов о наркотиках. Объектами опытов были добровольны из числа заключенных, которым после беглого медицинского освидетельствования и дачи под-

⁴⁵³ Final Report... Book 1, p. 389.

писки вводились препараты, вызывающие галлюцинации. В качестве вознаграждения за участие в операции наркоманы получали наркотики по собственному выбору»⁴⁵⁴. Так эпически спокойно, как подобает седовласым сенаторам, описываются в докладе комиссии Черча первые шаги программы «МК ультра».

Никто никогда так и не узнает, сколько жизней было загублено и сколько людей стали инвалидами, получив инъекцию или отведав препараты по программе «МК ультра». Толстые стены тюрем, тюремных и психиатрических больниц хорошо хранят тайну. А «врачи» от ЦРУ продолжали усердствовать. Изуверов осенила новая идея – выйти на оперативный простор, испытать чудовищные снадобья в нормальных условиях. Кто лучше может дать отчет о действии препаратов? Конечно, ученый! В 1953 году десять ученых мужей, связанных с ЦРУ, решили поставить эксперимент. Руководство управления мигом утвердило предложение. 19 ноября очень способного биолога Ф. Олсона, работавшего в научно-исследовательском центре армии, любезные коллеги пригласили на обед, в завершение которого ему подали рюмку ликера «Куантро» с добавлением наркотика ЛСД. Он выпил под жадными взглядами естествоиспытателей. Спустя некоторое время они порадовали Олсона: он подопытный объект.

На другой день у Олсона появились симптомы, схожие с

⁴⁵⁴ Final Report... Book 1, pp. 391, 399, 398.

шизофренией, он впал в глубокую депрессию. Экспериментаторы фиксировали каждое движение Олсона до последнего: глубокой ночью один из них был разбужен «треском разбиваемого стекла». Олсон, пробив двойную раму, закончил опыт на тротуаре, а номер был на десятом этаже. Директор ЦРУ пожурил опрометчивых экспериментаторов, одновременно успокоив их – «это не взыскание и в личное дело не заносится».

Как сказано в докладе комиссии Черча: «После смерти д-ра Олсона ЦРУ предприняло значительные усилия, чтобы его семья получила пособие по смерти, но не информировало ее об обстоятельствах смерти. ЦРУ также употребило все усилия, чтобы смерть не связывали с ЦРУ, а также снабдило Лэшбрука (руководитель опыта. – **Н. Я.**) подробно разработанной версией с тем, чтобы его связь с ЦРУ осталась в тайне».

Семья Олсона – вдова и трое детей – узнала правду спустя 22 года. Они передали в печать заявление: «Мы лишь одна семья, жизнь которой коренным образом изменилась в результате незаконной деятельности ЦРУ, семья только одного американца, названного по имени, который погиб, преданный ЦРУ»⁴⁵⁵.

Кроме данных об обстоятельствах смерти д-ра Олсона и глухих упоминаний о гибели нескольких других американцев, иные факты о мрачной деятельности ЦРУ в этой об-

⁴⁵⁵ M. Halperin, Y. Berman, R. Borosage, Ch. Marwick, *The Lawless State...*, p. 52.

ласти в докладе комиссии Черча отсутствуют. Но известно, что ЦРУ разработало в целях изменения поведения шесть препаратов, которые были испытаны. На ком? На не подозревавших ничего людях! В некоторых случаях агенты ЦРУ намечали жертву где-нибудь в баре или на улице. Не подвергая человека медицинскому осмотру, обманом побуждали его принять тот или иной препарат, затем доставляли в надежное место для наблюдения. Засим следовали многие недели госпитализации, душевное расстройство и т. д.

За все двадцать лет в печать ничего не просачивалось, ибо ЦРУ неукоснительно следило за сохранением строжайшей секретности. Как напоминал еще в 1957 году (и в который раз!) генеральный инспектор ЦРУ: «Необходимо принимать меры, чтобы сведения об этих операциях не только не попали к врагу, но и скрывать их от американцев. Сообщения о том, что ЦРУ занимается неэтической и незаконной деятельностью, будут иметь серьезные последствия в политических и дипломатических кругах и помешают достижению целей экспериментов». Надо думать, что двадцать лет – срок более чем достаточный для выполнения и применения гнусных препаратов на практике. В докладе комиссии Черча сказано, что по положению на 1957 год «в оперативных целях» соответствующие препараты применялись в 33 случаях, далее сведения отрывочны ⁴⁵⁶. Оно и понятно: по словам С.

⁴⁵⁶ В 1960 году начальник химического отдела управления технических служб ЦРУ д-р С. Готлибб лично передал агенту ЦРУ в Леопольдове ампулу с бацил-

Готлибба, в 1973 году (а он к этому времени был повышен и был начальником управления технических служб ЦРУ) «ко мне пришел Ричард Хелмс и сказал: вот мы оба уходим в отставку, поэтому хорошо бы уничтожить все эти досье (о программе „МК ультра“. – **Н. Я.**). Мы решили сделать это отчасти потому, что для ее выполнения привлекались другие государственные и иные организации, и они очень тревожились по поводу досье. Поскольку программа была выполнена, нам оставалось избавиться также и от досье с тем, чтобы никто из сотрудничавших с нами в прошлом не подвергся расспросам и, если угодно, не попал в затруднительное положение»⁴⁵⁷. Остается добавить, что г-н Готлибб, который так опасался за свою драгоценную жизнь в 1975 году, в 1953 году был в числе экспериментаторов-убийц Олсона...

В тот момент вооруженные силы США затеяли собственную программу исследований с ЛСД до 1967 года и позднее с другими препаратами, изменяющими поведение. Размах операций говорит сам за себя: в середине 1975 года пред-

лами смертельной болезни, которая встречается только в Африке, для убийства П. Лумумбы. Он сообщил агенту, как подмешать содержимое ампулы в пищу или нанести на зубную щетку. Лумумба был убит раньше, чем удалось претворить план в жизнь. В 1975 году, ссылаясь на угрозу для своей жизни, Готлибб добился через суд исключения своего имени из текста той части доклада комиссии Черча, в которой говорилось о подготовке ЦРУ убийств иностранных политических деятелей. Комиссия заменила его имя псевдонимом «Джозеф Шейдер», имевшим по-английски 14 букв, столько же, сколько в имени Готлибба, чтобы не перебирать верстку текста. См.: D: Wise. The American Police State, p. 220

⁴⁵⁷ Final Report... Book 1, pp. 294, 298, 404.

ставители вооруженных сил сообщили, что объектами экспериментов были 6940 военнослужащих и около 900 гражданских лиц⁴⁵⁸. В сентябре 1975 года с большим запозданием было признано, что в результате опытов по крайней мере трое человек погибли.

Как же заставляли тысячи людей ставить на карту свою психику и даже жизнь ради опаснейших экспериментов с темными целями? Коль скоро американские авторы лучше знают обстановку в родной стране и психологию соотечественников, им и слово: «Эти эксперименты проводились в университетах и научно-исследовательских институтах по таким же государственным контрактам, как с институтом психиатрии в Нью-Йорке. Почти невозможно определить, что именно говорилось гражданским лицам до их участия в экспериментах, ибо имеющиеся материалы отрывочны и неполны. По таким контрактам работали медицинские факультеты в Мэрилендском, Висконсинском и Вашингтонском университетах. Факультет нейрологии и психиатрии университета Тулан также явился опытной лабораторией. Военно-воздушные силы финансировали пять собственных программ. Корреспондент „Вашингтон пост“ Билл Ричардс в июле 1975 года сообщал, что некоторые опыты с ЛСД проводились на умственно отсталых детях и взрослых пациентах психиатрических больниц. Эксперименты ВВС проходили в университетах Миннесоты, Нью-Йорка, Дьюка и Миссури.

⁴⁵⁸ «The Washington Post», July 23, 1975.

Военные находили «добровольцев» для опытов в рядах армии по всей стране. Приманка была простой и эффективной. «Добровольцам» в Эджвуд Арсенал в Мэриленде давали отпуск на три дня, по 45 долларов и показывали кинокартины о девушках на пляжах. Военные впоследствии признали, что некоторые командиры, очевидно, вынуждали солдат становиться «добровольцами»⁴⁵⁹.

Удивительно пытливые медики работали на вооруженные силы, они решили даже превзойти ЦРУ, но «во многих отношениях программы опытов армии дублировали исследования, уже проведенные ЦРУ. Они, конечно, влекли за собой риск, возникающий на первых стадиях испытания препаратов. Во время опытов в армии, так же как в ЦРУ, права человека подчинялись соображениям национальной безопасности, согласие участников экспериментов, наблюдение за ними приносились в жертву сохранению секретности».

Шпионы и волки старались всячески перехитрить друг друга. «Соперничество между разными службами в этой области приобрело смехотворный характер. Как-то армейский офицер доверительно сказал агенту ЦРУ о том, что военные „проводят полевые исследования ЛСД в Европе в рамках программы „Третий шанс“. ЦРУ немедленно взялось негласно выяснять как характер, так и размах программы“⁴⁶⁰. Неизвестно, что именно разведали конкуренты, во всяком

⁴⁵⁹ M. Mintz, J. Cohen. Power, Inc., pp. 626 – 627.

⁴⁶⁰ Final Report... Book 1, pp. 411, 420.

случае, военные инстанции преисполнились великой гордости за свои достижения. Программа «Третий шанс» о процедурах допросов с применением ЛСД входила в большую операцию контрразведки, зашифрованную «ЕА 1729». Она была проведена в отношении иностранцев и американских военнослужащих, находившихся на подозрении компетентных органов армии США.

Контрразведчик, описавший допрос американского солдата в рамках операции «ЕА 1729», захлебывался от радости – введение ЛСД расширило возможности исследователей: «Средства нажима включали навязывание молчания до или после введения ЕА 1729, усиленного обычного допроса до допроса с применением ЕА 1729, лишение пищи, воды, сна или принуждения к рвоте, продолжительного содержания в одиночке до применения ЕА 1729, переходы от грубости к вежливости, оскорбления, причинения физических страданий, резких угроз лишить допрашиваемого жизни или рассудка».

Вот запись поведения подследственного во время другого допроса в американской контрразведке в рамках программы «Дерби Хэт», также входившей в операцию «ЕА 1729»:

«В 10.35 утра ему дана большая доза ЛСД.

11.20 – выступил пот, пульс нитевидный. Положен на спину. Стоны, потеря сознания.

11.48 – появляется реакция на болевые раздражения.

11.55 – переведен в сидячее положение.

12.00 – вновь потерял сознание и положен на спину.

12.12 – оказался в состоянии сидеть с посторонней помощью.

12.20 – подведен к столу следователя.

12.30 – начал стонать, хочет умереть и игнорирует вопросы. Редко произносит «не знаю».

12.50 – частыми движениями век пытается сфокусировать глаза. Часто откидывает голову назад с закрытыми глазами.

13.30 – начинает лучше понимать происходящее. Его заставляют походить пять минут, вновь впадает в шоковое состояние (пот, нитевидный пульс, бледность).

В последующие три часа состояние то же. Повторные попытки допроса результатов не дают. Через шесть часов после введения препарата начинает отвечать на вопросы. Допрос продолжался 17 с половиной часов после введения препарата»⁴⁶¹.

Такими методами внедряются достижения интеллектуальных бандитов (как иначе назвать этих людей в белых халатах?) в практику. Сердечный союз «науки» и контрразведки! От теории в засекреченных лабораториях к практике – в застенки контрразведки, результаты сделанных здесь наблюдений снова в научно-исследовательские центры ради получения еще более высоких показателей эффективности. И снова к практике! Раскручивается адская спираль, бросается в дело все, чтобы лишить человека разума, превратить

⁴⁶¹ Final Report... Book 1, pp. 415 – 416.

в послушного робота. Некий информированный высокопоставленный американский офицер просветил читательскую аудиторию «Нью-Йорк таймс»: «Рассматривайте эти эксперименты как боевую операцию. В бою несут потери, но не останавливаются.

Жмут и жмут, и вот пункт взят. Точно так же с этими экспериментами. Они очень важны для национальной безопасности, и мы жали вовсю. К сожалению, иные подопытные погибали. Но нам нужно было знать, как эти препараты действуют на людей и как их использовать»⁴⁶².

С какой бы точки зрения ни подходить к описанным программам разработки и применения средств, изменяющих поведение, вся деятельность ЦРУ и военного ведомства США в этом, как и во многих иных отношениях, преступна. Попираются не только американские законы, но и международные нормы, установленные после второй мировой войны во время процессов в Нюрнберге над главными и другими немецкими военными преступниками. Именно за такие эксперименты отправились на виселицу немецкие врачи, которые, впрочем, твердили, что опыты над заключенными и душевнобольными расширяют-де горизонты науки. В Нюрнберге за судейским столом американские судьи рассматривали эти доводы не больше как попытку подсудимых уйти от ответственности за свои злодеяния. Все это зафиксировано в приговорах и скреплено подписями судей.

⁴⁶² «The New York Times», September 21, 1975.

Столкнувшись при расследовании деятельности ЦРУ с аналогичными преступлениями в собственной стране, американские законодатели, однако, в целом взглянули на них сквозь пальцы. Комиссия Черча ограничилась тем, что записала в своем докладе: «Программа тайного введения ЛСД не подозревавшим об этом добровольцам продемонстрировала, что руководство ЦРУ не проявило достаточного внимания к правам человека и не дало четких указаний своим сотрудникам. Хотя было известно, что опыты опасны, в течение еще 10 лет после смерти д-ра Олсона жизни подопытных людей ставились в опасность, а их права игнорировались. Несмотря на очевидное нарушение законов Соединенных Штатов, опыты продолжались. Программа „МК ультра“ поднимает также другие проблемы. Неясно, могут ли люди, содержащиеся в тюрьмах, психиатрических, наркологических больницах и наводящиеся в больницах общего типа, давать „обдуманное согласие“ на участие в таких экспериментах. Сомнительно также, чтобы в данном учреждении оставались в неведении о том, кто является конечным руководителем проводимой в нем программы»⁴⁶³.

Несмотря на обтекаемые формулировки, смысл сказанного ясен. Были установлены не злоупотребления, а преступления. Фиксирование их в официальных документах в обычной практике – решающий шаг на пути передачи материалов в прокуратуру. Как известно, этого не случилось. Пре-

⁴⁶³ Final Report... Book 1, pp. 403, 422.

ступников не только не привлекли к ответственности, но дали им возможность продолжать свою деятельность, конечно, с еще большим соблюдением тайны, Если так, то какие цели преследовало оглашение изложенных фактов в ходе расследования? Чтобы показать бессилие конгресса? Едва ли. Суть дела прояснится, если припомнить, что ничто не предавалось гласности в ходе сенатского расследования без предварительной цензуры ЦРУ и других заинтересованных спецслужб.

Функциональная роль различных разоблачений американских спецслужб в этом отношении сомнений не вызывает. Устрашающее детальное описание ведомств политического сыска во весь их исполинский рост рассчитано на элементарное запугивание.

3

Методы борьбы правящей в США олигархии с инакомыслящими разнообразны и изощренны. Они оттачивались и совершенствовались многие десятилетия. Честные люди Америки давно раскрыли и описали механизм репрессий против тех, кто подпадает в США под категорию политических противников режима. Вернемся к «Железной Пяте» Джека Лондона. Писатель с большой художественной силой изобразил то, как могут в США буквально стереть в порошок несогласного, пусть даже он человек известный.

Напомним: отец вымышленной героини, от лица которой написан этот фантастический роман, – почтенный университетский профессор, глубоко веривший в американскую «демократию». Однако стоило ему испытать ее в действии, выразить на основе научных изысканий сочувствие к униженным и оскорбленным, как он попал на прицел властей. Преследование профессора тщательно градуировалось, на лестнице эскалации травли ему давались передышки с тем, чтобы он одумался. Для начала ему предлагается оставить работу в университете и получить двухгодичный отпуск с сохранением содержания для научных исследований. «Так ведь это же взятка!» – воскликнул профессор и отказался.

Последовало увольнение из университета, конечно, не грубое: очень вежливо предложили подать в отставку. О подлинных причинах ухода из университета крупного ученого умалчивалось, напротив, «газеты расшаркивались перед ним, поздравляя с тем, что он решил отказаться от черной лекторской работы и целиком посвятить себя научным изысканиям». Правдолюбец торжествовал: словом печатным он будет жечь сердца людей, изобличая несправедный строй, существующий в США. Выпустил книгу, что «не прошло в стране незамеченным. В капиталистической прессе она была вежливо обругана; критики с убийственной учтивостью заявляли, что такому большому ученому не следовало бы жертвовать своей работой и забираться в дебри социологии, где он сразу же и заплутался». А затем как отрезало – о кни-

ге перестали вообще писать.

Профессор, веривший в свободу печати, собрал репортеров и рассказал о своих мытарствах. Результат: «Ни одна газета ни словом не упомянула о его книге; зато сам он был... изображен каким-то извергом; слова его безбожно перевернулись или произвольно выхватывались из контекста; умеренные и сдержанные выражения были представлены анархистскими выкриками... Пространные и злобные газетные статьи изобличали отца в анархизме, попутно намекая, что он выжил из ума».

Вскоре последовал арест за нарушение общественного порядка, а «газеты утверждали, что престарелый профессор не выдержал умственного напряжения и сошел с ума и что самое целесообразное – отвести ему палату в соответствующем казенном заведении. И это было не пустой угрозой»⁴⁶⁴ – в сумасшедший дом инакомыслящих заключали очень просто. Последовало полное разорение, были отняты имущество, дом и т. д. Так выглядела расправа с диссидентом в США в фантастическом романе, написанном в начале XX столетия. Напомним, в те времена еще не было ни ФБР, ни ЦРУ.

Художественный вымысел писателя бледнеет перед современной американской действительностью. В конце шестидесятых годов окружной прокурор в Нью-Орлеане Д. Гаррисон усомнился в выводе комиссии Уоррена о том, что пре-

⁴⁶⁴ Джек Лондон. Собр. соч. в 14-ти томах, т. 6, с. 166, 207 – 209, 217 – 218.

зидент Кеннеди был убит одним человеком. В рамках своих законных прерогатив Гаррисон начал расследование обстоятельств убийства президента. Хотя в США не воцарилась описанная Дж. Лондоном Железная пята, Гаррисон в официальном качестве прокурора оказался объектом преследований куда похлестче, чем инакомыслящий профессор в указанной книге. Он подвергся травле в печати, внезапно обнаружившей, что прокурор-де душевно больной человек, страдающий «комплексом Наполеона». Коль скоро Гаррисон не остановился, в дело были введены карательные органы, спокойно и деловито расправившиеся с инакомыслящим. В мае 1977 года японский журналист Н. Оchiaи с понятным трудом вырвал у Гаррисона согласие на интервью. Сказанное бывшим прокурором в высшей степени поучительно для понимания методов расправы с инакомыслящими в современных Соединенных Штатах. Итак:

«Вопрос. Когда вы впервые почувствовали отрицательное отношение правительства к начатому вами расследованию?

Ответ. 1 марта 1967 года мы арестовали Клея Шоу. Я надеялся на активное содействие со стороны властей и все-таки был поражен, когда правительство с самого начала выступило в поддержку обвиняемого. Министр юстиции Рамсей Кларк утверждал, что Шоу уже прошел проверку в ФБР и его невиновность доказана. Президент Джонсон заявил, что не видит необходимости возобновлять расследование, проведенное комиссией Уоррена.

Вопрос. Известно, что вам подсылали лжесвидетелей. Какие еще конкретные препятствия чинили правительственные органы?

Ответ. Прежде всего Рамсей Кларк заявил, что привлечет меня к суду. На каком основании, неизвестно до сих пор. Крупнейшие еженедельные журналы, контролируемые ЦРУ, старались убедить читателей в том, что я связан с мафией.

Вопрос. Оказывали ли на вас какое-либо давление деловые круги?

Ответ. Да, меня пытались запугать и уговаривали прекратить процесс. Знакомый нефтепромышленник из Техаса позвонил мне и сказал, что в интересах моего будущего следует остановить расследование. Потом меня посетил один тип, назвавшийся «предпринимателем с Запада», и спросил, не интересуется ли меня пост федерального судьи. Это было явное предложение сделки.

Вопрос. На выборах окружного прокурора в 1973 году вас забаллотировали. Крупнейшие газеты в один голос утверждали, будто избиратели выразили недовольство тем, что вы занимались исключительно расследованием обстоятельств убийства Кеннеди и не уделяли внимания другим делам. Как вы относитесь к таким утверждениям?

Ответ. Это совершеннейшая ложь. На выборах 1970 года я одержал убедительную победу над соперниками, а ведь это было время, когда судебный процесс над Клеем Шоу закончился моим поражением. В ходе предвыборной кампании я,

в частности, обещал довести до конца расследование обстоятельств убийства президента, и большинство избирателей проголосовало за меня. Но в июле 1971 года министерство юстиции возбудило против меня уголовное дело. Чиновники федеральной службы безопасности и агенты ФБР ранним утром ворвались в мою квартиру и на глазах у жены и детей надели на меня наручники. Это было кошмаром. Мне предъявили совершенно беспочвенное обвинение в том, что я получил взятки от владельцев заведений игральные автоматов. Я вынужден был ежедневно ходить в суд и выступать в свою защиту. Конечно, я доказал свою невиновность, и суд меня оправдал. Но тогда мне не хватало времени исполнять как следует обязанности окружного прокурора. На следующий год против меня возобновили новое дело – на этот раз меня обвинили в сокрытии от налоговой инспекции взяток, полученных от владельцев заведений игральные автоматов. И после того, как суд снял с меня обвинение во взяточничестве! Меня и на этот раз оправдали, но мой престиж был серьезно подорван. К тому же во время очередных выборов в 1973 году я лишился финансовой поддержки: многие мои сторонники, боясь вызвать недовольство правительства, отказались вносить деньги в мой избирательный фонд...

Слушая рассказ Гаррисона, я еще раз представил всю неумолимо безжалостную мощь правительственных органов, в частности ЦРУ и ФБР. Они разбили семью Гаррисона (жена с ним разошлась), лишили его поста прокурора

и вынудили занять малооплачиваемую должность адвоката в юридической конторе. Но ему еще повезло – он остался жив»⁴⁶⁵.

Если припомнить судьбу ряда потенциальных свидетелей по делу Дж. Кеннеди, убитых или погибших при самых загадочных обстоятельствах, то нетрудно разделить удивление японского журналиста по поводу того, что он беседовал с Гаррисоном, все же оставшимся в живых. Не только серьезное выступление против порядков, существующих в США, влечет за собой личный риск, но даже попытка выйти из колеи при «расследованиях», долженствующих, по замыслу их устроителей, укрепить те самые порядки. Эту истину знали, например, два молодых журналиста из газеты «Вашингтон пост», К. Бернштейн и Б. Вудворд, внесшие, заметный вклад в разоблачения, связанные с уотергейтским скандалом. Ими двигала, несомненно, профессиональная любознательность и желание составить себе имя, но при всем этом смельчаки отчетливо понимали опасность выхода из границы дозволенного, последняя не один раз угрожающе проступала перед ними в процессе расследования. Как, впрочем, понимал и некто из ближайшего окружения Никсона, тайком поставивший им информацию и дававший советы. Он так и остался неизвестным читающей публике, пройдя в их книге об Уотергейте под кличкой «Глубокая глотка». За псевдоним было взято название порнографического фильма.

⁴⁶⁵ «За рубежом», 1978, № 1, с. 18.

Все встречи с «Глубокой глоткой» происходили в Вашингтоне в строжайшей тайне, в глухой час ночи, в неком подземном гараже. Информатор предостерегал Вудворда, выходявшего на связь с ним, что ФБР внимательно следило за публикациями этих журналистов в «Вашингтон пост», доискиваясь до источников получаемых ими сведений. Что же касается сути самого Уотергейта, то, по словам «Глубокой глотки», «даже ФБР не понимало происходившего. Он сознательно туманно говорил обо всем этом, однако осторожно ссылаясь на ЦРУ и национальную безопасность, чего Вудворд, в свою очередь, не понимал».

Вот что произошло во время и после их встречи в ночь на 16 мая 1974 года, накануне слушаний в конгрессе по делу об Уотергейте. Информатор, торопливо нашептал на ухо Вудворду в мрачном склепе подземного гаража последние сведения, распрощался со словами: «Желаю выжить, будь осторожен». Вернувшись домой, Вудворд позвал коллегу Бернштейна. Он встретил друга и соавтора у лифта, в ответ на недоуменные вопросы только приложил палец к губам. Поднялись в квартиру Вудворда. Хозяин задернул шторы, поставил пластинку с музыкой Рахманинова, жестом пригласил Бернштейна к обеденному столу, на котором стояла пишущая машинка. И дальше:

«Вудворд напечатал записку и передал Бернштейну:

«Жизнь всех в опасности».

Бернштейн поднял голову. «Что – твой друг сошел с ума?»

– спросил он.

Вудворд отрицательно покачал головой, дав знак Бернштейну не произносить ни слова. Он напечатал другую фразу: «Глубокая глотка» говорит, что установлено электронное наблюдение, и мы должны остерегаться».

Бернштейн знаком показал, что ему нужно написать. Вудворд вручил ему ручку.

«Кто это делает?» – написал Бернштейн.

«Ц-Р-У», – движением губ показал Вудворд.

Бернштейн не мог поверить. Тогда под звуки музыки Рахманинова Вудворд начал печатать, а Бернштейн читал через его плечо «сообщенное информатором»⁴⁶⁶. Речь шла о деталях работы пресловутых взломщиков, фигурировавших под кодовым названием «водопроводчики», которые по воле Белого дома, грубо попирая законы, пытались выяснить, где и как происходила утечка информации, связанной с Уотергейтом. Вероятно, угроза для тех, кто попытался встать на их пути, была реальной, а посему журналисты продолжили обсуждение со своим шефом, одним из редакторов «Вашингтон пост», в необычной обстановке. Подняв его с постели, они вывели заспанного редактора из дома и шептались с ним в середине двора. Прекрасная иллюстрация прав человека в США – фигуры трех видных газетчиков в ночном мраке, с опаской поглядывающих по сторонам! Речь идет не о каких-то заговорщиках, а о благонамеренных по критериям

⁴⁶⁶ С. Bernstein, В. Woodward. All The President's Men. N. Y., 1975, pp. 75, 348.

высшего американского общества журналистах. Но им лучше, чем Другим, известно, во что могут обойтись попытки искать правду!

Всякое может случиться. Описанного нами, например, крупного «правдолюбца» Салливана, широко открывшего рот о делах ФБР в середине семидесятых, настиг несчастный случай на охоте. Он был застрелен 9 ноября 1977 года поблизости от собственного дома в Шугар Хиллс, штат Нью-Хэмпшир. Когда пуля поразила Салливана, ему было 65 лет... ⁴⁶⁷

4

Америка давно бьется в стальных сетях политического сыска, который ныне ставит себе на службу достижения научно-технической революции. Лучшие достижения человеческого разума применяются для того, чтобы бороться с самим разумом, творческим, ставящим под сомнение разумность порядков, существующих при капитализме. Трое американских журналистов, коснувшихся темы политического сыска с применением электроники и прочих научно-технических новинок, в ужасе отпрянули. Нарисованная ими картина действительно ужасна.

В Соединенных Штатах «нельзя доверять ни одному телефону. Полиция может проследить даже разговоры из будок платных телефонов-автоматов и немедленно подслушать их.

⁴⁶⁷ «Facts on File, 1977», p. 953.

Лучи лазеров, направленные на стекла окон, дают возможность подслушать, о чем говорят в комнате. Из автомобиля с надлежащим оборудованием можно подслушать разговор шепотом, ведущийся в автомобиле, идущем впереди. Шпики имеют микрофоны в каблуках своей обуви. В подвалах телефонных станций записываются на магнитофонную ленту сотни разговоров... Данные об этих и других методах слежки в век космоса отрывочны и сомнительны, трудно сделать определенные выводы»⁴⁶⁸.

Но все же.

Коммерческое объявление компании «Кодак» наводит на печальные размышления. Компания оборудовала надлежащим образом ряд средних школ в округе Полк, штат Флорида, в которых 60 тысяч учащихся. Точнее, в различных местах школы в стены вмонтированы автоматические кинокамеры, делающие по снимку каждые 30 секунд. В американских газетах взхлеб сообщалось: «Теперь улыбки и дружеские разговоры во много раз превосходят злобные выходки и потасовки среди младших и старших школьников в округе Полк, штат Флорида. И все потому, что их поведение фиксируется на пленку...» Руководитель системы народного просвещения округа Полк В. Рид подчеркнул, что речь идет вовсе не о шпионской операции. Хотя камеры действуют непрерывно во время занятий, фильмы проявляются и просматриваются только в случае, если имели место ин-

⁴⁶⁸ P. Cowan, N. Engeson, N. Hentoff. State Secrets, pp. 34 – 35.

циденты... Наличие камер оказало психологическое воздействие... и сказалось на всей обстановке в школах».

Некий пытливый журналист опросил школьников по поводу нововведения. Вероятно, очень точно отозвался о них юноша, сказавший: «Ничего не изменилось, за исключением роста скрытности и страха. Мы чувствуем себя так, как будто проводим по шесть часов в день в тюрьме». Итак, резюмируют исследователи вопроса: «Школа в конце концов готовит к жизни. Школьная система округа Полк, вероятно, уже готовит запуганных граждан послеконституционной Америки»⁴⁶⁹.

То, что проделано в школах округа Полк, не больше чем частность в растущей системе сыска при помощи технических средств. Уже в ряде городов устанавливаются телевизионные камеры, дающие возможность вести круглосуточное наблюдение в избранных районах. Одна из систем описывается так: «На двух мачтах устанавливаются всепогодные телевизионные камеры, поворачивающиеся на 360 градусов по горизонтали и 90 градусов по вертикали. Дежурный полицейский офицер может следить за передвижениями любого подозрительного... даже на расстоянии полумили – в полной темноте».

Сбор сведений об американцах идет непрерывно, причем зачастую дело доходит до абсурда. Законопослушный гражданин США написал в местную газету: «Раньше я никогда не

⁴⁶⁹ Ibid., pp. 300 – 302.

смотрел на свою страну с политической точки зрения. Но теперь я изменил свое мнение и ничего не понимаю... Например, недавно мы с приятелем шли по улице около полуночи; остановившись у светофора, мы слышали какие-то щелчки. Из полицейского автомобиля без номера нас снимали. Я верю в закон но тут-то в чем дело? Могут ли мне дать ответ?»⁴⁷⁰. Надо думать, что ответа обескураженный носитель прав человека не получил.

По положению, на середину семидесятых годов в Соединенных Штатах около 50 миллионов американцев имели отметку в досье различных сыскных ведомств «арестовывался». Причины могут быть пустяковыми или задержание по ошибке. Но последствия самые серьезные – в штате Нью-Йорк, например, 75 процентов нанимателей не берут на работу человека, в прошлом хоть раз арестованного, независимо от того, что он был, скажем, оправдан. Все равно «смутьян»! Скрыть факт «ареста» практически невозможно, соответствующие данные внесены в гигантские централизованные компьютеры. Вдумайтесь: в начале мая 1971 года во время демонстрации протеста против войны в Юго-Восточной Азии в Вашингтоне полиция арестовала сразу около 13 тысяч человек, из них только 128 предстали перед судом, но все остальные получили упоминавшуюся отметку в делах сыскных ведомств⁴⁷¹.

⁴⁷⁰ «Milwaukee Journal», July 1, 1971.

⁴⁷¹ P. Cowan, N. Engeson, N. Hentoff. State Secrets, p. 266.

По данным на 1982 год, федеральные органы имели свыше 3,5 миллиарда досье на американцев, в среднем 15 на одного человека.

Все это открывает широчайшие возможности для произвола и преследования тех, кто сочтен инакомыслящим. Технические средства сыска в Соединенных Штатах постоянно совершенствуются. Все заинтересованные ведомства вносят в это дело свой вклад, однако среди заказчиков, конечно, задают тон исполины дел сыскных – ЦРУ и ФБР. Один из недавних высших чинов ЦРУ, Г. Розицкий, безмятежно сообщил в своих мемуарах: «Разведывательные и научно-технические управления ЦРУ имеют обширные связи в академических и научных учреждениях. ЦРУ помогает поддерживать на самом современном уровне государственные и частные исследования, использовать ведущих ученых в качестве своих консультантов и стимулировать внимание к вопросам, которые интересуют разведывательное сообщество в Вашингтоне»⁴⁷².

Примерно с 1980 года в штаб-квартире ФБР функционирует система информации об организованной преступности – гигантский компьютер. Формально созданный для борьбы против мафии, компьютер анализирует и выдает информацию о бесчисленных людях. Обслуживание компьютера обходится в 3,5 миллиона долларов в год и еще 10 миллионов долларов ФБР тратит на то, чтобы не было «утечек» данных

⁴⁷² H. Rositzke. CIA's Secret Operations. N. Y., 1977, p. 210.

компьютера. В конце 1982 года ФБР с гордостью объявило: «Не более чем через пару мы установим механизмы связи с компьютером служебных автомашинах... Следующий шаг – агенты на улице будут иметь при себе приспособление, позволяющее немедленно навести нужную справку у компьютера». Прекрасно! Только, замечает журнал «Ю. С. ньюс уорлд рипорт», «поборники гражданских прав обеспокоены – компьютер ФБР... становится Большим Братом, вторгшимся в частную жизнь»⁴⁷³. Как же американцу спастись от полчищ шпионов, вооруженных электронной аппаратурой, постоянно вторгающейся в его личную жизнь? Рядовой американец, понятно, бессилён. Но каковы шансы видного деятеля, скажем, депутата конгресса?

5

Б. Абцуг была хорошо известна в палате представителей. Она, опытный юрист, была разъярена до крайности: время слушаний в начале 1975 года о деятельности ЦРУ выяснилось, что на нее заведено объемистое досье. Как депутат палаты представителей, она буквально вцепилась в тогдашнего директора ЦРУ У. Колби. Американская газета описала стычку так: «Депутат Абцуг вышла из себя, когда директор ЦРУ У. Колби признал, что ЦРУ вело досье на нее более 20 лет, собрав в том числе письма, которые она писала (еще до

⁴⁷³ «U. S. News and World Report», November 15, 1982, p. 70.

избрания в конгресс), как адвокат, своим клиентам. Она, воинственная женщина, выступавшая против войны во Вьетнаме, отчитала мистера Колби, нервно постукивавшего пальцами по столу. На предельной силе легких г-жа Абцуг бросила: „Давайте объяснимся. Вскрытие переписки юриста с клиентом противозаконно“. Колби согласился, что значительную часть материалов в досье Абцуг не следовало бы помещать туда. Больше того, он заявил, что не понимает, почему и как некоторые из материалов вообще попали в ее досье»⁴⁷⁴.

Надо думать, что, испытав на себе обеспечение прав человека в США, Б. Абцуг попыталась исправить положение в меру своих возможностей. С октября 1975 года по март 1976 года она в официальном качестве председателя комитета по индивидуальным правам палаты представителей провела слушания по больному для нее лично вопросу «О перехвате переписки федеральными разведывательными органами». Правительственная типография в Вашингтоне издала надлежащий том слушаний, около 350 страниц убористой печати. Из него видно: сколько ни старалась Абцуг, пытаюсь выяснить, почему и как перехватывают переписку американцев, заметных результатов она не добилась. Оно и понятно: в ходе слушаний Абцуг попыталась было замахнуться на Агентство национальной безопасности. Вызванные свидетели отказались давать показания, представить просимые документы и даже учредили собственную процедуру – не фо-

⁴⁷⁴ «The Blade», March 9, 1975.

тографировать их в зале. Абцуг констатировала, что все пять свидетелей, которых вызвали под угрозой судебного преследования – три агента ФБР, сотрудник АНБ, бывший сотрудник ФБР, – отказались свидетельствовать, ссылаясь на иммунитет исполнительной власти. Собравшись немедленно после слушаний, подкомитет проголосовал рекомендовать комитету в целом привлечь этих пятерых к ответственности за неуважение конгресса.

Угроза серьезная по американским законам, но, конечно, оставшаяся только словами. Великолепная пятерка отделалась легким испугом. Вероятно, Абцуг начала терпеть – речь шла о серьезных делах: как уже известно, ежемесячно 150 тысяч телеграмм и радиogramм, отправлявшихся в США или из страны, передавались в АНБ для «анализа». Энергичная женщина подсчитала – примерно 1 из 12. И что особенно возмутило ее, частные компании, которым миллионы американцев вверяли свою переписку, без звука более 30 лет раскрывали ее по первому требованию американских органов политического сыска. Подкомитет рванулся было допросить руководителей компаний, но натолкнулся на отказ их директоров, также сославшихся на «иммунитет исполнительной власти»! Ссылки по американским законам, абсолютно несостоятельные – речь шла о частных, негосударственных организациях.

Тогда в подкомитет вызвали председателя федеральной комиссии по связи Р. Уили. Кроме бессмысленных рассуж-

дений о том, что перлюстрация была введена в высших интересах национальной безопасности, от него ничего не добились. Доведенная до крайности, Абцуг заключила: «Вы произвольно утверждаете, что перехват частной переписки частных граждан в нарушение конституции законов – дело „национальной безопасности“ Такого рода аргументация уже заставила президента США уйти в отставку, чтобы избежать импичмента. Не являйтесь сюда с утверждениями о „национальной безопасности“ по делам, которые касаются законов, за соблюдение которых вы несете ответственность». Уили в ответ энергично отругивался. В результате истина так и не воссияла.

Наконец последняя попытка, так сказать, зайти с тыла – подкомитет под водительством Абцуг подступил с колючими вопросами к руководителям исполинской корпорации «ИТТ уорлд комьюникейшн». С 1945 года корпорация предоставляла органам политического сыска любые документы, проходившие через ее радио-, телефонную и телеграфную сеть. Подкомитет так и не выяснил, почему руководство корпорации послушно склонилось перед этими требованиями и преступно злоупотребляло уверенной ей тайной переписки. Не считая, разумеется, избитых разглагольствований о «национальной безопасности». «Но хватит о прошлом, – резко заявила Абцуг, обратившись к президенту корпорации Д. Нэппу, – сегодня, в 1976 году, я спрашиваю, потребуете ли вы законного обоснования, если к вам снова обратятся с прось-

бой передавать (органам политического сыска) корреспонденцию миллионов отправителей, которые доверили ее вам как передаточной инстанции, на что вы не обращали внимания руководствуясь возмутительной посылкой – вы-де не знаете, могут ли миллионы этих телеграмм затронуть национальную безопасность. Все эти люди беззащитны перед вами, ибо вы раскрываете тайну их переписки, что никоим образом нельзя делать... Итак, я спрашиваю вас: как вы поступите ныне, если к вам снова обратятся с аналогичным предложением?

Нэпп: Я бы встал перед очень трудной проблемой. Прошу конгресс помочь мне, дав разъяснение по сути законов, касающихся тайны переписки».

Абцуг напомнила ему о конституции и прочем. Президент согласился, что соответствующие законы существуют и органы политического сыска больше не нарушают тайну переписки. АНБ-де заявило, что положило конец операции «Шамрок» – зашифрованное название перлюстрации частных почтовых и телеграфных отправок. Абцуг прервала говорившего г-на Нэппа:

«Вот что, забудьте об этом. Завтра они могут послать подальше заявление об операции „Шамрок“... Я займусь вашим просвещением. ЦРУ перед этим комитетом свидетельствовало, что не вскрывало писем. Затем выяснилось, что ЦРУ продолжало заниматься этим. ФБР перед другими комитетами конгресса доказывало, что положило конец неко-

торым своим операциям – слежке в армии и т. д. Затем выплыло, что ФБР продолжает эту слежку. Поймите, мы пытаемся изменить все это, но они действуют по-прежнему. Поэтому не ссылайтесь на заявление об операции „Шамрок“... Итак, что вы сделаете, если они опять явятся к вам и скажут – мы возобновили свою деятельность, давайте нам информацию? Что тогда?»

Несколько последующих страниц отчета о слушаниях в подкомитете заняли бессмысленные рассуждения Нэппа. Абцуг подвела итог: «Я так и не могла заставить вас дать разумное объяснение, и пусть весь ваш бред пойдет в стенограмму.

Нэпп: Но в военное время любое сообщение может содержать то, что является тайной...

Абцуг: Мы говорим не о войне. В последние тридцать лет в США произошло ограничение демократических прав тех, кто является клиентами вашей корпорации. Это не война в принятом смысле. Это война против конституции и прав человека в США. Вот такая это война!»⁴⁷⁵.

С тех пор прошли считанные годы. Б. Абцуг уже не конгрессмен, прокатили при попытке переизбраться в сенат и Ф. Черча. Как тут не вспомнить слова Джона Кеннеди, который вскоре после въезда в Белый дом доверительно говорил

⁴⁷⁵ Intersection of Nonverbal communications by federal intelligence agencies. Hearings before a subcommittee of the committee on government operations. House of Representatives Washington 1976, pp. 96, 158, 317 – 321.

проф. Дж. Гелбрейту: «Одно из редких и приятных удовольствий моего поста – чтение документов ФБР о назначаемых мною на государственные посты. Ты не можешь представить себе, сколько грязи собрано о самых святых людях. Ни один человек не рискнул бы податься на государственную службу, если бы знал, что кто-то другой будет читать все это о нем»⁴⁷⁶.

Иные в сенате просто гордятся своей прямой причастностью к делам политического сыска. За что и получают хвалебную аттестацию от ЦРУ. Вот ведь какие прекрасные люди заседают в сенате, расчувствовался директор ЦРУ Тернер перед корреспондентами журнала «Ньюсуик»: «Вчера я зашел к одному сенатору просто с визитом вежливости. Мы что-то обсуждали, и неожиданно он сказал мне: „Лучше пишите“. Он прекрасно понимает необходимость сохранения секретности. Его кабинет некоторое время не проверяли на подслушивающие устройства, и, когда я обмолвился о секретных делах, мы стали обмениваться записками, сидя вдвоем... Одно из преимуществ контроля конгресса ныне в том, что его члены начинают понимать значение разведки, они осознают, какая на них лежит Ответственность»⁴⁷⁷. Оставляя в стороне то, что привлекло бы сатирика, нельзя не видеть: директор ЦРУ и сенатор – соучастники грязных дел. Только осенью 1983 года вскрылось: ФБР по требованию Бе-

⁴⁷⁶ J. Gallbraith. Ambassador's Diary. Boston 1969, p. 32.

⁴⁷⁷ «Newsweek», February 6, 1978, p. 18.

лого дома и государственного департамента вело многие годы слежку за Т. Уоллесом, вице-президентом США при Ф. Рузвельте, министром торговли при Г. Трумэне. Заподозрив неладное, Г. Уоллес в речи в 1947 году обвинил ФБР в том, что оно «ведет кампанию террора против либеральных государственных служащих». Тогда ФБР отреагировало: «Мистер Гувер заявил, что он не намеревается удостоить Уоллеса ответом». Теперь, спустя 18 лет после смерти Г. Уоллеса, в распоряжении его биографа 539 страниц архивных документов, доказывающих это. Биограф Р. Киркленд все равно горько жалуется на то, что «многие из этих документов подверглись жесткой цензуре»⁴⁷⁸. Время от времени выплывают отрывочные данные о «подвигах» американского политического сыска. Высветилось – ученый Альберт Эйнштейн был объектом многолетней слежки со стороны ФБР и военной контрразведки. Досье ФБР на Эйнштейна, ведшееся до его смерти в 1955 году, достигло почти 2000 страниц. Выяснилось – более половины жизни до самой кончины писатель Эрнест Хемингуэй был под «колпаком» ФБР. Биограф писателя Дж. Мейрс заявил весной 1983 года: «ФБР не нравился Хемингуэй... Хемингуэй был очень крупным деятелем, который мог бы обрушиться на ФБР. Поэтому ведомство его боялось его»⁴⁷⁹ и действовало в строгой тайне. Прояснилось – 1972 году эстрадный певец Джон Леннон (убитый в 1980

⁴⁷⁸ «The New York Times», September 6, 1983.

⁴⁷⁹ «The Washington Post», March 13, 1983.

году) едва не стал жертвой интриг ФБР. Опасаясь его деятельности и высказываний в пользу мира, в ФБР готовили операцию – арестовать певца по обвинению в том, что он увлекался наркотиками, и с позором выслать из США. Интрига провалилась, Леннон не поддался на провокации ⁴⁸⁰.

Итак, никто в США начиная от высших должностных лиц, крупнейших ученых и писателей не застрахован от эксцессов политического сыска.

* * *

Руководители политического сыска в США не скрывают, что они защищают. Отправляясь от известной американской доктрины – США-де наследник античного Рима, заместитель директора ФБР Э. Миллер в 1974 году сказал: «Рим простоял 600 лет, мы приблизились к своему 200-летию. Это не означает, что у нас осталось 400 лет. Мы должны остановиться и подумать о собственной защите. Какое инакомыслие и какие революционные речи мы можем терпеть в здоровой стране? Революции начинаются с незначительного... Ныне экономическое положение скверное, доверие к правительству пало низко. Наши революционеры за этим пристально следят. Поэтому ФБР должно сосредоточить внимание на всем этом... Мы должны четко представлять, в какой

⁴⁸⁰ «The Washington Times», March 23, 1983.

стадии находится революционный процесс»⁴⁸¹.

Мы видели, как Миллер выполнял эту задачу, за что был осужден даже американским судом, но прощен президентом Р. Рейганом.

Директор ЦРУ мультимиллионер У. Кейси в сентябре 1983 года объяснял: «Жизнь пронизана политикой больше чем когда бы то ни было. Мир куда сильнее взаимосвязан и куда более опасен... Пришло время остановить сползание по скользкой дороге к коллективизму» (так именуют иногда в США социализм. – **Н. Я.**)⁴⁸².

Предельно четкие формулировки философии охранителей господ капиталистов! Нет таких преступлений против мира и человечества, на которые не пойдут ЦРУ, ФБР и К^о ради интересов денежного мешка.

⁴⁸¹ S. Ungar, Boston, 1975, p. 119.

⁴⁸² Y. Conaway. Spy Master: The File on Bill Casey, «The Washington Post», September 7, 1983.